ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Г. П. ПИЛИПЕНКО

ЯЗЫКОВАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ ВОЕВОДИНСКИХ ВЕНГРОВ

ВЗГЛЯД «ИЗНУТРИ» И «ИЗВНЕ»

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 81-112.4
ББК 81.2-03
П324

Экспедиции проведены при поддержке совместного проекта Института славяноведения Российской академии наук (РАН) и Института балканистики Сербской академии наук и искусств (САНИ) «Язык и культура национальных меньшинств на Балканах», а также при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00592 «Актуальные этнокультурные и этноязыковые проблемы современности: языковая ситуация — языковой менеджмент — языковая политика».

Рецензенты:

Н. Н. Колпакова, к.ф.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета;
М. Ю. Котова, д.ф.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета;
Д. Ю. Ващенко, к.ф.н., с.н.с. Института славяноведения РАН

Ответственный редактор:

А. А. Плотникова, д.ф.н., гл.н.с. Института славяноведения РАН

Редактор:

д.и.н. *С. И. Данченко*

Пилипенко Г. П.

П324 Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри» и «извне» / Г. П. Пилипенко. — М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2017. — 336 с.

ISBN 978-5-4469-1199-8

В книге представлены результаты полевой работы, проводившейся автором среди венгров в Воеводине (Сербия) с 2012 по 2015 г. Описывается функционирование венгерского и сербского языков изучаемого сообщества с социолингвистической точки зрения, затрагиваются вопросы идентичности. Подробно рассматриваются речевые стратегии билингвальных информантов. В книге анализируются нарративы, посвященные биографии информантов, истории мест их проживания, социально-экономическим явлениям, языковой компетенции, этнической истории региона, а также сохранению и трансформации культурной традиции.

Исследование будет интересно лингвистам, историкам, этнологам, антропологам.

УДК 81-112.4
ББК 81.2-03

В оформлении обложки использованы фото:
Венгерский дом-музей. Скореновац. Фото Б. Сикимич
Уличный указатель. Адорьян. Фото Б. Сикимич
Марадик — венгерское село в области Срем. Фото Г. П. Пилипенко
Зренянин, памятник Шандору Петёфи. Фото Г. П. Пилипенко
Адорьян. Улица Шандора Петёфи. Фото Б. Сикимич

ISBN 978-5-4469-1199-8

© Пилипенко Г. П., 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Содержание

Введение 4
1. Этнодемографическая характеристика Воеводины — исторический обзор и современное состояние. 16
2. Теоретические и методологические основы исследования 36
3. Изучение языка и культурно-языковой ситуации воеводинских венгров. 48
4. Двуязычное пространство в прошлом и настоящем 51
5. Ментальная карта двуязычного пространства. 75
6. Восприятие венгерской и сербской речи информантами 103
7. Распределение языков по сферам общения 121
8. Внутрисемейное общение — стратегии сохранения и утраты языковых и культурных маркеров 130
9. Выбор культурной и религиозной идентичности в смешанных семьях 145
10. Способ приобретения второго языка 151
11. Сербский и венгерский языки в контакте. 181
12. Некоторые особенности венгерского языка воеводинских венгров. . . . 198
13. Сербский язык воеводинских венгров 255
14. Миграция населения 268
15. Особенности этнокультурной традиции воеводинских венгров. 295
Заключение 316
Литература 321

Введение

Настоящее исследование явилось результатом совместного проекта Института славяноведения Российской академии наук (РАН) и Института балканистики Сербской академии наук и искусств (САНИ) «*Язык и культура национальных меньшинств на Балканах*»[1]; работа проводилась также в рамках проекта РГНФ № 14-04-00592 «Актуальные этнокультурные и этноязыковые проблемы современности: языковая ситуация — языковой менеджмент — языковая политика». В период с 2012 по 2014 г. был проведен ряд полевых исследований в автономном крае Воеводина (Сербия). Акцент был сделан на изучении лингвистических и этнокультурных особенностей венгерского меньшинства. Полевая работа велась в разных населенных пунктах Воеводины. В 2012 г. исследователи (Б. Сикимич и Г. П. Пилипенко) посетили населенные пункты Южного Баната Скореновац и Войловицу, административно относящуюся к городу Панчево, а также Иваново, где, однако, общения с информантами не было. В 2013 г. Г. П. Пилипенко работал в столице автономного края г. Нови-Сад (Южная Бачка). На следующий год работа проводилась в северной части Бачки — в Потисье: Г. П. Пилипенко проводил исследование в г. Ада, а также в Адорьяне (совместно с Б. Сикимич).

Интерес к исследованию воеводинских венгров возник задолго до реализации данного научного проекта. В сфере внимания исследователя входила зона славянско-венгерских языковых контактов;

[1] Руководители: с сербской стороны — др. Б. Сикимич, с российской стороны — д-р филол. наук Г. П. Нещименко.

работа проводилась среди венгерских меньшинств, проживающих в славянских странах. В рамках этой стратегии была организована полевая работа в других (помимо Воеводины) местах славянско-венгерского языкового и культурного взаимодействия. Была предпринята целая серия экспедиций в регион Прекмурье (Словения) с целью изучения идентичности, культурного и языкового своеобразия края, в котором венгры составляют значительный процент населения. Так, в 2010 г. было организовано посещение Лендавы (основная и средняя двуязычные школы), в 2012 г. удалось посетить Добровник, в 2013 г. — Лендаву, Долгу Вас, Ходош, в 2014 г. — вновь Добровник, Радможанци, Гентеровци, Камовци[2]. В центре внимания оказался еще один регион славянско-венгерских контактов: в 2011 и 2012 гг. удалось посетить Закарпатскую область (Украина), в которой проводилась работа в следующих населенных пунктах: Берегово, Чоп, Вилок, Ужгород, Тячев, Солотвино, Петерфалва, Косонь, Батево[3].

Первоначально внимание было обращено исключительно к социолингвистической стороне исследования. Полевая работа в Воеводине в 2009 г., в Лендаве в 2010 г. и в Закарпатье в 2011 г. проводилась как классическое количественное исследование. Объектом изучения были учащиеся образовательных учреждений с венгерским языком обучения — представители молодого поколения венгерского меньшинства в Сербии, Словении и на Украине (возраст информантов колебался от 15 до 24 лет). Были обследованы как средние школы, так и высшие учебные заведения, где ведется преподавание на венгерском языке. Интерес был направлен на изучение переменных, влияющих на использование языков в полиязычном социуме, а также на структурные особенности сербской, словенской, украинской и русской речи информантов — венгров по происхождению. С помощью анкеты-вопросника были собраны данные по функционированию языков в упомянутых регионах, которые затем были обработаны в программе Excel, а результаты представлены в виде таблиц и графиков. Для получения достоверных данных по каждому из регионов было решено охватить как можно большее количество информантов, поэтому

[2] Результаты исследования в Прекмурье подробно отражены в публикациях [Pilipenko 2011, Пилипенко 2012б, Пилипенко 2014а, Pilipenko 2015].

[3] Более подробно о результатах экспедиций в Закарпатье см. следующие публикации [Пилипенко 2013а, Пилипенко 2014б, Pilipenko 2014, Пилипенко 2015в, Пилипенко 2015д].

важным оказалось число участников (в Воеводине было опрошено 344 информанта, в Закарпатье — 351, в Прекмурье — 95). Репрезентативность обследуемой группы является одним из важных условий проведения количественного социолингвистического исследования. Тем не менее при проведении данной полевой работы мы не ограничивались вопросами закрытого типа, предполагающими лишь ответы «да» или «нет». Большинство вопросов анкеты были открытыми, где необходимо было дать развернутые ответы. Кроме того, важной частью работы было получение корпуса письменных и устных текстов на славянских языках, являющихся для большинства информантов неродными. Информантам предоставлялась свобода в выборе темы нарративов, а затем из всего корпуса текстов выделялись отклонения от нормы данных языков, так называемые диагностические ошибки, обусловленные влиянием венгерского языка. Уже в то время своеобразие этих письменных и устных нарративов участников-венгров обращало на себя внимание, поскольку выбранные темы и сам дискурс самоценны и раскрывают языковую ситуацию с точки зрения конкретного индивида. В частности, затрагивались темы, исследование которых не было запланировано, тем не менее они существенно влияют на понимание языковой мозаики изучаемых регионов. Например, такой темой оказалась конфликтология — восприятие конфликтных ситуаций (на языковом, социальном уровне) между представителями венгерского меньшинства и славянскими народами.

Серия экспедиций, предпринятых после завершения описанного выше цикла исследований, была основана на иных методологических принципах. Работа проводилась в русле школы антропологической лингвистики[4], сложившейся в Институте балканистики САНИ в Белграде[5], а также при использовании наших собственных наработок, опробованных в других контактных славянско-неславянских зонах (в частности, эти наработки были использованы при изучении словенцев, проживающих в Италии в провинции Триест, а также словенцев, проживающих на территории Австрии в федеральной земле

[4] О возросшем внимании лингвистов к рассмотрению языковых ситуаций в русле антропологической лингвистики и — шире — в парадигме качественного исследования см. [Petrović 2009, 23-24; Ilić 2014, 45; Navidinia 2010, 146].

[5] Группа исследователей Института балканистики САНИ под руководством Б. Сикимич плодотворно работает в области антропологической лингвистики, проводит полевые исследования в Сербии и в сопредельных странах [Сикимич 2014].

Каринтия)[6]. Акцент был сделан на качественно ориентированном исследовании (англ. *quantitative research*) вместо применяемого ранее количественно ориентированного подхода (англ. *qualitative research*). Прежде всего было решено отказаться от метода письменного анкетирования и использовать метод полуструктурированного устного интервью. Информанту предоставляется свобода в формулировании высказываний и, в некоторой степени, в логике формирования повествовательной последовательности. Тем не менее основной ход беседы поддерживался при помощи вопросников, специально разработанных для данного проекта. Затем было отменено ограничение по возрасту. Если ранее среди информантов преобладали представители молодого поколения, то теперь среди них встречаются все возрастные группы. Поскольку мы собираем также этнографический и фольклорный материал (о чем подробнее будет сказано ниже), можно заметить преобладание представителей старшего поколения, лучше сохраняющего народную традицию; работа со старшим поколением также позволяет обозреть языковую и социокультурную действительность в более длительной временной перспективе. В орбиту нашего исследования включены были также представители среднего и младшего поколений (некоторые из них также являются носителями традиционной культуры, правда, в трансформированном виде).

Если в предыдущих наших экспедициях количество информантов исчислялось сотнями, то в исследованиях этого типа просто невозможно охватить столько собеседников. Количественные исследования проводились следующим образом: анкеты раздавались участникам на уроках в учебных заведениях, таким образом, за короткий промежуток времени можно было получить достаточное количество опросных листов, тогда как «устная часть» исследования — запись речи на диктофон — проходила по измененной схеме: отбирались те добровольцы, которым было интересно принять участие во второй части научного проекта. В экспедициях, послуживших основой для данной книги, максимальное число участников за один экспедиционный период было около 20–25 человек, минимальное — 10–12.

Несомненно, возникает вопрос о репрезентативности данных: насколько точно в таком случае отображается реальное состояние

[6] О словенцах в Триесте см. работу [Пилипенко 2015].

традиции? Все интервью с информантами проходят по принципу добровольного участия (в учебных заведениях заполнение анкет осуществляется директивно, поскольку инициатива идет от преподавателя, ослушаться которого в данном случае невозможно). Мы полагаем, что все высказывания, содержащие культурологическую, лингвистическую и историческую информацию, хотя и проходят субъективную селекцию и трансформацию, все же отражают некий обобщенный социальный и культурный опыт индивида, что верифицируется нарративами схожей тематики других информантов. Любое высказывание рождается в общественном контексте, оно неотделимо от опыта индивида, который актуализируется во взаимодействии с другими участниками социума. Однако и опыт каждого человека уникален и не сводим к определенным схемам. С. Чмейркова пишет следующее о двух аспектах (субъективном и объективном) нарративных интервью: «... рассказ, письменный или же устный, дает нам информацию не только об объективном состоянии вещей, но и о субъективном восприятии вещей. Мало того, он предоставляет информацию ... рассказ совершенно непроизвольно информирует о себе самом, о способе, каким он выстроен, о языке, с помощью которого он формулируется» [Чмейркова 2006, 9].

С другой стороны, репрезентативность собранного материала исследователи, применяющие корпусно-ориентированный подход в изучении лингвистических феноменов, определяют по количеству слов. Что касается собранного нами корпуса, то в первый год реализации проекта в Скореновце и Войловице корпус расшифрованных текстов составляет 29299 слов. Во второй год в г. Нови-Сад расшифрованный корпус составляет 51158 слов, в третий год работы над проектом в Аде и Адорьяне расшифрованный корпус составил 41383 слова. Если говорить о продолжительности аудиозаписей, то в первый год было записано 8 часов 32 минуты интервью, во второй год — 12 часов 24 минуты, в третий год — 16 часов 4 минуты. Кроме того, необходимо прибавить также количество часов видеозаписей, сделанных в Аде, — всего около часа. Итого за весь срок реализации проекта собранный корпус расшифрованных текстов составил 121840 слов. Общее звучание аудиофайлов — 36 часов, длительность видеофайлов — 1 час. Помимо аудио- и видеоматериалов среди собранных нами данных — большое количество фотоснимков. При сопоставлении перечисленных выше данных с данными других количественных исследований

мы видим, что они абсолютно репрезентативны[7]. Следует принять во внимание также тот факт, что исследование, интервью и расшифровка записей проводились исследователем самостоятельно. Были полностью расшифрованы и каталогизированы в личном архиве автора все аудио- и видеозаписи — беседы с информантами. Аудиофайлы переданы на хранение в архив Института балканистики САНИ (*Digitalni arhiv balkanološkog instituta* — DABI). Последовательно расшифровывались все записи, включая высказывания, прямо не относящиеся к теме беседы, что позволило увидеть некоторые явления, скрытые от исследователя при обычном вычленении информации.

Подготовка к проведению экспедиций началась с составления вопросника. Предпринятая ранее серия количественных исследований выявила проблемы, которые предстояло изучить более подробно. При этом вопросник не был закрытого характера. Во время полевой работы постоянно возникали темы, предварительно не предусмотренные в вопроснике. На следующем этапе данная тема уже включалась в существующий вопросник. Перечислим круг тем, по которым велись беседы с информантами и для изучения которых нами был составлен вопросник: лингвистическая биография информанта, языковой репертуар, повседневное использование языков, изучение второго языка, обучение в школе, двуязычное образование, социализация (профессия) информанта, детство информанта (игры с детьми других национальностей), этнический и религиозный состав населенного пункта/части населенного пункта, социальная структура населенного пункта, миграции населения (колонисты/беженцы), институциональные формы организации общины (культурные общества, мероприятия, конкурсы, смотры), традиционные праздники, обряды (Рождество, Пасха, День св. Люции и др.), забой свиней (*disznótor*), выпечка хлеба, приготовление блюд традиционной кухни (колбасы, гуляш, вино, палинка), традиционные ремесла, характерные для конкретной общины/населенного пункта (рыбалка,

[7] Например, при исследовании буневцев в Воеводине объем корпуса составил 64000 слов [Sikimić 2013, 43]. Г. Хентшель говорит о том, что корпус на «трасянке» содержит 170000 словоформ [Хентшель 2015, 182]. Корпус русской речи в Эстонии состоит из более чем 200 000 слов [Zabrodskaja 2013, 79]. Корпус смешанной арабско-французской речи в Марокко содержит 41000 слов [Elizabeth 2015, 10]. Т. Петрович во время полевой работы среди сербов в Белой Краине записала 40 часов интервью [Petrović 2009, 24].

вышивка), сельскохозяйственные работы. Особый интерес представляла для нас метаязыковая рефлексия информантов. Как видно из перечня тем, они охватывают такие области, как (макро- и микро-) социолингвистическая ситуация, в меньшей степени — этнолингвистика. При изучении традиции нас интересовал не только «статический компонент», но и динамика конкретной традиции, а также ее региональные разновидности.

Во время интервью с информантами была избрана стратегия «приспособления»: исследователь варьировал набор тем в зависимости от профиля информанта. Вначале следовало несколько вопросов, с помощью которых выяснялось, имеет ли смысл продолжать беседу с информантом на данную тему, либо нужно изменить ход беседы. В результате был собран полифункциональный материал, который может служить для изучения диалектологии, двуязычия, этнографии, а также социальной структуры обследованных сообществ. Именно комплексный подход был выбран в качестве основного при проведении данных экспедиций, поскольку современные научные исследования многоаспектны и многопрофильны, они определяют вектор современной гуманитарной науки.

Необходимо отметить, что исследование проводилось на двух языках. Там, где это было уместно (например, в г. Нови-Сад), вопросы чередовались: на венгерском и на сербском языках. Данная стратегия была оправдана именно в тех районах, где венгры проживают в меньшинстве. Например, нескольким информантам было проще общаться на сербском языке, чем на венгерском, поэтому в качестве языка интервью выбирался сербский. В данном случае нас интересовала практика *утраты языка*, которая широко распространена в сообществах с ускоренной ассимиляцией (например, у сербов в Белой Краине [Petrović 2009, 91]). Кроме того, фрагменты интервью на сербском языке призваны были выполнить важную задачу: зафиксировать речь венгров на сербском языке. Используя опыт анализа второязычной речи учащихся, следовало на новом материале и на более разнообразной социальной основе (больший возрастной и профессиональный диапазон информантов) проследить реализацию сербской языковой системы у венгров. Проблема владения официальным языком среди венгров чрезвычайно актуальна в Воеводине. Как показали наши исследования, она не менее актуальна и в других регионах славянско-венгерских языковых контактов (например, в Закарпатье

[Пилипенко 2014б, 252–253], а также в ситуации румынско-венгерских языковых контактов [Kiss 2011]). С учетом двуязычного характера обследуемого региона вопросники изначально составлялись на двух языках: на венгерском и на сербском. Следует отметить, что ни венгерский, ни сербский язык не являются родными для исследователя, он не принадлежит по происхождению к тому типу культуры, к региону, который он изучает. Таким образом, взгляд на языковую и этнокультурную ситуацию воеводинских венгров, представленный в данной книге, это взгляд со стороны, «извне», взгляд человека, для которого реализуемые в нарративах социальные и культурные практики являются эмпирически новыми, ранее не наблюдаемыми в жизни, встречающимися лишь в специальной литературе по данной проблематике[8]. С другой стороны, автор фиксирует нарративы венгров о самих себе, передает взгляд «изнутри» участников этнокультурной ситуации. Эта двойственность и отражена в названии книги.

Одним из основных условий участия в интервью была анонимность информантов. От собеседников — в соответствии с принятой среди сотрудников Института балканистики САНИ практикой проведения интервью — каждый раз было получено согласие для записи на диктофон. Конфиденциальность частных данных, сообщенных информантами во время интервью, была гарантирована. В нарративах, приводимых ниже, все элементы, которые могут указывать на частные данные информантов, были либо заменены на нейтральные, либо пропущены. Главным принципом является недопустимость распространения частной информации, что могло бы причинить вред социальному положению информантов[9]. В этой связи интересен случай,

[8] О позиции исследователя, изучающего культуру и язык «извне», пишет Т. В. Цивьян: «При всей опасности внешней трактовки явлений вообще и не родного языка особенно, она заключает в себе и преимущества — чужое зеркало выхватывает те черты, которые свой глаз привычно не замечает. В этом случае столкновение разных взглядов, несогласие или даже конфликт могут оказаться перспективными и привести к плодотворному компромиссу» [Цивьян 2008, 149].

[9] Принципа анонимности информантов придерживаются многие исследователи. Так, например, М. Прелич пишет об особенностях работы в малых общинах: указание только на один конкретный факт может выдать собеседника, поскольку все члены общины знакомы друг с другом [Prelić 2009, 48]. П. Лайхонен также придерживается подобной стратегии: исследователь ответственен перед людьми, которых он изучает, поэтому в своих статьях он делает все, чтобы скрыть идентичность информантов [Laihonen 2005, 25].

произошедший в одном из банатских сел. Согласие на интервью не было получено, поскольку исследователи, ранее бравшие интервью, выложили его затем в открытый доступ в сети Интернет, что было отрицательно воспринято членами общины. Негативный опыт общения с подобными исследователями закрывает дорогу другим ученым, по сути, разрушает уровень доверия к полевой работе у местных жителей. Во всех случаях удалось преодолеть так называемый «эффект микрофона», собеседники не чувствовали себя стесненными, задача исследователя была максимально раскрепостить их, заставив забыть, насколько это возможно, про сам факт интервью. В отличие от работ по исследованию фольклорной традиции, диалектов, мы не приводим списка информантов[10], в котором обычно указываются имя и фамилия информанта, год рождения, образование, место проживания.

Основным объектом данного исследования является речь воеводинских венгров. Тем не менее, поскольку мы стремились сделать исследование комплексным, среди информантов были также представители других народов, совместно проживающих с венграми на одной территории. Так, среди информантов оказались сербы (Нови-Сад, Ада), украинцы (Нови-Сад), потомки банатских болгар (Скореновац), а также цыгане (Адорьян). При всестороннем изучении лингвистической и культурной ситуации необходимо принимать во внимание точку зрения соседствующих этносов. Только в этом случае картина получается полной. Кроме того, что в исследовании приняли участие представители упомянутых этносов, по ходу самого интервью с венграми выяснялось, что у многих в роду (одно-два поколения назад) были представители других народов, населяющих Воеводину: буневцы, сремские хорваты, чехи, сербы из Боснии, украинцы из Боснии и т. д. Этот факт характеризует мультикультурную среду и демонстрирует, насколько многонациональным является изучаемое сообщество, а также то, как происходило и происходит смешение народов в данном крае, в каком направлении развивается ассимиляция. Большинство из информантов невенгров полиязычны (сербско-венгерский, украинско-сербский билингвизм, сербско-румынско-венгерское многоязычие у баняшей в Адорьяне), что было

[10] Примеры подобных списков можно видеть в работах [Плотникова 2016, 271–276; Ясинская 2014, 198; Валенцова 2014, 222; Ващенко 2014, 305].

еще одним поводом для общения с ними. Что касается сербов, среди них преобладали «старожилы», т. е. те, чьи семьи проживали на этой территории по крайней мере до начала Первой мировой войны. Свидетельства о колонистах, переселенцах из внутренних районов Югославии после Первой и Второй мировых войн, были собраны по рассказам венгров и сербов-старожилов.

Что касается самих венгров, то мы включили в исследование как тех информантов, кто не ставит под сомнение собственную венгерскую идентичность, так и информантов, находящихся в процессе утраты венгерского языка (соответственно, информанты из гомогенных венгерских семей и из этнически смешанных семей). Включение последних в орбиту исследования позволяет проследить социальные и языковые механизмы, обусловливающие сосуществование нескольких идентичностей, а также влияющих на замену одной идентичности на другую. Известно, что при исследовании фольклорных традиций внимание уделяется в основном тем представителям, которые четко соотносят себя лишь с одной традицией, между тем как в реальной ситуации все гораздо сложнее. Мы встречались со случаями «бикультурности», т. е. когда носитель одновременно является носителем двух традиций. При этом речь идет не столько о заимствовании одной традиции представителями другой этнической группы[11], сколько о сосуществовании двух традиций в рамках микро- и макросообществ.

Среди информантов были представители совершенно разных социальных слоев общества, люди разных профессий. Из области образования это воспитатели, учителя, преподаватели (детский сад, школа, высшая школа), из сферы здравоохранения — врачи, медсестры. Проводилась также работа со священнослужителями, фермерами, частными предпринимателями, домохозяйками, работниками СМИ. Информантами старшего поколения были пенсионеры, среди младшего — студенты, школьники. Всего в исследовании приняли участие более 50 информантов. Общая продолжительность одного интервью составляет от получаса до 3 часов максимум. Возраст информантов — от 15 до 90 лет.

[11] Например, о заимствованиях из румынской традиции среди старообрядцев дельты Дуная пишет А. А. Плотникова [Плотникова 2016, 108]. Автор приходит к выводу, что в свадебной и родинной обрядности заимствования в русской традиции закрепляются быстрее в силу появления смешанных браков [Там же, 109].

Необходимо отметить, что в гуманитарных дисциплинах, объектом изучения которых являются национальные меньшинства, существуют такие понятия как «скрытое меньшинство» и «двойное меньшинство». Б. Сикимич отмечает, что термин «скрытые меньшинства» относится к небольшим этническим группам, у которых нет институциональной поддержки, и они не признаны государством, в котором проживают [Сикимић 2004а, 7]. О двойных меньшинствах пишет А. Джурич-Милованович, когда рассматривает румын-неопротестантов в Воеводине. Двойное меньшинство, таким образом, представляет собой меньшинство в меньшинстве, поскольку румын-неопротестантов гораздо меньше, чем румын-православных [Ђурић-Миловановић 2015, 56]. С этой точки зрения в настоящем исследовании нет таких групп, которые бы относились к «скрытым меньшинствам». Однако в сфере нашего внимания оказались группы двойных или даже тройных меньшинств. Так, венгры-секеи из Буковины, проживающие в Южном Банате, противопоставлены основной массе венгров — выходцам с территории собственно Венгрии. Но и внутри секеев существует деление по религиозному признаку на католиков и реформатов.

Таким образом, населенные пункты для обследования выбирались так, чтобы можно было охватить типичные случаи этнокультурного бытия воеводинских венгров. Были обследованы ситуации «островного» проживания венгров в Южном Банате (Скореновац, Войловица), районы компактного проживания венгров в Северной Бачке (Ада, Адорьян), населенные пункты, в которых венгры представлены в меньшинстве в этническом составе населения (Нови-Сад, в частности — район Телеп). Также нами учитывался фактор конфессиональной принадлежности: среди информантов были венгры-реформаты (жители Войловицы, некоторые жители Нови-Сада, а также информант, родом из реформатского села в Хорватии) и венгры-католики. Информантами были выходцы как из урбанной, так и из руральной среды. Учитываются нами и случаи смешанных браков, так называемой «двойной идентичности», поскольку оставлять без рассмотрения эту группу невозможно из-за происходящих и все более усиливающихся в изучаемом регионе процессов этнокультурного взаимодействия. Поскольку Воеводина — многонациональный регион, невозможно изучать венгеров без обращения к проживающим совместно с ними народам, поэтому в качестве информантов

были выбраны сербы-автохтоны из Северной Бачки, а также из Нови-Сада. Оказалось, что соблюсти «пуристический принцип» при выборе информантов не так просто, поскольку у многих хотя бы по одной из линий находились родственники — представители других народов, населяющих Воеводину (болгары, словаки, чехи, украинцы и т. д.).

За помощь в проведении исследований и ценные советы выражаю благодарность др. Биляне Сикимич (Институт балканистики САНИ). Организовать полевую работу помогли сотрудники администрации сел Скореновац, Адорьян, города Ады, сотрудники культурного общества «*Шандор Петефи*» в г. Нови-Сад, библиотеки «*Габор Сарваш*» в г. Ада, культурного общества «*Aranykapu*» в г. Ада, реформатской общины в Войловице (г. Панчево)[12]. Кроме того, выражаю огромную благодарность всем информантам. Благодарю рецензентов, коллег за советы при подготовке рукописи к печати.

[12] В книге спорадически привлекаются данные экспедиции в центральную часть Баната — в Зренянин, села Бело Блато и Михайлово, проведенной в 2015 г. Информантами выступили венгры, проживающие в населенных пунктах Бело Блато (венгры проживают совместно с болгарами, словаками и сербами), Михайлово (этнически гомогенное венгерское село) и в городе Зренянин, в частности, в его пригороде — Мужле (венгры в Зренянине составляют около 13% населения и концентрируются в основном в Мужле). Данные этой экспедиции включены в материалы лишь частично.

1. Этнодемографическая характеристика Воеводины — исторический обзор и современное состояние

1.1. Общая характеристика региона

Воеводина является автономным краем в составе Сербии. Площадь региона — 21506 км^2. По переписи 2011 г. население составляет 1931809 человек. Регион состоит из исторических областей Бачка (серб. *Bačka*, венг. *Bácska*), Банат (серб. *Banat*, венг. *Bánság*) и Срем (серб. *Srem*, *Srijem*, венг. *Szeremség*). Часть Срема входит сегодня в округ Белграда. Основные реки: Дунай, Тиса, Сава. Регион представляет собой равнину, является продолжением Паннонской низменности, самые заметные возвышенности — Фрушка гора в области Срем и возвышенность около города Вршац.

Население края отличается пестрым этническим и конфессиональным составом. Большинство населения региона — сербы (66,76 %), на втором месте по численности венгры (13 %), далее следуют словаки (2,6 %), хорваты (2,43 %), цыгане (2,19 %), румыны (1,32 %), черногорцы (1,15 %), русины (0,72 %), югославы (0,63 %), македонцы (0,54 %), украинцы (0,22 %) и др. В Воеводине статус официальных языков имеют сербский, венгерский, словацкий, хорватский, румынский и русинский языки. Национальным меньшинствам гарантированы все права и свободы, широко развита система образования на этих языках, выходит периодика, осуществляется трансляция теле- и радиопередач [Bašić, Crnjanski 2006, 148–164]. В конфессиональном отношении преобладают православные (70,25 %), затем следуют католики (17,43 %) и протестанты (3,31 %). Административно Воеводина разделена на 7 округов: Срем (центр — Сремска Митровица), Южный Банат (Панчево), Центральный Банат (Зренянин), Северный Банат (Кикинда), Южная Бачка (Нови-Сад), Западная Бачка

(Сомбор), Северная Бачка (Суботица). Столица края — город Нови-Сад. Каждый округ поделен на общины, всего в крае насчитывается 41 община и 6 городов. Границы округов не всегда совпадают с границами исторических областей: так, к Северобанатскому округу отнесены такие населенные пункты Бачки, как Канижа и Адорьян. Регион пользуется автономией в составе Республики Сербия, имеется собственный краевой парламент. По уровню социально-экономического развития и промышленному производству Воеводина занимает ведущее место в стране [Boarov 2006, 25–33], во времена СФРЮ регион также отличался высоким уровнем развития промышленности и сельского хозяйства.

1.2. Историческое развитие

Воеводина всегда являлась перекрестком культур. Южные славяне заселяют эту территорию с VII в. Венгерские племена появляются на этих землях в X–XI вв. В средние века область, известная сегодня под названием Воеводина, долгое время являлась пограничной: сначала Венгерского королевства с Болгарским царством, затем с Византией (при этом регион неоднократно переходил от одного государства к другому), с XII в. — с Сербией. О присутствии славян на этой территории свидетельствуют топонимы: *Versec*, *Kanyiza* [Шушарин 1997, 245], *Toplica*, *Moravica*, *Slankamen*, *Zemun* [Поповић 1959, 40]; а также упоминания славянских имен в венгерских документах: так, встречаются имена жупанов *Радован* и *Вид* в Бачке и Среме в документах XI в., а также имена чиновников Торонталской жупании XV в. *Владислав*, *Новак*, *Влатко* [Там же, 50, 74]. Сербские и венгерские ученые отмечают континуитет как сербов, так и венгров на этих территориях в эпоху средневековья [Ивић 1971, 43, 50, 58; Ács 1986, 49, 107]. Стоит заметить, что сербы расселялись далеко на север от современной границы края, по всему течению Дуная. Развитие отношений между соседними венгерским и сербским королевствами (можно вспомнить династические браки: дочь сербского жупана Уроша Илона была женой венгерского короля Белы II; сербский король Драгутин был женат на Каталине, дочери венгерского короля Иштвана V [Ács 1986, 107]) способствовало заселению этого края сербами, как знатного происхождения, которые получали здесь земли, так и простыми крестьянами. Таким образом, население уже в ту пору было смешанным

[Ивић 1971, 68], что должно было привести к зарождению венгерско-сербского двуязычия [Bárczi 1975, 78]. К. Сенде отмечает, что в эпоху средневековья для всех венгерских городов не было характерно одноязычие [Szende 2009, 206]. В то время в сербский язык проникают некоторые венгерские слова: *herceg* (*herceg* — герцог), *rusag* (*ország* — страна), *šarkan* (*sárkány* — дракон, змей), *Uroš* (*Урош* — имя собственное от венгерского *úr* 'господин') [Hadrovics 1985, 13].

Многочисленные миграции вызвала турецкая военная экспансия: венгерское население (вместе с некоторым количеством сербов и хорватов) переходит в северные области Венгрии. Сербы, бежавшие из занятых турками земель, получают возможность поселиться в этом крае для охраны венгерско-турецкой границы [Поповић 1959, 103–104; Benkő 1957, 84]. Именно на этих землях строится оборонительная линия короля Матиаша с замками Бач, Варад, Ковин, Илок. Венгерские документы середины XV в. фиксируют увеличение сербских топонимов и имен собственных в Воеводине. В основном эти переселенцы по происхождению были из центральной и южной Сербии [Ивић 1971, 65-67]. В период с середины XVI и до конца XVII вв. южные и центральные земли венгерского королевства (включая Буду, Пешт, Эгер, Эстергом) оказываются в составе Османской империи. На эти земли последовала новая волна переселения сербов, а вместе с ними греков, македонцев [Ács 1986: 134]. Так, если еще в 1522 г. г. Бач и его окрестности считались венгерскими: многочисленные венгерские фамилии крестьян, зафиксированные в переписи, подтверждают этот факт (*Ач, Борош, Надь, Сентмихай, Сабо, Ловаси* и т. д.), то в переписи турок, проведенной в 1550-х гг., встречаются только славянские имена (*Богдан, Вук, Новак, Радоша* и т. д.), что говорит об увеличении численности южных славян [Bárczi 1975, 194][1]. Районы Южной Бачки приобрели мусульманский характер, как по составу населения, так и по архитектуре [Hegyi 2011, 5]. В целом христианское население в тот период было малочисленным и распределено неравномерно [Janjetović 2005, 40]. Исследователи отмечают, что в турецкой армии самих турок было немного, в основном преобладали

[1] Такие же демографические изменения происходят и в других местах. Например, в Сенте, где еще в 1546 г. было венгерское большинство, в 1560 г. большинство населения составляли переселенцы с Балкан. В Мартоноше из 16 семей осталось только три венгерских. По всей видимости, вместе с сербами переселялось какое-то количество влахов [Hegyi 2011, 5].

славяне-мусульмане из Боснии, Сербии [Kakuk 1973, 534, Hegyi 2011, 4], поэтому турецкие слова могли проникать в венгерский язык через посредничество сербского языка: славяне произносили турецкие слова по-особому, что и отразилось на фонетическом облике турецких заимствований в венгерском языке: *erszény* (кошелек), *doboz* (коробка), *csizma* (сапог), *csárda* (корчма), *dohány* (табак), *bogrács* (котел), *betyár* (бетяр, разбойник). Называется общее количество слов османо-турецкого периода в венгерском языке: около 1000, в современном языке используется не более 20 [Kincses Nagy 2011, 58].

Сербский язык в это время становится своеобразным lingua franca в области среднего течения Дуная, во-первых, из-за численности сербов и широкой территории их расселения (эта область отмечается на австрийских и турецких картах как *Ráczország*[2] [Поповић 1959, 28]), во-вторых, из-за экономической специфики края: сербские торговцы занимались разведением скота, выращиванием овощей, табака [Там же, 234]. Турецко-австрийские войны, эпидемии, восстание Ракоци приводят к очередным массовым миграциям. Славяне-мусульмане уходят вместе с турками, эти земли практически пустеют.

В 1690 г. происходит переселение большого числа сербов с территории Османской империи на только что освобожденные австрийцами земли Воеводины. Сербское духовенство и солдаты получают привилегии, на этих землях начинает развиваться сербская культура нового времени. Помимо церковнославянского языка сербской редакции и сербского разговорного языка, получают распространение церковнославянский язык русской редакции и русский язык (связи с Россией проявляются также в том, что сербы отправляются на учебу в Россию, из России поступают учебники, приезжают учителя; в середине XVIII в. часть воеводинских сербов переселяется в Российскую империю). С течением времени вырабатывается язык гибридного типа — славяносербский язык, сочетающий в себе элементы перечисленных выше идиомов, чаще всего комбинируемых в произвольной форме [Попова 1986, 10–12; Гудков 1999, 74].

Кроме сербов австрийское правительство поощряло переселение на эти земли немцев из Германии (серб. *Švabi*, нем. *Donauschwaben*),

[2] В венгерских и австрийских источниках именем *Rácz*, производным от названия средневекового сербского государства (серб. *Рашка*, лат. *Rascia*), называли сербов [Радић, Милорадовић 2009, 153]

словаков, русин. Вена рассматривала венгров как не совсем благонадежных подданных, поэтому способствовала заселению края другими народами. Когда эти запреты были отменены, последовало несколько волн венгерской миграции. В 1750 г. заселяется Тополa, в 1751–1753 гг. — Суботица, Баймок, Чантавир, в 1782 г. — Чока, в 1784 г. — Итебей, в 1785 г. — Фекетич. Венгры-переселенцы происходили из разных мест, поэтому в разных населенных пунктах до сих пор сохраняются реликты исходных диалектов: в Сенте и Тополе — палоцкий диалект, задунайский — в Бездане, Куле и Дорослово, секейский — в Скореновце [Molnár Csikós 2003, 83]. Тем не менее исследователи отмечают, что установить регион переселения венгров во многих случаях невозможно [Csorba 2011, 19]. В XIX в. в регион также переселяются чехи, болгары, румыны. В Среме венгерские переселенцы появляются только со второй половины XIX в. [Janjetović 2005, 52]. Благодаря миграциям сложился поликультурный социум, в котором сформировались различные типы билингвизма. Каждый народ образовывает свои культурные общества, церковные общины, театры, библиотеки. В этот период в административном управлении доминирует немецкий язык. Немецкие заимствования быстро вытеснили многочисленные турецкие слова, которые еще оставались в сербском языке [Поповић 1959, 402]. В частности, в сербский язык проникают такие слова *špajz* (кладовка), *šporet* (кухонная плита), *cigla* (кирпич), *šunka* (ветчина), *tepih* (ковер) и т. д. До сих пор воеводинские диалекты сербского языка отличает больший вес немецких лексических элементов.

Постепенно отменяется особое военное положение этих земель, происходит интеграция в венгерскую часть монархии. Именно после отмены военного управления активизируется миграция венгров [Janjetović 2005, 51]. Венгерский язык занимает все больше места в школьных программах и в администрации. Политика мадьяризации предусматривала перевод образования и делопроизводства на венгерский язык. Поэтому в сербский язык (а также в другие языки народов Воеводины) проникают многочисленные мадьяризмы, в основном общественно-политическая и бытовая лексика: *nemeš* (дворянин), *eškut* (присяжный заседатель), *salaš* (хутор), *birov* (судья) [Hadrovics 1985, 37], *varmeđa* (область, жупания), *jobađ* (крепостной крестянин), *feišpan* (главный жупан), *lovas* (конюх), *sabov* (портной), *bekeš* (пальто на меху) [Čudić 2003, 188–192]. Таким образом, для

населения края на протяжении практически всех исторических эпох было характерно многоязычие, главными компонентами которого были немецкий и венгерский языки. При этом переселенцы, носители этих языков, происходили из разных диалектных зон. Воеводина была своеобразным «плавильным котлом» той эпохи.

К концу Первой мировой войны, когда решался вопрос о новых границах, в Воеводине проживало примерно одинаковое число южных славян (сербы, хорваты, буневцы, шокцы), венгров и немцев. Территория края в 1918 г. отошла к Королевству сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия). В связи с этим изменилась и языковая ситуация: сербский язык становится единственным государственным языком, венгерский язык вытесняется из сферы общественного употребления. Происходит активный процесс заимствования из сербского языка в языки народов края: словацкий, румынский, русинский, венгерский. На территорию края устремляются и так называемые «колонисты» — сербы из других регионов страны, в том числе и из Боснии, носители других диалектов[3], а доля венгров и других народов уменьшается.

В период Второй мировой войны территория оказывается разделенной между Независимым государством Хорватия (Срем), Венгрией (Бачка) и Германией (Банат). В части, отошедшей к Венгрии, все переписи населения показывают увеличение числа этнических венгров, например, в Нови-Саде в 1941 г. венгры составляли чуть больше половины населения — самый большой процент за всю историю города. По всей видимости, здесь сработала практика, характерная для других земель, оказавшихся в составе Венгрии в тот период, — увеличение числа венгров за счет переселенных чиновников из собственно Венгрии, а также причисление к венграм евреев, для многих

[3] С другой стороны, все население Воеводины можно также рассматривать в категории «переселенцев», поскольку заселение ее было планомерным, потомки так называемых старожилов происходят из самых разных областей Европы. Вопрос только во времени самого переселения и в восприятии местными жителями себя и окружающих в этих категориях. З. Дьёре пишет: «... в политическом, историческом и этническом смысле самое большое влияние на судьбу этой территории оказывали сербский и венгерский народы, при неоспоримом и возрастающем экономическом, этническом и культурном значении немецкого населения и представителей других народов, что в итоге стало основой для формирования специфической воеводинской идентичности и для понимания истории, заключенной в одной мысли, *что все мы здесь пришлые* (*да смо овде сви дошли*)» [Ђере 2004, 123].

из которых венгерский язык был первым языком. Такие же процессы происходили в то время в Закарпатье, перешедшем от Чехословакии к Венгрии на два года раньше, — в 1939 г. В этот период во всех трех частях региона совершаются массовые гонения на евреев, цыган, коммунистов. Многочисленная еврейская община практически перестает существовать в результате депортаций и массовых репрессий.

Этнодемографическая ситуация, а вместе с этим и языковая ситуация, претерпевают изменения в конце Второй мировой войны, когда происходит депортация немцев, т. е. прекращается непосредственный контакт народов края с немецким языком. Оставшиеся немцы мимикрируют в сторону венгерской национальности [Balaša 2009, 132], их доля в общем составе населения значительно снизилась. Затем последовала вторая волна колонистов из внутренних районов Югославии — в результате сербы составляют к тому времени более половины населения края[4]. Многие сербы и черногорцы заселяют деревни, некогда полностью населенные «швабами». С конца Второй мировой войны и по сей день в этнической структуре края наблюдается постепенное увеличение доли сербского населения при сокращении доли других народов. Общее население края сейчас снижается. Происходит это в том числе за счет новой волны массового притока сербского населения в Воеводину в результате войн на территории стран бывшей Югославии в 1990-е гг. XX в. [Габрић-Молнар 2007, 508]. И если в межвоенный период и в период сразу после Второй мировой войны мигранты добровольно переселялись на выделенные им земли, то сербы (и некоторые другие народы, в том числе цыгане) вынуждены были спасаться бегством от военных действий в Боснии и Герцеговине, Хорватии и в других частях бывшей Югославии, что в некоторый период приобрело масштабы гуманитарной катастрофы. Этнодемографический баланс региона в который раз оказывается изменен. Естественно, что подобные явления не могут остаться без

[4] Практика привлечения так называемых колонистов на территории компактного проживания национальных меньшинств была характерна не только для региона Воеводина и не только для государства Югославия. Так, во времена первой Чехословацкой республики в Закарпатье было организовано несколько поселений (напр., Даниловка, Свобода) для славян в зоне проживания венгров [Черничко, Фединець 2014, 85]. После Второй мировой войны в Италии в районе Триеста в зоне проживания словенцев власти разместили беженцев из Истрии [Kaučič-Baša 2007, 207]. В самой Югославии на территорию Прекмурья переселяли приморцев (Беница, Пинце-Мароф) — словенцев и хорватов [Bensa 2011].

последствий. Новые «мигранты» приносят с собой новый тип культуры, свои традиции, свой язык, что входит в столкновение со сложившимися реалиями Воеводины. К этому нужно добавить существование стереотипов в самом сербском обществе: взаимные стереотипы жителей Воеводины и жителей других областей Сербии (подробнее об этом см. [Petsinis 2008, 274], который пишет о стереотипе «цивилизованного» воеводинца и «примитивного и отсталого» жителя Боснии и Краины). Все вышеперечисленное, а также ухудшение социально-экономической ситуации в конце 1990-х — начале 2000-х гг. ведет к развитию конфликтных ситуаций между старожилами (в том числе венграми, как наиболее многочисленным народом после сербов) и новыми поселенцами. В прессе последнего времени нашли отражение несколько конфликтных эпизодов на этноязыковой почве между венграми и сербами. Например, ситуация в г. Темерин, где в молодежной среде на национальной почве совершались насильственные действия (убийства, нападения, избиения), была в центре внимания прессы; в самом Темерине было достаточно сильное конфликтное напряжение [Dragin 2012].

Таким образом, на этноязыковую ситуацию в Воеводине влияют миграции населения и изменение общественно-политического устройства. Сербский язык, долгое время испытывавший влияние немецкого и венгерского языков, в современных условиях сам влияет на языки края.

1.3. Население региона

Посмотрим на статистические данные последней переписи, проводившейся в 2011 г. [Попис 2013]. Если взять за точку отсчета административные округа, границы которых не всегда совпадают с границами исторических областей, то получим следующую картину[5].

Доля венгерского населения наиболее высока в следующих округах: в севернобанатском (46,64%) и севернобачском (40,80%), меньше всего венгров насчитывается в сремском (1,21%), южнобанатском (4,49%) и южнобачском (7,78%) округах — как раз там, где фиксируется самый

[5] А. Бозоки критикует принципы образования округов, нарушившие ранее существовавшие связи между населенными пунктами, в которых проживали венгры [Bozoki 2006, 205].

высокий процент сербского населения. Что касается других народов, то румыны наиболее многочисленны в Южном Банате (6,13%), словаки — в Южной Бачке (4,01%) и Южном Банате (4,69%), цыгане — в Центральном (3,87%), Северном (3,23%) и Южном Банате (2,73%).

На рис. 1–2 представлена этническая структура исторических областей Бачки, Баната и Срема в границах современной Воеводины с конца позапрошлого века, когда эти земли входили в состав Австро-Венгрии, до сегодняшнего дня. Мы специально выбрали два способа

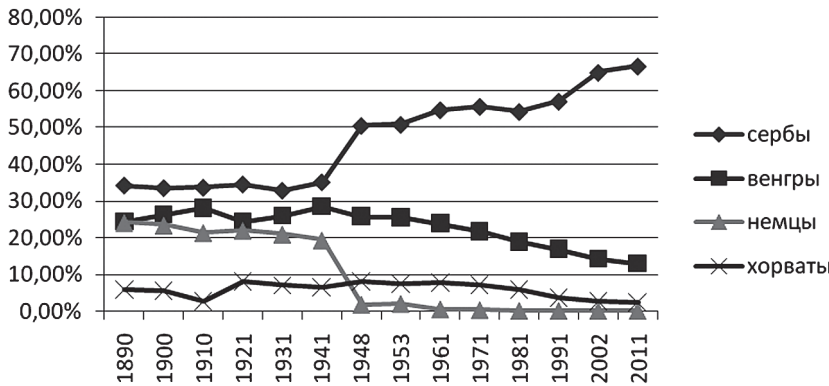

Рис. 1. Этническая структура Воеводины (численность населения в процентах)

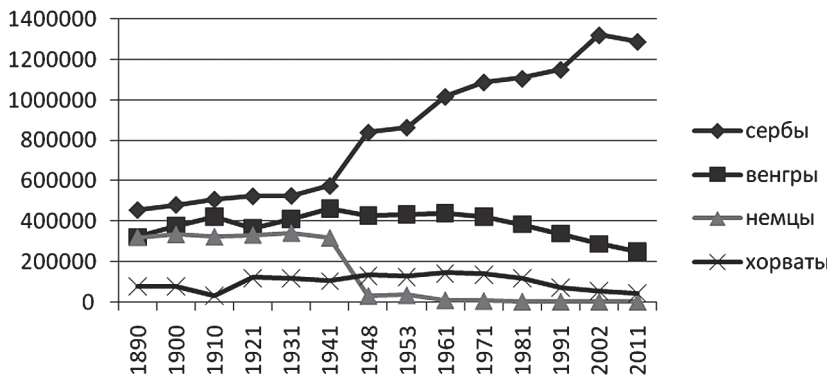

Рис. 2. Этническая структура Воеводины (численность населения в цифрах)

представления данных переписи: процентное соотношение и абсолютные цифры. Как показывает сравнение данных двух графиков, при сохранении общих тенденций все же наблюдаются нюансы в этнической динамике края. Так, в абсолютных цифрах сербское население края вплоть до последней переписи стабильно увеличивалось даже тогда, когда в процентном отношении мы наблюдали «проседания» (см. данные за 1931 и 1981 гг.). И напротив — другое интересное замечание — последние данные показали, что сербов в процентном отношении стало больше: их доля возросла с 65,05 до 66,76 %, тогда как в абсолютных цифрах снизилась с 1 321 807 до 1 289 635. Очевидны также два больших скачка при увеличении сербского населения: послевоенный период, что показала перепись 1948 г., а также период, начавшийся после распада Югославии с 1991 г. Эти периоды совпадают с массовым притоком колонистов после Второй мировой войны, а также с наплывом беженцев в результате войн 1990-х гг. Отметим, что в результате первой волны переселения колонистов перепись не показала такого сильного увеличения численности сербского населения.

Больше всего сербского населения концентрируется в границах сремского (84,95 %), южнобачского (72,36 %), центральнобанатского (71,54 %) и южнобанатского округов (70,97 %). Меньше всего сербов проживает в севернобачском (27 %) и севернобанатском (42,67 %) округах (рис. 3).

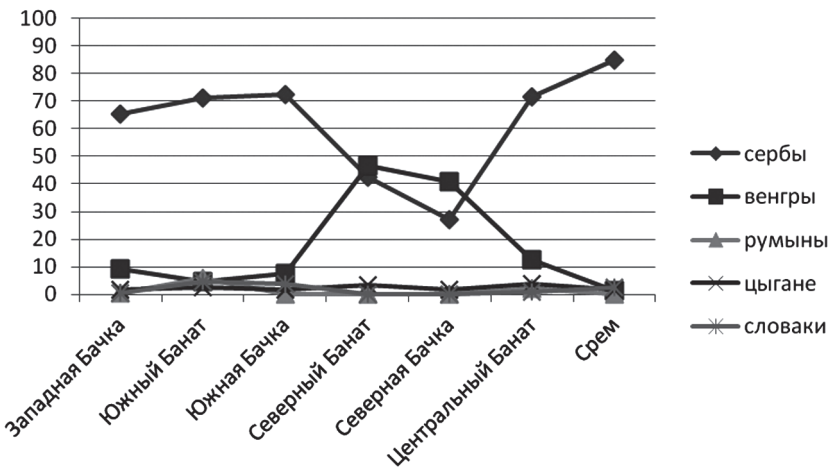

Рис. 3. Этнический состав административных округов

У венгров также четко прослеживается динамика: до 1910 г. их численность в результате проводимой политики мадьяризации возрастала, затем, после присоединения к Королевству сербов, хорватов и словенцев — снизилась. К 1941 г. численность венгров возрастает. В первые послевоенные годы заметно снижение венгерского населения — оно стабилизировалось на межвоенном уровне, зафиксированном в 1931 г., затем наблюдался естественный прирост населения. Этот прирост заметен на рис. 1 — до 1961 г., а на рис. 2 — до 1971 г. (т.е. в процентном отношении перепись 1961 г. уже выявила снижение доли венгров в общекраевом масштабе, в абсолютных же цифрах мы наблюдаем увеличение числа венгров в последующие 10 лет). Л. Гёнц отмечает, что во времена второй Югославии «судьба воеводинских венгров во многих областях сложилась весьма благоприятно» [Göncz 1999, 53]. Это касается сферы увеличения политических и культурных прав, закрепления за венгерским языком статуса официального, а также развития системы образования на всех уровнях на венгерском языке.

Затем вплоть до сегодняшнего дня отмечается устойчивое снижение венгерского населения на обоих графиках. По данным последней переписи численность венгров достигла минимума за последние 120 лет статистических наблюдений. Особенно заметно снижение численности венгров в период с 1991 г. Этому способствовало несколько причин. Во время войн на территории стран бывшей Югославии в Сербии проводилась мобилизация населения, от которой многие представители национальных меньшинств уклонялись, уезжая за границу. Кроме того, нестабильная социально-экономическая ситуация привела к тому, что многие вынуждены были переехать в другие страны в поисках работы.

Что касается немцев, составлявших большинство населения в таких общинах, как Бачка-Паланка, Кула, Апатин, Сомбор, то их численность была более-менее стабильной до Второй мировой войны, а после ее окончания практически все немецкое население было выселено с территории края. Оставшиеся немцы декларируют хорватскую или венгерскую идентичность [Balaša 2009, 132]. Только в последнее время возрождаются немецкие культурные организации, ученые интересуются идентичностью и культурой «швабов»[6]. Пере-

[6] О ревитализации немцев в Апатине см. [Balaša 2009].

пись 2011 г. показала даже небольшое увеличение немцев в Воеводине на 163 человека — с 3901 до 4064.

Территория	Всего	Сербы	Венгры	Румыны	Цыгане	Словаки
Воеводина	1 931 809	66,76	13	1,32	2,19	2,6
Западная Бачка	188 087	65,31	9,34	0,71	1,6	0,58
Южный Банат	293 730	70,97	4,49	6,13	2,73	4,69
Южная Бачка	615 371	72,36	7,78	0,21	1,7	4,01
Северный Банат	147 770	42,67	46,64	0,28	3,23	0,14
Северная Бачка	186 906	27	40,8	0,04	1,79	0,15
Центральный Банат	187 667	71,54	12,55	2,25	3,87	1,14
Срем	312 278	84,95	1,21	0,03	1,76	2,61

Если обратиться к анализу данных по другим народам края, то, например, можно заметить, что численность румын и хорватов сокращается (что касается хорватов, это происходит в том числе из-за выделения буневцев в отдельную группу при переписях населения), численность же цыган увеличивается (с 1,2 % в 1991 г. до 2,19 % в 2011 г.).

Еще одним важным демографическим показателем является убыль населения. Практически во всех населенных пунктах, где проводилось наше исследование, отмечено снижение численности населения, например: Ада — 18 994 в 2002 г. и 16 991 в 2011 г.; в Скореновце — 2574 в 2002 г. и 2354 в 2011 г. Единственным населенным пунктом, в котором фиксируется увеличение населения, является Нови-Сад, что понятно, если учитывать концентрацию экономических и культурных ресурсов в столице края: 210 238 в 2002 г. и 250 439 в 2011 г.

Общая тенденция, отмечаемая в Сербии на протяжении ряда переписей (с 1948 г.), — уменьшение числа молодых людей и увеличение количества людей среднего и пожилого возраста. Так, если доля населения до 1961 г. в возрасте от 0 до 14 лет колебалась около 30 %, а доля тех, кто старше 65 — около 5 %, то в 2011 г. доля детей до 14 лет сократилась до 15 %, тогда как доля тех, кому за 65, составила более 15 %. Среди венгров преобладают те, кому сейчас от 55 до 65. При этом средний возраст «венгра» 44,97 года (рис. 4). Для сравнения — средний возраст по Сербии 42,24. У самих сербов средний возраст

чуть ниже — 42,54. Выше этого показателя средний возраст отмечается у цыган и народов, принадлежащих к исламскому культурному ареалу (бошняки, горанцы, албанцы, мусульмане). Так, цыгане являются самыми «молодыми» — их средний возраст составляет 28,31. Далее следуют бошняки — 33,48[7], горанцы — 35,37 и мусульмане — 38,57. Среди народов, населяющих Воеводину, по этому показателю венгров опережают словаки, которые сразу следуют за сербами (средний возраст 44,29), и румыны (44,57). Украинцы идут практически вровень с венграми (показатель 45,04), для русин средний возраст составляет 45,12 лет, для буневцев — 46,67, для хорватов 51,02, а немцы находятся на предпоследнем месте (показатель составляет 53,4).

Таким образом, об этнической витальности народов, населяющих Воеводину, можно сказать следующее. Средний возраст всех «титульных» официальных народностей Воеводины ниже среднего возраста по стране. Постепенно снижается численность представителей этих народов, что видно по динамике переписей населения. Естественно, что средний возраст, каким он сейчас является, не способствует увеличению численности ни венгров, ни словаков, ни хорватов. Это происходит из-за снижения рождаемости, а также из-за усиленного миграционного оттока населения, обусловленного социально-экономическими условиями. Среди народов Сербии самый низкий средний возраст зафиксирован у цыган.

При рассмотрении этнической структуры населения Воеводины мы не можем обойти стороной югославов. Этническая принадлежность «югослав» появляется в переписях уже в 1961 г. и до сих пор присутствует среди рубрик переписей. Югославская идентичность является результатом смешанных браков и культурно-эмоциональных предпочтений индивида, воспитанного в системе ценностей Югославии послевоенного периода. Исследователи отмечают, что больше всего югославами себя именовали жители многонациональных областей Югославии (Воеводина, Славония в Хорватии, Босния и Герцеговина), а также больших городов, тогда как в гомогенных с точки зрения этнического состава республиках (например, Словения) таковых был минимальный процент. Количество смешанных браков в Воеводине в послевоенный период было высоким [Šimon

[7] Об этнической витальности бошняков, проживающих в общине Тутине, см. [Пилипенко 2014в].

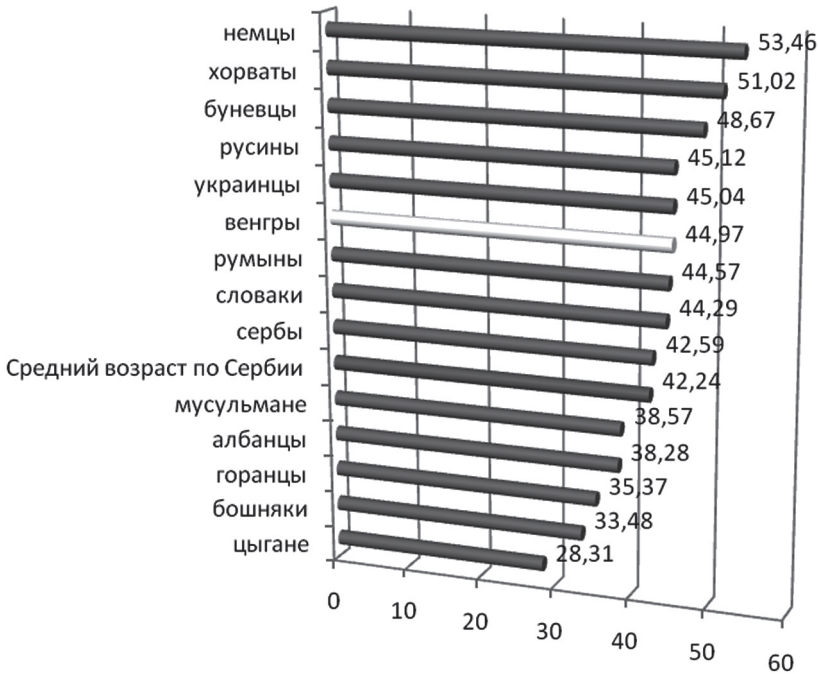

Рис. 4. Средний возраст народов, населяющих Сербию

Vuletić 2002, 49]. Многие жители края имели двойную идентичность и не могли себя ассоциировать только с одной национальностью, поскольку не имели в этом необходимости [Там же, 47]. В 1981 г. в Воеводине югославы были на третьем месте (8,21%) после сербов (54,42%) и венгров (18,93%). И даже в 1991 г., когда по всей Сербии было заметно снижение численности югославов, именно в Воеводине отмечалось небольшое увеличение их числа (с 165 215 до 168 859). В 1988 г. 33,7% всех браков в Воеводине были смешанными [Там же, 69], и даже в 1993 г. их доля оставалась все еще высокой — 24,7%. В. Шимон Вулетич приводит примеры, свидетелем которых она была: при ответе на вопрос о своей национальности во время переписи 2002 г. люди испытывали сомнения и колебались, спрашивали, могут ли они определить себя как югославы [Там же, 60]. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что политика отнесения себя к югославам (среди венгерского населения) была порочной,

поскольку таким образом происходил отказ от собственной идентичности [Mirnics 1993, 89–90; Kicošev 2006, 19]. В доказательство приводятся цифры: среди югославов, по переписи 1981 г., 12000 назвали своим родным языком венгерский [Mirnics: 1994, 122]. Многие этнические венгры могли причислять себя к югославам из-за культурно-эмоциональных устремлений. В. Шимон Вулетич пишет о том, что среди ее знакомых венгров в Суботице было много таких, кто специально подчеркивал свое отношение к Югославии, называя себя югославскими венграми, поскольку это определение имело в то время «ауру свободы и благосостояния» по сравнению с Восточной Европой, менее развитой в социально-экономическом плане, чем социалистическая Югославия. Автор замечает, что эта идентификация не означала потерю идентичности, ведь семейные традиции и семейные истории сохранялись [Šimon Vuletić 2002, 58]. Проблемы с этнонимом «югослав» начались как раз в 90-е гг., когда в общественно-политическом дискурсе все больше обозначилась проблема четкого определения своей этнической принадлежности. Переписи 2002 и 2011 гг. четко показывают резкое снижение тех, кто определил себя как «югослав» (рис. 5, 6).

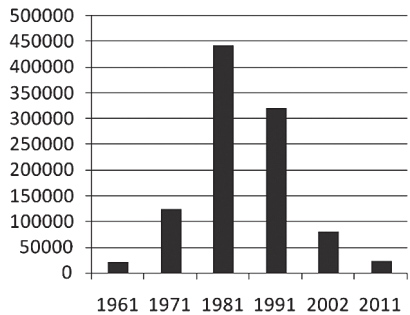

Рис. 5. Югославы в Сербии (цифры)

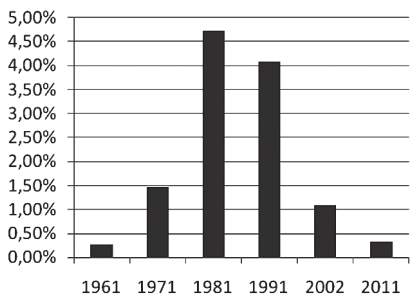

Рис. 6. Югославы в Сербии (проценты)

Для многих людей было проблематично определить собственную идентичность, поскольку за послевоенное время количество смешанных браков выросло многократно, и оперировать набором идентичностей, которые существовали на тот момент, в условиях мультиэтнического сообщества было трудно. О степени этнокультурной многослойности воеводинского общества свидетельствуют,

например, сербские фамилии учеников в венгерских классах, а также венгерские фамилии в сербских классах (и те, и другие соответственно в венгерской (*Popity*, *Bozsics*) и сербской орфографии (*Birkaš*, *Kočiš*)) [Там же, 47]. Итак, если смотреть на динамику численности югославов по Сербии в целом, то рост их численности фиксируется до 1981 г., с 1991 г. наблюдается резкое падение. С другой стороны, как уже упоминалось выше, для Воеводины этот рост продолжился и в 1991 г., что свидетельствует об устойчивости восприятия данной идентичности в крае. При уменьшении численности югославов в целом все же интересно посмотреть статистику по Воеводине и сравнить ее с показателями других регионов Сербии. Доля югославов в автономном крае составляет 0,63 % — самый большой показатель среди регионов страны. Для сравнения: в Белграде — 0,49 %, а самый большой процент на территории остальной Сербии фиксируется в Пироте — 0,13 %, во всех других округах — менее десятой части процента. По административным округам внутри самой Воеводины показатели следующие (рис. 7).

Самым «югославским» округом (1,83 %) даже в современных условиях оказывается Северная Бачка. О многонациональном характере данного края и о распространенности именно в той местности этнонима «югослав» как раз пишет В. Шимон Вулетич. И это несмотря на значительное снижение популярности данного этнонима на всем постюгославском пространстве, не говоря уже о том, что государства

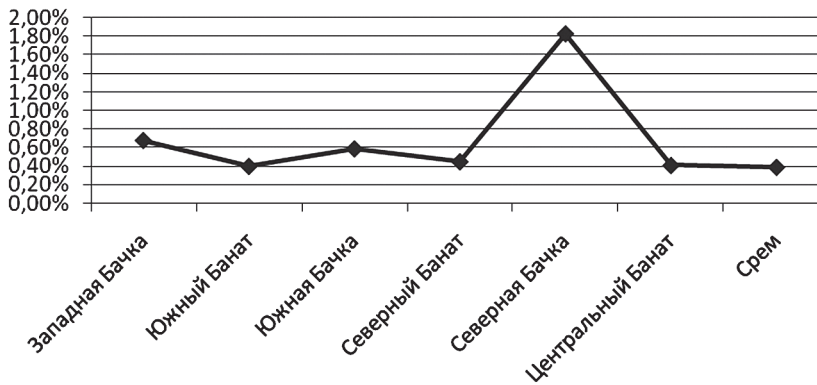

Рис. 7. Доля югославов по административным округам Воеводины (перепись 2011 г.)

Югославия давно не существует. Вероятно, поэтому Воеводина лидирует в Сербии по такому показателю, как уровень общественного восприятия национальных меньшинств — 65,3% жителей Воеводины положительно оценивают факт мультиэтничности своего региона, тогда как в Белграде этот показатель равен 55%, а в Центральной Сербии — 40,9% [Bašić; Crnjanski 2006, 31]. Показатель доли югославов является косвенным отражением политики мультикультурализма времен СФРЮ. Тем не менее в Воеводине сохраняется потенциал для конфликтов на этноязыковой почве, в том числе сербско-венгерских, что подтверждают случаи насилия, имевшие место в последнее время [Petsinis 2008, 271], а также поляризация этнических общин в смешанных зонах [Láphaft, Németh, Reményi 2014, 150].

Обратимся теперь к расселению венгров на территории Воеводины. Это важно для понимания специфики выбранных нами населенных пунктов, в которых проводилась полевая работа. Больше всего венгров (57% от общего числа) проживает на севере края в округах Северная Бачка и Северный Банат. Венгры преобладают в следующих общинах: Канижа (85,14%), Сента (79,09%), Ада (75,04%), Бачка-Топола (57,94%) и Мали-Иджёш (53,91%). Менее половины населения венгры составляют в Чоке (49,67%), Бечее (46,34%) и Суботице (35,65%). В общинах Нови Кнежевац, Темерин, Србобран и Житиште их доля колеблется от 28 до 20%. В общинах Сомбор, Зренянин и Ковин — около 10%, в общине Нови-Сад — 4,11%.

Что касается населенных пунктов, которые мы посетили во время наших экспедиций, здесь наблюдается следующая ситуация. В самом городе Нови-Сад венгров насчитывается 9735 (3,9%), абсолютное большинство составляют сербы. В Аде прямо противоположная ситуация: венгров — 11385 (73,1%). В Панчеве, куда административно относится Войловица, — 2880 (3,17%), в Адорьяне (община Канижа) (по переписи 2002 г.) венгров было 74,91%, в Скореновце, административно состоящем в общине Ковин, — 86,71% (перепись 2002 г.). В Адорьяне — на втором месте по численности румыны, за которыми на самом деле скрываются баняши, говорящие на особом варианте румынского языка, а на третьем месте — собственно цыгане. В Скореновце проживает небольшое число банатских болгар и сербов. В Войловице население состоит из трех групп: венгров, сербов и словаков. В Аде на втором месте по численности находятся сербы. В г. Нови-Сад абсолютное большинство составляют сербы, в том числе и в

районе Телеп [Úri 2007, 68], некогда считавшемся венгерским поселением.

Если обратить внимание на средний возраст, то в таких городах, как Нови-Сад и Панчево, он составляет 39,8 и 41,5 соответственно. Это ниже, чем средний возраст в других населенных пунктах, что понятно, учитывая миграционную привлекательность таких экономически и культурно развитых центров для жителей небольших городов и деревень. Для сравнения, в Скореновце средний возраст населения 42,3, а в соседнем селе Иваново, также населенном буковинскими секеями и в большей мере, чем Скореновац, банатскими болгарами, — 45 лет. В Аде средний возраст составляет 43 года, в Моле, который практически сросся с Адой, этот показатель равняется 42,4. Таким образом, в этих населенных пунктах средний возраст находится примерно в тех значениях, которые характерны для показателей «среднего венгра» или «среднего серба», т. е. 44,97 и 42,59 соответственно. На этом фоне выделяется ситуация в Адорьяне: там средний возраст составляет 37,6, что значительно ниже даже среднего показателя по стране (42,24). Вероятно, все дело в том, что значительный процент составляют баняши, заявляющие о своей румынской принадлежности, и цыгане. Напомним, что средний возраст цыган самый низкий в Сербии и составляет 28,31. Именно такой показатель у баняшей и цыган «разбавил» средний возраст этого преимущественно венгерского села. Следует отметить, что ни один другой населенный пункт в преимущественно венгерских потисских общинах (Канижа, Сента, Ада) не имеет такого низкого показателя.

Миграционные изменения также чрезвычайно важны при изучении языковой ситуации и трансформации традиционной культуры, особенно если речь идет об этнических меньшинствах. Как уже было обозначено выше, население Воеводины формировалось из переселенцев. Эти процессы продолжаются и в наши дни, что находит отражение в переписях населения. Сравним два региона — Потисье (общины Ада и Канижа) и урбанистические центры Южной Бачки и Южного Баната (Нови-Сад и Панчево). В общинах Ада и Канижа процент населения, проживающего с рождения в данном населенном пункте, составляет 64,2 %. Доля всех миграций из Сербии (переселение из другого населенного пункта общины, из другого населенного пункта внутри данной области, а также из других областей Сербии) равна 32 %. В общине Ада процент прибывших из-за границы — 3,8 %,

в общине Канижа — 2,87%. С другой стороны, в урбанистических центрах (Нови-Сад и Панчево) складывается совершенно другая ситуация. Так, в Нови-Сад доля населения, родившегося в данной общине, составляет всего 41%, в Панчеве — 53%. Процент тех, кто переехал в эти общины, составляет 59% и 47% соответственно. При этом среди этих переселенцев существует градация по месту прибытия: из Сербии — 37,4%, из-за границы — 21,4% для Нови-Сада; и 32,6% из Сербии и 14,4% из-за границы — для Панчева. Нужно сказать, что в Нови-Саде и Панчеве большинство тех, кто переехал на место жительства из-за границы, — выходцы из бывших республик Югославии (в структуре этих мигрантов — более 90%)[8], тогда как в Аде и Каниже таковых примерно по 50%. Таким образом, индустриальные центры Воеводины привлекают больше мигрантов, в том числе беженцев из бывших республик Югославии. Это приводит к росту числа жителей самих городов и сокращению доли в структуре населения тех, кто живет с рождения в городе: в г. Нови-Сад доля таких жителей менее половины (нас же как раз интересовали именно такие информанты — жители Телепа и Войловицы). Естественно, что возрастание миграции влияет на мироощущение коренных жителей этих районов, в их нарративах чувствуется ностальгия по ушедшему времени, поскольку стремительно меняется социальное и языковое окружение. В северных районах Воеводины (Аде и Каниже) миграционная привлекательность ниже: приблизительно около $^{2}/_{3}$ населения там принадлежат к автохтонам. Здесь же невелика доля мигрантов из бывших республик Югославии, вероятно, потому, что само окружение не является сербоязычным.

Таким образом, исследование проводилось как в гомогенных венгерских районах Воеводины (район Потисья, где наблюдается наибольшая концентрация венгров), так и в местах изолированного, «островного» проживания венгров (Скореновац, Войловица, Нови-Сад), расположенных на юге автономного края. Среди информантов были как городские жители (в том числе краевой столицы, г. Нови-Сад, второго по величине в Сербии), так и жители сёл. Войловица относительно недавно стала частью Панчева. Среди самих венгров

[8] Следует отметить, что и в более ранних миграционных волнах (при переселении колонистов) преобладали выходцы из Боснии и Герцеговины и Хорватии (Лика) (около 63% всех переселенцев) [Bjeljac, Lukic 2008, 84].

выделяются буковинские секеи (Войловица, Скореновац) и собственно венгры. По конфессиональному признаку венгерские информанты делились на католиков[9] и сторонников реформатской церкви[10] (Войловица, отдельные информанты из Нови-Сада). Также были проведены интервью с информантами из смешанных семей — с теми, кого можно было бы назвать венгром только наполовину или на четверть и чьи предки были самого разного происхождения (немцы, хорваты, банатские болгары, чехи, сербы и т. д.). При исследовании подобного рода мы не можем игнорировать такие случаи, поскольку они свидетельствуют о мультикультурном прошлом и настоящем края, позволяют увидеть поведенческие стратегии в сфере языка и культуры. О распространенности подобных явлений в Воеводине пишет В. Шимон Вулетич: «В своих личных исследованиях я слышала много историй о прадедушках, забредших из других земель, о внуках, которые одного дедушку звали đed, а другого dida[11], ... о сокрытии происхождения и переименованиях, о бабушках, которые своим сербским внукам пели на немецком, и еще о многих судьбах, которые может описать только литература, но никак не статистика» [Šimon Vuletić 2002, 82].

[9] Назвать католическую церковь в Воеводине «венгерской» было бы неправильно, поскольку ее прихожанами являются представители других народов, например, хорваты [Ilić 2010, 308].

[10] Приблизительно 90% всех воеводинских венгров — католики [Dragin 2015, 15], численность реформатской церкви с центром в Фекетиче составляла на 2006 г. 17 000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.oikoumene.org/en/member-churches/reformed-christian-church-in-serbia-montenegro (02.04.2016). А. В. Илич пишет, что в реформатской церкви около 15.000 верующих, большинство конгрегаций находится в этнически гомогенных небольших венгерских населенных пунктах [Ilić 2010, 309].

[11] Речь идет о иекавском и икавском рефлексе *ě, первое произношение распространено в говорах на территории Черногории (в Воеводине — у колонистов из Черногории), второе — у буневцев.

2. Теоретические и методологические основы исследования

В контексте нашего исследования важными являются такие понятия, как высказывание, текст, нарратив, идентичность, метаязыковая функция языка.

Остановимся более подробно на учении М. М. Бахтина о высказывании и «чужом слове» в высказывании. М. М. Бахтин говорит о том, что использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний [Бахтин 2000, 249]. Границы высказывания отличны от границы предложения, поскольку они определяются сменой речевого субъекта [Там же, 265]. М. М. Бахтин относит предложение к единицам языка, а высказывание признается единицей речи [Там же, 267]. Любое высказывание отражает намерения и цели говорящего, при его анализе важен не только отбор лексических и грамматических единиц, но и само композиционное построение. Всякое понимание живой речи носит активно-ответный характер, а каждое высказывание — это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний [Там же, 260–261]. Поэтому высказывание нельзя считать элементом речи, как ее понимает Ф. де Соссюр, — совершенно свободной комбинацией форм языка [Там же, 274–275]. Далее М. М. Бахтин развивает идею о невозможности абсолютно нейтрального высказывания [Там же, 279]. В любом высказывании есть много «чужих слов», которые по-разному осознаются и оформляются в человеческой речи. Индивидуальный речевой опыт человека формируется во взаимодействии с чужими высказываниями [Там же, 285].

В лингвистике и семиотике культуры мы сталкиваемся не только с понятием высказывания, но и с понятием текста. Для нашего исследования важным является понятие культурного текста, как его определил Ю. М. Лотман: «С точки зрения культуры, существуют только те сообщения, которые являются текстами. Все прочие как бы не существуют и во внимание исследователем не принимаются. В этом смысле можно сказать, что культура есть совокупность текстов или сложно построенный текст» [Лотман 2002, 28]. Культурный текст противопоставлен не-тексту. Именно культурные тексты могут генерировать смыслы [Лотман 2002а, 162], тогда как устная речь тяготеет к мгновенности и не фиксируется в коллективной памяти [Там же, 326]. Одним из ключевых понятий является закодированность текста, задача исследователя заключается в том, чтобы реконструировать этот код [Лотман 2002, 60]. Конкретно наша задача состояла в реконструкции кода, зашифрованного в нарративах, устных высказываниях информантов. Все анализируемые в книге высказывания не являются культурными текстами. К фиксируемым в коллективной памяти текстам можно отнести обрядовые песни и речевые формулы, используемые во время обходов (записано в Войловице).

Н. И. Толстой в свою очередь говорит о том, что в семиотическом смысле культура многоязычна, поскольку встречается одновременное использование нескольких языков в тексте [Толстой 2013, 14]. Под текстом в московской этнолингвистике понимается «не последовательность написанных или произнесенных слов, а некоторая последовательность действий, а также обращение к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность» [Там же, 14].

В настоящем исследовании для нас ключевым является понимание того, что любое высказывание выражает отношение к предмету сообщения и направлено на получение ответной реакции[1]. Высказывание индивидуально в плане его реализации конкретным индивидуумом, однако, будучи включенным в определенный контекст событий, оно приобретает общественное измерение. «Чужие голоса»[2]

[1] Об этом, в частности, пишет Т. В. Цивьян: «сообщение ориентировано не только на информацию в чистом виде, но и на определенную реакцию слушающего...» [Цивьян 2008, 43].

[2] Прослеживание различных голосов или дискурсивных логик в тексте ученые называют стратегией полифоничности [Йоргенсен, Филлипс 2008, 245].

в собранном нами устном корпусе проявляются в виде открытых и скрытых цитаций, переключения кода, заимствований, отсылок к «другому» опыту, а также включенностью в определенный культурно-исторический контекст и т. д. Анализируя идеи М. М. Бахтина, Т. Петрович приходит к выводу, что через анализ индивидуальных высказываний мы можем распознать более широкий контекст событий, вписать его в социальный контекст благодаря самой социальной природе высказывания [Petrović 2009, 179].

Само высказывание социально по своей природе, оно дает информацию о реально существовавших или существующих явлениях. Однако эта информация преломляется через личное восприятие индивида: на нее наслаивается его эмоциональное отношение, так же как и «голоса других», невидимых лиц, которые вплетаются в повествование сознательно или бессознательно, в зависимости от намерений нарратора. Проверить подлинность высказываний[3] (достоверность сообщаемой внешней информации) можно, сопоставив нарративы от разных информантов на определенную тему, непосредственно наблюдая интересующее нас явление или обратившись к другим источникам. Если подобный подход используется при выявлении и анализе фактов духовной и материальной культуры, то он может быть применен и при исследовании других аспектов жизни индивидов: социальных практик, языковых стратегий и взаимодействия общностей.

Какова роль языка в этом процессе? Может ли быть исследована языковая система полностью в корпусе живой речи или необходимо следование четкой структурированной программе? На наш взгляд, мы можем только приблизиться к описанию языковой системы, поскольку она во многих своих аспектах подвижна и вариативна — особенно в пограничных зонах. Использование разной методологии сбора данных свидетельствует лишь о фокусе исследования: необходимо ли представить систему или способ отражения реалий и отношение к ним говорящих. При комбинации двух направлений можно получить ответы на интересующие нас вопросы как в области языковой системы, так и в экстралингвистической сфере.

[3] Б. Сикимич, рассматривая качественные исследования, ставит вопрос о том, должно ли быть что-то повторено, чтобы претендовать на достоверность [Sikimić 2013, 15].

Методология сбора данных при исследовании интересующих нас групп может относиться к парадигме как качественного, так и количественного исследования. Количественные методы исследования этнокультурных сообществ преобладают в социолингвистике, лингвогеографии, тогда как качественные методы используются в антропологической лингвистике и/или в лингвистической антропологии.

Лингвистическую антропологию Д. Хаймс определял как «изучение языка в контексте антропологии» [Hymes 1964, xxiii]. Б. Сикимич отмечает, что термины «лингвистическая антропология» и «антропологическая лингвистика» часто используются как синонимы [Sikimić 2013, 19]. Действительно, граница между рассматриваемыми понятиями зыбкая, тем не менее ученые пытаются их разграничить: «Антропологическая лингвистика фокусируется на изучении лингвистических систем, отношении к социальным и культурным контекстам использования, тогда как лингвистическая антропология в основном изучает формы языка и его использование для освещения таких тем общей антропологии, как происхождение человека, социальная эволюция, культурный контакт и распространение культуры, а также социальные проблемы, касающиеся здравоохранения, образования и благополучия людей» [Saville-Troike 2004, 109]. Обе дисциплины «изучают язык как культурный ресурс, а также говорение как культурную практику» [Duranti 1997, xv]. Многие методологические подходы в антропологической лингвистике заимствованы из этнографии; прежде всего речь идет о методах качественного исследования, которое растянуто во времени. Отмечается также важность исследования языка в естественных условиях его существования [Saville-Troike 2004, 113]. Что касается выборки информантов, то при качественном исследовании не существует правил относительно ее размера. Количество информантов зависит от того, что мы хотим узнать, от цели исследования, а также от того, что может быть сделано в течение доступного времени с использованием имеющихся ресурсов [Morrow 2007, 217]. Таким образом, объектом исследования в антропологический лингвистике является звучащая или письменная речь, отражающая важные социально-культурные практики, организованная по своим внутренним законам и содержащая в себе как индивидуальные элементы, так и «чужие» напластования.

Соотношение качественного и количественного подходов является важным элементом при исследовании языковых общностей. Как

было сказано выше, выбранный подход определяет принадлежность к определенной научной области. Так, социолингвистика стремится к конкретизации данных и использует количественный подход, тогда как антропологическая лингвистика обращается к качественным методам исследования. На это обстоятельство указывает также М. Илич [Ilić 2014, 20], которая видит различие между двумя дисциплинами еще и в том, что социолингвистика уделяет больше внимания исследованию городских сообществ, тогда как антропологическая лингвистика — небольшим традиционным сообществам. Синтез количественного и качественного подходов, по мнению А. Куфогиоргу, является самым приемлемым в социолингвистике. Объединить два метода могут ученые, работающие в области антропологической лингвистики [Koufogiorgou 2008, 232]. Г. Ианнаккаро также говорит о сочетании качественного и количественного подходов, поскольку данные, полученные при качественном исследовании, необходимы для верификации количественных данных. Цель качественного исследования — изучить естественные феномены и интерпретировать их через значения, которые им придают индивиды [Iannàccaro 2001, 27]. Х. Навидиниа, рассматривая качественные методы исследования в сфере изучения SLA (second language acquisition), отмечает, что в качественно ориентированном исследовании ученые стремятся увидеть мир глазами информантов и что знание об индивиде так же важно, как и знание о группе [Navidinia 2010, 146]. Б. Сикимич говорит о разной философской основе качественных и количественных исследований: количественные методы связаны с эмпирическими, позитивистскими исследованиями, тогда как качественные методы связаны с антипозитивистской философией [Sikimić 2013, 15–16].

По всей видимости, в лингвистических исследованиях присутствуют элементы обеих научных парадигм, вопрос лишь в большей или меньшей степени их использования. Данное исследование воеводинских венгров было задумано как качественное, однако были использованы также некоторые количественные методы, что проявляется в сбалансированном подходе при отборе информантов, а также при выборе районов для исследования. Мы стремились к тому, чтобы были представлены разные поколенческие срезы, этнические и конфессиональные группы. Исследование проводилось в регионах преимущественно гомогенного проживания национальных меньшинств, их «островного» проживания, а также в ситуации, когда исследуемая

группа оказывается в меньшинстве. При анализе лингвистических данных для нас была важна статистика (то, как часто встречаются интересующие нас явления, например, сербская или венгерская форма географических названий). С информантами также проводилась работа по структурированному вопроснику для фиксации лексики (термины родства, названия праздников). Однако в своей основе данное исследование является качественно ориентированным, все перечисленные выше элементы количественного подхода являются дополнением. Собранный в ходе исследования материал представляет собой устный корпус, который в лингвистике «используется для анализа феноменов, характерных для естественного языка» и появляющихся спонтанно [Ћирковић 2012, 59].

Материалом для анализа являются полученные от информантов нарративы. В литературе по гуманитарным дисциплинам существует множество определений понятий «нарратив» и «дискурс». Однако дать четкое определение не представляется возможным в виду множества точек зрения авторов, как невозможно и четко разграничить эти понятия [Ћирковић 2012, 59; Petrović 2009, 29]. Т. Петрович полагает, что среди лингвистов распространено понимание дискурса как выборки устного или письменного языка, превосходящей по объему предложение [Petrović 2009, 83]. Б. Джонстоун понимает нарратив как «способ конструирования “событий” и наделения их значением» [Johnstone 2001, 644]. Нарративы можно понимать как истории с началом, серединой и концом, которые содержат вывод или некий опыт рассказчика [Тичер, Мейер, Водак, Веттер 2009, 172]. С. Чирковић понимает нарратив как повествовательную структуру, которую характеризует определенное устройство во времени, как и ряд точно определенных структурных частей [Ћирковић 2012, 59]. Б. Сикимич пишет, что при помощи нарративов говорящие и слушатели картографируют повествование из личного опыта [Sikimić 2013, 24].

Польский лингвист П. Кулас говорит об отношении к нарративам в общественных науках. Изначально понятие «нарратив» использовалось в литературоведении. В его рамках произошел сдвиг интереса от исследований нарративного аспекта литературных произведений к изучению сущности наррации. Последствием этого сдвига стало активное использование категории наррации за пределами литературы: в исторических, биографических, автобиографических исследованиях [Kulas 2014, 114]. Постепенно этот интерес охватил и другие науки.

Автор отмечает, что к исследованию нарративов обращаются лингвисты, философы, историки, антропологи, социологи [Там же, 115]. С помощью наррации люди хотят понять свое место в мире и придать смысл своей жизни, поэтому они постоянно конструируют и реконструируют рассказы; с помощью наррации человек формулирует и классифицирует собственный опыт. Вокруг наррации формируется целый комплекс подходов к ее рассмотрению: с одной стороны, внимание уделяется индивидуальному и уникальному опыту человека, с другой — исследователей интересуют скрытые механизмы, которые формируют саму наррацию [Там же 118], чем, по мнению автора, интересуются структурные антропологи и лингвисты.

Как связаны понятия язык, дискурс и идентичность? Очевидно, что идентичность конструируется и выражается при помощи языковых средств, на что обращали внимание ученые [Крупа, Ондрейович 2014, 101]. Утверждается, что «через нарративы мы конструируем собственную социальную идентичность» [Somers 1994, 606]. Социальная идентичность является не фиксированной[4], а продуцируемой и репродуцируемой через дискурс [Fuller 2009, 659]. Признается, что с точки зрения социолингвистики дискурс — «это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик 2002, 194]. А. Джурич-Милованович утверждает, что дискурс является особенной формой общественной практики и играет важную роль в конструкции различных форм идентичности [Ђурић-Миловановић 2015, 29]. Наша манера говорить представляет собой «визитную карточку», благодаря которой мы позиционируем себя в социуме. Поэтому субъективные оценки языка и его вариантов связаны с понятием идентичности, власти и престижа [Chinellato 2013, 226–227]. Другими словами, «лингвистическое поведение является серией актов идентичности, в которых люди раскрывают свою персональную идентичность

[4] В. И. Карасик говорит о статусных и вариативных характеристиках человека, выражаемых в языке: «языковая личность может быть изучена на основании лингвистически релевантных индексов, число которых сравнительно невелико. Эти индексы характеризуются стабильностью и вариативностью. Стабильные индексы отражают статусные (биосоциальные) характеристики человека, вариативные — уточняют их в ситуативно-ролевом, эмоциональном и индивидуально-личностном аспектах» [Карасик 2002, 70].

и свой поиск социальных ролей» [Le Page, Tabouret-Keller 1985, 14]. Согласно Э. Лакло и Ш. Муфф, субъект приобретает свою идентичность посредством репрезентации в дискурсе. Следовательно, идентичность — это идентификация человека с субъектной позицией в структуре дискурса. Идентичность всегда относительна: субъект является чем-то, потому что он противопоставлен чему-то, чем не является. Идентичность, как и дискурсы, изменчива [Йоргенсен, Филлипс 2008, 84]. Понятие идентичности оказывается важным при рассмотрении билингвальных ситуаций: «использование языков при двуязычии является показательной и сложной ситуацией, в которой следует исследовать идентичность» [Bucholtz, Hall, 2008, 161-162]. Это особенно важно в контексте нашего исследования.

Само понятие идентичности многоаспектно. Попытаемся осветить лишь некоторые его стороны. При рассмотрении идентичности важным является понятие «полифоничности», многомерности форм идентичности, ее изменчивость с течением времени [Ермакова 2014, 46; Чмейркова 2006, 83–84], при этом необходимо учитывать взгляд индивидуума, направленный внутрь, и взгляд извне [Штайнке 2014, 220]. Т. Петрович отмечает, что идентичность не является «однозначной и статической категорией; поэтому сейчас в гуманитарных науках, которые занимаются этой проблематикой, преобладают такие концепты, как *множественная идентичность, изменяющаяся идентичность, подвижная идентичность* (курсив автора). Все это... позволяет рассмотреть идентичность как динамичный феномен»[5] [Petrović 2009, 18]. М. Косиц в статье об этнической идентичности словенских подростков в Италии пишет, что идентичности являются социально конструируемыми и постоянно подтвержающимися фактами [Kosic 2012, 72]. Д. Галасиньски и А. Галасиньска также полагают, что идентичность является постоянным процессом становления [Galasiński, Galasińska, 2005, 104]. М. Илич рассуждает о полифоничной идентичности, что предполагает переключение идентичностей или смену идентичностей, а сама идентичность видится как динамичный процесс [Ilić 2014, 47]. А. Джурич-Милованович использует термин «блуждающие идентичности», рассказывая о румынах-неопротестантах в Воеводине. По ее мнению, у индивида может быть много

[5] Вместе с тем встречается и критика понимания идентификации как «ситуативно обусловленного явления» [Соболев 2013, 31].

потенциальных идентичностей, и только от ситуации зависит, когда и как этническая идентичность станет более релевантна, чем другие [Ђурић-Миловановић 2015, 240]. Д. Волков говорит о различных принципах организации коллективных идентичностей: «например, принцип "концентрированных кругов" наподобие "матрешки" (для национальной и локальной идентичностей); или же принцип "взаимно пересекающихся" идентичностей (например, национальных, этнических и религиозных)» [Волков 2016, 13].

Языковые особенности — это связующее звено, объединяющее индивидуальные и социальные идентичности. Язык предлагает средства для создания этой связи и средства для их выражения [Tabouret-Keller 1998, 317]. Идентичность в языке может быть выражена либо эксплицитно, либо имплицитно[6]. В первом случае речь идет о выраженной позиции собеседника, во втором — о скрытых элементах и структурах, закодированных в языке. И в первом, и во втором случаях говорят о «языковой идеологии». Языковая идеология, согласно Т. Петрович, это совокупность логичных, понятных и обоснованных взглядов и мнений о языке [Petrović 2009, 179]. Чтобы исследовать языковую идеологию, необходимо проанализировать способы, с помощью которых говорящие видят и объясняют собственные языковые практики [Там же, 180]. В своей книге «Сербы в Белой Краине» Т. Петрович подробно останавливается на таких понятиях, как «метапрагматическое сознание» (*metapragmatical awareness*) и «метапрагматический дискурс» (*metapragmatical discourse*). Метапрагматическое сознание говорящих обеспечивает идеологически мотивированное использование и отбор имеющихся в распоряжении языковых средств [Там же, 15]. Само это понятие определяется как «установление отношений между использованием языка и осознанием говорящим его использования» [Там же, 88]. Исследователь говорит об эксплицитном и имплицитном характере метапрагматической активности. Так, при «эксплицитной реализации собеседник прямо указывает на определенные языковые события» [Там же, 140], показателем имплицитной реализации метапрагматической активности является переключение

[6] В качестве примера может быть приведено исследование А. Джурич-Милованович о стратегиях реализации идентичности в среде румын-неопротестантов в Воеводине. По ее мнению, роль языка в их общине определяется тем, что они, используя родной язык, усваивают специфическую неопротестантскую терминологию [Ђурић-Миловановић 2015, 240].

кода, феномен, характерный для этнокультурных сообществ пограничья. П. Лайхонен, напротив, пишет, что языковая идеология является только эксплицитным металингвистическим дискурсом или разговором о языке [Laihonen 2008, 669]. С термином «языковая идеология» (*language ideology*) тесно смыкается термин «отношение к языку» (*language attitudes*), которым обозначают «мнения о языке или языковом варианте, позитивно или негативно их оценивающие» [Kovács Rácz 2011, 11]. Утверждается, что на формирование языкового отношения влияют индивидуальные и коллективные функции, обусловленные стереотипами и межгрупповыми отношениями [Garrett Coupland, Williams 2003, 3]. Таким образом, язык помогает индивидууму понять и выразить собственную идентичность, а также понять и описать идентичность других [Majtanova, Abdul Jabar 2014, 241].

Отношение к языку, как одному из основных маркеров идентичности, и выражение данного отношения неразрывно связаны с понятием метаязыковой функции языка, о которой писал Р. Якобсон. Лингвист полагал, что она является одной из основополагающих словесных функций [Якобсон 1996, 21]. Эта функция позволяет «при помощи парафразы, синонимики или же посредством эксплицитной расшифровки эллиптических форм обеспечить полноту и точность общения между собеседниками» [Там же, 21]. Якобсон утверждает, что усвоение языка ребенком обеспечивается параллельным развитием метаязыковой функции, которая позволяет «разграничить приобретаемые словесные знаки и уяснить себе их семантическую применимость» [Там же, 21]. Эта функция остается активной на протяжении всей жизни человека, «сохраняя за всей нашей речевой деятельностью ... колебания между бессознательностью и сознанием» [Там же, 23].

Е.Д. Бондаренко использует термин «наивная лингвистика» для описания рефлексии рядовых носителей языка над собственной речью [Бондаренко 2015, 5]. Автор предлагает следующее определение наивной лингвистики: «особая область обыденного знания, являющая собой систему представлений непрофессиональных носителей языка (в том числе диалектоносителей) о языке, которую можно воссоздать, в частности, на основании анализа метаязыковой лексики и текстов» [Там же, 19]. Значимым компонентом языкового сознания, которое отвечает за отношение языковой личности к языку, является метаязыковое сознание [Там же, 26]. Язык позволяет категоризировать окружающие явления в духе оппозиции «свой» — «чужой» [Там же, 46], поэтому

представления наивных лингвистов важны с точки зрения самоидентификации говорящих и идентификации окружающих. Метаязыковая информация, реализующаяся в виде слов-квалификаторов, слов-характеристик и рефлексивов [Там же, 13, 27, 29], хранится в сознании говорящих в свернутой (номинации, фразеологизмы) и развернутой текстовой форме (присловья, сказки, мемораты, загадки) [Там же, 243].

Говоря о дискурсе сербов в Белой Краине, Т. Петрович приходит к выводу, что их дискурс «отличают особенности, характерные для языковой практики представителей сообществ, проходящих через процесс замены языка: чередование кодов (переключение, смешение, лексические заимствования), нестабильность нормы и т. д.» [Petrović 2009, 61]. В ходе анализа нарративов воеводинских венгров было уделено внимание тому, как информанты относятся к разным вариантам венгерского языка (диалектным, социальным, венгерскому языку в Венгрии), а также к сербскому языку, проанализированы элементы их метапрагматического дискурса.

Соотношение индивидуального и коллективного начала в нарративах связано с проблемой полноты отражения реальности в опыте индивида. Так, метаязыковая картина коллективной языковой личности создается из метаязыковых компонентов речи различных представителей данной общности [Бондаренко 2015, 26]. М. Илич рассматривает нарративы из личного опыта и коллективные нарративы, основанные на коллективной памяти и воспроизводимые большинством в данном сообществе [Ilić 2014, 245]. В некотором смысле коллективная память служит для создания стереотипов. А. Драгин полагает, что устная история (*oral history*) каждого отдельного человека из определенного сообщества представляет интерес и является значимой с социокультурной и исторической точек зрения [Dragin 2015, 12]. Этой же позиции придерживаемся и мы в настоящем исследовании.

Таким образом, для нас важными являются следующие положения. На материале нарративов информантов мы рассматриваем социальные и культурные практики воеводинских венгров, языковые стратегии, эксплицитно и имплицитно проявляющиеся в устной речи. Через воспоминания информанты реаффирмируют действительность и включают ее в современный контекст. Степень объективности этой действительности не ставится под сомнение, поскольку мы верифицируем зарегистрированные практики в других ситуациях (свидетельства других информантов, литературные, публицистические, научные

источники). Естественно, что эти реальности не сводятся к идентичным моделям, поскольку каждое действие индивида уникально. Однако они позволяют проводить сопоставление и вычленять общие глубинные свойства (пусть и отличные в деталях). Благодаря этому выдвигаются обобщения о степени схожести тех или иных регистрируемых явлений. Кроме эксплицитно выраженных высказываний нам также интересны внутренние механизмы построения высказываний, их реализация в определенных контекстах. Данные устной речи анализируются с точки зрения социолингвистики, диалектологии, прагматики, этнолингвистики. При анализе обращается внимание и на внеязыковые маркеры, такие как жесты, мимика, смех и др.[7], оцениваются их роль и наделение смыслами со стороны информантов. Анализ устной речи позволяет считывать идентичность информантов, закодированную, в частности, в метаязыковых высказываниях.

При расшифровке речи мы ориентировались на стандартные варианты венгерского и сербского языков, там, где было необходимо, вносили отдельные диалектные или иные изменения, а также учитывали внеязыковые явления (смех, посторонние шумы и т.д.), которые могли бы повлиять на высказывание собеседников. Ю.М. Лотман пишет, что «устная речь органически включается в синкретизм поведения как такового: мимика, жест, внешность, даже одежда и тип лица» [Лотман 2002а, 327.]. Точка нами не применялась внутри одного высказывания, поскольку очень трудно выделить окончание высказывания интонационно. Здесь мы следуем за М.М. Бахтиным, утверждавшим, что конец высказывания наступает, когда меняется субъект высказывания [Бахтин 2000, 265]. Е.А. Земская отмечает, что разговорная речь «функционирует как речевой поток, само членение которого на синтаксические единицы не всегда легко производить» [Земская 1979, 131]. Кроме того, разговорная речь строится без предварительного обдумывания, что сказывается на словорасположении, организованном по принципу «свободного ассоциативного присоединения частей высказывания по мере их появления в мысли» [Там же, 150], спонтанный характер речи провоцирует неточность, небрежность, «размытость» словоупотребления [Там же, 39].

[7] Речь идет о невербальном поведении человека. Невербальное поведение, как и вербальный знаковый код, являются неразделимыми, интегральными частями одной коммуникативной интерактивной системы [Крейдлин 2002, 69].

3. Изучение языка и культурно-языковой ситуации воеводинских венгров

Язык воеводинских венгров и языковая ситуация в венгерской общине являются объектом исследования многих ученых как из самой Сербии, так и их зарубежных коллег. Активно изучались и продолжают изучаться особенности венгерского языка в Воеводине на кафедре венгерского языка философского факультета университета в г. Нови-Сад. Среди сотрудников кафедры следует отметить деятельность О. Пенавин, которая активно исследовала диалектные особенности венгерского языка в Воеводине, занималась лингвогеографией (были изданы атласы диалектов венгерского языка в Бачке, Банате и Среме) [Penavin 1972; Penavin 1988; Penavin 1995]. М. Микеш исследовала контрастивную венгерско-сербскую грамматику, билингвальную детскую речь (при одновременном усвоении двух языков) (библиографию М. Микеш см. [Vlahović, Bugarski, Vasić (ur.) 2009, 17–36]). В области социолингвистики и психолингвистики работает Л. Гёнц. В своей книге «Венгерский язык в Югославии» [Göncz 1999] он в парадигме количественного исследования описывает сферы функционирования венгерского языка, а также наиболее характерные типичные ошибки, возникшие либо под влиянием сербского языка, либо же имеющие диалектную природу самого венгерского языка. Подобные исследования были проведены во всех сопредельных с Венгрией странах; несомненным достоинством этой серии исследований является единая методика анализа данных и единая система вопросников. В похожем ключе было проведено исследование Э. Ковач-Рац «Языковые отношения в среде воеводинских венгров» [Kovács Rácz 2011]. Автор использует метод масштабного

социолингвистического опроса, в исследовании приняли участие 1165 информантов. Анкета распределялась по населенным пунктам Бачки и Баната (область Срем не была представлена). В работе подробно анализируются реакции информантов на вопросы анкеты, в конце дан список заимствованных лексем и выражений из сербского языка, которые приводили информанты в качестве иллюстрации межъязыковой интерференции [Там же, 331–381]. Социолингвистическое изучение венгерской общины Белграда, состоящей из воеводинцев, предпринято в работе [Balla, Bulanović, Ilić 2012]. Количественное исследование проводилось среди студентов отделения венгерского языка и литературы филологического факультета Белградского университета, а также среди прихожан церкви св. Петра [Там же, 571].

Проблемы двуязычия у венгерских учащихся, функционирование языков изучает Э. Андрич, вносящая в количественное в своей основе исследование элементы открытых вопросов [Andrić 2004, Andrić 2009]. Сербско-венгерская интерференция в венгерском языке, проявляемая на разных языковых уровнях, становится объектом исследования в работах Э. Катоны [Katona 1996], И. Ланц [Láncz 2004]. Контрастивный подход к лингвистическим феноменам венгерского и сербского языков характерен для работ Й. Вайды [Vajda 1976], Д. Звекич-Душанович [Zvekić-Dušanović 2001, 2006], Н. Арсениевич [Arsenijević 2001]. Несколько другой ракурс исследования венгерско-сербского двуязычия находим у М. Бурзан. Особенность ее работы состоит в том, что в ней анализируются сербский язык информантов, типичные ошибки воеводинских учащихся в сербской речи [Burzan 1984]. Интерес не только к сербской речи воеводинских венгров, но и к функционированию сербского языка в билингвальной среде нашел отражение в нашем исследовании [Пилипенко 2010].

В недавно вышедшей книге А. Драгин, повествующей о жизни венгерки в новисадском районе Телеп [Dragin 2015], применен качественно ориентированный подход в русле антропологических исследований: через наррацию анализируются ключевые жизненные моменты информанта, затрагиваются также и лингвистические особенности речи — сербские лексические и грамматические элементы. Качественно ориентированное исследование языковой идеологии воеводинских венгров, проживающих в Венгрии, было проведено в работе Э. Габрич [Gábrity 2012]. Венгры из г. Нови-Сад (учащиеся

средних школ) стали объектом исследования в книге К. Джорджевич [Đorđević 2004]. Автор изучает функциональное распределения языков, а также мнение информантов об этих языках. В работах немецкого ученого Ф. Вассершайдта внимание уделяется дискурсивному анализу речи венгерско-сербских билингвов в Воеводине [Wasserscheidt 2010].

Проблематика сербско-венгерских языковых и культурных отношений рассматривается не только на воеводинском материале. Отметим несколько работ, в которых объектом исследования стали представители сербского меньшинства в Венгрии. М. Прелич занималась анализом идентичности и функциональным распределением языков у сербов в Ловре [Прелић 1995], М. Илич посвятила свою работу исследованию нарративов сербов в Сигетчепе и анализу маркеров идентичности, связей между дискурсом и экстралингвистической реальностью, между дискурсом и идентичностью [Ilić 2014].

В настоящей работе, как уже упоминалось, исследуются вопросы лингвистического, этнографического, культурологического характера. Мы основываемся на анализе устной речи информантов (интервью), а также на записях спонтанной речи на венгерском и сербском языках.

4. Двуязычное пространство в прошлом и настоящем

Интервью используется многими гуманитарными науками как средство получения эксплицитной и имплицитной информации. Нас интересовали культурные практики прошлого и прошлый опыт информантов при их социализации, а также факты современной лингвистической реальности. Во время интервью, когда целью служит выяснение биографии информанта, «опрашиваемые должны сами структурировать свой рассказ как “эксперты своей жизни и опыта”» [Vavti 2012, 58], через воспоминания они реконструируют события, действия, переживания. У. Вольф-Кнутс говорит следующее о процессе вспоминания, главном в дискурсе наших информантов: «Когда мы вспоминаем и рассказываем другим о нашем жизненном выборе, мы восстанавливаем события в нашей психике, мы устанавливаем контакт с самим собой как с другим человеком, решения и поступки которого мы рассматриваем “извне”. Мы оцениваем этот жизненный выбор и ведем переговоры с самим собой в процессе оценки» [Wolf-Knuts 2014, 3].

Для наших целей было важным выяснить, как происходит оценка отдаленных по времени событий, а также то, какие вербальные и невербальные средства для этого используются. Благодаря воспоминаниям наших информантов мы можем узнать, какими были в прошлом те населенные пункты, районы, места, в которых проходили экспедиции. При применении ретроспекции возникает близкий каждому человеку образ, связанный с его детскими, юношескими годами, молодостью. Информанты делятся знаниями об облике тех мест, их инфраструктуре, архитектуре зданий, планировке, что воссоздает атмосферу самого места и одновременно позволяет собрать сведения о языковой ситуации.

4.1. Нови-Сад

В данном разделе будут приведены фрагменты бесед с информантами о Телепе, районе г. Нови-Сад, в прошлом населенном преимущественно венграми, а также о самом г. Нови-Сад, какими они запомнились информантам на временной дистанции с конца 40-х и примерно до начала 70-х гг. XX в. Приводятся фрагменты интервью от информантов-венгров на сербском и венгерском языках, от старожилов-сербов на сербском языке и от информанта украинской национальности на украинском языке, в котором ощущается сербское влияние.

Телеп был основан в окрестностях г. Нови-Сад в конце XIX в. по плану министра сельского хозяйства Венгрии Игнаца Дорани (*Ignác Darányi*). По фамилии министра и называли это поселение (*Dorányi telep — поселение Дорани*). Поселенцам давали землю для посадки виноградников и для строительства дома. Александр Адамович, торговец вином, предоставил для разведения виноградники (в его честь назван соседний с Телепом район *Adamovićevo naselje*) [Dragin 2015, 17]. На Телепе поселились венгры[1], которые стали заниматься сельским хозяйством — выращивали виноград[2]:

> [4.1.1.] *Telep az úgy keletkezett hogy azt a részt fölszabdalták | és akkor kaptak egy szőlőt az emberek | és egy házhelyet | nem tudom | hány ezer család kapott így | az első világ háború előtt || szőlőművések | sokkal jártak át csónakkal | a Fruska Gorára | ott volt szőlőjük | és akkor itt is volt | nagyon* ***sokan szőlősgazdák voltak*** (Телеп возник так, что эту часть нарезали, и люди получили виноградники, и место для дома, не знаю, сколько тысяч семей так получили, до Первой мировой войны, виноградари, они много ездили на лодках, на Фрушку Гору, там были их виноградники, и потом тут тоже были, очень **многие были виноградарями**) (НС)[3].

---

[1] Венгерское население было также в самом Нови-Саде, однако в урбанной среде венгры не преобладали. Так, в XVIII в. в городе существовал только один профессиональный венгерский цех — цех сапожников [Érdujhelyi 2002, 228], тогда как другими цехами владели немцы и сербы. О мультиконфессиональном характере Нови-Сада в конце XIX в. свидетельствуют данные переписей: в 1891 г. католиков насчитывалось 9581, православных (в основном сербов) — 8908, евангелистов (в основном немцев и словаков) — 2449, реформатов (в основном венгров) — 1928, иудеев — 1507 [Там же, 168, 172, 188, 189, 192].

[2] Далее по тексту примеры высказываний информантов, имеющие нумерацию в квадратных скобках, называются фрагменты (нарративов).

[3] В приводимых фрагментах отражались индивидуальные особенности речи информантов. После каждого примера приводится место записи: НС — Нови-Сад,

Другой информант рассказывает о своих детских впечатлениях (1950-е гг.). В рассказе он воссоздает атмосферу провинциального, практически сельского быта, когда улицы были еще не асфальтированы, что позволяло детям больше времени проводить вне дома со сверстниками, а родителям не бояться за их безопасность из-за движения автомобилей. Образ бабушки информанта, сидящей перед домом и беседующей с соседями, призван усилить впечатление о сельском характере Телепа того времени. Жители выращивали овощи в своих огородах, что сейчас трудно себе представить в условиях современного города из-за возросшей урбанизации и сноса старых домов в частном секторе. Информант с ностальгией вспоминает то время:

[4.1.2.] ***Telep je naravno nije izgledao ovako urbano*** | *ulice nisu sve bile asfaltirane* | *ali po meni je to bilo jako lepo* | *zato što su se deca igrala na ulici* | *nije bilo tolko saobraćaja* | *više se družilo* | *znam da i roditelji su se više družili* | *moja baka je onako još sedela ispred kuće sa komšinicama i pričala tako da ovaj* | *mislim* | *dobro*| *to su bila takva vremena* | *autobusom smo išli do grada* | *nije bilo tolko automobila* | *bile su velike bašte* | *svi su oko svoje* ***okućnice*** | *imali ono osnovno povrće* | *voće* | *meni je bilo jako lepo u ono vreme* (**Телеп, конечно, не выглядел так по-городскому**, не все улицы были асфальтированы, но, по-моему, это было очень хорошо, потому что дети играли на улице, не было такого движения, больше общались, я знаю, что и родители больше общались, моя бабушка вот так еще сидела перед домом с соседками и разговаривала, так что, я думаю, хорошо, это были такие времена, на автобусе мы ехали до города, не было столько автомобилей, были большие огороды, все около своего **огорода**, были основные овощи, фрукты, мне было очень хорошо в то время) (НС).

Во фрагменте [4.1.3.] описан уже другой период, детство информанта, пришедшееся на 1960-е гг. Мы видим, что тогда дети могли спокойно играть на улице до темноты:

[4.1.3.] *Szóval mi történik a Telepen?* | *hogy van az ottani élet?* | *fölhívom edésanyámat* | *beszélek* | *csak hogy vagy* | *nem beszélünk arról hogy milyen*

В — Войловица, Ск — Скореновац, А — Ада, Ан — Адорьян, М – Михайлово. Краткая пауза в высказываниях на венгерском, сербском и украинском языках обозначается при помощи |, более длительная пауза — при помощи ‖. Троеточие (...) используется, если был опущен незначительный для конкретного примера фрагмент нарратива. В квадратных скобках восстановлены важные для понимания высказывания слова и словосочетания. Смех и улыбка собеседников отображаются в скобках (напр. (смех)).

az élet | *de* ***amikor én gyerek voltam*** | *nem éreztem semmit* | *mentünk szánkózni* | *téli szünet volt* | *együtt mentünk az egész utca* | *nem volt hogy vártuk azt a hét órát este hogy leessen a sötét* | *az egész utca* | *gyerekek* (Словом, что происходит на Телепе? какая там жизнь? я звоню маме, разговариваю, только о том, как она, мы не говорим о том, какая жизнь, но **когда я была ребенком**, я не чувствовала ничего, мы шли кататься на санках, были зимние каникулы, мы вместе шли по улице, не было, чтобы мы ждали семи вечера, что стемнеет, вся улица, дети) (НС).

Однако в последнее время Телеп стал другим. Изменение городского ландшафта отмечено во фрагменте [4.1.4.]: земли сельскохозяйственного назначения застраиваются, город расширяется. Информант говорит о том, что их старый дом снесли, а затем дали квартиру в новостройке:

[4.1.4.] *P. Most nincs* | *mert* ***lebontották a házakat****, építették azt a ...*
G. Ez új?
P. Persze | *ez most lett felépítve* | *mennyi?* | *egy éve hogy behozták az embereket* | *itt volt nekünk a házunk* | *szóval itt volt a szomszédnak a háza* | *itt voltunk mink* | *és a ház névébe kaptam eztet ahol dolgozok.*

П. Сейчас нет, потому что **дома снесли**, построили этот...
Г. Новый?
П. Конечно, это сейчас построили, сколько? один год, как заселили людей, здесь был наш дом, словом, здесь был соседский дом, здесь были мы, и за свой дом я получила это [помещение], где я работаю (НС).

О сельском характере окрестного ландшафта говорит информант украинской национальности, проживающий на севере от района Телеп. Ниже приводятся свидетельства, относящиеся к послевоенному времени:

[4.1.5.] *Град* | *Но́ві-Сад* | *кад смо прии̂хали сюди́ тут було́* | ***все би́ли хати́*** | *дома́* | *нє були́ оци̂ таки̂ двоета́жні* | *о́вай* | *нє є було́* | *було́ хати́* | *по́сля* | *сад два ро́ка* | *як зроби́ли оци̂ хати́ там* | *оти̂ дома́* | *ета́жні* | ***все би́ли поля́*** | *там* | *Хфу́тошки* | *Хфу́тошка доро́га* | *та́мо все були́ хати́ і поля́* | *все су лю́ди сі̂яли жи́то* | *пшени́цю* | *все су та́мо сі̂яли лю́ди* | ***ні̂є є було́ та́ко*** (Город, Нови-Сад, когда мы приехали сюда, тут было, **все были дома**, не были такие двухэтажные, это, не было, были дома, сейчас два года, как сделали эти дома там, эти дома, многоэтажные, **все были поля**, там, Футошки, Футошки пут, там все были дома и поля, люди сеяли пшеницу, все люди сеяли, **не было так**) (НС).

В контексте нашего исследования важно, что изменение архитектурного ландшафта и урбанизация влекут за собой и изменение в этническом составе населения и, как следствие, в языковой ситуации. Под языковой ситуацией мы понимаем «языковое обеспечение коммуникации в социуме» [Нещименко 2003, 15]. В самом районе Телеп еще сохранились частные дома с типичной застройкой, однако постепенно практика сноса старых домов и замена их многоквартирными современными комплексами проникает и сюда. Сегодня район Телеп считается одним из престижных в Нови-Саде [Dragin 2015, 17]. До появления в окрестностях Телепа промышленных предприятий в этой части Нови-Сада еще сохранялась «венгерская среда», однако позже сюда начинают переезжать сербы. По данным статистики, в 2005 г. в районе проживало 17000 жителей, большинство составляли сербы [Úri 2007, 63]. А. Драгин пишет, что многие сербы переселились в эту часть города в последние два десятилетия [Dragin 2015, 18]. Тем не менее Телеп продолжает оставаться центром венгерской культурной жизни, здесь функционирует культурное общество им. Шандора Петёфи, две восьмилетние школы, в которых открыты венгерские классы (в последнее время численность учащихся в них снизилась) — школа им. Аттилы Йожефа и школа им. Николы Теслы.

Телеп считался тем местом, где заканчивается город и начинается село. До окраин города ходил трамвай. Жители Телепа помнят, как было непросто добраться до центра Нови-Сада. На ощущение социальной и национальной обособленности накладывалось еще чувство географической изолированности жителей Телепа, сформированное из-за его труднодоступности и удаленности. Регулярное сообщение с центром Нови-Сада было установлено только в 1958 г. [Dragin 2015, 17]. Ниже приведем свидетельства информантов о транспортной доступности Телепа:

[4.1.6.] *Cárá Dusáná* | *igen* | ***kétharmada akkor magyar*** | *de akkor még családi házak voltak* | *most már alig van belőlük négy* | *öt* (*Cárá Dusáná*) (бульвар Царя Душана), да, **две трети были тогда венграми**, но тогда были частные дома, а сейчас едва наберется четыре-пять [частных дома]) (НС).

[4.1.7.] *K. Ezen a nagy sugárúton valamikor is ment a vasút* | *ez vasút volt* | *és ment a postáig* | *egy kis posta* | *piac* | *Limáni piac* | *ott van egy kis posta* | *az volt a vasútállomás* | *s akkor erre ment a vasút* | *még részei megvannak*

| *arra vége felé ... itt volt a városnak a vége* | *a villamos* | *tramvaj* | *az itt fordult meg* | *ezen a sarkon* | *és itt volt a korház* | *ez akkor a városnak a széle volt* | ***Telep az már ilyen falunak számított***.
G. Tehát nem volt a város része?
K. Igazán nem | *különállónak tekintették* | *olyan külváros* | *amit hát külön tekintettek.*

К. На этом большом проспекте когда-то была железная дорога, это была железная дорога, она шла до почты, небольшое здание почты, рынок, лиманский рынок, там есть небольшое здание почты, когда-то это была станция, и до туда шла железная дорога, ее части и сегодня есть, туда до конца ... там был конец города, трамвай (венг.), трамвай, тут разворачивался, на этом углу, и тут была больница, и это была окраина города, **Телеп уже считался селом**.
Г. Т. е. он не был частью города?
К. На самом деле нет, его считали отдельной частью, такое предместье, которое, ну, можно считать отдельным (НС).

[4.1.8.] *Nem* | ***Telepen nagyon nehéz volt a közlekedés*** | *amikor én idekerültem* | *akkor is nehéz volt* | *kellett erre busszal és utána mentél valahova* | *Telepről bussz* (Нет, **на Телепе было очень трудно с транспортом**, когда я попал сюда, и тогда было трудно, до этого места нужно было ехать на автобусе, а потом ты шел куда-то, с Телепа автобус) (НС).

Прошлое ассоциируется с преобладанием венгерского населения в районе Телеп, с большей ролью венгерского языка в локальном сообществе[4]. Символической границей этого периода является индустриализация, урбанизация и приток сербского населения. Смену эпох информант из фрагмента [4.1.9.] характеризует фазовым глаголом (*utána már kezdődött* — и потом уже началось). С. Чирковић, анализируя временные маркеры в речи косовских беженцев, также отмечает частое использование глагола «начаться» в нарративах (*počelo je*), «символизирующего начало войны [война в Косово] как временную границу, по отношению к которой собеседники лоцируют события, о которых они говорят» [Ћирковић 2012, 88].

[4] О венгерском характере Телепа в прошлом упоминает информант в исследовании А. Драгин: *Mađarska. Mađarska deca, uglavnom su Mađari bili na Telepu. Na Telepu je ... je, je retko ko bio ... a da nije bio Mađar. Mađarska, mađarska, ceo Telep je bio mađarski* (Венгерские. Венгерские дети, в основном венгры были на Телепе. На Телепе ... редко кто был ... не венгр. Венгерские, венгерские, весь Телеп был венгерским) [Dragin 2015, 87].

[4.1.9.] ***Telepen java rész magyarok voltak*** | *akkor a mestereim magyarok voltak* | *java részt* | *mondjuk rá* | *huszonöt* | *harminc évig* | ***utána már kezdődött*** | *nagyobb vállalat* | *több szerb jött* | *akkor már nem* | *sokkal többet beszéltünk akkó így a néppel* | *mert* ***sokkal több magyar volt*** | *az üzletekbe is még a környezetbe* | *szomszédok* | *a gyerekkorban még a legénykorban mint már ma* **(На Телепе большей частью были венгры**, тогда моими мастерами были венгры, большая часть, скажем, двадцать пять, тридцать лет, **потом уже началось**, большие предприятия, приехало много сербов, тогда нет, мы гораздо больше разговаривали с людьми, потому что **было гораздо больше венгров**, в магазинах и в окружении, соседи, в моем детстве и юношестве, чем сейчас**)** (НС).

Об особой среде, где все друг друга знали и, благодаря этому, было чувство большей безопасности, свидетельствует информант в [4.1.10.]. Эти воспоминания являются контрастом для современной ситуации, когда потеряна связь с окружающими из-за миграций и смены поколений:

[4.1.10.] *Jako dugačka ulica* | *ona ide skroz do Futoga* | *moji su negde tu na polovini* | ***ja sam nekad znala u svakoj kući ko stanuje*** **(**Очень длинная улица, она идет до Футога, мои где-то там на середине, **я когда-то знала, кто живет в каждом доме)** (НС).

Таким образом, Телеп и районы Нови-Сада, непосредственно примыкающие к нему (Детелинара, Адамовичево населе, Грбавица), сегодня подвергаются форсированной урбанизации [Dragin 2015, 18]. На смену сельскому укладу, который еще застали информанты, приходит большой город с его закономерностями развития. Постепенно вымывается старая среда, ощущение географической обособленности, чувство того, что Телеп находится на окраине Нови-Сада (и в какой-то степени даже ему не принадлежит). Ср., например, мнение информанта об изменениях в районе Грбавица:

[4.1.11.] *Az úgy nevezett* ***Grbávicának nevezik*** | *ez a Limán mellett* | *szóval* | *nem tudom megmagyarázni* | *a Limáni piac mögotti része* | ***ahol földszintes házak voltak*** | *tíz évvel ezelőtt és most kezdődött a földszintes családi házak lebontása* **(**Так называемая, **называется Грбавица**, это рядом с Лиманом, я не могу объяснить, район за лиманским рынком, **где были одноэтажные дома**, десять лет назад, и начался снос частных домов**)** (НС).

Как результат, трансформируется и языковая ситуация: вместе с патриархальностью, сельским бытом уходит и замкнутый венгерский мир; промышленные предприятия и жилые объекты как бы накладываются на венгерскую основу, которую все труднее разглядеть в городском ландшафте и о которой визуально свидетельствуют лишь топонимика (в том числе и названия улиц[5], напр., имена деятелей венгерской истории, литературы, культуры: *Kiš Ernea* (улица Эрнё Киша), *Senteleki Kornela* (улица Корнеля Сентелеки), *Petefi Šandora* (улица Шандора Петёфи), *Adi Endrea* (улица Эндре Ади), *Karas Pala* (улица Пала Караша)), культурные учреждения (культурное общество им. Шандора Петёфи) и конфессиональные объекты (католическая и реформаторская церкви). Собеседники напрямую связывают урбанизацию и изменение их уклада жизни, а также ослабление позиций венгерского языка в повседневной жизни Телепа. В то же время функционирование венгерского языка неразрывно ассоциируется именно с районом Телеп как самым венгерским местом на карте Нови-Сада.

4.2. Войловица

История Войловицы с точки зрения развития урбанистики в некотором отношении похожа на историю Телепа. Войловица[6] была отдельной деревней, в которой наряду со словаками и немцами (последних выселили после Второй мировой войны) проживала значительная община венгров-реформатов, секеев, переселившихся в конце XIX в. из Буковины. В 1970-е гг. село административно вошло в г. Панчево. Для жителей Войловицы Панчево всегда был центром притяжения, поскольку предоставлял возможность для устройства на работу на заводах и предприятиях, о чем находим свидетельство у информанта в следующем фрагменте. Здесь, так же как во фрагменте [4.1.9.], мы видим фазовый глагол, который используется для

[5] Следует отметить, что в сербской топонимике, а также в названиях учреждений (библиотеки, школы) на сербском языке венгерские имена и фамилии пишутся согласно правилам порядка слов в венгерском языке, когда фамилия предшествует имени (венг. *Ady Endre*, рус. *Эндре Ади*, серб. *Adi Endre*), тогда как собственно сербские имена и фамилии пишутся в ином порядке (ср. *ulica Jovana Popovića*).

[6] Венгерское название села *Hertelendyfalva*. Оно названо в честь жупана области Торонтал (*ispán*) Иштвана Хертеленди (*Hertelendy István*), который в 1882 г. способствовал переселению секеев из Буковины.

обозначения символической временной границы, отделяющей один период от другого (*kezdődött* — началось):

[4.2.1.] *Az ötvönös évek végén* ***kezdődött*** | *akkor* ***jönnek a gyárak*** | *hogy kezdtek épülni* | *úgy kezdtek élni* (**Началось** в конце пятидесятых годов, тогда **пришли заводы**, начали строить, так начали жить) (В).

В Войловице с 1950-х гг. появляются сербы, тогда же начинаются урбанистические преобразования, строятся промышленные предприятия [Дрљача 2011, 227]. Расположение в непосредственной близости к Панчеву определило судьбу самого села, оно сливается с городом, сейчас административно является его частью.

[4.2.2.] *Itt a magyarok közé akkor az ötvenes évek végén* [a szerbek] *kezdtek jönni ide* | *akkor ötvenhét — ötvenyolcban az első placok* | *ez az utolsó* | ***ez a magyar utca*** || *előbb volt kiplacozva és két utca lett* | *úgy mondták hogy Spoljno Petőfi* | *de aztán átkeresztelték Bratstvo jedinstvo* || *s akkor úgy lett Bratstvo jedinstvo utca* | *úgy* ***vannak magyarok is abba az utcába*** | *de a szerbek kezdtek az ötvönös évek vége felé* (Здесь среди венгров тогда в конце пятидесятых годов начали сюда приезжать [сербы], тогда в пятьдесят седьмом — пятьдесят восьмом годах первые участки, это последний, **эта венгерская улица**, раньше было поделено на участки и стало две улицы, говорят *Spoljno Petőfi* (внешнее Петёфи), но потом нарекли *Bratstvo-jedinstvo* (братство — единство), и потом стала улица *Bratstvo-jedinstvo*, и так **венгры тоже живут на этой улице**, но сербы начали [приезжать] в конце пятидесятых годов) (В).

[4.2.3.] *Mert mondjuk a Pancsevó város ahogy szélesedett* | ***akkor nőtt be egybe a faluba*** | *úgyhogy már hatvanas években meg is szűnt a falu mint település* | *akkor úgy lett, hogy mint külön hely* | *közösség* | *egy éppen egy része Pancsovának* (Потому что, скажем, город Панчево, по мере разрастания, **слился с селом**, так что уже в шестидесятые годы село перестало существовать как населенный пункт, тогда стало отдельным местом, общиной, именно как часть Панчева) (В).

В Войловице протекают те же самые процессы, что которые происходили и происходят в районе Телеп: изменение уклада жизни, бóльшая урбанизация, приток сербоязычного населения влекут за собой трансформацию языковой ситуации. Воспоминания информантов о «прошлой» жизни, в которой рисуется практически идиллическая картина ушедшей эпохи, вписываются в такое понятие, как «ностальгический дискурс». Н. Бесниер отмечает, что ностальгический

дискурс противостоит характеристикам настоящего [Besnier 2009, 76], так, у жителей атолла Нукулаэлаэ, расположенного в южной части архипелага Тувалу, он теснее всего ассоциируется с гармонией и идиллической картиной [Там же, 64].

4.3. Скореновац

Изменения в сфере инфраструктуры населенных пунктов также связаны с изменением языковой ситуации. Так, информанты из Скореновца отмечали, что раньше не было асфальтовой дороги, которая связывала село с более крупными населенными пунктами, в частности с Ковином. Показательно, что для характеристики состояния существовавшей тогда дороги употреблено сербское выражение — *turska kaldrma*, дорога, выложенная булыжником. Автобусное сообщение с Ковином было только дважды в день, поэтому часто ходили просто пешком. Велосипедов, такого удобного средства передвижения как в крупных селах, так и на небольшие расстояния между населенными пунктами, также не было. Основным средством передвижения была повозка, запряженная лошадьми [4.3.1.]. Местные жители вспоминают, как была построена современная дорога, по которой сегодня можно попасть в Скореновац:

[4.3.1.] *Rendes út se volt itt* | *az a* ***turszká káldrmá*** | *ami volt* | *úgyhogy az* | ***busz csak kétszer jött ide*** | *Kovinból reggel ötkor* | *még délután* | *az ment gyalog* | *nem volt bicikli* | *vagy kocsival* (Даже нормальной дороги здесь не было, была **булыжная мостовая**, так что **автобус приезжал сюда только два раза**, из Ковина утром в пять часов, и затем в полдень, ходили пешком, не было велосипеда, или на повозке) (Ск).

[4.3.2.] *Akkor* ***nem volt autobusz*** | *aztán csinálták az utat* (Тогда **не было автобуса**, потом сделали дорогу) (Ск).

Инфраструктурные изменения ассоциируются с усилением позиций сербского языка, что способствует его усвоению в местной общине. Показательны фрагмент диалога между исследователем и жителями Скореновца и свидетельство местных жителей:

[4.3.3] *G. Sikeresen folyik a tanulás? || A szerb nyelv tanulása?*
N1. Most már igen | ***mert megcsinálták a hidat*** | *a Dunán* | *Szmederevóra* | *akkor már oda is járnak iskolába* | *még hát onnan is jönnek* | *még jönnek a fiatalok, diszkóba.*

Г. Успешно идет учеба? Изучение сербского языка?
Н1. Сейчас да, **потому что сделали мост**, на Дунае, в Смедерево, уже туда ездят в школу, ну, и оттуда приезжают, приезжает молодежь, на дискотеку (Ск).

[4.3.4] *A rádió se volt nagyon* | ***akkor nem volt híd*** | *televizió* | *nem volt alkalom megtanulni* (Радио особо не было, **тогда не было моста**, телевидения, не было возможности выучить) (Ск).

Успешное овладение сербским языком в сознании информантов опосредованно связано с существованием моста через Дунай (дорога из Ковина в Смедерево). Смедерево не относится к Воеводине, а принадлежит уже к другому культурно-историческому региону. Этот мост является единственным связующим звеном между Банатом и Центральной Сербией: ближайший мост через Дунай находится вниз по течению в Белграде (*Pančevački most*). Вверх по течению на сербской территории моста больше нет, далее уже начинается территория Румынии, а Дунай, сталкиваясь с отрогами Карпат, резко меняет свое течение и поворачивает на юг (ущелье *Железные ворота,* серб. *Đerdapska klisura,* рум. *Porțile de Fier,* венг. *Vaskapu-szoros*). Связь с Центральной Сербией сделала возможными экономические и культурные отношения между этими регионами. Так, молодежь из Скореновца выбирает среднеобразовательные учебные заведения, расположенные в Смедерево. С другой стороны, по свидетельству самих информантов, в Скореновац приезжает молодежь из Смедерево на молодежные мероприятия, дискотеки. Именно этот мост ассоциируется с возросшим влиянием сербского языка, его большей распространенностью среди молодежи Скореновца. Собеседник, отвечая на вопрос исследователя «*успешно ли осуществляется обучение сербскому языку*», относящийся только к образовательному процессу в школе, в качестве причины «успешности» приводит аргументацию, прямо не касающуюся школьного образования, а относящуюся к общественно-экономическим изменениям в локальной общности: возведение моста через Дунай. Характерно, что собеседник прокомментировал это, употребив временно́е наречие «*уже*», что следует понимать как временной маркер: до строительства моста связи с другим берегом, а значит, и распространения сербского языка (в том числе и успехов в его изучении в школе) было меньше. Во фрагменте [4.3.4.] информант еще раз подчеркивает значимость инфраструктурного

объекта в деле распространения сербского языка, при этом уже напрямую проводит параллели между мостом и изменением уровня языковой компетенции в сербском языке среди венгров в Скореновце (в основном — среднего и младшего поколения).

Таким образом, трансформация городского и сельского пространства (усиление урбанизации и облегчение транспортной доступности населенных пунктов и районов) и развитие промышленности способствуют изменению этнического состава (приток сербского населения) и вовлечению ранее остававшихся закрытыми этнических районов в новые экономические связи. Прошлое предстает как время, в котором венгерский язык и венгры жили в более гомогенной среде (особенно это характерно для больших городов). Рассмотренные ситуации не являются уникальными. Так, ускорение процесса взаимодействия языков связано в том числе и с социально-экономическими изменениями, что, например, показано на примере языковой ситуации между испанским языком и языком тотонак в Мексике: улучшение коммуникации между индейскими поселениями и остальной частью страны делает их более доступными и открытыми для влияния испанского языка [Lam 2009, 219].

4.4. История переселения секеев из Буковины

Особое место в рассказах информантов занимает история основания поселения. Информанты пересказывают факты возникновения, учреждения поселений, среди основателей которых были и их предки.

Венгры из трех южнобанатских сел (Скореновца, Иванова и Войловицы) являются переселенцами из Буковины, при этом они принадлежат к этнической подгруппе венгров — секеям. Практически все информанты помнили историю возникновения своего села, могли рассказать, из какого села в Буковине были их предки:

> [4.4.1.] *Mind öt falu volt Romániában* | *most onnan* | *ahogy jöttek* | *ki hova telepedett le* | *ide* ***a mi őseink Andrásfalváról*** | *megmaradtak azok a szokások* | *amit ők elhoztak* | *még most is van* (Все пять сел были в Румынии, и оттуда, когда приехали, расселился кто куда, сюда — **наши предки, из Андрашфалвы**, сохранились эти обычаи, которые они принесли, и сейчас есть) (В).

[4.4.2.] *Itt jelenleg a Hertelendyfalvára körülbelül egy kétszáz református család jött | **Andrásfalváról jöttünk Bukovinából** és csak települtek ide | szóval | két mások falu azok katolikusok* (Здесь в настоящее время в Войловице живет приблизительно двести реформатских семей, **мы пришли из села Андрашфалва из Буковины** и поселились здесь, словом, два остальных села — они католики) (В).

Акцентируется также внимание на том, что все обычаи, которые были распространены на Буковине, были перенесены на новое место, в Воеводину, без изменений [4.4.1.]. Таким образом, современными жителями секейских деревень отчетливо ощущается языковая и культурная преемственность по отношению к предкам, проживавшим на Буковине. Подчеркивается и конфессиональное различие: буковинские секеи из Андрашфалвы были реформатами, остальные переселенцы были католиками.

Некоторые приводили воспоминания своих родителей, бабушек и дедушек — первых переселенцев. В следующем фрагменте подробно описываются трудности первых переселенцев в Скореновце[7]:

[4.4.3.] *Ezernyolcszázkilencvenegy| kettőbe | először letelepedtek a Duna mentén | lent a rétre | de || jött a talajvíz | az én öregapám ott volt | úgyhogy csináltak egy kis kalibát | sárból | két évig | három | ott voltak | kínlódtak | a kincstárnak fő embere eljött | meglátogatta | népet nem szabad itt hagyni | mert mind tönkremegy | akkor volt egy jómodú ember | megcsinálták a székelynek a helyet | akkor Gyorgyevóról a rétről feltelepedtek | a kincstár kiadta a plácokat | rendezték az utcákat | mindent | jöttek onnan | és kaptak épületanyagot | cserepet | gerendát | úgy az emberek építették* (В 1891–92-м году, сначала поселили на Дунае, внизу на лугу, но, подошли грунтовые воды, мой дедушка там был, так что сделали небольшие хижины, из грязи, на два года, три, там были, мучились, приехал глава государственной казны, посетил их: народ нельзя так оставлять, потому что все разрушится, тогда это был зажиточный человек, они дали секеям место, тогда из Дёрдева, с луга они переселились, государство дало место, обустроило улицы, все, они пришли оттуда, получили строительный материал, черепицу, балки, так люди строили) (Ск).

[4.4.4.] *Székelyek ezernyolcszáznyolcvanháromba jöttek | itt azelőtt nem volt falu | Bukovinából | onnan jöttek | ide lettek telepítve | legálisan | minden papír | de nem ide | hanem a Dunára | 8-9 kilométer | Györgyöva*

[7] Подробнее о селе Скореновац см. [Galambos 2008].

| *mikor ide jöttek* | *akkor itt már voltak palóc* | *magyarok is* | *de három falu van* | *Hertelendyfalva Vojlovica* | *Ivanova Sándoregyház és Székelykeve* | *ez a három bukovinai székely falu* (Секеи пришли в 1883 году, здесь до этого не было села, из Буковины, оттуда пришли, сюда и поселили, легально, все документы [есть], но не сюда, а на Дунай, 8–9 километров, (Дёрдёва), когда сюда пришли, здесь уже были палоцы, тоже венгры, но три села, Хертелендифалва (венг.) — Войловица, Иваново — Шандоредьхаз (венг.) и Секейкеве (венг.), это три буковинских венгерских села) (Ск).

Приведенный фрагмент [4.4.3.] можно назвать опосредованным воспоминанием, информант ссылается на свидетельства своего дедушки (*az én öregapám ott volt* — мой дедушка там был). По всей видимости, вводя в качестве свидетеля своего дедушку, информант придает этому высказыванию большую достоверность. Т. Петрович пишет о том, что при ссылке на чужое мнение или цитировании других создается эффект деперсонализации, а высказыванию придается большая значимость [Petrović, 2009, 150].

4.5. Доминантные объекты

Специфика восприятия собственного пространства в границах своего населенного пункта проявляется в том, что доминантные природные объекты, которые, в конечном счете, обусловили появление этих поселений именно здесь, упоминаются в нарративах как неразрывно связанные с идентичностью жителей, их автобиографиями, историями их предков, а также с их хозяйственной деятельностью. Таким значением наделяется Дунай, вдоль которого было основано первоначальное поселение буковинских секеев, а также возник Телеп. Для жителей Ады и Адорьяна таким географическим ориентиром является река Тиса.

Кроме того, неразрывно связаны с данной местностью антропогенные объекты, прежде всего — конфессиональные, существующие или некогда существовавшие, а также культурно-просветительские. Некоторые из них характеризуют локальную идентичность, другие являются символом только венгерской идентичности[8].

[8] О символическом характере подобных объектов как символе национальной идентичности говорит тот факт, что при инцидентах, направленных против венгерской

В районе Телеп такими объектами являются католическая и реформатская церкви, в Войловице — реформатская церковь, в Аде — католическая церковь, православная церковь и разрушенная еврейская синагога, в Скореновце — католическая церковь. Локальная идентичность актуализируется через ассоциацию именно с этими доминантными строениями[9]. Они служат для ориентира в пространстве, в частности, несколько раз собеседники, чтобы объяснить исследователю расположение каких-то других объектов, упоминающихся в разговоре, прибегали к объяснению через отсылку к конкретной церкви. Говоря о роли синагог в бывших еврейских местечках Восточной Европы, О. В. Белова подчеркивает, что даже «переделанные, полуразрушенные, покинутые — еврейские синагоги по-прежнему организуют вокруг себя пространство местечек, своим расположением указывая направления старых дорог и улиц» [Белова 2005, 141]. Упоминание о культовых сооружениях может также происходить в связи с конкретными событиями из личной жизни информанта, например, крестины (фрагмент [4.5.1.4.]), свадьба и др., и поэтому они эмоционально близки собеседникам.

4.5.1. Культовые сооружения

Доминантными на Телепе являются, как было сказано выше, католическая и реформатская церкви, хотя реформатская община уступает по численности верующих католической. Церкви упоминаются как отправные точки для ориентации в пространстве, важны они и как место духовной жизни верующих:

> [4.5.1.1.] *Ja sam odrasla i rođena sam u Petőfi Šandor ulica | to je ovde baš pored Vigora | **kad idete prema crkvi prva ulica** | jako dugačka ulica* (Я выросла и родилась на улице Шандора Петёфи, это здесь как раз рядом [с гостиницей] «Вигор», **когда вы идете к церкви**, первая улица, очень длинная улица) (НС).

этнической группы, целью атак часто становятся именно эти объекты, например, в результате акта вандализма было повреждено здание культурного общества им. Шандора Петёфи в районе Телеп [Dragin 2012, 62].

[9] Роль церкви как центра общественной жизни в украинских землях подчеркивает В. М. Сироткин: «Церковь была не только культовым зданием, где происходили христианские богослужения, но и местом активного общения прихожан» [Сироткин 2000, 359].

[4.5.1.2.] *A Telepen több a római katolikus | habár van itt református templom is | egymás mellett | közel a hoteljához | **ott van a református** | is **még a katolikus templom** | de kisebb a református gyülekezet | nekem a szüleim mind a ketten reformátusok* (На Телепе больше католиков, хотя есть и реформатская церковь, они расположены рядом, близко к вашей гостинице, **там реформатская, и еще католическая церковь**, но реформатское сообщество меньше, мои родители оба реформаты) (НС).

[4.5.1.3.] *Sutra oni idu u crkvu | to je **naša katolička crkva na Telepu*** (Завтра они идут в церковь, это **наша католическая церковь на Телепе**) (НС).

[4.5.1.4.] *Moji roditelji su katolici kršteni | mene su krstili isto **u toj telepskoj crkvi*** (Мои родители крещенные католики, меня также крестили **в той телепской церкви**) (НС).

В Войловице таковыми доминантами служат реформатская (для венгров) и евангелическая церкви[10]. Реформатская церковь располагается в центре Войловицы, от нее идет разделение пространства населенного пункта на *felszék* и *alszék* (фрагмент [4.5.1.6.]).

[4.5.1.5.] *Akkor már a **két templom** felépült | és ott van a központban a gyárakval szemben a két majdnem identikus templom | amilyen a **református** és az **evangelikus** ‖ a szlovákok és németek számára* (Потом уже построили **две церкви**, и там в центре напротив завода стоят почти две идентичные церкви, **реформатская** и **евангелистская**, для словаков и немцев) (В).

[4.5.1.6.] *És épp a közepén van a **templom** | s akkor ez volt felszék | s innen lefelé alszék* (И как раз в центре стоит **церковь**, и это была верхняя часть, и оттуда вниз — нижняя часть) (В).

Католическая церковь в Скореновце также является важным локальным ориентиром, доминантой и располагается в центре села:

[4.5.1.7.] *N. Mi mind katolikusok | **egy templom van**.*
N1. A központban | amit lattál | a katolikus.
Н. Мы все католики, у **нас одна церковь**
Н1. В центре, которую ты видел, католическая (Ск).

[10] По свидетельствам информантов, евангелическую церковь сейчас посещают словаки, тогда как изначально она строилась также для немцев-евангелистов.

[4.5.1.8.] *Kocsmát látott?* || *s ott volt a sarkon központ* | *arra* | ***templom felé*** | *községháza felé* (Вы видели корчму? на углу был центр, там, **к церкви**, к зданию администрации) (Ск).

Информант из Мола, расположенного сразу у южной окраины Ады, обращает внимание на то, что этот населенный пункт имеет богатую культурную сербскую традицию, и в этой связи упоминает православную церковь, самую большую в округе:

[4.5.1.9.] *Mol nem* | *ez ponosan fifty-fifty* [a magyarok és a szerbek] ‖ *Mol ez a szerbeknek a központja* | *bölcsője* | *kulturális is* | ***legrégibb környékbeli pravoszláv templom*** | *a Novak Radović szülőfaluja* | *legnagyobb ikonfestő volt* (Мол нет, это точно пятьдесят на пятьдесят [венгры и сербы], Мол это центр сербов, колыбель, также в культурном смысле, там находится **самая старая православная церковь**, в этом селе родился Новак Радович, он был самым великим иконописцем) (А).

Жители самой Ады говорят о католической и православной церквях как о важных культурных объектах, которые, в том числе, служат для ориентира. Так, информанты из Ады, пытаясь объяснить исследователю расположение некоторых улиц, упоминают сербскую православную церковь как доминантное строение в округе, она выступает опорной точкой, от которой объясняют дальнейшую дорогу.

[4.5.1.10.] *Adán van* ***katolikus templom*** | *az adai emberek főként római katolikusok* (В Аде есть **католическая церковь**, жители Ады в основном римо-католики) (А).

[4.5.1.11.] *Valójában van, ez inkább hagyományosan* | *ez Adának a keleti része* | *Tisza felésű része* | ***ott a pravoszláv templom mögötti rész*** *valójában* | *arra felé* (На самом деле есть, это скорее традиционно, это восточная часть Ады, часть ближе к Тисе, **там за православной церковью**, туда) (А).

[4.5.1.12.] *Ali recimo* | *jeste videli srpsku pravoslavnu crkvu?* | *posle mogu vam pokazati* | *dakle* ***tu oko srpske pravoslavne crkve*** (Но, скажем, вы видели сербскую православную церковь? потом я могу вам показать, **здесь около сербской православной церкви**) (А).

Информанты из Ады вспоминают, что в их городе до 1970-х гг. была большая синагога (серб. *sinagoga*; венг. *zsidó templom, izraelita temploma*). Причиной ее запустения, а затем и разрушения явилось отсутствие еврейской общины в городе, поскольку во время Второй мировой войны

еврейское население было выселено и уничтожено. Эта синагога была одной из самых крупных и значимых в крае наряду с сохранившимися сегодня синагогами в Нови-Саде и Суботице, что свидетельствует о роли еврейской общины в жизни Ады. Приведем фрагменты высказываний:

[4.5.1.13.] *U Adi je bila* ***ogromna lepa sinagoga*** | *međutim početkom sedamdesetih godina su srušili naši vlasti uz dozvolu jevrejske crkvene opštine iz Beograda* | *jel* | *pošto je bila napuštena* | *bila je ogromna* | *masivna* (В Аде была **огромная красивая синагога**, но в начале семидесятых годов наши власти ее снесли с разрешения еврейской церковной общины из Белграда, потому что она была заброшена, она была огромная, массивная) (А).

[4.5.1.14.] *Voltak izraeliták* | *még* ***a templomát is lebontották*** (Были иудеи, еще и **храм** их **разрушили**) (А).

[4.5.1.15.] *Itt nagyon sok zsidó volt* | *még* ***zsidó templom is volt*** | *rendes kéttornyos* | *olyan szép volt a városban* | *volt itt hatszáz zsidó körülbelül* (Здесь было много евреев, **был даже и еврейский храм**, были как обычно две башни, был такой красивый [храм] в городе, здесь было, ну, около шестисот евреев) (А).

Таким образом, наличие религиозных объектов (церквей), значение их для местной общины дают нам сведения о конфессиональной, этнической и языковой ситуации в конкретной местности. Так, на примере Ады мы могли наблюдать симбиоз трех конфессий — католицизма, православия и иудаизма, которых соответственно придерживаются (придерживались в прошлом) венгры, сербы и евреи — три главные общины города. В районе Телеп информанты упоминают католическую и реформатскую церкви, прихожанами которых являются венгры. Венгры-реформаты при этом составляют меньшинство. В последние десятилетия в районе Телепа стали возводиться православные церкви, что и понятно, учитывая преобладание сербского населения в этой некогда доминантной венгерской среде. Однако, по нашим наблюдениям, архитектура возводимых церквей не похожа на принятую практику строительства этих объектов в Воеводине: эти церкви строятся в византийском и древнесербском стиле[11]. В Войловице собеседники упоминают о реформатской и еван-

[11] В таком же стиле возведена и сербская православная церковь в Аде, правда, в 30-е гг. XX вв. На месте этой церкви существовала старая церковь, снесенная из-за ветхого состояния.

гелистской церквях; прихожанами первой были буковинские секеи, вторую посещали немцы (до депортации из Воеводины) и продолжают посещать словаки. В Скореновце и Адорьяне существуют только католические церкви, православных церквей в этих населенных пунктах нет. Сами религиозные объекты приобретают особую значимость для локальной самоидентификации информантов, поскольку через них объясняются многие исторические, культурные факты, к ним привязаны события частной семейной жизни, они также служат ориентиром в пространстве как для местных жителей, так и для гостей этих общин. О значимости культовых объектов для локальной идентификации пишет М. Илич, анализируя ситуацию в венгерском Сигетчепе, населенном сербами и венграми: сербы селились около православной церкви («сербская часть»), немцы и венгры — около католической («швабская часть»), а деревянный крест служил символической границей в селе [Ilić 2014, 128].

4.5.2. Культурные общества

Еще одним значимым объектом, который мы должны упомянуть, является культурное общество имени Шандора Петефи в районе Телеп. Для венгров, живущих на Телепе, это общество являлось и является местом собраний, культурных мероприятий, проведения досуга.

[4.5.2.1.] *Telep | ahol én nevelkedtem föl | ahol Petőfi Sándor művelődési egyesület | én ott nevelkedtem föl* (Телеп, где я выросла, где находится общество имени Шандора Петёфи, я там выросла) (НС).

[4.5.2.2.] *Engemet Telepről hívnak akármikor bál van |* ***a Petőfi Sándor művelődési egyesületen*** (Меня приглашают с Телепа, когда устраивают балы, в культурном обществе имени Шандора Петёфи) (НС).

[4.5.2.3.] *Valamikor itt részbe | megvoltak egyes helyek | ahol táncolni jártak a fiatalok | szüleim is | ugye |* ***itt a Petőfi Sándor kultúrkörbe*** *ez volt | még itt a Pártizánba | itt voltak a táncok* (Когда-то здесь в нашем районе были отдельные места, куда молодежь ходила танцевать, мои родители тоже, **это было в обществе имени Шандора Петёфи**, и еще тут в «Партизане», тут были танцы) (НС).

[4.5.2.4.] ***Društvo Petofi Šandor*** *| oni organizuju jednom mesečno ili u dva meseca | balova | druženja | lepih tako nekih večeri | i za decu | imaju i biblioteku | mađarski || nove godine se tu isto organizuju sa odličnom*

muzikom | *živom naravno* (**Общество имени Шандора Петёфи**, они организуют один раз в месяц или два раза в месяц, балы, общение, такие хорошие вечера, и для детей, у них есть и библиотека, венгерский, новый год они тоже организуют с отличной музыкой, живой, конечно) (НС).

Упоминая культурное общество, расположенное в центре Телепа, все информанты сразу же переходят к описанию его деятельности и культурно-просветительской работы. Здесь организуют балы, отмечают венгерские национальные праздники и мемориальные даты (15 марта — день венгерской революции 1848 г., 6 октября — день арадских мучеников), а также традиционные праздники (Рождество, Новый год, карнавалы). В последнее время популярными становятся интернациональные праздники (Хеллоуин). Например, во время нашего посещения этого общества (конец октября 2013 г.) там проводились занятия по технике речи. Приведем фрагмент беседы с преподавателем:

[4.5.2.5.] *... és az ami most történik itt az pedig beszéltek az felnőtteknek* | *a kiéjtés* | *a légzés* | *a beszédlégzés* | *hogyan kell beszédet tartani* | *nagyon sokfelé ember van itt* | *most* | *van olyan* | *aki szinésznek készül* | *aki verset mond* (...и то, что сейчас проходит, я говорю взрослым, произношение, дыхание, дыхание при речи, как нужно произносить речь, здесь очень разные люди, есть те, кто готовится стать актером, кто рассказывает стихи) (НС).

Также в самом здании действуют хор, кружок плетения, рисовальный кружок. Для многих информантов общество имени Шандора Петёфи является местом, куда они ходили, будучи еще детьми и в юношеском возрасте. Об этом информанты охотно вспоминают, для них культурное общество является местом пересечения прошлого и настоящего. Для Телепа значение этого культурного общества особенно велико, ведь для многих это единственное место не только на Телепе, но и во всем Нови-Саде, где можно оказаться в венгерской языковой среде, принять участие в традиционных празднованиях. В других районах, где проводились наши экспедиции, также существуют культурные организации (например, библиотека имени Габора Сарваша, общество «*Aranykapu*» в Аде). Тем не менее в более гомогенной венгерской среде на севере Воеводины не ощущается «островной» характер существования местной венгерской общины в той степени, как в Нови-Саде.

Многие члены общества отмечают, что на культурные мероприятия, в секции ходят в основном люди пожилого возраста, либо приводят детей, для которых разработаны особые программы.

[4.5.2.6.] *Itt régóta működik* ***idős embereknek a kórus asszonykórus*** | *akkor van* ***hímzőszak*** | *még van* ***amatőr festők*** | *ez az ami régóta működik és akkor amióta mi itt vagyunk probáltunk így gyereknek szervezni aktivitásokat* | *ami a kultúrába belefér* | *például* | ***rajzszakkör*** *is működik* || *mindenfelé vegyes program* | *szeretjük megünnepelni a nagyobb ünnepeket* | *mint* ***Halloween*** | *most lesz* | *még* ***Karácsony*** | *tavasszal* ***Húsvét*** | *nagyobb ünnep* (Здесь уже давно действует **хор пожилых людей**, женский хор, есть профессиональный **кружок по вышивке**, есть еще **художники-любители**, это то, что уже давно и с тех пор, как мы здесь, мы пытались организовать для детей деятельность, которая относится к культуре, например, действует **кружок рисования**, разные смешанные программы, мы любим отмечать большие праздники, как **Хеллоуин**, скоро он будет, **Рождество**, весной — **Пасха**, большие праздники) (НС).

[4.5.2.7.] *Valaszínűleg tudja hol van a Petőfi Sándor egyesület?* | *ahol Vigor hotel* | *pár méterre* | *az én gyerekkoromban olyan moda volt hogy jártunk az egyesületbe* | *hogy ott lakodalmakat szerveztek* | *akkor is még most is* | *a* ***földszinten Bácska mozi volt*** | *moziterem volt* | *ahol lakodalmakat szerveztek* | *százhúszos létszámú vendégsereg fér be* | *ami a magyar nyelvet illeti* | *a magyar nyelvnek ápolása még a fenntartása* || *akkor kezdtek a gyerekek számára szervezni különböző szakcsoportokat* | ***anyanyelvi apoló csoportban*** | *nyugdíjas óvónéni dolgozott vele* | *keszítettek anyák napjára műsort* | ***farsangi ünnepségeket*** | *a gyerekek kosztümeket húztak fel és megfelelő verseket keszítettek* | *akkor értekeltem először azt* | *hogy van ami történik az irányában* | *hogy magyar közösség megmaradjon* | *hogy a nyelvet ápolják* | *és sokat csináltak* | *az utóbbi években* | *különböző szakcsoportok* | *volt magyar kórus* | *asszonykórus* (Вы, наверное, знаете, где находится общество Шандора Петёфи? где гостиница Вигор, в паре метров, в моем детстве была мода ходить в общество, там справляли свадьбы, тогда и сейчас, **на первом этаже был кинотеатр «Бачка»**, был кинозал, где организовывали свадьбы, туда помещается сто двадцать гостей, что касается венгерского языка, поддержание венгерского языка, начали организовывать для детей различные профессиональные группы, **в группе по поддержке родного языка**, с ними работала одна воспитатель на пенсии, они готовили программу на день матери, **масленичные празднования**, дети надевали костюмы и подготавливали соответствующие стихи, и тогда я впервые оценила то, что

что-то происходит в этом направлении, чтобы венгерская общность сохранялась, чтобы поддерживать язык, и они много сделали в последние годы, различные профессиональные группы, был венгерский хор, женский хор) (НС).

[4.5.2.8.] *Van aki kultúrprogrammal* [foglalkozik] | ***Újévvárás** a Petőfibe* | *magyar zene van* | *tánc* | *egy kis szórakozás* | *akkor **március tizenötödikét** szoktunk megünnepelni* | *az is nemzeti ünnep* | *augusztus huszadika jött* | ***most október hatodikán volt az Aradi Vértanúknak az ünnepe*** | *egy műsor van* | *ilyen kultúrprogram van* | *még a szüleim is néha eljönnek* | *apukám például minden kedden itt van* | *Petőfibe* | *ilyen hogy **Dorányi telepi társolgó*** | *főleg idősebbek mennek* | *akik van idejük jobban* | *mindig van egy előadó* | *valamilyen témáról* | *de azok majdnem mind hetvenöt — nyolcvan évesek* | *de járnak erre az ünnepségekre* | *vannak itt a gyerekek* (Есть тот, кто [занимается] культурной программой, **встреча Нового года** в [культурном обществе имени Шандора] Петёфи, звучит венгерская музыка, танцы, небольшое развлечение, потом мы обычно **отмечаем пятнадцатое марта**, это также национальный праздник, потом двадцатое августа, **сейчас шестого октября был праздник арадских мучеников**, есть программа, такая культурная программа, мои родители иногда приходят, мой папа, например, там каждый вторник, в Петефи, там проходят **беседы поселения Дорани**, в основном приходят пожилые, у кого есть время, всегда есть выступающий, по какой-то теме, но им всем почти семьдесят пять — восемьдесят лет, но они ходят на эти празднования, есть здесь и дети) (НС).

[4.5.2.9.] ***Gyerekkorom óta idejárok*** | *ismerek majdnem mindenkit* | *fontos a fiataloknak* | *hogy járjon ide a Petőfibe* | *habár nem nagyon történik* | *inkább kicsik járnak* | *szakkörük van* | *az az idősebbek viszont ilyen bálokba járnak* | *bulikra* || *a vegyes kórus van* | *van a Mimoza* | *kézimunka szakkör* (**Я хожу сюда с детства**, знаю практически всех, для молодежи важно ходить сюда в [культурное общество имени Шандора] Петёфи, хотя не много чего происходит, больше маленькие дети приходят, есть у нас профессиональный кружок, более старшие больше ходят на балы, на вечеринки, есть смешанный хор, есть «Мимоза», профессиональный кружок ручной работы (НС).

[4.5.2.10.] *A magyar kultúrkör* | *nagyon sokat összejártunk bálokra* | *vannak ma is rendezvények* | *csoportok* | ***kézműcsoportok*** || *van még **tánccsoport** madzsarban* | ***kézműves** csoportok a gyerekeknek szerveznek* | *megünneplik a magyar ünnepeket* | *ünnepségeket* | *nagyon sok bálok voltak* | *de már ma*

| *nép nem is nagyon menne* (Венгерский культурный кружок, очень много ходили на балы, есть и сегодня мероприятия, группы, **группы рукоделия**, есть еще **танцевальная группа** на венгерском [языке], для детей организуют группы **рукоделия**, отмечают венгерские праздники, празднования, было очень много балов, но сегодня уже, народ не особо приходил бы) (НС).

В работе А. Драгин информант, венгерка, проживающая в районе Телеп, также упоминает культурное общество имени Шандора Петёфи: именно там во время театрального представления она познакомилась с мужем [Dragin 2015, 45]. Очевидно, что для венгров Телепа это место является центральным в культурной и общественной жизни района.

В Войловице, где языковая ситуация отчасти схожа с ситуацией венгров в Нови-Саде, мы также посетили культурное общество, находящееся при реформатской церкви. Здесь занимаются сохранением традиций, работают несколько секций. Однако наше внимание привлекла деятельность так называемого «детского сада выходного дня». Поскольку в Панчеве очень мало возможностей для изучения венгерского языка, а дома его используют не все, в этом обществе решили организовать группу детей дошкольного возраста, с которой занимается педагог, и общение должно происходить на венгерском языке.

[4.5.2.11.] *Van egyesület* | *mondjuk tizenöt* | *huszan* | ***akik ezt a kézimunkát folytassuk*** | *ezt a székely* || *és mentünk mindig a kiállításokra* | *vannak ezek a diplomák* | *az egyesület részére is* (Есть общество, скажем, 15-20, **кто занимается этим рукоделием**, это секейская, и мы всегда ездили на выставки, есть дипломы, и для общества) (В).

[4.5.2.12.] *S különben a* ***hagyományőrzéssel foglalkozunk*** | *hogy a színpadon Karácsonyi szokásunk van* | *lakodalmas szokás* | *farsangi mulatság* (Мы особенно **занимаемся сохранением традиций**, на сцене наши рождественские обычаи, свадебные, масленичные забавы) (В).

[4.5.2.13.] *Ez úgy volt* | *hogy itt az egyesületben* | *hogy* ***kezdett működni több csoport*** | *meg volt hogy* | *na* | *itt a* | *az asszonyok a kézimunka csoporta* | *volt színdarab csoport* | *akkor irodalmi* | *kórus volt* | *vegyes női* | *férfi* | *citera zenekar van* | *az olyan tánc csoport* | *persze* | *amit a gyerekekvel kellett foglalkozni* | *azok foglalkoztak a tanárok* || *több mint két éve itt működik ez a hétvégi óvóda* | *és két éves korától a gyerekek* (Так было, что здесь,

в обществе, **начали работать несколько групп**, было что, ну, здесь, группа женщин, которые занимаются рукоделием, была театральная группа, литературная, был хор, смешанный, женский, мужской, был ансамбль цитры, танцевальная группа, конечно, с детьми нужно было заниматься, наняли преподавателей, здесь работает более двух лет детский сад выходного дня, дети с двух лет) (В).

[4.5.2.14.] *Azután kezdtem csak is varragatni | így | többet | aztán megalakult az egyesületbe a* ***kézimunka csoport*** *| akkor kezdtünk idejönni* (Потом я начала шить, так, больше, в обществе образовалась **группа рукодельниц**, тогда мы начали сюда приходить) (В).

Таким образом, наряду с религиозными сооружениями важным индикатором идентичности в рассматриваемых нами общинах являются культурные организации. Эти общества выполняют просветительскую функцию — имеют при себе библиотеки, проводят занятия по венгерскому языку. Для старожилов Телепа общество имени Шандора Петёфи важно как артефакт воспоминаний о прошлом венгерской культурной жизни. А. Драгин подтверждает наши выводы, говоря о том, что информанты часто упоминают местные культурно-институциональные аспекты жизни венгров (например, церкви, в которых можно использовать венгерский язык, или культурное общество имени Шандора Петёфи) [Dragin 2015, 100].

5. Ментальная карта двуязычного пространства

Населенные пункты, которые мы рассматриваем в данном исследовании, делятся на определенные районы. Принцип их выделения может быть разным: географическим, историческим, этническим. Нас прежде всего интересует этнический принцип в силу того, что наше внимание направлено на изучение языковой ситуации. Поскольку Воеводина является многонациональным краем, а вся ее история — это история миграций, то в населенных пунктах сформировались районы со своей этнокультурной спецификой. Ориентация в пространстве населенного пункта является отличительной чертой локальной идентификации, присущей всем этническим группам. Мы рассмотрим названия районов, а также постараемся выявить специфику их номинации.

Пространство в нарративах имеет свою символическую функцию. На это обстоятельство уже давно обратили внимание ученые. Дж. Харнер утверждает, что идентичность, связанная с пространством, является культурной ценностью, созданной самим сообществом [Harner 2001, 660]. Дж. Донг и Я. Бломмарт пишут, что пространство не пассивно, а конститутивно; оно создает способы, при помощи которых люди связываются друг с другом; пространство позволяет приписывать индивидуальные идентичности в процессе общения [Dong, Blommaert 2009, 3]. Г. Майерс полагает, что места тесно связаны с нарративами, упоминание места может быть стимулом для создания рассказа [Myers 2006, 334]. Д. С. Ермолин пишет о городском пространстве в свете этносоциальных конфликтов на Балканах. Автор исследует Приштину в качестве места-нарратива [Ермолин

2015, 47], представление о Приштине жителей города, а также специалистов по урбанистике. Г. Ианнаккаро и В. дель'Аквила, занимаясь разработкой перцептивной диалектологии, пришли к выводу, что основная цель носителя языка — четко провести различие между группой «мы» и группой «другие» [Iannàccaro, Dell'Aquila 2001, 269]. Язык организует географическое пространство между группой «мы» и группой «другие», а также упорядочивает внутреннюю структуру общества, поскольку является инструментом культурной дифференциации [Там же, 275]. Ученые вводят понятие «ментальная карта», следование которой (точнее, учет внутренних границ на этой карте) определяет выбор наиболее подходящего языкового кода в конкретной местности и ситуации [Там же, 278]. Существует множество ситуаций, когда лингвистические границы, установленные учеными, не признаются представителями локальных сообществ, встречаются и обратные ситуации. Так, признаваемое учеными небольшое различие между диалектом итальянского языка села Коймо и окрестными селами в Валь Виджеццо местными жителями таковым не воспринимается: они рассматривают диалект села Коймо как весьма отличный от остальных диалектов [Там же, 274]. Е. Д. Бондаренко также говорит о том, что «метаязыковые границы, основанные на наивной метаязыковой оценке различий своего говора и говора соседей и отделяющие друг от друга локально-территориальные группы населения, могут не совпадать с границами административными и с научными границами, определяющими членение диалектов» [Бондаренко 2015, 247].

Нас интересовало членение пространства в нарративах информантов с точки зрения установления ментальных лингвистических и этнических границ внутри микросообщества[1] в коллективной ментальной карте пространства. Говоря о «пространстве», наши собеседники выстраивали границы между определенными этническими группами по принципу «мы — они». Особое внимание обращалось на подвижность этих границ во времени (в частности, в г. Нови-Сад)

[1] Деление населенных пунктов по национальному признаку и отражение этнического своеобразия населения в микротопонимике характерны для разных регионов. Так, подобное разделение встречалось в селе Плоть на северо-западе Балтщины (Украина), где выделялась северная часть («Слобода»), восточная («Руснацька»), южная («Молдованська») и средняя часть («Болгарська») [Карачківський 1929, 163, 173, 177, цит. по: Сироткин 2000, 359].

из-за демографических и урбанистических преобразований. С каждой конкретной областью внутри пространства населенного пункта связано использование соответствующих языковых кодов и практик. Подобное же знание доступно только членам самой общины[2], только они владеют всей информацией, т. е. ментальной этнокультурной картой. Поскольку все обследованные населенные пункты двуязычны, целью было выяснить функционирование топонимических названий, в какой форме они встречаются в нарративах информантов.

В данном разделе речь пойдет о районах Нови-Сада и Ады. В случае с Нови-Садом важным было установить распространение венгерского населения по районам города. В Аде следовало уточнить границы расселения венгров, сербов и цыган. Кроме того, будут приведены данные по другим населенным пунктам Воеводины, откуда были родом сами информанты, в том случае, если они упоминали про разделение их населенного пункта по этническому признаку (Темерин, Бечей, Суботица, а также Осиек в Хорватии). Благодаря тому, что наши информанты были не только уроженцами тех населенных пунктов, в которых проводилось исследование, но и выходцами из других мест, значительно расширилась география исследования. Это позволяет нам оперировать бóльшим количеством материала и сделать более объективные обобщения в этой области.

5.1. Нови-Сад

Этнический состав муниципалитета Нови-Сад на 2011 г. был следующим: сербы составляли 78,79 %, венгры — 3,88 %, словаки — 1,93 %, хорваты — 1,56 %, цыгане — 1,06 %. На протяжении истории этноконфессиональная картина города менялась неоднократно. Преимущественно сербское население города в XVIII — первой половине XIX в. сменилось этнически разнородным составом (венгры, немцы, евреи, хорваты). В определенные моменты истории процент горожан, использующих венгерский язык, превалировал над долей сербоязычных (39,79 % и 34,52 % соответственно в 1910 г., что можно

[2] Некоторым исключением, наверное, является широкая известность Телепа как «венгерского» района в Нови-Саде в самом городе и за его пределами, однако эта известность может восприниматься поверхностно, тогда как более подробное представление о языковой и культурной ситуации можно получить только на месте.

расценивать как последствия политики мадьяризации населения, в том числе местных евреев).

Центром венгерской культурной жизни в Нови-Саде является район Телеп. Здесь сосредоточено больше всего венгерского населения, а также культурные и образовательные учреждения, ведущие деятельность на венгерском языке (в том числе две начальные школы с венгерским языком обучения). Однако венгры проживают не только в районе Телеп, они концентрируются, правда, в меньшем количестве, и в других частях города: в центре, а также в районах, расположенных вокруг Телепа. В Нови-Сад переезжали венгры из внутренних районов Воеводины, селились они в самых разных уголках краевой столицы[3].

У венгров в Нови-Саде, старожилов-сербов и мигрантов из других районов края Телеп устойчиво ассоциируется с венгерским населением, с местом, где проживает больше всего венгров в городе. Этому способствует и венгерское название района, распространенное в сербском языке. Показателен пример из следующего фрагмента:

[5.1.1.] *G. Milyenek a város részek | ahol a magyarok élnek?*
A. Telep.
G. Telepen kívül vannak?
A. Nem mondanám | ha van is | én nem tudom | de ha valaki azt mondja | magyarok Újvidéken | ***Telep | ez nálunk még a szerbeknél valahogy egyformán úgy áll a fejünkbe | hop | Telep | magyar rész | magyaros a neve is*** *| szerbek is Telepnek hívják.*

Г. Какие части города, где живут венгры?
А. Телеп.
Г. А кроме Телепа есть?
А. Не сказал бы, что есть, я не знаю, но если кто-то скажет, венгры в Нови-Саде, **Телеп, это у нас и у сербов как-то одинаково сидит в голове, хоп, Телеп, венгерская часть, и имя у нее венгерское**, сербы также называют Телеп (НС).

Собеседник отмечает, что здесь и само название в обоих языках венгерское, что служит дополнительной аргументацией

[3] Так, по переписи 1991 г. в районе *Novo naselje* венгры составляли 10 % из 24 595 человек. В районе *Adamovićevo naselje* венгров (по переписи 2002 г.) насчитывалось 938 из 8109 человек.

к вышеупомянутому объяснению. Как видно из примера, этот информант даже затрудняется назвать другие части города, где могли бы проживать венгры. Приведем еще примеры, в которых Телеп упоминается в качестве основного места концентрации венгров в Нови-Саде:

[5.1.2.] *A opet* ***na Telepu | jeste | postoji većinski*** | *uvek je u Novom Sadu bila koncentracija Mađara na Telepu* | *zato su tu uvek postojale te dve osnovne škole* (И снова **на Телепе, да, существует в большинстве**, всегда в Нови-Саде концентрация венгров была на Телепе, поэтому здесь всегда существовали эти две основные школы) (НС).

[5.1.3.] *Van* ***Telep | a legtöbb magyar itt van*** *ebben a városrészben* | *még most is* | *habár kevesebb van mint régen* | *apukám például itt született* | *itt ház volt a Telepen* | *még itt is nőtt föl* (Есть **Телеп, больше всего венгров живет здесь**, в этой части города, даже сейчас, хотя меньше, чем раньше, например, мой отец, родился здесь, здесь был дом на Телепе, он тут вырос) (НС).

Телеп характеризуется как венгерский район, при этом, по свидетельствам информантов, там проживало также некоторое количество сербов, а также цыгане:

[5.1.4.] *Ott* [Telepen] *jártam a József Attila elemi iskolába* | *ott voltak több részben* ***magyarok*** | *de voltak* | ***szerbek*** *is* | *mondom* | *voltak* ***cigányok*** *is* (Там [на Телепе] я ходила в школу им. Аттилы Йожефа, там были по большей части **венгры**, но были также и **сербы**, были и **цыгане**) (НС).

Уроженцы Телепа признают, что в их районе лучше сохраняется венгерская культура и венгерский язык, чем в других районах Нови-Сада:

[5.1.5.] *Például vannak az* ***Új Telepen | hát Telep ez kicsit jobban maradt*** | *vannak itten* ***Detelinárán*** | *járunk egymáshoz* (Например, есть в **Ново Населе**, ну, **Телеп**, [венгерский язык] **немного лучше сохранился**, есть здесь, на **Детелинаре**, мы ходим друг к другу) (НС).

Нам удалось провести интервью с венграми, проживающими также в других частях города. По их свидетельствам, в других районах некогда было венгерское население, которое сейчас из-за прогрессирующей урбанизации размывается; многие переселяются из старых частных

домов в другие районы города. Некоторое количество венгров за пределами Телепа фиксируется нами в Грбавице (фрагменты [5.1.6.], [5.1.7.]), Детелинаре ([5.1.8]. — [5.1.11.]), в районах Саймиште (около выставочного комплекса) [5.1.7.], Лимани [5.1.11.], Подбара [5.1.12.], Салайка [5.1.12.], [5.1.13.], а также вдоль улицы Футошки пут [5.1.11.].

[5.1.6.] G. *Az is úgy nevezett magyar rész* [Grbávica]?
I. *Vegyes rész volt | de valamikor a háború után ezt az utcát Bátori utcának hívták és hát* ***az én gyerekkoromban a lakósoknak a java része magyar anyanyelvű volt | szomszédságban magyar anyanylevű családok éltek.***

Г. Это тоже так называемая венгерская часть [Грбавица]?
И. Она была смешанной, но когда-то после войны эту улицу называли улица Батори, и **в моем детстве у большей части жителей венгерский язык был родным, по соседству жили семьи, в которых венгерский язык был родным** (НС).

[5.1.7.] *Tepen kívül | magyaroknak jó része | voltak iskolák || a másik rész |* ***Grbávica*** *| ezekben az utcákban sok magyar volt | de viszont ezeket a házakat megvették | a cégek | vagy itt kapták a lakást vagy költöztek Újvidék más részére | mert több helyen építettek | itt volt elég sok magyar | és* ***az újvidéki vásár környekén*** (Кроме Телепа, большая часть венгров, были школы, другая часть, **Грбавица**, на этих улицах было много венгров, но эти дома купили, фирмы, или здесь они получили квартиры, или переехали в другой район Нови-Сада, потому что строили во многих местах, здесь было достаточно много венгров, и **в районе выставочного центра Нови-Сада**) (НС).

[5.1.8.] *Itt nincsen |* ***Detelinárán*** *nincsen | észrevettem | mert pár fiatalembert | szóval | hallatszik ugye | hogy magyarok | no | akkor szóltam hozzájuk magyarul* (Здесь нет, **на Детелинаре** нет, я заметила, потому что пара молодых людей, словом, да, слышно, что венгры, тогда я обращусь к ним по-венгерски) (НС).

[5.1.9.] *Itten nem használom a magyar nyelvet | mert* ***Detelinárán*** *ez kilencven százalék a szerb volt mindig ||* ***szerb tagozatba írattam a lányomat | mert itten közelbe | itt csak szerb tagozatok voltak*** (Здесь я не использую венгерский, потому что **на Детелинаре** девяносто процентов всегда были сербы, **я отдала свою дочь в сербское отделение, потому что это рядом, здесь только сербские отделения были)** (НС).

[5.1.10.] *Van Újvidéknek egy város része | amit úgy hívnak hogy* ***Telep*** *| most már csak azt mondjuk | hogy Telep | de ez az első világháború előtt hozták létre || ott vannak többségbe | ez most nem legjobb kifejezés | ott él e legtöbb újvidéki magyar || itt például a* ***városközpontban*** *itt kevésbbé | a másik városnegyedbe | amit mondunk* ***Heréskertnek | Detelinára*** *| ott is meg lehet hallani | vagy* ***itt van ez a Dunapartnál*** (В Нови-Саде есть часть города, которую называют **Телеп**, сейчас уже только так мы называем, Телеп, но его создали до Первой мировой войны, там венгры в большинстве, это сейчас не лучшее выражение, там живет большая часть новисадских венгров, здесь, например, **в центре города**, здесь меньше, другой квартал, мы называем **Херешкерт** (клеверный сад — венг.) **Детелинара**, и там тоже можно услышать [венгерский язык], или **здесь есть у набережной Дуная**) (НС).

[5.1.11.] *G. Hol vannak még magyarok a városban?*
E. Hát a Telepen kívül vannak a ***Limánon*** *is | csak ott nagyon elvesznek már | mind emeletes házak | aki kapott | egy időbe nálunk osztogatták a lakásokat | azok akik kaptak lakásokat | azok már a* ***Limánon*** *kaptak | vannak a* ***Limánok*** *| a* ***Heréskertbe*** *|* ***Detelinárán*** *| úgy hívják szerbül | arra is vannak | akkor volt itt a katolikus templom | katolikus temető körül |* ***Futaki utcán*** *| ezek tiszta magyar negyedek voltak valamikor | ott volt katolikus kör | református kör | na hát ott is lebontották a családi házakat | emeletes házakat építenek | a csalad kap egy | két lakást | és kész.*

Г. Где еще живут венгры в городе?
Э. Ну, помимо Телепа есть еще **на Лимане**, только там венгров уже очень мало, там все высотные дома, кто получил, одно время среди нас распределяли квартиры, те, кто получил квартиры, те уже остались на Лимане, **Херешкерт**, **на Детелинаре**, там называется по-сербски, есть еще там, здесь была католическая церковь, и вокруг католического кладбища, на улице Футошки пут, это все когда-то были чистые венгерские кварталы, там был католический кружок, реформатский кружок, ну и там также снесли частные дома, строят высотные дома, семья получит одну, две квартиры, и все (НС).

[5.1.12.] ***Podbara*** *i* ***Salajka*** *su najstariji delovi grada | njih deli Temerinska ulica | preko puta je bilo jedno veliko dvorište i bilo je tri ili četiri kuće | baš tako veliki je plac bio preko puta | gledano sa druge uličice | Skerlićeva se zove | i tu su bili isto |* ***deca | sećam se | koji su isto bili Mađari*** (**Подбара** и **Салайка** являются самыми старыми частями города, их разделяет Темеринская улица, напротив был один большой двор и было

три-четыре дома, такой большой пустырь был напротив, если смотреть с другой улицы, она называется Скерличева, и здесь были также, **дети, я помню, которые также были венгры**) (НС).

[5.1.13.] *G. Ön a város milyen részén nőtt fel?*
A. Szerb, több szerb, még van itt Újvidéken Telep, úgy hívják, ami többség magyar, még úgy nevezett ***Szalajka****, az még tiszta szerb.*

Г. Вы в какой части города выросли?
А. Сербской, больше сербской, потому что здесь есть в Нови-Саде Телеп, так называют его, где большинство венгров, и так называемая **Салайка**, это чисто сербская [часть] (НС).

Сегодня в других районах Нови-Сада отсутствует венгерская доминанта. Больше всего венгерского населения концентрируется в общинах вокруг Телепа, и, таким образом, он оказывается противопоставленным другим районам города[4]. Многие информанты, помимо венгерского населения, упоминали также хорватов, которые в основном сосредоточены в Петроварадине на другом берегу Дуная.

[5.1.14.] *De | ritka | ez zöme volt | zöme magyarság itt a Telepen |* ***már központba voltak | igen | itt ott*** *| de nem zöme az |* ***Kliszán*** *|* ***Szalajkán*** *| az szerb negyed | itt zöme szerb tartózkodott |* ***Pétervároadon a horvátok*** *voltak* (Редко, была большая часть, больше венгров здесь на Телепе, **в центре были, да, там и тут**, но не большинство, **на Клисе, Салайке**, сербский квартал, здесь жило большинство сербов, **в Петроварадине были хорваты**) (НС).

[5.1.15.] *G. A gde se još može da čuje mađarski jezik?*
M. U ***Petrovaradinu*** *ima puno Hrvata | ne znam | jedino tu na Telepu.*

Г. А где еще можно услышать венгерский язык?
М. **В Петроварадине** много хорватов, не знаю, только здесь на Телепе (НС).

---

[4] Нам встретилось интересное упоминание о месте, где можно услышать венгерский язык в Нови-Саде. Речь идет о рынке, расположенном в районе Лиман: *Lehet hallani* [a magyar nyelvet] *| a* ***Limáni piacra most kijönnek*** *| itten azok a limániak | itt élnek | találkozik két barátnő | lehet |* ***szombaton mikor piac tele van |*** *biztos azt a fél órát | a piacon sétálnak és vásárolnak* (можно услышать [венгерский язык], они приходят на лиманский рынок, здесь эти Лиманы, они здесь живут, встречаются две подруги, может, в субботу, когда на рынке полно народу, конечно, эти полчаса, гуляют по рынку и делают покупки) (НС).

В районе Телеп и соседних общинах число венгров сокращается, либо из-за старения населения, либо по причине миграции жителей района в другие страны. Отмечается, что раньше венгров было больше, соседи по большей части были венгры (см. также фрагмент [5.1.6.]):

[5.1.16.] ***Naši susedi su ranije svi bili Mađari | ali nažalost su svi poumirali |*** *i ono što je došlo | to više nisu Mađari | ima sad raznog sveta | ali ovaj žao mi je | baš je bilo puno || preko puta | ulica je uglavnom bila mađarska* **(Наши соседи раньше все были венгры, но, к сожалению, все поумирали,** и те, кто приехал, это уже не венгры, есть разный народ, но, это, мне жаль, было много, напротив, улица была в основном венгерская**)** (НС).

Интересной является ситуация с венграми, проживающими в центре Нови-Сада (ср. [5.1.10.], [5.1.14.], [5.1.17.]). В [5.1.14.] информант говорит о том, что в центре венгры не составляли большинство. Другой информант в [5.1.17.] приводит свидетельства своих родителей, которые знали венгров, содержавших ранее лавки, аптеки в центре города; сам же информант не был с ними знаком. Среди этих торговцев были также евреи, говорившие по-венгерски.

[5.1.17.] *Én tudom | hogy voltak is magyarok* [a **központban**] *| voltak üzletek | szerintem elég sok* ***magyar zsidó*** *is volt | a* ***nagymamám is emlegette | mindig azon a néven hogy ott az volt | ott emez volt | gyógyszertáros | az ilyen kereskedő*** *| voltak magyarok is | persze | családok | de én csak meséből tudom* (Я знаю, что венгры были [в центре], были магазины, по-моему, достаточно много было также венгерских евреев, моя бабушка вспоминала, всегда по этому имени или там был, аптекарь, такой-то торговец, были также венгры, конечно, семьи, но я знаю только по рассказам) (НС).

Нам удалось зафиксировать свидетельство жителя Подбара, района, расположенного близко к Старому городу. Он, вспоминая о своем детстве, называет несколько домов, в которых жили в то время венгерские семьи, с детьми из этих семей он играл, будучи ребенком (см. фрагмент [5.1.12.]). Другой пример — рассказ о молочнице, регулярно приносившей в дом свои продукты. Показательно, что бабушка и дедушка информанта, сербы, разговаривали с молочницей по-венгерски, что свидетельствует о распространенности владения венгерским языком среди горожан-сербов в Нови-Саде. Сама молочница жила также в районе Подбара.

[5.1.18.] *Da | sad ne mogu da se setim | sećam se iz ranog detinjstva | kod bake i deke tu u Zlatne Grede | znam da je dolazila | sad ne mogu |* ***ona je isto na Podbari živela*** *| žena Mađarica | koja je donosila kiselo | pravila kiselo* ***mleko u onim starijim zemljanim | kao posudama*** *| kako se zove? || ovčije i kravlje | i znam da je gurala u starijim nekim kolicama za bebe | donosila | zašto znam? | zato što su* ***baba*** *i* ***deda govorili na mađarskom s njom*** *| ona dođe | ja sam jako voleo kiselo mleko | volim i dan danas naravno | ali je to domaće ona pravila | žena | znam da je živela na* ***Podbari*** *| tako da | znam njihovih prijatelja | babinih i dedinih koji su dolazili u kuću | pa to je ta tolerancija |* ***njemu dođe prijatelj | i oni pričaju na mađarskom*** (Да, сейчас я не могу вспомнить, я помню из раннего детства, у бабушки и дедушки здесь на улице Златне Греде, я знаю, что приходила, сейчас не могу [вспомнить], **она тоже жила на Подбаре**, женщина венгерка, которая приносила, **делала простоквашу в этих старых глиняных, в виде посуды**, как это? овечье или коровье, и знаю, что она толкала в старой детской коляске, приносила, откуда я знаю? потому что **бабушка и дедушка говорили по-венгерски с ней**, она придет, я сам очень любил простоквашу, конечно, я люблю и сейчас, но она делала домашнюю, женщина, знаю, что она жила на **Подбаре**, так что, я знаю их друзей, бабушки и дедушки, которые приходили домой, и это та толерантность, **к нему приходит друг, и они разговаривают на венгерском**) (НС).

Приведенный фрагмент интересен еще и тем, что здесь описан случай так называемого «символического обмена языками», когда индивид добровольно переходит на язык своего собеседника, чтобы выразить вежливое к нему отношение [Verschnik 2005, 413].

Таким образом, в языковом сознании жителей Нови-Сада (венгров и сербов), с которыми проводились интервью, формируется следующая ситуация этнического распределения венгерской общины города. Телеп является ядром венгерской жизни города, несмотря на все урбанистические и миграционные изменения последнего времени. В районах, расположенных в северном, западном и южном направлениях от Телепа, венгерское влияние встречается спорадически. Телеп противопоставлен другим районам Нови-Сада по принципу наличия/отсутствия венгров, влияния венгерской культуры и условий для поддержания венгерского языка в семье (здесь следует еще раз упомянуть наличие школ с венгерским языком обучения: школа имени *Аттилы Йожефа* и школа имени *Николы Теслы*), что способствует этноконсолидации венгров в условиях практически «островного» проживания в доминантной сербской среде. В качестве

иллюстрации приведем пример из фрагмента [5.1.9.]: собеседница, проживающая в районе Детелинара, говорит, что там нет венгерской школы (в отличие от Телепа, где она росла), поэтому своего ребенка она отдала в сербскую школу. Отсутствие венгероязычной среды, равно как и обучение на сербском языке, будет способствовать размыванию языковой компетенции. В нарративах о Телепе и о других районах города отчетливо прослеживается сожаление по поводу утраты венгерской идентичности, ассоциируемой с частными домами и размеренной жизнью пригорода. Из других национальностей упоминаются хорваты, которые концентрируются в общине Петроварадин, относящейся уже к другой исторической области Воеводины — к Срему.

5.2. Лингвистический аспект номинации пространства Нови-Сада

Рассмотрим лингвистический аспект ментальной карты жителей Нови-Сада. Для венгра название Телеп имеет прозрачную внутреннюю форму (венг. *telep* — поселение). В сербском языке нет такой этимологии, название Телеп функционирует без перевода на сербский в языке сербов-монолингвов (в сербском языке венгерскому слову *telep* соответствовала бы лексема *naselje*). Рядом с Телепом находится район относительно новой застройки *Novo naselje*, который в нарративах информантов встречается как *Új Telep* [5.1.5.], что является дословным переводом с сербского языка. Если для серба-монолингва неочевидна связь между районами *Telep* и *Novo naselje*, то для венгра *Új Telep* оказывается противопоставленным *Telep*-у на уровне сходства по опорному слову.

Кварталы, содержащие в своем названии слово *Liman* (*Liman 1, Liman2, Liman 3, Liman 4*), в разговорной сербской речи обозначаются собирательно при помощи множественного числа как *Limani*. В венгерском языке информантов мы также зафиксировали подобную модель — *Limánok* (мн.ч.) [5.1.11.], т.е. не происходит полного заимствования из сербского языка в виде *Limani*, а используются грамматические ресурсы венгерского языка (окончание мн.ч. — (*o-k*). Данное слово и в сербском, и в венгерском языках имеет одинаковое значение. Такие названия районов, как *Podbara* [5.1.12.], [5.1.18.],

Salajka [5.1.12.], [5.1.13.], [5.1.14.], *Grbavica* [5.1.6.], [5.1.7.], используются и в сербском, и в венгерском языках. Центр города обозначается венгерским словом *központ* (венг. — центр). Интересная ситуация складывается с названием района *Detelinara*. Это название район получил благодаря ранее расположенным на этом месте полям клевера. Этимология в сербском языке достаточно прозрачна (*detelina* 'клевер'). В венгерском же языке наряду с заимствованием из сербского (*Detelinárá*) (ср. [5.1.5.], [5.1.8.], [5.1.9.]) используется венгерский аналог *Heréskert* (венг. *here* — клевер, *kert* — сад). Внутренняя форма в обоих языках единая: в основе лежит слово «клевер». Информанты при упоминании этого района обычно используют два названия, при этом последовательность может быть разной: либо венгерское название предшествует сербскому, либо следует за ним[5] (ср. [5.1.10.], [5.1.11.]). Встречается и одиночное употребление сербского названия в [5.1.8.]. Упоминаемый в нарративах Петроварадин в венгерском языке информантов имеет форму *Pétervárad* (от которой и произошло сербское название *Petrovaradin*: венг. *vár* — замок, крепость) [5.1.14.].

Стратегия интервью была построена таким образом, чтобы выяснить, в какой части Нови-Сада сегодня проживают венгры, соответственно при постановке вопроса мы использовали глаголы в настоящем времени. Бóльшая часть нарративов на эту тему была получена с использованием информантами глаголов в прошедшем времени, т.е. при описании ситуации происходит ретроспекция, собеседники вспоминают о некогда преобладавшем венгерском населении, противопоставляя эту ситуацию сегодняшнему положению дел: *ott* ***voltak*** *több részben magyarok* (там были по большей части венгры) [5.1.4.]; *ezek tiszta magyar negyedek* ***voltak*** *valamikor* (это были чисто венгерские кварталы) [5.1.11.]; *ez zöme* ***volt*** | *zöme magyarság itt a Telepen* (это была бóльшая часть, бóльшая часть венгров здесь на Телепе) [5.1.14.]; *ulica* ***je*** *uglavnom* ***bila*** *mađarska* (улица в основном была венгерская) [5.1.16.]; *vegyes rész* ***volt*** (была смешанная часть) [5.1.6.]; *a java része magyar anyanyelvű* ***volt*** (у большей части родным языком был венгерский) [5.1.6.]; *tudom, hogy* ***voltak*** *is magyarok* [a központban], ***voltak*** *üzletek* (я знаю, что венгры также были [в центре], были магазины)

[5] Подробнее о функционировании географических и топонимических названий см. 12.19.

[5.1.17.]; *ezekben az utcákban sok magyar* ***volt*** (на этих улицах было много венгров) [5.1.7.].

Утрата венграми статуса большинства в некоторых районах может быть описана и в настоящем времени, но другими средствам, например, при помощи глаголов, обозначающих уменьшение количества: *vannak a Limánon is* | *csak ott nagyon* ***elvesznek*** *már* (они есть также на Лимане, только уже там очень уменьшилось их число) [5.1.1.]. В [5.1.10.] информант производит автокоррекцию при описании ситуации на Телепе: подобрав явно неудачное и не соответствующее действительности, с его точки зрения, выражение, он расставляет акценты по-другому: вместо того, чтобы сказать о венгерском большинстве на Телепе, он говорит лишь об их большей концентрации в том районе по сравнению с другими частями города: *ott vannak többségbe* | ***ez most nem legjobb kifejezés*** | *ott él legtöbb újvidéki magyar* (там они в большинстве, это сейчас не лучшее выражение, там живет больше всего новисадских венгров) [5.1.10.]. Преобладание той или иной национальности описывается при помощи количественных слов, существительных, прилагательных с количественным значением в положительной или превосходной степени (*sok — több — legtöbb, jó, zöm, većinski*): *a opet na Telepu* | *jeste* | *postoji* ***većinski*** (и снова на Телепе, да, они в большинстве) [5.1.2.]; ***zöme*** *magyarság* (большая часть — венгры) [5.1.14.]; ***legtöbb*** *újvidéki magyar* (больше всего новисадских венгров) [5.1.10.]; ***sok*** *magyar* (много венгров) [5.1.7.]; *a* ***java*** *része magyar anyanyelvű* (у большей части венгерский язык родной) [5.1.6.]. Зафиксировано также использование прилагательного, обозначающего этническую принадлежность с прибавлением к нему прилагательного со значением ‘чистый’ *tiszta*: *ezek* ***tiszta magyar*** *negyedek* (эти чистые венгерские кварталы) [5.1.11.], *az* ***szerb*** *negyed* (сербский квартал) [5.1.14.]. Если происходит сравнение Телепа с другими районами, то подчеркивается «лучшая» сохранность венгерского языка и идентичности, по сравнению с другими районами: *hát Telep ez kicsit jobban maradt* (ну, Телеп сохранился немного лучше) [5.1.5.]. Неоднородный этнический состав информанты описывают прилагательным со значением смешения[6]: *vegyes rész* (смешанная часть) [5.1.6.], «сме-

[6] Отметим, что подобными прилагательными могут обозначаться не только географические объекты, но также и язык [Petrović 2009, 119–120], что является

шанные» районы оказываются противопоставленными «чистым» районам либо районам, обозначаемым прилагательными по этнической принадлежности.

5.3. Ада

Этнодемографическая ситуация в Аде — прямо противоположная той, которую мы наблюдали в Нови-Саде: венгры здесь составляют абсолютное большинство, сербы находятся в меньшинстве. В Аде также имеются районы, части города, которые в языковом сознании местных жителей этнически окрашены. При этом масштабы этих районов совсем не такие, как в Нови-Саде, учитывая количество населения Ады (9564 жителя по переписи 2011 г., из них сербы составляют приблизительно 10%).

Жители Ады подразделяют районы своего населенного пункта, в том числе, по этническому принципу. К районам, где селились сербы, относится часть города около сербской православной церкви, а также улицы, прилегающие к Тисе за самой церковью. Церковь является основным центром притяжения для сербского населения. Приведем высказывания информантов:

[5.3.1.] *G. Van-e itt magyar vagy szerb rész?*
L. Valójában van | ez inkább hagyományosan | ez Adának a keleti része | Tisza felésű része | ***ott a pravoszláv templom mögötti rész valójában*** *| arrafelé || erre van a* ***Macédonia*** *| ez egy újabb | 78 éve talán megvan | a vasúton túli rész | ott leginkább magyarok laknak | még van olyan rész |* ***Tobán*** *|| vannak rómák | újabban telepített || település része van | ahol megyünk a szőlőkbe | úgy nevezik azt a részt hogy* ***Pernyés*** *| a fölső részében ott magyarok laknak.*

Г. Есть ли здесь венгерская или сербская часть?
Л. На самом деле есть, это больше сложилось традиционно, восточная часть Ады, часть, которая к Тисе, **там, часть за православным храмом**, там, здесь **Македония**, это новый район, может быть, уже 78 лет, та часть за железной дорогой, там больше живет венгров, есть еще такая часть, **Тобан**, есть цыгане, новые переселенцы, есть часть

отражением пуристических представлений о языке. Представляется, что это обозначение носит универсальный характер, поскольку фиксируется нами в разных контактных зонах.

поселения, куда мы ходим к виноградникам, ее называют **Пернеш**, в верхней части, там живут венгры (А).

[5.3.2.] *F. Az mindig jelen volt körülbelül 25-30 százalék a szerb | még az én apám idején | annak is megvolt a | **azok a Tisza felé** | ahogy megyünk Moholra | azon az oldalon erre nem laktak szerbek | csak arra.*
G. Ahol templom van?
*F. Igen | csak ott szerbek voltak | ott magyarok nem voltak | **ott ahol a templom** | egy kicsit lejjebb | ahol dupla kanyar van | az a dupla kanyar | az zsidói volt.*

Г. Сербы тоже были в городе?
Ф. Всегда было около 25–30 процентов сербов, и во время моего отца, и тогда были, **они ближе к Тисе**, если ехать в Мол, на той стороне, здесь не жили сербы, только там.
Г. Где церковь?
Ф. Да, только там были сербы, там венгров не было, **там, где церковь**, немного ниже, где двойной поворот, этот двойной поворот, там были евреи (А).

[5.3.3.] *N. **Dakle tu oko srpske pravoslavne crkve | pa imate Petra Drapšina ulica** | tu su uglavnom Srbi | **iza ulice Jugoslovenske narodne armije** | posle u nastavku || **Branka Radičevića** pa **Nikole Tesle** | to je srpski kraj | to su prve najstarije ulice koje su ovde nastale.*
G. To su kao starosedeoci?
N. Da | ima starosedelaca | tako da ovaj kraj uglavnom | tu su Srbi | onamo malo iza | samo kažem i Mađari kupuju kuće sad već.

Н. **Т. е. здесь, около православной церкви, есть улица Петра Драпшина**, здесь в основном сербы, **за улицей Югославской народной армии**, потом продолжается, **улица Бранка Радичевича и Николы Теслы**, это сербская часть, это самые первые старые улицы, которые здесь возникли.
Г. Это вроде как сербы-старожилы?
Н. Да, есть старожилы, так что эта часть в основном, тут сербы, а туда немного за, только скажу, и венгры сейчас уже покупают дома (А).

[5.3.4.] *Geografski **uz Tisu** | kako se proteže reka Tisa | pa imaš prvu ulicu | ide jedna ulica pa druga ulica | pa treća ulica | pa dođe centar | i onda od centra ovamo | to su već Mađari | u prvoj ulici je možda bilo pet mađarskih kuća | nijednog Mađara nije bilo | čak jedan deo | se zove Vuka Karadžića sada | pa ide do kraja | pa onda levo 200 metara | ja sam se rodio tamo u južnom delu | moji stari su govorili da stanuju u Pešti* (улыбка)

(Географически, [если смотреть, сербы живут] **вдоль Тисы**, как течет река Тиса, есть первая улица, идет одна улица, вторая улица, третья улица, потом центр, и потом от центра сюда, это уже венгры, на первой улице было, может, пять венгерских домов, ни одного венгра не было, только одна часть, сейчас называется Вука Караджича, и идет до конца, затем налево 200 метров, я родился там в южной части, мои родители говорили, что живут в Будапеште) (улыбка) (А).

Называются и конкретные улицы, где проживают сербы в [5.3.3.] и [5.3.4.], например: *улица Бранка Радичевича, Николы Теслы, Югославской народной армии, Петра Драпшина, Вука Караджича*. Информанты говорят, что там раньше не было венгерских домов [5.3.4.]. С другой стороны, не было сербских домов в крае Гунараш, в котором проживают в основном венгры [5.3.5.]:

[5.3.5.] *F. Na most cigányok itt a szomszédban.*
A. Ezen a ***gunarasi*** *tájon nem is volt | most nincs olyan utca ahol két-három család nincsen.*
F. Ugyanúgy szerbek | nem volt egy se | most már az utcába is van | szerb is | cigány is van.

Ф. Ну, вот, цыгане, здесь по соседству.
А. Здесь в **Гунараше** их не было, а сейчас нет такой улицы, где не было бы двух-трех семей.
Ф. Так и сербы, не было ни одного, сейчас уже есть на улице, и сербы есть, и цыгане есть (А).

Проживающие в Аде цыгане, по свидетельствам местных жителей, подразделяются на тех, кто говорит по-венгерски, и тех, кто говорит по-сербски:

[5.3.6.] *G. Da li ima Roma negde koncentrisanih?*
B. Imaš u tom ***Novom Selu*** *što ti je ona pričala | onda imaš gore* ***Pernješ*** *| na kraju Ade s druge strane | pa to ne bi znao da ti kažem | znam taj gore deo | pošto tam i radio | tam uglavnom se mađarski jezik koristi više | dok ovde* ***Novo Selo*** *| ovaj deo | tu uglavnom srpski zastupljen više | kod Roma.*

Г. Концентрируются ли где-то цыгане?
Б. В этом **Ново Село**, о котором она тебе рассказывала, затем есть наверху **Пернеш**, в конце Ады с другой стороны, это я не мог бы тебе объяснить, я знаю эту верхнюю часть, потому что я там работал, в основном там венгерский язык используется больше всего, а здесь

Ново Село, здесь в основном больше сербский язык представлен, у цыган (А).

[5.3.7.] *Ima | i najviše Srba i Mađara | tu ima jedan deo u Adi zove se* ***Picmilinder*** *| tu ima Roma | ali srpskih Roma | više pričaju srpski | ima još jedan deo u Adi | to je gore onamo prema Senti | to je* ***Pernješ*** *| tako se zove | tamo oni više govore mađarski | faktički svi oni govore i srpski i mađarski | i romski | ali više vuku na mađarski i na romski | a ovde ovi Romi oni više pričaju srpski i romski | znaju oni mađarski* (Есть, и больше всего сербов и венгров, здесь есть одна часть в Аде, называется **Пицмилиндер**, тут цыгане, но сербские цыгане, они больше говорят по-сербски, есть еще одна часть в Аде, это вверх там к Сенте, это **Пернеш**, она так называется, там они больше говорят по-венгерски, фактически все они говорят и по-сербски, и по-венгерски, и по-цыгански, но больше говорят по-венгерски и по-цыгански, а здесь эти цыгане, они больше говорят по-сербски и по-цыгански, они знают и венгерский) (А).

[5.3.8.] *G. Ima neko naselje ovde ili žive u nekom kvartu u Adi?*
N. Pa ima | ima i svuda | ima ih više | tako neki | zove se | tamo prema Molu | jedan deo gde ih ima možda više.
G. A kako se zove ovaj deo?
N. To se zove ***Picmilinder*** *| nije to prema Molu |* ***Picmilinder*** *se zove.*

Г. Есть ли какое-то поселение или они живут в каком-то квартале в Аде?
Н.Есть, есть, есть везде, их много, так какой-то, называется, там к Молу, одна часть, где их, наверное, больше.
Г. А как называется эта часть?
Н. Называется **Пицмилиндер**, это не к Молу, **Пицмилиндер** называется (А).

Район *Novo Selo* является местом сосредоточения сербскоязычных цыган (*srpski Romi*), тогда как Пернеш (серб. *Pernješ*, венг. *Pernyés*), расположенный на противоположном конце города по направлению к Сенте, ассоциируется у местных с венгероязычными цыганами. По воспоминаниям одного информанта, в той части Ады, где расположен двойной поворот (*dupla kanyar*), проживали евреи [5.3.2.]. Понятно, что подобные ориентиры незнакомы человеку, пришедшему «извне». Для представителей этнических общин в Аде они имеют этноконсолидирующую функцию, очерчивают границы «своего» и «чужого» пространства, в том числе и на языковом уровне.

При описании расположения кварталов и размещения сербского, венгерского и цыганского населения в городе информанты пользуются наречиями «вверху»/«внизу» и производными от них прилагательными. Ада по этому принципу делится на верхнюю и нижнюю часть: *to* ***gore*** *onamo prema Senti* (это вверх к Сенте) [5.3.7.], ***fölső*** *részében ott magyarok laknak* (в верхней части, там живут венгры) [5.3.1.], *csak ott szerbek voltak | ott magyarok nem voltak | ott ahol a templom ‖ egy kicsit* ***lejjebb*** (только там были сербы, там венгров не было, там, где церковь... немного ниже) [5.3.2.]. Информанты говорят о том, что венгры преимущественно концентрируются в «верхней» части города (т. е. к северу, по направлению к Сенте), а сербы — в «нижней» (южной части, по направлению к Молу).

В нарративах отмечается изменение этнического состава тех частей города, в которых ранее проживали только сербы или только венгры. Постепенно дома сербов в «сербской» части приобретают венгры, а дома в венгерской части покупают сербы и цыгане. Происходит смешение населения в рамках ранее четко установленных правил поселения, районы становятся менее гомогенными. Ситуация здесь похожа на ситуацию в Нови-Саде, когда происходит этническое смешение в пределах одного района, разбивается этническая гомогенность местности, что влечет за собой и изменение языковой ситуации. Тем не менее важное отличие сохраняется — удельный вес основных этнических групп в составе населения сильно отличается.

В нашем корпусе встретились названия следующих районов Ады: *Gunaras, Picmilinder, Pernyés, Novo selo, Macedónia, Tobán, Pešta*. Название *Pešta* собеседник объясняет тем, что эта часть Ады была очень далеко от центра, и это расстояние сравнивали с расстоянием до Пешта.

В целом можно сказать, что в Аде сохраняется атмосфера небольшого города, поскольку все еще преобладают дома частной постройки. Тем не менее и здесь происходят изменения в этническом составе — в некогда «венгерских» или «сербских» районах поселяются представители других национальностей.

5.4. Другие населенные пункты и регионы

Как было отмечено выше, в нашем корпусе имеются данные о членении пространства в тех населенных пунктах Воеводины, которые нам не удалось посетить. Записаны они были от информантов,

которые происходили из тех мест, что позволило расширить географию исследования. Информация была также получена от собеседников, не являющихся местными жителями, однако хорошо знакомых с локальной этнокультурной ситуацией. Внутрирегиональная миграция является свершившимся фактом, который при исследованиях этнокультурной и этноязыковой ситуации мы не можем игнорировать. В центре нашего внимания оказались информанты родом из Врбаса, Суботицы, Зренянина, Сомбора, Новой Црни, Бачки-Паланки, Темерина. Ниже приведем фрагменты из нарративов, по которым можно судить об этноязыковом разделении пространства этих населенных пунктов (хотя и не столь подробно, как в случае с районами Нови-Сада или Ады).

5.4.1. Мол

Логично начать рассмотрение с населенных пунктов, расположенных в Потисье на юг от Ады по направлению к столице края, городу Нови-Сад. Информант из Мола (община Ада), характеризуя языковую ситуацию, отмечает, что сербы и венгры там проживают практически в равных долях, и благодаря этому как сербы могут использовать венгерский язык, так и венгры — сербский. По переписи 2002 г. в Моле проживает чуть более 60 % венгров, остальные — сербы и небольшой процент цыган.

[5.4.1.] *Igen | az egész családom minden tagja | a közvetlen környezetem is magyarokból áll főként | falum az 50 százalék szerb | 50 százalék magyar | ez nagyon természetes | Moholon vagyunk egyébként | hogy* ***a két nyelven beszéli mindenki | úgy a szerbek is a magyart | és mi magyarok is a szerb nyelvet*** (Да, каждый член всей семьи, непосредственное мое окружение состоит в основном из венгров, мое село, это 50 процентов сербы, 50 процентов венгры, это очень естественно, в Моле мы, впрочем, **все говорят на двух языках, так — сербы — по-венгерски, и мы венгры также по-сербски**) (А).

5.4.2. Бечей

В Бечее, центре одноименной общины, венгры и сербы составляют 45 % и 43 % соответственно. Информант говорит о том, что в городе есть сербские улицы и венгерские районы. Районы, населенные венграми, расположены на окраине города. Характеризуя ситуацию в венгерской части города, собеседник отмечает, что венгры владеют

сербским языком гораздо хуже. Они оказываются противопоставленными венграм из центра города, которые имеют больше контактов с сербским населением и лучше владеют сербским языком. Венгры из района *Újfalu* также являются несколько изолированными от сербского языкового окружения. Верхняя часть Бечея является венгерской.

[5.4.2.] *Tehát Óbecsén is attól függ | hogy melyik terület | Óbecsén | ismerni kell | hogy van egy központi része | tehát* ***a magyarok inkább a periferián élnek*** *| peremvidéken | és ott sokan rosszabbul tudnak szerbül | mint a központban* (Т. е. в Бечее это зависит от того, какая территория, в Бечее, нужно знать, что есть центральная часть, т. е. **венгры больше живут на окраине**, и там гораздо хуже знают сербский, чем в центре) (НС)[7].

[5.4.3.] *Mert Becsének van egy Újfalu része | egy egész terület | ahol | hiába megy a gyerek játszani | csak magyarokkal | tehát* ***elég elszigetelődött része*** (Потому что в Бечее есть часть Уйфалу (Новая деревня — венг.), это такая территория, где, напрасно идет ребенок играть, [он будет играть] только с венграми, т. е. это **очень изолированная часть**) (НС).

С другой стороны, собеседник упомянул, что сегодня «сербская» и «венгерская» части города не настолько разделены, как это было раньше [5.4.4.]. Таким образом, в Бечее мы наблюдаем примерно схожую с Адой этнодемографическую ситуацию. Информант утверждает, что местные жители четко знают, какие улицы являются «сербскими», а какие «венгерскими», и это еще раз подтверждает тот факт, что подобная информация доступна только членам локальной общности:

[5.4.4.] *Becsének is van részei | tehát a bélvárosnak a |* ***mi most pontosan tudjuk | hogy melyikek az úgy nevezett szerb utcák*** *| habár manapság* ***nincs annyira szétválasztva*** *| de azért hogy mindenki tudja | alsó város ez magyar rész* (В Бечее есть части, т. е. центр, **мы точно знаем, какие так называемые сербские улицы**, хотя сегодня **не настолько разделяется**, но потому, что все знают, нижний город — это венгерская часть) (НС).

[7] Подобную ситуацию с центром и окраиной мы наблюдали в Нови-Саде и Зренянине: венгры, проживающие в окраинных районах (Телеп в Нови-Саде и Мужля в Зренянине), когда-то хуже владели сербским языком, чем те, которые жили в центре этих городов. Кроме того, наблюдалась социальная дифференциация по принципу окраинный (более сельский) — центральный (городской).

5.4.3. Темерин — Бачки-Ярак

В следующем фрагменте речь идет о населенных пунктах Темерин и Бачки-Ярак, расположенных на юго-запад от Бечея на дороге, ведущей в Нови-Сад. Они практически слились в один, однако этноязыковая ситуация в них разная: в населенном пункте Бачки-Ярак абсолютно преобладают (более 96%) сербы, переселевшиеся из Боснии на место немцев после Второй мировой войны. В Темерине же — очень сильный венгерский этнический компонент, венгры составляют около 40% населения; в последние десятилетия в Темерине отмечался значительный миграционный приток беженцев из бывших республик Югославии. Информант, сравнивая языковую ситуацию венгров в Нови-Саде и Темерине, говорит, что в Темерине венгерский язык можно до сих пор услышать на улице, в отличие от Нови-Сада (и даже Телепа).

[5.4.5.] *Ne može se smatrati kao Futog | Veternik | nego ipak mesto udaljeno od Novog Sada prema Bečeju kad bi išao ...Jarak i Temerin | dva povezana mesta | u* ***Jarku kao Bosanci*** *| Srbi | uvek je tako bilo | pre ovih ratova | a tamo* ***u Temerinu su bili Mađari*** *| na ulici mnogo više ćeš čuti da pričaju | dovikuju |* ***mađarski je još uvek njihov većinski*** *| moja sestra živi tamo | ima porodičnu kuću i tamo imaju mesta gde da žive* (Он не может считаться как Футог, Ветерник, а все же он удален от Нови-Сада, по направлению к Бечею если бы ты ехал ... Ярак и Темерин, два связанных населенных пункта, **в Ярке — боснийцы**, сербы, всегда так было, до этих войн, а там **в Темерине были венгры**, на улице гораздо больше услышишь, что говорят, перекрикиваются [по-венгерски], **венгерский все еще их язык большинства**, моя сестра живет там, у нее дом и у них там есть место, где жить) (НС).

Свидетельства информанта [5.4.6] подтверждают тот факт, что в Темерине часто можно услышать венгерскую речь. Даже в магазине знаком присутствия венгров является этикетная формула приветствия на венгерском языке «*Jó reggelt kívánok*» (Добрый день), которую покупатель слышит от продавца при входе, и это должно подтверждать, что здесь говорят по-венгерски.

[5.4.6.] *Például | Temerin | nem Újvidék de Újvidék közel | lehet 25 kilométer | itten vannak üzletek ahova maga bemegy és mindjárt azt mondják „***Jó napot kívánok***” | az a rész | Temerin úgy maradt | több a magyarság*

(Например, Темерин, не Нови-Сад, но Нови-Сад близко, может 25 километров, там есть магазины, куда вы заходите и сразу говорят; ***„Jó napot kívánok"*** (Добрый день), эта часть, Темерин так остался, [там] больше венгров) (НС).

Однако в Темерине общины сербов и венгров сильно поляризированы. Отмечается, что только в одной части Темерина использование венгерского языка не воспринимается как риск или проблема [Ilić 2009, 366]. Проблема в том, что представители меньшинства, находясь в той части населенного пункта, в которой они не составляют большинства, чувствуют себя в состоянии неопределенности и неизвестности (что характерно и для других населенных пунктов в Воеводине, в частности, упоминается в этой связи Арадац в Банате) [Там же, 366].

5.4.4. Мали-Иджёш

Приведем свидетельство о языковой ситуации в населенном пункте Мали-Иджёш, центре одноименной общины, расположенном в Северной Бачке. Информант утверждает, что это «чисто венгерская» община, что соответствует действительности: более 87% населения там составляют венгры. В сербскоязычном высказывании [5.4.8] эффект венгерской гомогенности в Мали-Иджёше усиливается при помощи наречия *žestoko,* что происходит в контексте разговора о владении сербским языком выходцев из этого города — знакомых информанта. Употребив данное наречие, собеседник дает понять, что знание сербского языка выходцев из данного населенного пункта будет низким.

[5.4.7.] *Az én szüleim Kishegyesről származnak | amikor ők ott laktak akkor* ***tiszta magyar község*** *volt* (Мои родители происходят из Малого Иджёша, когда они жили там, тогда это была **чисто венгерская община**) (НС).

[5.4.8.] *Ali oni su oboje iz Malog Iđoša | a to je* ***žestoko mađarska sredina*** (Но они оба из Мали-Иджёша, а **это исключительно венгерская среда**) (НС).

5.4.5. Сомбор

О ситуации в Сомборе, расположенном в Западной Бачке, свидетельств в нарративах немного, собеседник упоминает лишь то, что он из смешанного сербско-венгерского брака. Это позволяет сделать

вывод о наличии смешанных браков в данной среде, учитывая малый процент венгров в городе: венгров насчитывается всего 2851 из 47 623 жителей.

[5.4.9.] *Okruženje je bilo tako | pa ne znam | **živeli su u Somboru i Srbi i Mađari** | kao i svuda | jel i otac mi je Srbin iz Sombora* (Окружение было таким, не знаю, **они жили в Сомборе, и сербы и венгры**, как и везде, и мой отец был сербом из Сомбора) (НС).

5.4.6. Бачка-Паланка

Расположенная в Южной Бачке на Дунае (граница с Хорватией) Бачка-Паланка до Второй мировой войны была городом с немецким, сербским и венгерским населением. После войны национальный состав был изменен: вместо немцев здесь поселили сербов из Боснии и Герцеговины. Родители информанта, выросшие в этом городе до войны, активно владели немецким языком в силу своей профессиональной деятельности — они были торговцами.

[5.4.10.] *Hát | ez Bácska Palánka egy elég nagy város | és ott nagyon sok **svábok** voltak | második világ háború előtt | akkor mikor bejött második világ háború akkor mikor a svábokat kiköltöztették | akkor a többség Boszniából még Hercegovinából jöttek és azok a házakat odaadták őknekik úgy | svábok nagyon kevesek maradtak ... már mondtam svábok nem voltak | de az én szüleim | mivel az anyám az | sváb gyerekekkel ... nőtt föl | úgy | **még apám elég | kereskedő volt és sokat beszélt németül | svábot*** (Ну, Бачка-Паланка это достаточно большой город, и там было очень много **немцев**, до Второй мировой войны, когда пришла Вторая мировая война, когда немцев выселили, тогда большинство населения приехало из Боснии и Герцеговины, и им отдали эти дома, немцев очень мало осталось ... я уже сказала, немцев не было, но мои родители, поскольку моя мама, с немецкими детьми... выросла, так, и **мой папа достаточно [общался], он был торговцем и много говорил по-немецки, по-швабски**) (А).

5.4.7. Врбас

Последний населенный пункт в Бачке, о котором удалось собрать сведения, это Врбас. Он расположен в Центральной Бачке, большинство населения там составляют сербы, а доля венгров не превышает 7%. По этой причине (сокращение венгерского населения) в Врбасе прекращено преподавание на венгерском языке в школах [Bašić, Crnjanski 2006, 124–128].

[5.4.11.] *Vérbász Bácska középen van* | *körülbelül félúton Szabadka és Újvidék között* | *Szabadkán több magyarság él* | *Újvidéken már szórvány magyarság* | *Vérbászon is* ***nagyon szórvány a magyarság*** | *kicsi a magyar lakósság* | *a kilencvenes évektől erre felé még jobban csökkent* | *kilencvenkettő* | *háromban* ***meg is szűnt a magyar iskola*** (Врбас находится в центре Бачки, приблизительно на полпути между Суботицей и Нови-Садом, в Суботице живет больше венгров, Нови-Сад — **это уже дисперсное проживание венгров**, в Врбасе — венгры проживают очень дисперсно, небольшое венгерское население, с девяностых годов оно все больше сокращается, в девяносто втором-третьем, **даже исчезла венгерская школа**) (НС).

5.4.8. Нова-Црня

Далее следуют населенные пункты Баната. Информант родом из Нова-Црни так характеризует ситуацию в окрестностях этого села.

[5.4.12.] *Én azt Bánátban láttam* | *ahol Zrenjanintől Szerbcsernyeig vagyis Srpska Crnja* | *román átkelőhely van* | *határ* | ***nyolc falu van*** | ***úton*** | ***csak egy magyar falu*** | ***és egy vegyes falu*** (Я это видел в Банате, где от Зренянина до Сербчерне (венг.), или Српска-Црня, есть румынский пограничный переход, [там] **восемь сел, и только одно венгерское, и одно смешанное**) (НС).

5.4.9. Торда

Село Торда, расположенное относительно недалеко от Нова-Црни, по свидетельству информанта, является чисто венгерским селом. По переписи населения 2002 г. более 86% жителей села — венгры.

[5.4.13.] *Én egy bánáti faluban születtem* | *Tordán* | *Közép Bánátban van* | *ez Becskerek* | *Zrenjanin és Kikinda között kábé félúton* | ***tiszta magyar falu*** (Я родился в банатском селе, в Торде, в Центральном Банате, это Бечкерек (венг.), между Зренянином и Кикиндой примерно на полпути, **чисто венгерское село**) (НС).

5.4.10. Зренянин (Мужля)

Интересной является ситуация в пригороде Зренянина, Мужле, некогда бывшем отдельным селом. Мужля была объединена с городом Зренянин в 1981 г. Здесь положение во многом схоже с районом

Телеп и с Войловицей в Панчеве: некогда сельская местность с венгерской доминантой присоединяется к урбанистическому промышленному центру с сербским большинством. Сегодня венгры в Зренянине (включая Мужлю) составляют 13 % населения[8].

[5.4.14.] *Muzslya | nem tudom hogy hallott Muzslya? || akkor a nyelvi térképen ez van följelölve hogy Muzslya az magyar |* ***a magyarok oda vonzódnak a Muzslya felé*** *| ott van | Muszlyán lehet látni* (Мужля, не знаю, вы слышали о Мужле? на языковой карте это обозначено как Мужля, это венгерское, **венгры тяготеют туда в сторону Мужли**, там есть, в Мужле можно увидеть) (НС).

5.4.11. Ковин

Из банатских населенных пунктов осталось рассмотреть еще окрестности Скореновца. По заявлениям местных жителей, они ощущают свое «островное» положение в культурном и языковом плане, поскольку ближайшие населенные пункты (Ковин и Плочица) имеют абсолютное сербское большинство. Вероятно, ощущение «островного» характера усиливается еще и по отношению к венграм из других мест, поскольку венгры в Скореновце — потомки секеев, особой этнографической группы:

[5.4.15.] *Hát van | itt fent a Kovinban |* ***itt szerbek jobban mindenki*** *| ez az egy falu csak tiszta magyar | Plocsica még Kovin ott szerbek vannak |* ***mi kis sziget vagyunk itt*** (Ну есть, тут в Ковине, **тут в основном все сербы**, это одно село только чисто венгерское, Плочице и Ковин, там сербы, **мы здесь маленький остров**) (Ск).

5.4.12. Славония, Баранья (Хорватия)

Среди информантов были также венгры из Славонии и Бараньи, проживающие в настоящее время в Воеводине. От них удалось записать сведения о довоенной ситуации в этом крае и в г. Осиек (до войны 1990-х гг. в Осиеке проживало около 2 % венгров). Хотя Славония и Баранья не относятся к Воеводине, необходимо их упомянуть,

[8] По наблюдениям нашей экспедиции 2015 г., проводившейся в г. Зренянин, в Мужле сильнее, чем в Нови-Саде, ощущается присутствие венгерского языка, о чем свидетельствуют многочисленные вывески и объявления на венгерском языке.

поскольку, очевидно, ситуация там напоминает воеводинскую, кроме того, территориально эти области расположены совсем близко от исследуемых нами Бачки и Баната. Так, по свидетельствам информанта, редко встречалось село, в котором жили вперемешку разные национальности. Села были в основном гомогенные: с венгерским, хорватским, сербским или немецким населением. Евреи в Осиеке, торговцы и предприниматели были многоязычными и обращались к клиентам на их языках. Использовались следующие языки: немецкий, венгерский и сербский/хорватский. С другой стороны, иной была ситуация в Вуковаре: информант сравнивает этот город с Осиеком и говорит о различиях.

[5.4.16.] *Voltak a német falvak is* | *magyar falu* | *horvát falu* | *szerb falu* | ***ritkán volt ahol keveredett*** | *külön-külön volt* (Были и немецкие деревни, венгерская деревня, хорватская деревня, **редко где были смешанно, были по отдельности**) (А).

[5.4.17.] *Ott* | ***minden zsidó tudott magyarul*** | ***szerbül*** | ***horvátul*** | ***még németül*** | *akármelyik üzletbe vagy kocsmába mentek* | ***mindenki mondta*** | ***sa-*** | ***saját nyelvén*** | *mit tudtak* | *de csak Eszéken* | *Osijek* | *már Vukováron már nem* | *kevesen voltak ... úgy* | *feleltek vissza mind* | *olyanok voltak* | *alkalmazottak is* | *akik* | *ezt a három nyelvet ismertek* | *anyanyelvi szinten kellett* | *ismerni* | *tudtak perfekt magyarul is szerbül is németül is* | *akárhova mentél ebbe az üzletbe* | *magyarul köszöntek* | *magyarul válaszoltak* | *magyarul szolgáltak* (Там **каждый еврей знал венгерский, сербский, хорватский, и немецкий**, в какой магазин или в корчму ни шли, **все говорили, на св- своем языке**, что знали, но только в Эсеке (венг.), Осиек, в Вуковаре уже нет, было меньше ... так отвечали в Эсеке, были такие, служащие, кто знали эти три языка, нужно было знать на уровне родного языка, они прекрасно знали и венгерский, и сербский, и немецкий, куда бы ты ни шел, по-венгерски приветствовали, по-венгерски отвечали, обслуживали) (А).

Таким образом, на основе собранных данных можно выделить несколько типологических этноязыковых ситуаций. Важнейшим фактором изменения внутриобщинной этноязыковой ситуации явились депортация немецкого населения и переселение на их место сербов из Боснии и из других республик бывшей Югославии. Такие случаи и фиксируются в населенных пунктах Бачка-Паланка и Бачки-Ярак, в меньшей степени в других местах. В период между двумя мировыми войнами, в тех местах, где было многочисленным

немецкоязычное население, их соседи (венгры и сербы) усваивали в постоянном общении немецкий язык. Последствием недавних войн на Балканах стали новые переселения, в частности в Темерин. В населенных пунктах со значительной долей венгерского и сербского населения имеются районы преимущественного проживания одной национальности (Ада, Бечей), в последнее время, правда, границы между ними стали более прозрачными, а этнический состав не столь гомогенен, как прежде. В языковом сознании информантов существует это разделение. В населенных пунктах с минимальным процентом венгров происходит сокращение количества школ с венгерским языком обучения (например, ситуация в Врбасе). Истории о евреях, владевших всеми языками региона (венгерским, немецким и сербским/хорватским), находят подтверждение на примере нарратива, личных свидетельств информанта из Бараньи[9] [5.4.17.]. Еще одна типологическая черта — слияние большого города с венгерским по характеру пригородом (Телеп и Нови-Сад, Мужля и Зренянин, Войловица и Панчево).

5.4.13. Лингвистический аспект

Для ментальной карты информантов характерно членение пространства на зону, где можно использовать венгерский язык, и на зону, где нужно использовать сербский. Границы этого пространства знакомы только представителям местной общины.

Информанты описывают этнически доминантные венгерские деревни/города/районы, используя сочетания: *magyar falu* (венгерская деревня) [5.4.12.], *tiszta magyar falu* (чисто венгерское село) [5.4.13.], *egy falu csak tiszta magyar* (только чисто венгерское село) [5.4.15.], *tiszta magyar község volt* (это была чисто венгерская община) [5.4.7.], *több magyarság* (больше венгров) [5.4.11.]; *to je žestoko mađarska sredina* (это исключительно венгерская среда) [5.4.8.]. Чтобы подчеркнуть преобладание венгерского населения, информанты используют простое определение «венгерский + населенный пункт/местность»; для усиления эффекта от количества венгерского населения в этническом составе может добавляться прилагательное *tiszta*

[9] Этот факт перекликается со свидетельствами информантов из Подолии (Украина): «*Воны* [евреи] *миж собою разговаривали по-еврэйски. А так — воны зналы и украинский язык, и русский, вот*» [Белова 2005, 69].

«чистый»[10], более эмоциональное наречие *žestoko* в сербском языке, а также наречие *csak* «только». Кроме того, используются количественные маркеры, например, наречие в сравнительной степени *több* «больше». Противопоставленными на языковом уровне им оказываются такие прилагательные, как *vegyes falu* (смешанная деревня) [5.4.12.], *keveredett* (смешанный) [5.4.16.], т.е. отсутствие абсолютного преобладания венгров воспринимается как «смешение», «смешивание» с другими национальностями. Антитезой к количественному *több* (много) во фрагменте [5.4.11.] выступает прилагательное *szórvány* «спорадический, единичный». При этом информант здесь противопоставляет венгерскую диаспору в Врбасе и Нови-Саде: венгры в Врбасе оказываются в положении *szórvány* (дисперсное расселение), т.е. уступают по численности, влиянию и сохранению языка и культуры венграм в Нови-Саде. Вероятно, объясняется это тем, что в Нови-Саде есть образовательные учреждения, СМИ на венгерском языке, культурные венгерские организации (хотя в процентном отношении ситуация примерно одинаковая). Противопоставление может также происходить при выборе прилагательного, обозначающего этническую принадлежность *szerb utca/magyar rész* (сербская улица/венгерская часть) [5.4.4.]. Показательно, что к еврейским торговцам, использовавшим несколько языков для общения с клиентами, собеседники, свидетели того времени, относятся с одобрением. Они отмечают, что все торговцы владели языками «на уровне родного языка».

[10] О ситуации в населенном пункте Бачко-Петрово-Село на севере края информант говорит на сербском языке и также использует прилагательное *čist* для описания этноязыковой ситуации: *od prvog do četvrtog razreda sam imala mladu ambicioznu učiteljicu | možda smo i bili druga godina | koja je došla | Péterréve | to ona* ***čisto*** *madjarska sredina* (с первого до четвертого класса у меня была молодая амбициозная учительница, может быть, мы были во втором классе, когда она пришла, Петерреве (венг.), это чисто венгерская среда) (НС).

6. Восприятие венгерской и сербской речи информантами

В нарративах информантов особое место занимают высказывания об использовании венгерского и сербского языков в конкретной местности. Оценка языковой компетенции местных жителей происходит либо на основе общераспространенных представлений, либо на основе собственного опыта. В первом случае можно говорить о стереотипных представлениях самих венгров, во втором случае речь идет о проверенной информации, основанной на опыте индивида. Наша оценка такой речи может базироваться на наличии или отсутствии дистинктивных элементов. Т. Петрович в своем исследовании сербов в Белой Краине также отмечает, что «информанты комментируют свою языковую практику или языковую практику других членов общины» [Petrović 2009, 140]. Автор приходит к выводу, что больше всего комментариев относится к фонетике и лексике, как областям, лучше всего распознаваемым носителями языка. Другими словами, сравнению подвергаются лишь те элементы, которые имеют другой план выражения. В процессе комментариев информанты осознают свое отличие от других групп носителей того же идиома, эти отличия и ложатся в основу сопоставления «своего» языка и «чужого» языка. Подобные сравнения важны еще с точки зрения учета оппозиции «свой» — «чужой», когда в условиях межкультурного общения релевантным оказывается дифференциация чужих по признаку реальности, естественности общения [Карасик 2002, 10]. Е.Д. Бондаренко пишет о том, что языковое самосознание является важным параметром для выделения локальных групп населения и что народное сознание «отмечает обычно те языковые черты чужого говора, которые являются маркерами, разграничивающими локальные группы» [Бондаренко 2015, 97].

6.1. Север региона

Что касается воеводинских венгров, то мы выделили три группы языковых ситуаций, с ними связанных. К первой группе относятся ситуации восприятия венграми из этнически смешанных районов венгров из гомогенных районов. Основная проблема венгров, проживающих на юге Воеводины в сербском окружении, связана с поддержанием компетенции в венгерском языке, они ощущают воздействие структуры сербского языка на венгерский язык. Информанты заявляют, что из-за невозможности использовать венгерский язык он «портится». Поэтому венгры, проживающие в венгерском окружении на севере края и имеющие все возможности для повседневного использования венгерского языка, воспринимаются ими как образец поддержания языка в состоянии резистенции к многочисленным сербизмам, проникающим в повседневную речь. С другой стороны, нужно рассмотреть восприятие воеводинскими венграми венгерского стандарта в самой Венгрии (вторая группа). Многие воеводинские венгры часто посещают соседнюю Венгрию и оказываются в ситуациях непонимания, коммуникативной неудачи. Третья группа включает в себя диалектную ситуацию, когда носители соседних говоров (будь то венгры в Южной Бачке/Южном Банате или в Потисье) оценивают речь других территориально близких диалектов.

Важным критерием оказывается восприятие самого феномена двуязычия, насколько он зависит от таких социолингвистических переменных, как окружающая среда, миграция, образование, возраст и т. д. Здесь же логичным будет упомянуть и отношение к владению вторым языком — сербским. Уровень компетенции во втором языке — важная задача для успешной социализации в сербском обществе (если не ставится другая задача — последующая эмиграция). Отношение к двуязычию демонстрирует степень конфликтности в обществе.

Кроме того, для полноты исследования необходимо затронуть проблему отношения к венгерскому языку со стороны сербов, ежедневно контактирующих или контактировавших с венграми, при этом важно учитывать все комбинации «языковых идеологий». Ниже приведем фрагменты нарративов об использовании венгерского и сербского языков в разных районах Воеводины.

[6.1.1.] *Onnan | ahol tömbben él magyarság | Zenta mondjuk | Kanizsa | Szabadka | Topolya | **ott tisztábban beszélik** a magyart mint a szórványban élő Újvidéken | Temerinben | különösen Szeremségen | ahol már szórvány | ott sokkal jobban érződik* (Оттуда, где живет больше венгров, скажем, Сента, Канижа, Суботица, Топола, **там чище говорят по-венгерски**, чем венгры, живущие разобщенно, в Нови-Саде, Темерине, особенно в Среме, где уже они живут оторванно [от остальных венгров], там гораздо лучше это ощущается) (НС).

[6.1.2.] *Jako malo ljudi da ne zna mađarski u celoj Adi ... no u Molu | tamo već ne ... tamo Srbi ne znaju svi mađarski | ima više Srba | ali oni ne znaju svi madjarski | i Madjari | to je simptomatično uopšte za ovu regiju | da **Mađari dosta loše pričaju srpski*** (Очень мало людей, кто не знает венгерского во всей Аде ... но в Моле, там уже не ... там сербы не знают венгерский, там больше сербов, но они не все знают венгерский, и венгры, это симптоматично вообще для этого региона, что **венгры достаточно плохо говорят по-сербски**) (А).

[6.1.3.] *Ott* [Szabadka környékén] *| nem | mondjuk rá | nem volt annyi szerb szó benne mint itt | idősebbek | itt se nincs annyi | csak ez már negyven éveseknél | ott már lehet észrevenni | mi a könnyebb neki bedobni egy szerb szót | tisztább beszélnek magyarul | ezek a kis özések | de **tisztábban beszéltünk** | mert az egész falu mégis magyar volt | ott az iskolába is magyarok voltak | volt öt-hat szerb | de azok magyar osztályba jártak | azok is voltak | mert a partizánok betelepítették őket | kommunizmus* [alatt] (Там [в окрестностях Суботицы], нет, скажем, не было столько сербских слов, как здесь, пожилых, здесь не столько, а уже у сорокалетних, там уже можно заметить, что ему проще вставить сербское слово, [чем] чище говорят по-венгерски, есть немного это явление *ő-zés*, но **мы чище говорили**, потому что вся деревня была венгерская, там и в школе были венгры, было пять-шесть сербов, но они ходили в венгерский класс, и такие были, потому что партизаны их переселили, при коммунизме) (НС).

[6.1.4.] *Ima delova Vojvodine | gde apsolutno se ne zna | znači | apsolutno nemaju nikakvih kontakata sa srpskim jezikom | i takvim pacijentima | oni se osećaju zaista jako izopšteno | jer imaju veliki problem | jer niko ne može s njima da | niti da uzmu istoriju bolesti | ne može pitati | ako ne znaš jezik | to je neverovatno | kako nisu | nikakav dotok informacije na srpskom | jel | taj deo tamo | Senta | Ada | Bačko Petrovo Selo | Kanjiža | **to je neverovatno koliko se slabo govori srpski** | i ono što se govori | jako jakim akcentom* (Есть части Воеводины, где [язык] абсолютно не знают, значит, у них

нет абсолютно никаких контактов с сербским языком, и таким пациентам, они чувствуют себя действительно обособленно, потому что у них большая проблема, потому что никто не может с ними, ни даже взять историю болезни, нельзя спросить, если не знаешь язык, это невероятно, как они не, никакого поступления информации на сербском, потому что, та часть там, Сента, Ада, Бачко Петрово Село, Канижа, **это невероятно, насколько плохо говорят по-сербски**, а то как говорят — с очень сильным акцентом) (НС).

Отчетливо видно, что в общей картине восприятия языковой ситуации четко противопоставляются два макрорегиона: Бачка (ее северная и восточная часть) и остальная территория Воеводины[1]. Это противопоставление проходит по двум линиям — «чистота самой венгерской речи» (напр.: *ott tisztábban beszélik a magyart* (там чище говорят по-венгерски) [6.1.1.]; *tisztábban beszéltünk* (мы говорили чище) [6.1.3.]) и «компетенция в сербском языке» (напр.: *dosta loše pričaju srpski* (достаточно плохо говорят по-сербски) [6.1.2.]; *to je neverovatno koliko se slabo govori srpski* (это невероятно, как плохо говорят по-сербски) [6.1.4.]). Представление о чистоте речи является весьма распространенным как в «наивном» языковом сознании, где абсолютной ценностью обладает лишь литературный язык, так и в научных трудах ученых, придерживающихся пуристических тенденций [Kossa 1978]. Среди венгров в Нови-Саде распространено представление о языке венгров на севере Бачки, как о языке, близком к венгерскому языку в самой Венгрии.

[6.1.5.] *Ők* [a szabadkaiak] *már* ***jobban a magyarországi nyelvhez hasonlít*****[anak]** (Их [жителей Суботицы] венгерский язык **уже скорее похож на венгерский язык в Венгрии**) (НС).

Это сходство основано, прежде всего, на географической близости этих районов к венгерской границе.

Прослеживается также оппозиция Баната и Бачки. По причине меньшей концентрации венгерского населения в Банате, чем в Бачке, информанты приходят к выводу, что компетенция в сербском языке в венгерской общине Баната в целом выше: *jobban beszélik a szerbet*

[1] В количественном исследовании Э. Ковач-Рац были противопоставлены друг другу Банат и Бачка по принципу владения сербским языком. Оказалось, что жители Баната на 8,47% лучше оценили собственное знание сербского языка, чем жители Бачки [Kovács Rácz 2011, 256].

(они лучше говорят по-сербски) [6.1.6.]; *ritkábban van baj a szerbbel* (редко есть проблемы с сербским языком) [6.1.7.].

[6.1.6.] *Volt egy Tiszaszentmiklósi | Osztojicsevo | Bánátban van | lány | Bánátban | **ott jobban beszélik a szerbe**t mint a Bácskában | különösen Észak Bácskában* (Была девушка из Тисасентмиклоша (венг.), Остоичево, находится в Банате, **там лучше говорят по-сербски**, чем в Бачке, особенно — в Северной Бачке) (А).

[6.1.7.] *Ez Bánát | ahol tanultam | itt kevesebb magyar van | Bácskában | ahol most vagyunk | itt több magyar van | több magyar tud egymással találkozni | Bánátban pedig ritkábban | **Bánátban ritkábban van baj a szerbbel*** (Это Банат, где я учился, тут меньше венгров, в Бачке, где мы сейчас, тут больше венгров, больше венгров может встретиться друг с другом, в Банате это реже, **в Банате реже есть проблемы с сербским языком**) (НС).

Однако следует сказать, что среди наших информантов были представители старшего поколения из банатских сел, где компактно проживают венгры, и их компетенция в сербском языке была низкой.

Языковая ситуация в северных районах характеризуется следующим образом: *apsolutno nemaju nikakvih kontakata sa srpskim jezikom* (у них нет абсолютно никаких контактов с сербским языком) [6.1.4.]; *tolko ne koriste | jer su u grupi mađarskog dela* (они столько не используют, они в венгерской части) [6.1.8.]; *tamo i Srbi govore mađarski | to je takva sredina* (там и сербы говорят по-венгерски, это такая среда) [6.1.9.]; *ott tömb magyarság van* (там живет больше венгров) [6.1.10.]; *több magyar tud egymással találkozni* (больше венгров могут друг с другом встретиться) [6.1.7.].

[6.1.8.] *O. Zato što previše srpski | primoran si govoriti | a tamo ima ... na primer | ja sam bio kod oćnog lekara | iz Sente su došla porodica sa decom | jedva su znali da se sporazumu sa lekarkom | morao sam | pomoći | **tolko ne koriste | jer su u grupi mađarskog dela**.*
B. A devojčica je više znala od roditelja.
O. Išla u školu | već je školu učila srpski | a roditelji skoro nisu znali ništa | to je retka stvar | jel u onom okruženju gde su ćisto Mađari | pa ondak nisu imali školu | imaju i radno mesto i ovo | Senta | Topola.
B. Mohol.
O. Mol | možda.

B. Ne možda nego hiljadu posto | u Molu više ima Mađara.
O. Kanjiža | tu još ima mađarskih u manjim gradovima i selima | gde mađarski živalj još ostao u celini | koriste međusobno jezik | a nisi primoran srpski | a u Novom Sadu moraš | jer je skoro sve na srpskom.
О. Потому что слишком много [используется] сербский, ты вынужден говорить, а там есть ... например, я был у окулиста, из Сенты приехала семья с детьми, они едва могли объясниться с врачом, я должен был помочь, **они столько не используют [сербский], потому что они в венгерской части**.
А. А девочка больше знала, чем родители.
О. Она ходила в школу, она уже в школе учила сербский, а родители почти ничего не знали, это редко, потому что они в той среде, где только венгры, и тогда у них не было школы, у них есть рабочее место и это, Сента, Топола.
А. Мохол (венг.).
О. Мол, может быть.
А. Не может, а тысячу процентов, в Моле больше венгров.
О. Канижа, здесь еще есть венгры в небольших городах и селах, где венгерское население еще сохранилось целиком, они используют язык между собой, тебе не приходится [использовать] сербский, а в Нови-Саде ты должен, потому что почти все на сербском (НС).

[6.1.9.] *Pa u Novom Sadu nema toliko Mađara kao na primer u Subotici | gde sam rođena i gde je moja mama rođena | tamo i u prodavnici | **tamo i Srbi govore mađarski | to je takva sredina** | tako da je moja mama naučila srpski kada je imala dvadeset i nekoliko godina kad je došla da studira u Novom Sadu* (Ну, в Нови-Саде нет столько венгров, как, например, в Суботице, где я родилась и где родилась моя мама, там и в магазине, **там и сербы говорят по-венгерски, это такая среда**, так моя мама выучила сербский, когда ей было двадцать с чем-то лет и когда она приехала учиться в Нови-Сад) (НС).

[6.1.10.] *Aztán 9. –10. osztály után én Szabadkára jártam iskolába | **ott tömb magyarság van** | az ember ha elmegy Szabadkára | nem tudnak a magyar fiatalok szerbül ... viszont | ahol több magyarság van | Szabadka | Ada | Zenta | nagyon rosszul beszélnek a gyerekek | az emberek szerbül* (Потом после 9–10 класса я ходила в школу в Суботице, **там очень много венгров**, человек, если поедет в Суботицу, венгерская молодежь не знает сербского... а где больше венгров, Суботица, Ада, Сента, дети, люди, очень плохо говорят по-сербски) (НС).

Главным обстоятельством признается наличие или отсутствие контактов у венгров в северной части края с сербским населением.

При этом, если сербы проживают на этих территориях, они говорят по-венгерски (ср. фрагмент [6.1.11.]):

> [6.1.11.] *Hát Szabadka | Zenta | például zentaiak* ***ott a*** [szerb] ***lakosság nagy része tud magyarul*** (Ну, Суботица, Сента, например, жители Сенты **там, большая часть [сербского] населения знает венгерский)** (НС).

Приведем еще несколько высказываний, в которых говорится о восприятии языковой ситуации на севере края венграми из южных районов Воеводины. Все информанты свидетельствуют о том, что венгры в северной Бачке говорят по-венгерски плохо:

> [6.1.12.] *Valamilyen nagyon elhagyatott faluba és nagyon öreg bácsi vagy néni kell hogy legyen | Észak Bácskában van olyan | ahol egyszerűen nem beszélnek* **[szerbül]** | *nem volt | hol tanuljanak és elmaradt a szerb* (Это должен быть в какой-нибудь заброшенной деревне и очень старый дядя или тетя, **в Северной Бачке есть такое, где просто не говорят [по-сербски]**, не было, где учить и сербский язык не присутствует) (НС).

> [6.1.13.] *Ta situacija doprinosi tome da* ***u krajevima gde ima više Mađara oni imaju pasivno znanje srpskog*** | *ali vrlo ne rado progovaraju srpski | osim ukoliko se ne osećaju potpuno bezbedno u tom okruženju |* ***jer su svesni toga da greše*** (Эта ситуация способствует тому, что **в местах, где больше венгров, у них пассивное знание сербского**, но они очень неохотно говорят по-сербски, если только не чувствуют себя безопасно в той среде, **потому что они понимают, что делают ошибки)** (НС).

В нарративах о недостаточной компетенции венгров в сербском языке чаще всего встречалось упоминание населенных пунктов, расположенных вдоль Тисы (Сента, Канижа, Ада, Мол, Бачко Петрово Село); упоминают собеседники и Суботицу. Эти места ассоциируются со сложившейся там языковой ситуацией. Собеседники во многих случаях не ограничиваются простой констатацией факта, они рассказывают истории из собственного жизненного опыта, когда они сталкивались с выходцами из данных мест, что призвано придать бóльшую объективность их оценке (фрагменты [6.1.3.], [6.1.9.], [6.1.4.], [6.1.8.]): *u Subotici | gde sam rođena i gde je moja mama rođena* (в Суботице, где я родилась и где моя мама родилась) [6.1.9.]; *ja sam bio kod očnog lekara | iz Sente su došla porodica sa decom* (я был у окулиста, из Сенты приехала

семья с детьми) [6.1.8.]. Так, во фрагменте [6.1.8.] излагается история, произошедшая в клинике города Нови-Сад. Информант, венгр из района Телеп, вынужден был вмешаться в коммуникацию между врачом и пациентами из Сенты, чтобы помочь с переводом, поскольку он активно владеет как венгерским, так и сербским. Как замечает другой участвующий в диалоге информант, девочка, которая ходит в школу, могла знать сербский лучше, чем ее родители, ведь в венгероязычной среде Северной Бачки необходимость в постоянной коммуникации на сербском языке минимальна (если речь идет не о школе). Во фрагменте [6.1.4.] зафиксировано свидетельство двуязычного врача из Нови-Сада, который рассказывает о коммуникативных сложностях и неудачах. Его рассказ основан на собственном опыте общения с венграми из районов Северной Бачки. Здесь следует пояснить, что крупные медицинские центры расположены в Нови-Саде, и пациентов из всех районов Воеводины направляют именно в столицу края. В [6.1.9.] собеседница приводит в пример свою маму, которая выучила сербский язык только тогда, когда переехала из Суботицы в Нови-Сад.

Характеризуя ситуацию на севере края, информант (фрагмент [6.1.14.]) сетует на отсутствие мотивации у некоторой части молодежи при обучении сербскому языку, он отмечает, что больше внимания современные школьники уделяют другим — английскому и немецкому — языкам.

> [6.1.14.] *Tiszamentén északon | ott inkább az a helyzet | hogy magyarok nem tudnak szerbül | ez inkább egyre jobban jelemző | a fiatalok nem is nagyon akarnak |* ***inkább más idegen nyelveken koncentrálnak | angol | német*** (На севере в Потисье, там скорее такая ситуация, что венгры не знают сербского, это скорее все более характерно, молодежь даже не очень хочет, **концентрируется скорее на других иностранных языках, английский, немецкий**) (НС).

В этой связи важно упомянуть один факт, напрямую связанный с этим обстоятельством: коммуникация между венгерской и сербской молодежью в определенных случаях может происходить на английском языке (при отсутствии компетенции в венгерском языке у сербов и в сербском у венгров)[2].

[2] Нами зафиксированы подобные свидетельства: *nem tudnak a magyar fiatalok szerbül | nekem egy nagyobb meglepő adott volt | nem egyszerű embertől hallottam || hogy két*

Фрагмент [6.1.15.] иллюстрирует компетенцию в сербском языке венгров из венгерского окружения (Темерин, Хоргош). Основное знание сербского языка у выходцев из доминантной венгерской среды ограничивается несколькими заученными фразами. Здесь собеседник, приводя в пример собственный опыт (обучение в венгерском классе в школе Нови-Сада), отмечает отсутствие мотивации у учащихся из венгероязычных районов края при овладении сербским языком. Показательна реакция самого информанта, уроженца Нови-Сада: для него удивительно подобное языковое поведение. Мы видим противопоставление на уровне отношения к языку и языковой ситуации у выходцев из разных районов Воеводины:

[6.1.15.] *U srednjoj školi u mom odeljenju bilo je dosta učenika iz okolnih mesta | znači ne iz Novog Sada | pre svega iz Temerina | i tu | tu je bilo dosta njih koji nemaju želju da pričaju srpski | nisu se ni trudili | i jako su nepravilno govorili | to je bilo baš izraženo |* ***bilo je prosto čudno da neko ko živi u Srbiji i nema želju i potrebu da savlada jezik koji se govori ovde*** *... jako oskudan rečnik | ja sam imala u srednjoj školi | drugari su iz Horgoša | to je granično područje | njena komunikacija sa nastavnicom srpskog jezika u srednjoj školi je bilo 'Moje selo se zove Horgoš' | ali ne mogu da ponovim | znači | oni su u srednjoj školi morali da razgovaraju na tom nivou | 'Ajde | kaži tri rečenice | odakle si | kako se zove tvoje selo?' || i došla je sa jako jako slabim predznanjem |* ***zaista u tim čisto mađarskim okruženjima | nemaju želju da savladaju jezik*** (В средней школе в моем отделении было достаточно учеников из окрестных населенных пунктов, значит, не из Нови-Сада, прежде всего из Темерина, и здесь, здесь было достаточно тех, у кого нет желания говорить по-сербски, они даже не старались, и говорили очень неправильно, это было показательно, **было просто удивительно, что у кого-то, кто живет в Сербии, нет желания и необходимости овладеть языком, на котором говорят здесь** ... очень скудный словарь, у меня было в средней школе, друзья из Хоргоша, это пограничная территория [с Венгрией], ее общение с преподавательницей сербского языка в средней школе было таким: *'Moje selo se zove Horgoš'* (Мое село называется Хоргош), но я не могу повторить, значит, они в средней школе должны были разговаривать на этом уровне: 'Ну, скажи три предложения, откуда ты,

középiskolás Szabadkán | az egyik szerb a másik magyar | angolul beszélgetnek | mert nem értik egymás nyelvét (венгерская молодежь не знает сербского, для меня это было удивительно, я это слышала не от простого человека, что два ученика средней школы в Суботице, один серб, другой венгр, говорили по-английски, потому что не понимали языка друг друга) (НС).

как называется твое село?', и достаточно было [учеников] с очень, очень слабым знанием, **действительно, в той чисто венгерской среде, у них нет желания овладеть языком**) (НС).

Об отсутствии мотивации при обучении сербскому языку пишет Э. Андрич. Венгры, проживающие на севере края, в своем микросообществе могут легко обходиться только родным языком, а о том, что в дальнейшем для их карьеры может понадобиться сербский язык, они не задумываются [Andrić 2009, 39].

6.2. Южная Бачка

Прямо противоположная ситуация складывается в Нови-Саде. По свидетельствам информантов о положении в г. Вршац и в Нови-Саде, в среде венгерской молодежи часто используется сербский язык[3]. Этот венгерский язык воспринимается как «плохой» из-за обилия сербских слов: *az ő magyar egy kicsit rosszabb | gyenge* (ее венгерский язык немного хуже, слабый) [6.2.1.]. Кроме того, находим еще одно явно отрицательное определение в [6.3.1.2.]: информант называет венгерский язык «грязным»: *van egy olyan || piszkos magyar nyelv | főleg a Telepen* (есть такое... грязный венгерский язык, в основном на Телепе). Венгерский язык, на котором говорят в районе Телеп, местные венгры даже называют *телепским языком* [Dragin 2015, 98]. По сути, в городах Нови-Сад и Вршац описано состояние, которое называется в научной литературе «утрата языка».

[6.2.1.] *A. Az én tapasztalatom szerint* ***az újvidéki magyarok inkább közeledtek a szerb nyelvhez*** *| nem tudom miért | inkább érezni | hogy magyar fiatalság | az* ***ő magyar egy kicsit rosszabb*** *| gyenge | szerintem.*
G. Mi ez | rossz?
A. Kissebb a szókincsük | és több szerb szót dobnak be | és szokszor használnak magyar szavakat szerb igékkel | prefiksz | szufikszokkal.

А. По моему опыту, **новисадские венгры скорее приближаются к сербскому языку**, я не знаю зачем, скорее можно почувствовать,

[3] Об этом упоминается в исследовании А. Драгин: все поколения венгров из района Телеп в Нови-Саде хорошо владеют сербским языком и считают его доминантным языком общения в своем окружении [Dragin 2015, 79].

что венгерская молодежь, **ее венгерский язык немного хуже**, слабый, по-моему.
Г. Что значит плохое?
А. Меньше лексики, и вставляют больше сербских слов, и часто используют венгерские слова с сербскими глаголами, приставки, с суффиксами (НС).

[6.2.2.] *Dan-danas se ponekad čuje | i onda se iznenadim ja sa sinom | onako | ovi su isti kao i mi | vanzemaljci | ali sve ređe i ređe | ima dosta i toga da u Novom Sadu* ***Mađari čisto pričaju srpski | ne znam zašto*** (Сегодня иногда слышно [венгерский язык], и тогда я удивляюсь с сыном, так, эти такие же как и мы, инопланетяне, но все реже и реже, есть достаточно этого в Нови-Саде, **венгры говорят по-сербски, я не знаю почему**) (НС).

[6.2.3.] *Az már asszimiláció esélye |* ***Újvidéken ezen nem kell csodálkozni | ott mindenhol szerbül beszélnek |*** *egy mondaton belül fele szerb fele magyar | ezen a vidéken* [Adán] *| kizárt* (Это уже вероятность ассимиляции, **в Нови-Саде этому не нужно удивляться, там везде говорят по-сербски**, внутри предложения половина — сербский, половина — венгерский, на этой территории [в Аде], — это исключено) (А).

[6.2.4.] *Ott* [Versecen] *még* ***a pici gyerekek is | nem tudnak beszélni magyarul |*** *gondolom | magyar az anya | vagy az apja | nincs magyar iskola | s akkor elszerbesednek* (Там [в городе Вршац] даже **маленькие, не могут говорить по-венгерски**, я имею в виду, венгр мама или папа, нет венгерской школы, и тогда они сербизируются) (Ск).

Отношение к местному варианту венгерского языка, как видно из примеров, в основном отрицательное, поскольку он воспринимается как претерпевший значительное влияние других языков. Э. Ковач-Рац в своем исследовании языковых отношений воеводинских венгров говорит о том, что только 17% информантов считают «красивым» локальный вариант языка, т.е. оценивают его позитивно [Kovács Rácz 2011, 66].

6.3. Метаязыковая рефлексия

Отдельного внимания заслуживают представления об использовании языков и об их структурных особенностях. Е.Д. Бондаренко отмечает, что проживание в зоне языковых и культурных контактов «стимулирует активность рефлексии над различиями языков,

причем характер рефлексии может быть обусловлен как собственно языковыми, так и экстралингвистическими (социальными, историческими, политическими) факторами» [Бондаренко 2015, 245].

6.3.1. Фонетические и лексические маркеры в речи венгров из Нови-Сада

В нарративах информантов лидирует по частотности рефлексия над фонетическими и лексическими особенностями речи. Т. Петрович называет случаи комментариев собственной языковой практики или языковой практики других членов сообщества «эксплицитной метапрагматикой» [Petrović 2009, 140].

Основным дистинктивным маркером, свидетельствующим о сильном влиянии сербского языка на фонетику венгров в южных районах края (Нови-Сад), является замена палатальных венгерских [t'] и [d'] на сербские аффрикаты [ć] и [đ] или [č] и [dž]. Звуки [ć], [đ], [č], [dž] отсутствуют в венгерском языке, тогда как звуки [t'] и [d'] («мягкие» и «твердые», в терминах информантов, см. фрагмент [6.3.1.3.] отсутствуют в сербском языке. Информанты говорят, что из-за влияния сербского языка и сербской фонетики речевой аппарат венгров в Нови-Саде более приближен к произношению сербских звуков:

> [6.3.1.1.] *Moje iskustvo sa njima je | što se tiče mađarskog jezika ili ga govore jako jako dobro | književni | ili ga govore sa izrazitim uplivima srpskog jezika | i to se najpre primeti na fonetici |* ***izgovaraju tvrdo «č» «dž»****| ... oni prosto već imaju aparat govorni tako podešan |* ***ne «megyünk» | nego «medžünk»*** *| više vuče na srpski | fonetika | tu se prepozna | ja umem da prepoznam* (Мой опыт с ними, что касается венгерского языка, или говорят очень хорошо, литературно, или говорят с заметным влиянием сербского языка, и это в первую очередь заметно по фонетике, **они твердо произносят *«č» «dž»***, ... у них просто речевой аппарат так настроен, **не *«megyünk»*** (мы идем), **а *«medžünk»***, больше похоже на сербский, фонетика, здесь заметна, я могу распознать) (НС).

В сербском языке палатальную артикуляцию имеют только сонорные [l'] и [n'], тогда как в венгерском это также зубные [t'] и [d']. Именно отсутствие реализации зубных палатальных приводится информантами чаще всего как наиболее показательный и часто встречающийся признак: *ne «megyünk»* (мы идем) | *nego «medžünk»* [6.3.1.2.]; «*medzsünk*» | *nem «megyünk»* [6.3.1.2.]; *«gyöngyi»* (жемчужный) *hanem*

«dzsöndzsi» [6.3.1.2.]; *nem «gyümölcs»* (фрукт) | *hanem «dszümölcs»* [6.3.1.3.]. В качестве фонетической иллюстрации приводится форма первого лица множественного числа от глагола *menni — megyünk*, вероятно, это объясняется наибольшей частотностью этой формы в языке. Кроме того, приводятся слова с начальным *gy* (*gyümölcs, gyöngyi*). Интересно, что часто в качестве примера приводятся аффрикаты [č] и [dž], а не [ć] и [đ]. По нашим наблюдениям, замена зубных палатальных на аффрикаты происходит и при обучении сербов-монолингвов венгерскому языку[4]. Заметно это и при передаче венгерской топонимики, имен, фамилий в сербском языке, напр.: *Varmeđe* (венг. *Vármegye*), *Nađsombat* (венг. *Nagyszombat*), *Nađ* (венг. *Nagy*).

[6.3.1.2.] *Van egy olyan | hogy hívunk | hogy* ***piszkos magyar nyelv | főleg a Telepen*** *| Telepen beszélik | körülbelül úgy beszélnek | hogy nem tudják megkülönböztetni a szerb egyes mássalhangzókat a magyar mássalhangzótól | például | ők azt mondják hogy «****medzsünk****» | nem «****megyünk****» | mert magyarban nincs «****dzs****» | van «****gy****» | «****gy****» | «****dzs****» | ez nálunk nagy akadályt jelent | nem beszélnek tisztán habár | ha az ember elmegy Pestre | rögtön észreveszik | hogy délvidékiek vagyunk | úgyhogy én észreveszem a románokat | másképpen beszélnek | főleg* ***Bácskában | inkább öző magyar nyelv*** *| ez szegedi | szögedi ... ahol nagyon észrevehető ez a bizonyos «****dzs****» | «****gy****» és a nem ismerik a «****ty****»-t | ami a magyarban létezik | és akkor szerb «ć»-re dobják át* (Есть одно такое [явление], мы зовем, **грязный венгерский язык**, **в основном на Телепе**, на Телепе говорят, приблизительно так говорят, не умеют отличать отдельные сербские согласные от венгерских согласных, например, они говорят ***«medzsünk»*** (мы идем), а не ***«megyünk»***, потому что в венгерском нет ***«dzs»***, есть ***«gy»***, ***«gy»***, ***«dzs»***, это у нас большое препятствие, они не говорят чисто, хотя, если человек едет в Будапешт, они сразу заметят, что мы воеводинцы, так как я замечаю румын, они по-другому говорят, в основном в Бачке, венгерский язык скорее *ő*-кающий, это сегедская черта, *szögedi* (сегедская) ... где очень заметно это *«dzs», «gy»* и им не знаком *«ty»*, который существует в венгерском, и тогда они его заменяют на сербский *«ć»*) (НС).

[6.3.1.3.] *Abban különböznek | hogy nem őriztek | nem olyan tiszta szép magyar nyelvet |* ***a magyar nyelvben van a puha «gy» betű | máskent***

[4] Во второязычной речи венгров из доминантных венгерских районов, а также у людей старшего поколения из Нови-Сада наблюдается обратная замена аффрикат на палатальные в сербском языке венгров: вместо *mađarski* говорят *mad'arski*. Наблюдается это явление и в самой Венгрии у сербов в Сигетчепе [Ilić 2014, 139].

ejtik a «cs» betűt | *az is puha* | *viszont itt nagyon sok* | *főleg van a fiatal magyar* | *az már inkább olyan szerbesen* | ***olyan kemény «dzs» betűt ejt*** | *nem azt mondja hogy «**gyöngyi**» hanem «**dzsöndzsi**»* | *vannak olyan kolleganőnk is* | *mondják hogy nagyon sokat kell gyakorolni* | *de ez nehéz* | *hogyha nem szokta meg otthon* | *hogy nem «**gyümölcs**»* | *hanem «**dszümölcs**»* | *akkor azt nagyon nehéz kijavítani* (Они отличаются в том, что не сохранили, не такой чистый красивый венгерский язык, **в венгерском языке есть мягкая буква *gy*, по-другому произносят букву *cs***, она тоже мягкая, а здесь очень много, в основном молодые венгры, они скорее более на сербский манер [произносят], **так твердо, произносят букву *dzs***, не говорит ***«gyöngyi»*** (жемчужный), а ***«dzsöndzsi»***, есть такие коллеги, они говорят, что очень много нужно упражняться, но это трудно, если не говорят дома ***«gyümölcs»*** (фрукт), а ***«dszümölcs»***, тогда это очень трудно исправить (НС).

Помимо фонетических изменений, отмечаются и конкретные примеры лексических заимствований, свойственных речи венгров в Нови-Саде (фрагмент [6.3.1.4.]): *«szmétálni*$_{\text{воевод.венг}}$*»* | *smetati*$_{\text{серб}}$ | (мешать) *vagy «csasztizni*$_{\text{воевод.венг}}$*»* | *«megcsasztizlak*$_{\text{воевод.венг}}$*»* | *častiti*$_{\text{серб}}$ (угощать, я тебя угощу). Лексические заимствования наряду с фонетическими явлениями чаще других приводятся как дистинктивные по отношению к стандартному языку либо идиолекту информанта при металингвистических комментариях [Petrović 2009, 142].

[6.3.1.4.] *Itt Újvidéken az is tapasztalat* | *hogy a **szerb nyelvnek is van a jó behatása*** | *néha könnyebben elmondják magyarosított szerb szavakkal mint magyarul* | *például* | *azt mondják Újvidéken hogy «**szmétálni**»* | *smetati* | *vagy «**csasztizni**»* | *«**megcsasztizlak**»* | *častiti* (Здесь в Нови-Саде такой опыт, **большое влияние сербского языка**, иногда проще говорят при помощи мадьяризированных сербских слов, чем по-венгерски, например, в Нови-Саде говорят ***«szmétálni»***, (smetati) мешать, или ***«csasztizni»***, ***«megcsasztizlak»***, (častiti) угощать, я тебя угощу) (НС).

6.3.2. Венгерский язык в Венгрии

Нарративы о венгерском языке в самой Венгрии свидетельствуют о четко осознаваемой идентичности группы «воеводинских венгров», поскольку здесь мы встречаемся с противопоставлением местного варианта венгерского языка в Воеводине речи венгров-монолингвов в самой Венгрии. Социолингвисты-хунгарологи при рассмотрении географической стратификации венгерского языка вводят понятие «контактного

варианта» (*kontaktusváltozat*), когда на региональную разновидность языка влияет язык большинства конкретной страны [Kovács Rácz 2011, 8], в соответствии с этой парадигмой венгерский язык в Сербии можно рассматривать как «контактный вариант». Поскольку венгерский язык в Венгрии остается за пределами этого влияния, в метаязыковом сознании информантов его носители рассматриваются как отдельная группа. Я. Кошша высказывает опасения, что именно из-за контактных особенностей воеводинских венгров плохо понимают в Венгрии, а сами воеводинские венгры через некоторое время будут плохо понимать венгерский язык метрополии [Kossa 1978, 31].

Собеседники отмечают, что во время их визитов в Венгрию об их происхождении узнавали по речевым особенностям: их признавали за *vajdoságiak* [6.3.2.1.], *délvidéki* [6.3.2.2.], т. е. номинация происходила либо по современному названию края — «воеводинцы», либо по историческому названию для этих земель — «южные земли, южный край». Здесь мы также видим упоминание концепта «чистоты» языка: у информантов возникает ощущение несовершенства собственной речи, недостаточной ее «чистоты» на фоне речи венгров в самой Венгрии: *nem vagyunk tisztább* (мы не чище) (1):

> [6.3.2.1.] ***Tisztább*** | ***magyarországiasabb*** | *szerintem a magyarországi magyaroknál van egy ilyen érzés* | *mintha mi lennénk különböző magyarok* | *nem mondanék* | *hogy cigányok vagyunk* | *mert nem akarok senkit se lenézni* | *de* ***van érzés*** | ***hogy nem vagyunk tisztább*** | *nem annyira Budapesten* | *Budapest egy olyan kozmopolita város* | *mindenki otthoniasan érezheti magát* | *de inkább az ország kisebb városaiban* | *akkor* ***vajdoságiak*** | *aha* | *könnyű magyar lenni ott* | *ahol az anyanyelvet beszéli* (**Чище, более похоже на венгерский из Венгрии**, по-моему, у венгров из Венгрии есть такое чувство, как будто бы мы разные венгры, я не сказал бы, что мы цыгане, потому что не хочу ни к кому относиться с пренебрежением, но есть чувство, что мы не чище, в Будапеште [это ощущается] не настолько, Будапешт — такой космополитичный город, там все чувствуют себя дома, но скорее — в маленьких городах страны, тогда воеводинцы, ага, легко быть венгром там, где он говорит на родном языке) (НС).

> [6.3.2.2.] *Mad'arski Mad'ari* | *imamo mi taj uticaj srpskog jezika i odmah se* | *kako kažu u Mađarskoj* | ***se odmah primetimo*** (Венгерские венгры, у нас это влияние сербского языка и мы сразу, как говорят в Венгрии, **сразу заметны**) (НС).

[6.3.2.3.] *Mogli bi da prepoznaju iz kog dela su došli | tako* ***kad odemo u Seged | odmah znaju | délvidéki | čuju po govoru*** (Они могли бы распознать, из какой части они приехали, так, **когда мы едем в Сегед, они сразу знают, délvidéki** (из южного края, из Воеводины), **слышат по говору**) (НС).

Е. Д. Бондаренко отмечает, что для носителей диалектов абсолютным эталоном, «по-видимому, является литературный язык, по отношению к нему собственный языковой вариант будет оцениваться негативно» [Бондаренко 2015, 94], так, собственная речь кажется носителям вятского наречия неправильной, поскольку не соответствует норме [Там же, 100]. Э. Габрич указывает, что воеводинские венгры, проживающие в Венгрии, оценивают свою речь низко по сравнению со стандартом [Gábrity 2012, 205].

6.3.3. Диалектные особенности

Диалектные различия внутри венгерского языка в Воеводине воспринимаются как различия между Банатом и Бачкой. Приводимые ниже фрагменты регистрируются у жителей Бачки, представлен их взгляд на венгерскую речь в Банате. Информанты в основном рассматривают фонетические особенности: речь идет о таком явлении, как произношение гласного [ö] на месте звука [e] (явление *ö-zés*).

Как и в случае иллюстрации влияния сербского языка на фонетику венгерского языка венгров из Нови-Сада, и в данном случае информанты приводят формы глагола *menni* (идти), в которых реализуется «банатское произношение»: *möntök, mögyök* (вы идете, я иду). Довольно часто приводят как пример произношение глагольной приставки *meg*: *mög*. Очевидно, что собеседники для иллюстрации чужой речи, в данном случае речи венгров в Банате, выбирают наиболее часто встречающиеся слова и элементы слов[5].

Остановимся подробнее на первом фрагменте и рассмотрим реакцию информанта. После произнесения фразы, имитирующей банатскую речь, следует смех. По всей видимости, информанту смешно воспринимать эти особенности венгерского языка, ведь он сам так не говорит, возможно, он впервые произносит эти слова

[5] В нарративах, собранных Э. Габрич среди воеводинских венгров, проживающих в Венгрии, в качестве маркеров локальной идентичности также фиксируются глаголы движения: *mék* вместо *megyek* (я иду) и *gyüsz* вместо *gyere* (иди) [Gábrity 2012, 199].

«по-банатски», что усиливает комичный эффект восприятия. В научной литературе по материалам устных нарративов отмечается, что родственный язык или диалект может восприниматься соседями комично [Бондаренко 2015, 84]. В приводимом фрагменте следует пояснение, что такую речь все равно понимают, поскольку нет лексических различий, все дело только в разном произношении, в конце информант добавляет, что все-таки для жителей Бачки такое произношение является странным.

[6.3.3.1.] *A. A* ***bánátiak*** | *a* ***tiszántúliak*** | *is másképp ejtik a szavakat. F. Mink ha beszélünk megkérdezünk valakit akkor úgy mondjuk* || *mentek* | *mentek és találkoztak* | *elmentünk Bánátba és úgy mondta* ***a bánáti ember*** | *kérdeztük hogy ez vagy az hol lakik?* || ***«möntök | möntök | még mög nem látitok?»*** || (смех) *megérti az ember* | *de ez furcsa.*

А. **Жители Баната**, те, **кто живет за Тисой**, они по-другому произносят слова.
Ф. Мы, если разговариваем, мы спросим кого-то, тогда мы так скажем: *mentek, mentek és találkoztak* (шли, шли и нашли), мы поехали в Банат и спросили **жителя Баната**, спросили, такой-то где живет?: ***«möntök, möntök, még mög nem látitok?»*** (вы шли, шли, и еще не видели?) (смех), человек поймет, но это странно (А).

По данной фонетической особенности можно узнать, откуда родом венгр, эта черта для носителей венгерского языка в Воеводине является дистинктивной.

[6.3.3.2.] *Én irodalmi magyar nyelvet beszélem* | *most ... vannak behatások* | *az tájszólás felé* | *azonnal észre lehet venni hogy valaki innen van* | *akkor* ***a Bánátban | a Tisza túl oldalán*** | *ott van az* ***ö-zés*** | *Szegedről jöttek át* | *Szegeden az ö betű* | ***«mögyök»*** | *nem* ***«megyek»*** | *a Bácskán* ***«megyek»*** | *Budapesten* ***«megyek»*** | *a Bánát az* ***«mögyök»*** | *Szegedről jött az ö-zés* | *ezek az eltérések vannak* (Я говорю на литературном языке, сейчас... есть влияния, ближе к диалектам, сразу можно заметить, что кто-то отсюда, тогда **в Банате, на другой стороне Тисы**, там есть ***ö-zés***, они пришли из Сегеда, в Сегеде буква *ö*, ***«mögyök»*** (я иду), а не ***«megyek»***, в Бачке ***«megyek»***, в Будапеште ***«megyek»***, Банат это ***«mögyök»***, из Сегеда пришло *ö-zés*, эти различия есть) (НС).

Сами жители Баната называются: *bánátiak, tiszántúliak, bánáti ember* [6.3.3.1.]. Номинация может быть описательной: после упоминания историко-географической области следует уточнение,

дополнительное объяснение. Возможно, это связано с ситуацией произнесения высказывания в присутствии исследователя, которому, по мнению информантов, могут быть незнакомы географические названия: *Bánátban* | *a Tisza túl oldalán* (в Банате, на другой стороне Тисы) [6.3.3.2.]. Название Банат может быть заменено на указательное местоимение *ott* (там). Представление о Банате неразрывно связано с рекой Тисой, как границей, которая разделяет области Бачка и Банат, при этом Банат обозначается как то место, которое находится *за* Тисой, жители Баната — это люди, проживающие *за* Тисой. Свою группу информанты характеризуют через соотнесение с личным местоимением первого лица: *mink ha beszélünk megkérdezünk* (мы, если говорим, мы спросим) [6.3.3.1.], *mink még «meg»* (а мы [говорим] *meg*) [6.3.3.3].

[6.3.3.3.] *G. Van különbség?*
M. Más tájszólás | *vannak más szokásaik.*
*A2. Úgy beszélnek hogy «**mög**»* | *mink még «**meg**»* | *nem úgy mondják hogy «**eszünk**»* | *«**öszünk**».*
*M. **Szöged** is.*

Г. Есть ли разница?
М. Другой диалект, другие обычаи.
А2. Они говорят «***mög***», а мы «***meg***», они не говорят «***eszünk***» (мы едим) — «***öszünk***».
М. Они также говорят ***Szöged*** (Сегед) (Ан).

Через имитацию чужой речи можно проследить отношение говорящих к языковым особенностям «других». Очень часто в качестве примеров приводятся наиболее употребляемые языковые явления — лексические и фонетические. Происходит это, вероятно, по двум причинам: эти слова не требуют долгого поиска в условиях, когда идет спонтанный разговор с исследователем, кроме того, часто одни и те же слова позволяют продемонстрировать разные языковые особенности, которые обусловлены либо влиянием сербского языка, либо местными диалектными характеристиками. По определенным языковым чертам можно идентифицировать говорящего, например, основной характеристикой жителей Баната является сильная степень явления *ö-zés*.

7. Распределение языков по сферам общения

В предыдущем разделе были рассмотрены представления информантов о разных географических сообществах венгров и их языковом репертуаре. В данном разделе речь пойдет о комментариях информантов по поводу собственной языковой практики. Использование языков в разных сферах общения отражает языковую ситуацию в конкретной местности. Если исследуется языковой репертуар конкретного индивида, можно говорить о языковом выборе данного индивида. Здесь нужно учитывать этнодемографические, экономические, социальные факторы.

7.1. Процентное соотношение языков, сфера применения

Ниже приводятся примеры нарративов о преимущественном использовании языков в течение дня.

[7.1.1.] *Itten nem használom a magyar nyelvet | mert Detelinárán* ***ez kilencven százalék*** *a szerb volt mindig* (Здесь я не использую венгерский язык, потому что в районе Детелинара **девяносто процентов** — всегда был сербский) (НС).

[7.1.2.] *G. A nap közben kivel szokott beszélni magyarul és szerbül?*
J. ***Kilencven százalékával szerbül beszélek*** *| magyarul beszélek a rokonaimmal | akik | testvéreimmel | barátaimmal akik magyarok és tudok hogy tudnak magyarul.*

Г. В течение дня с кем Вы обычно говорите по-венгерски или по-сербски?
Й. **С девяносто процентами я говорю по-сербски**, по-венгерски я говорю с родственниками которые, с моими братьями и сестрами, с друзьями, кто венгры и я знаю, что они знают венгерский (НС).

[7.1.3.] *G. Szomszédaival | orvosnál | boltokban hogyan beszélt?*
I1. Szomszédokkal szerbül beszélek | szerbajkúak | mi az Új Telepen lakunk | nincs is magyar osztály | három gyerekem van | mind a három különböző elemi iskolába járt magyar nyelven | mert egyik iskola sincs túl közel | úgyhogy volt | hogy bármelyik iskolába mentek | vagy autóbusszal vagy gépkocsival vittük őket | és ezért három különböző elemi iskolát fejeztek be magyar nyelven | a ***boltokban szerbül beszélünk | mert nem beszél senki magyarul | az orvosnál kilencvenkilenc százalékban szerbül****.*

Г. С соседями, у врача, в магазине как Вы говорите?
И1. С соседями я говорю по-сербски, они сербоязычные, мы живем в районе Ново Населе, там нет даже венгерского класса, у меня трое детей, все трое ходили в три разные основные школы на венгерском языке, потому что нет ни одной школы вблизи, так что было, в какую бы школу ни ходили, мы их отвозили или на автобусе или на машине, и поэтому они окончили три разные основные школы на венгерском языке, **в магазине мы говорим по-сербски**, потому что никто не говорит по-венгерски, **у врача в девяносто девяти процентах по-сербски** (НС).

[7.1.4.] *G. Aránylag | hogyan használ a nap folyamán a szerb és a magyar nyelvet?*
M. A szüleimmel mindig magyarul | mert ott olyan a természetes viszony | két gyermekem van | beszélek róluk vagy folytassam ezt a? ... ***devedeset posto dana*** *kad se ne čujem sa svojima ili to sve se razmišlja na srpskom ili uči na srpskom | TV se tako prati | a ono što si me pitao | jeste | kad znam | od komšije neko priča | onda normalno da mu se obratim na mađarskom | nije mi problem | pa tako mi je | mogu i na srpskom mogu i na mađarskom | kako on počne | kako ja počnem | tako ide | tu mi okej da koristim taj jezik.*

Г. В процентном отношении как вы используете в течение дня сербский и венгерский языки?
М. С родителями всегда по-венгерски, потому что там такие естественные отношения, у меня двое детей, говорить о них или продолжать это? ... **девяносто процентов дня**, если я не разговариваю со своими или я думаю на сербском, или учусь на сербском, телевидение

так смотрю, а то, что ты меня спросил, да, когда знаю, из соседей кто-то говорит, тогда нормально, что я к нему обращусь на венгерском, для меня не проблема, и так мне, я могу и на сербском, могу и на венгерском, как он начнет, как я начну, так и идет, здесь мне окей, что я использую этот язык (НС).

[7.1.5.] *G. A nap folyamán milyen nyelven gyakrabban beszél?*
A. A feleségem is szerb akkor szerbül beszélünk.
G. Hol beszél magyarul?
*A. Anyámma | apámma | **az kicsit** || még a család többi tagjával | elmegyünk bárhova | a család tartozókkal.*

Г. В течение дня на каком языке Вы чаще всего говорите?
А. Моя жена также сербка, и мы говорим по-сербски.
Г. Где вы говорите по-венгерски?
А. С моей мамой, с папой, **немного**, и с остальными членами семьи, если мы идем куда-то, с членами семьи (НС).

[7.1.6.] *Mikor a fiammal vagyok | akkor a magyart gyakorlom | mert ő nem is tud hozzám másképp szólni | ha szerb társaságba ülünk | ő engemet magyarul | képzeld el | nagyon jó ez ekszperiment | mert hatalmas társaságban | tizen beszélnek szerbül | szerbül fordulok hozzá hogy mindenki megértse | és magyarul válaszol | abszolút fejébe van egy ilyen klik | hogy velem magyarul beszél | de ha nem vagyok vele | akkor a szüleimmel tíz | tizenöt | húsz percet telefonon | és majdnem ez az egész | esetleg valamilyen barátom | **nagyon ritka*** (Когда я с сыном, тогда я практикую венгерский, потому что он по-другому не может ко мне и обратиться, если мы сидим в сербской компании, он ко мне по-венгерски, представь себе, очень хороший эксперимент, потому что в большой компании, десять человек разговаривают по-сербски, я по-сербски обращаюсь к нему, чтобы все понимали, и он по-венгерски отвечает, в его голове есть такой щелчок, что со мной он говорит по-венгерски, но если я не с ним, тогда — с родителями десять, пятнадцать, двадцать минут по телефону, и это почти все, может быть с каким-нибудь другом, **очень редко**) (НС).

Венгры, проживающие в доминантной сербской среде, заявляют о преимущественном использовании второго языка в разных аспектах своей повседневной деятельности. Чтобы подчеркнуть минимальную большую долю сербского языка в собственном языковом репертуаре, информанты часто оперируют цифрами в диапазоне от 90 до 99: идет ли речь о составе населения [7.1.6.], о процентном

использовании языков при общении [7.1.3.], [7.1.4.] или о количестве людей, с которыми происходит общение [7.1.2.].

Что касается внутрисемейного общения, то для многих общение с членами семьи, родственниками — единственная возможность практиковать венгерский язык. Судя по результатам исследования Э. Ковач-Рац [Kovács Rácz 2011, 289], а также по нашим данным [Пилипенко 2015б], внутрисемейное общение у воеводинских венгров является наиболее распространенной сферой, где используется венгерский язык. В приведенных фрагментах находим свидетельства о существовании смешанных браков [7.1.5.], [7.1.8.]. Поддержание общения с родственниками, пусть и на расстоянии (по телефону), дает возможность использовать венгерский язык [7.1.2.], [7.1.4.], [7.1.6.].

При посещении магазинов, совершении покупок, в доминантной сербской среде практически всегда используется сербский, приведем высказывание информанта из Нови-Сада:

> [7.1.7.] *Abban az országban énnekem meg kell tanulni azt a nyelvet hogy kommunikáljak | igen? | Szerbiában élek | Istenem |* ***minekünk szerbül muszáj tudni | mert ha megy központba | cipőüzletbe | nekem szerbül kell fordulni*** (В этой стране мне нужно учить этот язык, чтобы общаться, да? я живу в Сербии, боже, **нам нужно знать сербский, потому что, если идешь в центр, в обувной магазин, мне нужно обратиться по-сербски**) (НС).

Исключением является случай, когда речь идет о конкретном продавце-венгре, и местные жители знают, что к нему можно обратиться по-венгерски, как, например, в Войловице:

> [7.1.8.] *G. Hogyan beszél a családjában?*
> *S. Magyarul | de ha otthon van a vejem | beszélünk így is úgy is | megtanult ő, tud megérti.*
> *G. Hogyan beszél a boltokban?*
> *S. Sajnos ez így van |* ***a boltokban | akit ismerünk | hogy tudunk | hogy tud magyarul | vagy magyar | akkor beszélünk magyarul****.*
>
> Г. Как Вы разговариваете в семье?
> Ш. По-венгерски, но если дома зять, мы говорим и так и так, он выучил, может понимать...
> Г. Как Вы разговариваете в магазине?

Ш. К сожалению, так, **в магазине, кого знаем, что он знает венгерский, или он венгр, тогда говорим по-венгерски** (В).

Еще одна важная сфера применения языка — посещение врача. Медицинские услуги в большинстве случаев можно получить только на сербском языке. При этом речь не идет только о Нови-Саде, крупном городе, в котором возможность найти говорящего по-венгерски врача действительно очень низкая, но и о других частях региона, где венгерское население составляет большинство, например, о Скореновце:

[7.1.9.] *G. Az **orvosokkal** hogyan beszél?*
*N. **Szerbül** | amit tudunk | amennyit nem tudunk magyarázni behívunk segédorvost | ápolónőket.*

Г. **С врачами** как Вы говорите?
Н. **По-сербски**, что знаем, что не можем объяснить, зовем стажеров, сестер (Ск).

Как правило, в таких небольших населенных пунктах существуют небольшие амбулатории, за более серьезной медицинской помощью жителям Воеводины приходится ехать в Нови-Сад.

Зачастую основным фактором поддержания языка является личная мотивация и наличие времени для общения, а, следовательно, и языковой практики. Во фрагменте [7.1.10.] информант из Нови-Сада (из смешанной семьи, в которой на венгерском языке говорит только отец) приводит подробности внутрисемейного общения:

[7.1.10.] *G. Koji jezik upotrebljavaš najviše?*
*A. Pa ne znam | mislim da je to više srpski jezik | nekako više **komuniciram s majkom | nego sa ocem** koji ceo dan radi | i umoran je i ne priča mu se kad dođe kući | i na fakultetu uglavnom su predavanja na srpskom | moje najbolje **drugarice su sve Srpkinje | Bosanke | Hrvatice** | i tako | jedino mi je momak Mađar | imam nekoliko mađarskih drugova | uglavnom su više nemađari.*

Г. Какой язык ты используешь больше?
А. Ну, не знаю, я думаю, что больше сербский, как-то больше **я общаюсь с мамой, чем с отцом**, который целый день работает, и уставший, и ему нет охоты говорить, когда он приходит домой, и в университете в основном лекции на сербском, **мои лучшие подруги все сербки, боснийки, хорватки**, и так, единственное, мой парень венгр, у меня несколько венгерских друзей, в основном больше невенгров (НС).

Из-за отсутствия времени, продолжительной работы общение информанта с отцом редуцировано, тогда как с матерью, с которой проводится больше времени, общение происходит по-сербски, как и с остальным окружением. Именно занятость, усталость отца называются в качестве основных причин меньшего использования венгерского языка.

В следующем фрагменте [7.1.11.] информант сожалеет об отсутствии ситуаций, в которых он мог бы использовать венгерский язык. Поездки в Венгрию предоставляют ему единственную возможность реализовать свою потребность в общении на нем.

> [7.1.11.] *Ovaj deo sa mađarskim ne uspevam* | ***jedino kad odemo u Mađarsku pomalo pričamo*** | *onda se zaista trudimo da pričamo* | *ne samo da se trudimo* | *nego pričamo* | *ali dosta smo ga zapostavili* | *naravno to ništa ne znači da tako za večno* | *otkud znam?* | *valjda ću imati malo manj napetosti na poslu a više vremena za sebe* | *eto* (Эту часть с венгерским я не успеваю, **единственное, когда мы едем в Венгрию, немного говорим**, тогда мы действительно стараемся говорить, не только стараемся, но и говорим, но мы его достаточно запустили, конечно, это не значит, что навечно, откуда я знаю? Может быть, у меня будет меньше напряжения на работе, а больше времени для себя, вот) (НС).

Сетования на то, что в настоящее время язык заброшен, в некоторой степени компенсируются надеждой, что в будущем у информанта будет больше времени общаться именно на венгерском. Сейчас же главным препятствием является, как мы видели в предыдущем фрагменте, нехватка времени из-за напряженной работы. Характерно, что оба случая — свидетельства венгров из Нови-Сада, где ритм крупного города оказывает определяющее воздействие, в том числе, и на языковую практику информантов.

7.2. Язык СМИ

Отдельно следует рассмотреть выбор информантами языка СМИ. В Воеводине существуют СМИ на венгерском языке, на телевидении выходят программы, информирующие о событиях в Сербии и в автономном крае[1]. В последнее время значительно

[1] Подробнее см. [Bašić, Crnjanski 2006, 148–155].

распространилось спутниковое цифровое телевидение, что позволило принимать многие европейские телеканалы, среди которых много венгерских. Одним из популярных каналов является *Duna TV*, созданный в Венгрии специально для аудитории в сопредельных странах с многочисленной венгерской диаспорой [Petsinis 2003, 20]. Довольно часто информанты упоминают, что они смотрят, в том числе, и эти программы. Для Нови-Сада это относительно новое явление. Если венгры на севере Воеводины и раньше могли принимать телевидение соседней Венгрии, то до Южной Бачки сигнал не доходил. В следующих фрагментах снова просматривается противопоставление юга и севера края, теперь уже по принципу доступности телевизионного и радиосигнала из Венгрии и возможности выбора программ:

[7.2.1.] *Egyáltalán a vajdasági magyarság sajtó mediafogyasztásáról pár szót mondhatnék | ez nem is annyira politikai | inkább sociológiai jelenség | hogy* ***északon többet hallgatják vagy nézik a magyar rádiókat vagy televiziókat mint délen*** (Вообще я бы мог сказать пару слов о потреблении печатной медиапродукции воеводинских венгров, это не столько политическое, скорее социологическое явление, что **на севере больше слушают или смотрят венгерское радио или телевидение, чем на юге**) (НС).

[7.2.2] L. *Észak-**Bácska | Zenta s a többi | ott is előfordul | de ők általában a magyarországi tévét nézik | rádiót hallgatják** | annak pedig az a hátul | nagyon sokan nézik a kereskedelmi programokat | ahol gyatra a szóhasználat | nem közszolgálatit néznek | ahol | még is tanulhatnának | hanem kereskedelmit | RTL | vagy hasonló akármilyen adók | ahol szintén nem ügyelnek a nyelvhasználatra | és hatással van rájuk | szóval | az északbácskaiakra | az van hatással.*
G. *Újvidéken nem néznek magyarországi tévécsatornákat?*
L. *Valaki van | aki beszerzett olyan antennát | nem mindenkinek van lehetősége | például én olyan helyen lakom | ahol csak az M2-t nézhetem | az közszolgálati | de nem igazán nézem | volt a Duna TV | de egyszerűen lecseréltek | másik adóval | maradt az M2.*

Л. Северная **Бачка, Сента и другие, там встречается, но они в основном смотрят венгерское телевидение**, слушают венгерское радио, обратная сторона этого, что они очень много смотрят коммерческие программы, где плохой язык, а не общественное телевидение, RTL, или какие-то похожие передачи, где также не следят за языковой

правильностью, и это влияет на них, словом, жители Северной Бачки, на них это влияет.
Г. В Нови-Саде не смотрят венгерские телеканалы?
Л. Кто-то смотрит, у кого есть такая антенна, не у каждого есть возможность, например, я живу в таком месте, где могу смотреть только *M2*, это общественное, но я вообще не смотрю, был *Дуна ТВ*, но его просто заменили, на другую программу, остался *M2* (НС).

Круглосуточное венгерское вещание предлагает широкий выбор программ, что в условиях Южной Бачки способствует поддержанию и развитию пассивной языковой компетенции — весьма важной, если учитывать многочисленные факты потери языка. Нельзя не отметить и культурологический эффект: вовлеченность в общественные и культурные события Венгрии[2]. В Нови-Саде эти программы смотрят, в том числе, люди старшего и пожилого возраста, которые с особым интересом следят за общественно-культурными и политическими событиями. Приведем примеры подобных свидетельств:

[7.2.3.] *M. Szüleimnek van az a* ***szatelita*** | *úgyhogy ők már évek óta a magyar programot követik* | *magyar híradót* | *a magyar programot nézik* | *jobban tudnak politikai helyzetet ott* | *miniszteri neveket.*
G. Magyarországon?
M. Igen | *műbolygó* | *de tíz éve körülbelül lehetőségük van hogy* ***az össz magyar kanálisokat kövessik*** | *nagyon ritkán* | *úgyhogy apukám ... tudja a politikát itt még ott is* | *de egyszerűen a magyar kanálisok sokkal érdekesebbek neküк* | *közelebb áll hozzájuk* | *mint a szerb program* | *ők teljesen azt követik* | *azt észrevettem* | ***amióta azt nézik*** | ***tíz éve*** | ***a magyar nyelv sokkal tisztább neküк*** | ***a szavak*** | ***a szókincs gazdagabb és szépen beszélnek*** | ***igazi magyarországi*** | *hát* | *azt nézik* | *azt hallgassák.*
М. У моих родителей есть **спутниковая антенна**, так что они уже несколько лет смотрят венгерские программы, венгерские новости, смотрят венгерские программы, они лучше знают политическую ситуацию там, имена министров.
Г. В Венгрии?
М. Да, спутник, но у них уже десять лет есть такая возможность, что **они могут смотреть все венгерские каналы**, очень редко, так, мой папа ... знает политику тут и там, но просто венгерские каналы для них более интересные, им ближе, чем сербские программы, они полностью за этим следят, я заметила, **с тех пор, как они это смотрят,**

[2] Похожая ситуация наблюдалась нами в Закарпатье, где венгерские программы пользуются популярностью у местных венгров.

десять лет, венгерский язык у них стал чище, слова, богаче лексика и хорошо говорят, это настоящий венгерский из Венгрии, ну, это смотрит, это слушают (НС).

[7.2.4.] *O.* ***Mi például minden magyarul*** | *mert van magyar adás* | *tízen valahány kanálisunk* | *java részt* | *a magyart nézzük* | *magyar műsorokat* | *szerbül híreket* | *filmek* | *sportot megnézek* | *de intenziv magyar műsorokat nézünk.*
B. Könnyebben értsük.

О. **Мы, например, все по-венгерски**, потому что есть венгерское вещание, десять с чем-то каналов, большая часть, венгерское смотрим, венгерские программы, по-сербски — новости, фильмы, спорт, но интенсивно смотрим венгерские программы.
Б. Проще понимаем их (НС).

[7.2.5.] *Most van a* ***szatelit*** *televizió* | *a digi* | *a Duna TV* | *egy kicsit kinyílt a körünk* | *úgyhogy* | *kicsit jobban tudunk mindenről* | *hogy ez* | *ez van* (Сейчас есть **спутниковое телевидение**, цифровое, Дуна ТВ, немного раскрылся наш кругозор, так что, немного лучше знаем обо всем, что это, это есть) (В).

[7.2.6.] *Már nem dolgoztam ott* | *addig vettük a Magyar szót* | *de* ***most szerb újságot veszünk*** | *a Blicet* | *mert egyszerűen annyira üresnek találtuk ezt a Magyar szót* | *próbál informálni az egész Vajdaságot* | *de annyira lefordítják* | *nem aktuális* | *viszont* ***a rádió az kizárólag csak magyarul*** | *a noviszadi rádiót hallgatjuk* | *a tévé* | *van magyarországi* | *a digi* | *mit tudom én?* || *vannak műsorok* | *például* | *minden nap nézem* | *a négy órakor* | *B92 a szerb híradót* | *abba az időbe egy kicsit leülök* | *de aztán* ***többet a magyar tévé műsorakot nézzük*** (Я уже не работала там, до этого мы покупали газету *Magyar szó* (венгерское слово), но **сейчас мы покупаем сербскую газету**, *Blic*, потому что просто, настолько пустым мы находим *Magyar szó*, [газета] пытается информировать всю Воеводину, но они так [много] переводят, неактуально, **а радио исключительно венгерское**, мы слушаем новисадское радио, телевидение, есть из Венгрии, цифровое, есть программы, например, каждый день я смотрю в четыре часа, *B92*, сербские новости, в это время я немного присяду, но потом **мы больше смотрим венгерские телевизионные программы**) (НС).

Интерес жителей Нови-Сада к венгерскому телевидению позволяет улучшить языковую компетенцию в венгерском языке, подтверждение чему находим во фрагменте [7.2.3.]: родители информанта заметно расширили свой словарный запас под влиянием именно венгерского телевидения.

8. Внутрисемейное общение — стратегии сохранения и утраты языковых и культурных маркеров

В данном разделе нас будет интересовать, насколько подвержено изменениям языковое поведение внутри семьи при смешанных браках и как формируется языковая компетенция детей, родившихся в этнически смешанных семьях. Языковые биографии информантов послужили источником для критического анализа. Естественно, найти идентичные истории невозможно, поскольку каждый случай уникален, многое зависит от личных отношений, а также внешних обстоятельств. Тем не менее все многообразие ситуаций, особенно в условиях языковых контактов, можно разместить на линии между двумя основными стратегиями: ассимиляцией, с одной стороны, и поддержанием языка, с другой. С. Томасон и Т. Кауфман утверждают, что именно «социолингвистическая история говорящих, а не структура их языка, является первичной детерминантой распространения и направления интерференции» [Thomason, Kaufman 1988, 35].

Проще всего анализировать языковое поведение в этнически гомогенных семьях, проживающих на этнически однородной территории. И совсем другое дело — смешанные семьи. Для формирования языковой компетенции могут иметь решающее значение практически все факторы. Утрата языка чаще всего фиксировалась нами в тех районах Воеводины, где венгры составляют меньшинство. Однако важно заметить, что этот процесс не статичен, он находится в постоянной динамике: в определенный период жизни индивида языковое поведение может измениться. Несколько подобных случаев нами также были отмечены (см. фрагменты [8.3.], [8.5.]).

Кроме того, данные изменения не единичны, они могут происходить несколько раз под влиянием различных обстоятельств. Изменение стратегий, или сценариев поведения, напоминает осцилляцию между двумя полюсами. При этом с точки зрения усвоения языков важнейшими в жизни человека оказываются именно первые годы жизни, когда происходит формирование психофизических характеристик личности: речь идет о возрасте до четырех лет [Meisel 2009, 108]. Р. Белл отмечает, что в первые 18 месяцев ребенок находится только в условиях семьи, где он учится коммуникации и переключению ролей [Белл 1980, 148]. Именно ранний период является определяющим в плане формирования различных типов билингвизма.

В ходе проведения исследования комплексного типа всегда встает вопрос, кого именно включать в орбиту исследования. Строгий подход, которым оперируют диалектологи и этнолингвисты, заключается в выборе «чистого» информанта, к которому предъявляются такие критерии, как отсутствие миграций, происхождение его родителей из одной обследуемой зоны и т. д. В некотором смысле такие требования можно сегодня назвать условными, поскольку мобильность населения возросла многократно. При нашем исследовании мы ставили задачу комплексного изучения языковой и культурной ситуации билингвального сообщества, каковым являются воеводинские венгры. Уже сама постановка задачи предполагает, что упомянутые выше строгие критерии полевого исследования будут изменены, тем более в условиях активного межэтнического взаимодействия, которое наблюдается в Воеводине, особенно в урбанной среде. Среди информантов оказывались потомки разных народов Воеводины: в языковой биографии собеседники упоминали родственников по материнской или отцовской линии — словаков, немцев, буневцев, хорватов, сербов, украинцев, банатских болгар. Такая ситуация наблюдается на нескольких поколенческих срезах. Интересно свидетельство о личном опыте информанта, когда он передает собственную историю внутрисемейных и одновременно межэтнических отношений. Рассмотрим конкретные примеры[1].

[1] В данном разделе и далее реальные имена, упоминаемые информантами, были заменены на сходные по структуре и происхождению с целью защиты персональных данных собеседников, их родственников и знакомых.

[8.1.] *Ha nézzük az edésanya feléről* [a férjem] *tiszta szerb* | *ő* ***Zorán*** *is a neve* | *de mivel az én férjem másfél éves volt* | *amikor szétváltak és ő idejött az edésapjával és az edésapja megnősült egy asszonnyal a szomszéd faluból* | *szóval ... tanult magyarul* | *magyarszak iskolába ment* | *mink magyarul beszélünk* | *én nem is tudtam ... és az én apósom szerb asszony vett feleségül* | *neki van edéstestvére* ***Milos*** | *ő még* ***Zorán*** | *de a másik asszony* | *van két családja apósomnak* | *féltestvérek* | *itten* ***Csilla*** | *még* ***Imre*** | *magyarul beszéltek* | *magyarul tanult az én férjem is* | *magyar tagozatba járt* (Если мы посмотрим со стороны мамы, [мой муж] чистый серб, он **Зоран**, его имя, но поскольку моему мужу было полтора года, когда его родители расстались, и он приехал сюда с папой, а его папа женился на женщине из соседнего венгерского села, словом ... он выучил венгерский, он ходил в школу на венгерском, мы разговариваем на венгерском, я даже не знала ... и что мой свекор женился на сербке, у него есть брат **Милош**, а он **Зоран**, но другая женщина, две семьи есть у моего свекра, сводные братья и сестры, здесь **Чилла** и **Имре**, они говорят по-венгерски, по-венгерски учился и мой муж, ходил в венгерское отделение [школы]) (НС).

Речь идет о муже собеседницы из Нови-Сада, Зоране. Это сербское имя, поскольку мать у него сербка. После развода родителей Зоран в возрасте полутора лет остается с отцом-венгром, который женится второй раз на венгерке из соседнего венгерского села. В этой семье доминантным оказывается венгерский язык, Зоран поступает в школу с венгерским языком обучения. Дети от второго брака, сводные брат и сестра Зорана, получают венгерские имена: Чилла и Имре. Можно предположить, что в этой ситуации было возможно несколько стратегий: Зоран, если бы остался с матерью, вырос бы в сербской языковой среде; а если бы семья не распалась, возможна была бы реализация стратегии «один человек — один язык» — параллельное развитие двух языков, с матерью происходило бы общение на сербском, с отцом — на венгерском.

Подобных случаев, когда у человека сербские имя и фамилия, и при этом он владеет венгерским языком как родным, а иногда даже лучше, чем сербским, — немало. В педагогической практике информанта, школьной учительницы, встретилось несколько таких историй. Что интересно, все эти случаи были зафиксированы в школах, которые находятся на севере Воеводины преимущественно в венгерской среде.

[8.2.] *Ima dece koja imaju srpsko ime i prezime i slabo govore srpski | toga ima | … sam imala jedan slučaj | neki **Jovanov Goran** je bio dečko | i ja mu se obratim na srpskom | kaže on | Lehet-e magyarul? | Može li na mađarskom? | Ja kažem | ne može,... tako da | iz … sam imala jednog | **Djokovity Nebojsa** | i ime recimo se piše | ne piše se izvorno | nego mesto ć — ty | razumete? || već se tako potpisuje | pa to sam primetila | kada se roditelji razvedu | da se često to dešava | eto | tako ima svega* (Есть дети, у которых сербское имя и фамилия, и они плохо говорят по-сербски, есть это, ... у меня был один случай, некий **Йованов Горан**, был парень, я к нему обращаюсь на сербском, а он говорит: можно ли по-венгерски? (венг.) я говорю, нельзя... так что, из ... у меня был один, **Джокович Небойша**, и имя, скажем, написано, не пишется как в оригинале, а вместо *ć — ty*, понимаете? он уже так подписывается, и я заметила, когда родители разводятся, часто такое происходит, вот, так что все есть) (А).

По всей видимости, в этих случаях речь также идет о детях из смешанных семей. При этом комментарий информантки удивительным образом совпадает с историей в первом фрагменте: подобные случаи встречаются прежде всего в семьях, где родители разведены. Оказавшись с одним из родителей в доминантно венгерской среде, дети усваивают язык, хотя имя свидетельствует о сербском происхождении. Характерно, что родители выбирают имена для детей с сербскими корнями, не имеющие интернационального эквивалента.

Личное имя является значимым языковым регулятором социальных отношений [Бондаренко 2015, 141], а в данных случаях ожидания оказываются неоправданными, поскольку имя не соответствует языковому репертуару индивида. О похожих случаях — сербских именах и фамилиях в венгерских классах — говорит В. Шимон-Вулетич [Šimon Vuletić 2002, 47].

[8.3.] *Deda mi je čist Mađar ... tako da mi je mama već pola pola | a ja sam četvrt Mađarica | otac mi je bio Srbin | živeli smo ovde u ovoj kući | ovde se govorilo samo mađarski | moji su roditelji bili praktično razvedeni od rođenja | ja sam njega viđala jednom nedeljno | ali znam da je bio problem u komunikaciji sa rođenim ocem | zato što ja nisam umela da mu kažem ništa | i onda smo | ne znam | preko leta imali neku kuću na moru | pa sam odlazila tamo | pa sam uglavnom pričala mađarski i naravno sam se vratila sa srpskim | i manjim znanjem mađarskog | i tako sam živela sa dva jezika | predškolsko | obavezno što se ide u vrtić | sam išla u madjarsku grupu | imala sam divnu vaspitačicu | moja majka je Mađarica | pola pola | ali išla je u*

mađarsku i osnovnu školu i gimnaziju | i kada je trebala da upiše fakultet | i ona je morala se sad transformiše iz čistog mađarskog | kada je otišla | jako je bila teška ta prva godina | teško je bilo i da čita i da uči ... teško joj je bilo da se snađe i onda ona mene | kad sam ja trebala da upišem osnovnu školu | rekla | ***ići ćeš u srpski razred jer će biti tebi lakše kasnije da se snalaziš i u studijama i u životu*** *| u svemu | i tako je onda to krenulo polako odvajanje od tog mađarskog | odnosno | ja sam i dalje pričala mađarski kod kuće a u školi učila sve na srpskom* (Дед у меня чистый венгр ... так что моя мама уже половина на половину, а я на четверть венгерка, четверть буневка, мой отец был сербом, мы жили здесь в этом доме, здесь говорили только по-венгерски, мои родители были практически разведены с самого моего рождения, я его видела один раз в неделю, но я знаю, что была проблема в коммуникации с родным отцом, потому что я не могла ему ничего сказать, и тогда, не знаю, летом был дом на море, и я уезжала туда, в основном я говорила по-венгерски, и конечно, я возвращалась с сербским, и меньшим знанием венгерского, и так я жила с двумя языками, дошкольное [образование], обязательно ходить в детский сад, я ходила в венгерскую группу, у меня была прекрасная воспитательница, моя мать венгерка, половина на половину, но она ходила в венгерскую основную школу и гимназию, и когда нужно было поступать в университет, и она должна была трансформироваться из чисто венгерского [языкового окружения], когда она поехала, первый год был очень тяжелым, тяжело было читать и учиться ... ей было тяжело сориентироваться и тогда она меня, когда меня нужно было отдать в основную школу, сказала: **ты пойдешь в сербский класс, потому что тебе будет легче позже в учебе и в жизни**, во всем, и так началось постепенно это отдаление от того венгерского, т. е. я и дальше говорила на венгерском дома, а в школе я все учила по-сербски) (НС).

В представленном нарративе информант излагает свою лингвистическую биографию, а также факты из лингвистической биографии своей матери. Собственно венгерская линия представлена только на четверть — дедом собеседницы. Семья ее происходит из северо-западной Воеводины, ее бабушка, попав в венгерскую семью, выучила венгерский[2]. Со своим отцом, сербом, собеседница не имела

[2] В нашем корпусе имеется много свидетельств того, что, когда человек оказывался в иноязычной семье, активизировалась его компетенция в языке принимающей семьи: *a család hazajártak rendszeresen | magyarul beszéltünk mindig |* ***nagyanyám van | aki horvát származású | de hát mivel a családba került | megtanult magyarul*** (семья регулярно приезжала домой, мы всегда говорили по-венгерски, **у меня есть бабушка,**

возможности общаться постоянно, поскольку родители расстались, а ребенок остался с матерью в доме бабушки и дедушки, где говорили по-венгерски. Общение с отцом происходило во время летних каникул, тогда нужно было переходить из одной среды в другую, собеседница даже помнит трудности в коммуникации из-за смены языкового окружения. На выбор языка обучения в школе повлияла история матери, у которой были проблемы с сербским языком во время учебы в университете. Именно это обстоятельство сказалось на выборе сербского языка в качестве основного в школе. Собеседница отмечает, что с того момента начался постепенный отход от венгерского языка. Исследователи отмечают, что родители-венгры часто отдают своих детей в сербскую школу, мотивируя это тем, что позднее детям будет легче найти работу [Ilić 2010, 319]. Прагматический подход оказывается основным при выборе языка обучения, что, естественно, влияет на дальнейшее языковое поведение индивида. На момент встречи с информантом доминантным языком являлся сербский. Таким образом, можно проследить траекторию лингвистических изменений в конкретном случае: превалирующий венгерский язык сначала был дополнен сербским, а затем сербский язык постепенно — в результате осознанного выбора родителей — стал доминантным.

[8.4.] ***Dogovor*** *u kući je bio | da se govori srpski | zato što tamo* [Severna Bačka] *| napolju se čuje mađarski | i govori se mađarski | praktično mađarski bilo nemoguće ne naučiti | i onda su se roditelji* ***dogovorili*** *| da bi to bilo bolje | da mi srpski u kući učimo i da deca idu u školu na srpskom | jer mađarski će naučiti svakako | prosto je nemoguće ... onda sam ja govorila ono što se kaže seljački mađarski | i onda odem kod bake i dede | a onda tamo ide nyelvcsiszolás | ispravljanje jezika | gramatiku || nisam ja tolko gramatički grešila | kolko se osetilo po žargonu ... i baka i deda imali su zadatak da mene izvuku na taj neki književni nivo jezika | što je uspelo | s mojim bratom to nije išlo | zato što on je odbijao da priča mađarski | šta da pričamo kad ti znaš srpski? | i to je govorio i meni i baki i dedi i svima redom | tako da to se nije primilo | kasnije je morao da naučio sticajem okolnosti | ali imao je pasivno znanje | govorio nije | a ja jesam | čisto su bili pragmatični | interesantna situacija se desila kod moje mame u porodici | oni su Mađari u južnoj Bačkoj | obrnuta situacija | i oni su tetku Hajnalku dali na mađarskom u osnovnu školu | i posle na mađarsku srednju školu | ona je posle imala probema na*

которая хорватка по происхождению, но поскольку она попала в семью, она выучила венгерский) (НС).

osnovu toga što nije mogla da se odredi identitetski | zato što je ona sebe doživljavala kao Mađaricu | međutim kad se vrati u kući ona nije govorila srpski i imala je problem da se uklopi u tu sredinu | jer je ona u kući govorila mađarski | u školi mađarski | imala mađarski krug prijatelja | iako većinska sredina bila srpska | onda otišla odatle u Suboticu | ona kad završila srednju školu ona je imala problem da nađe posao | ona je morala da nađe posao tamo | gde ima više Mađara | jer je imala problem da govori srpski | i baba i deda su shvatili | kuda to vodi i onda ujaka i majku dali su na srpskom u školu | Hajnalka se uvek osećala drugačijom | izdvojenom | jer ovi dvoje su se mnogo bolje uklapali u okruženju | a ona se osećala izopštenom | zbog toga | i baba i deda su bili pragmatični i shvatili da su pogrešili (**Договор** в семье был таким, что мы говорим по-сербски, потому что там [Северная Бачка], на улице слышен венгерский, и говорят по-венгерски, венгерский практически было невозможно не выучить, и тогда родители **договорились**, чтобы было лучше, что мы сербский учим дома и что дети пойдут в школу [учиться] на сербском языке, потому что венгерский они в любом случае выучат, просто невозможно [не выучить] ... тогда я говорила на том, что называется, сельском венгерском, и когда я уезжала к бабушке и дедушке, там проводилась шлифовка языка (венг.), исправление языка, грамматики, я не столько делала ошибки в грамматике, сколько это чувствовалось по жаргону... и у бабушки, и у дедушки было задание вытянуть меня на тот литературный уровень языка, что им удалось, с моим братом это не получалось, потому что он отказывался говорить по-венгерски, зачем нам говорить, когда ты знаешь сербский? и это он говорил и мне, и бабушке, и дедушке, и всем подряд, так что это не получилось, позже, он должен был выучить из-за стечения обстоятельств, но у него было пассивное знание, он не говорил, а я говорила, [родители] были прагматичные, интересная ситуация случилась у моей мамы в семье, они венгры в Южной Бачке, обратная ситуация, и они тетю Хайналку отдали в основную школу в венгерское отделение, и у нее потом были проблемы из-за того, что она не могла определиться с идентичностью, потому что она себя ощущала венгеркой, однако, когда она возвращалась домой, она не говорила по-сербски, и у нее была проблема адаптироваться в той среде, потому что она дома говорила по-венгерски, в школе — по-венгерски, у нее был венгерский круг друзей, хотя в среде большинство было сербским, тогда она уехала оттуда в Суботицу, она, когда закончила среднюю школу, у нее была проблема найти работу, она должна была найти работу там, где больше венгров, потому что у нее была проблема говорить по-сербски, и бабушка и дедушка поняли, к чему это приводит, и дядю и маму они отдали в школу на сербском, Хайналка всегда ощущала себя

другой, обособленной, потому что они двое гораздо лучше адаптировались в окружении, а она себя считала обособленной, из-за этого, и бабушка и дедушка были прагматичны и поняли, что они ошиблись) (НС).

Приведенный выше нарратив иллюстрирует языковой выбор в семье, проживающей в Северной Бачке, где население преимущественно венгерское. Семья информанта состоит из матери-венгерки, которая переселилась в указанный регион из венгерской среды Южной Бачки, и отца-серба, уроженца тех мест, представителя сербского меньшинства на данной территории. Выбор языка внутрисемейного общения был сделан в пользу сербского, что мотивировалось окружением. В венгерской среде выучить венгерский язык можно быстро, тогда как сербский язык в такой ситуации приходится выучивать дополнительно. Многие венгры из районов Северной Бачки имеют редуцированную компетенцию в сербском языке. Кроме того, выбор именно сербского языка не представлял для супругов сложности, поскольку оба владеют им активно: для мужа это родной язык, для жены — язык социализации, преимущественно сербского окружения Южной Бачки, а также язык, на котором происходило обучение.

В данный нарратив встроена и вторая история: показан опыт социализации индивида в воеводинской среде (тетя Хайналка). Преимущественное использование венгерского языка в семье и в учебном заведении, а следовательно, и наличие такого круга друзей, с которыми можно говорить только по-венгерски, привели к тому, что социализация индивида проходила полностью в венгероязычной среде. Знание сербского языка было недостаточным для работы в Южной Бачке и в большинстве других мест, где сербы составляют большинство населения, поэтому в качестве района трудовой деятельности был выбран регион с венгерским населением. Данное обстоятельство сказывалось на восприятии окружающего мира, на осознании того, что из-за редуцированной компетенции в сербском языке возможности социализации и круг общения оказываются ограниченными. Этот факт подтолкнул родителей отдать младших детей в школу с сербским языком обучения. На примере одной семьи мы можем видеть реализацию разных стратегий и установок, что позволяет нам говорить об изменчивости данных подходов в течение жизни индивида.

Эта история приводится в качестве подтверждения прагматичного подхода родителей информанта, выбравших в качестве языка

общения в смешанной семье сербский, при том, что семья жила в доминантно венгерской среде. Интересно, что брат и сестра по-разному реализовали свой языковой потенциал: круг общения сестры, а также время, проведенное у венгероязычных бабушки и дедушки, повлияли на активизацию венгерского языка, тогда как у брата осталось более пассивное его знание.

[8.5.] *Gyermekeim abba az időbe mikó óvodába indultuk* | ***férjem szerb*** | *a gyerekek* ***logikus volt*** | ***hogy hát most*** | ***ajde*** | ***a környezet nyelv szerb*** | ***menjenek szerb*** | *iskoláztatás az óvodától kezdve* | *de úgy volt* | *nehéz volt bedobni őket* | *úgy alakult ki* | *hogy a magyar óvodába* | *csoportba* | *van hely* | *abba az időszakba mielőtt indultak volna óvodába* | ***én főleg itthon voltam velük*** | *még a szüleimnél* | *úgyhogy magyarú* | ***gyerekek az első pillanatban beszéltek magyarul*** | *mint szerbül* | *paralelno* | *kezdtek beszélni magyarul és szerbül* | *de többen használnak* | *apu* | *ha dolgozik* | *este felé szerbül* | *a nap folyámán velem még a szüleimmel* | *sokat voltunk velük* | *magyarú* | *nem volt nehéz nekük* | *hogy elinduljanak a magyar óvodába még a férjem is* ***beleegyezett abba*** | *hogy* ***meg volt beszélve*** | *indulna elemibe* | *hogy után a közép iskola még az egyetem főleg* | *ami minden szerbül folyik* | *akkó* ***logikus volt*** | ***menjenek szerb tagozatra*** | *befejezték a magyar óvodát* | *és abba az időszakba sokkal többet itt* | *ebbe a házunkba beszéltünk magyarú* | *mikor apuka nem volt itt* | *mert a gyerekek jobban beszéltek* | *abba* | *hogy a kisfiú* | *fiatalabb gyermekem* | *az Jovan* | *megindult iskolába* | *nem volt probléma neki* | *hogy mind a kettő* | *okej ... és* ***vesztette ezt a magyar nyelvet*** | *ami gyermekkor óta volt* | ***még én is kezdtem dolgozni*** | *később időm volt velük* | *ha kellett segíteni* | *szerbül segítettem* | *apu folytatott a napi munkákat* | *mindent* | *hogy lassan* ***lassan áttértünk a szerb nyelvre*** | *a lányom* | *az idősebb gyermekem* | *az jobban tudja hogy mit akar* | *és egyszerűen nem akarta elhanyagolni a magyar nyelvet* | *és továbban is lehet vele szépen beszélni magyarú* | *kicsit töri a nyelvet* | *ha hosszú folyamán nem beszél* | *Jovan* | *a fiú pedig ... akármit mondhatsz neki* | *de egyszerűen* [шепотом] ‖ *nem bír* | *most* | *mond pár egyszrű mondatot* | *de nem* (Мои дети в то время, когда мы пошли в детский сад, **мой муж серб**, дети, было **логично, что, ну, хорошо, язык среды — сербский, пусть идут в сербский**, обучение, начиная с детского сада, но было так, тяжело было устроить их, так сложилось, что в венгерском детском саду, в группе было место, в то время, до того как они пошли в детский сад, **я в основном была дома с ними**, и с родителями, так что по-венгерски, **дети вначале говорили по-венгерски, и по-сербски**, параллельно, они начали говорить по-венгерски и по-сербски, но больше использовали [венгерский], папа, если работает, ближе к вечеру по-сербски, [дети] в течение дня со мной и с родителями, мы много

были с ними, по-венгерски, им было несложно пойти в венгерский детский сад, и мой муж также **согласился на это**, потому что **был договор**, они пошли бы в начальную школу, потом средняя школа и университет, где все на сербском, тогда **было логично, пусть идут в сербское отделение**, они закончили венгерский детский сад, и в тот период мы гораздо больше здесь, в этом доме говорили по-венгерски, когда папы не было здесь, потому что дети лучше говорили, в том, что младший, младший ребенок, Йован, идет в школу, для него не было проблемой, что оба [языка], окей ... и **он потерял этот венгерский язык**, который был с детства, **я тоже начала работать**, меньше времени проводила с ними, если нужно было помочь, я помогала по-сербски, папа продолжал заниматься работой, все, постепенно, **постепенно мы перешли на сербский язык**, моя дочь, старший ребенок, та лучше знает, чего хочет, и просто она не хочет забрасывать венгерский язык, с ней и дальше можно говорить хорошо по-венгерски, немного ломает язык, если долго не говорит, Йован, сын ... что-нибудь ему скажешь, он просто [шепотом] не может, вот, скажет пару слов, но нет) (НС).

В нарративе [8.5.] фокус зрения иной, чем в предыдущем: изложение ведется не с точки зрения ребенка, выросшего в смешанной семье. Здесь представлена краткая история формирования двуязычной компетенции у детей в данной семье с точки зрения матери. Мать происходит из венгерской новисадской семьи, а отец — полностью сербоязычный. Время в нарративе четко делится на две части: до поступления детей в школу и после. Изначально планировалось, что дети будут получать образование на сербском языке, языке окружения: информант говорит, что это логично в такой ситуации. Подобная стратегия прямо противоположна ситуации во фрагменте [8.4.]. В том случае также предполагался выбор языка образования идентичного языку общения в семье — сербскому, однако кардинально отличается внешняя языковая ситуация: в Нови-Саде, даже в районе Телеп, венгерский язык не имеет доминантного положения и его невозможно усвоить при общении с венгерским окружением, как это происходит в Северной Бачке.

Однако ситуация стала развиваться по другому сценарию. Выбор детского сада с сербским языком обучения был невозможен по причине отсутствия мест в сербоязычных группах. В то же время в венгерских группах места были. В ранний период, еще до поступления в детский сад, дети проводили больше времени с матерью и ее

родителями — бабушкой и дедушкой. Язык общения в этих условиях был венгерский. Общение с отцом было ограниченным по причине его занятости на работе. Таким образом, возобладала венгерская языковая направленность в раннем периоде развития детей. Этим и объясняется решение отдать детей в венгерскую группу детского сада, ведь для них не было проблемой приспособиться к языковой среде. Кроме того, мать в тот период проводила с детьми больше времени, чем отец.

Обратим внимание на гендерный аспект. То, что речь матери для ребенка имеет большее значение, чем речь отца, подтверждают исследования. Г. Чувик говорит о том, что «мужчина, независимо от национальности, не определяет язык, употребляемый в семье, он не определяет и религию ребенка... Это следует из нарративов. В детстве ребенок больше времени проводит с матерью и раньше знакомится с ее языком» [Csuvik 2015, 59]. Именно такая ситуация описана в нарративе [8.5.][3]. Роль матери в вовлеченности детей в деятельность на уэльсском языке (языке матери) подчеркивают К. Джонс и Д. Моррис: «Дети с матерями, говорящими по-уэльсски, имеют больше возможностей быть вовлеченными в деятельность на уэльсском языке, чем дети, в которых по-уэльсски говорит отец» [Jones, Morris 2009, 128]. Исследователи утверждают, что независимо от того, работает мать или нет, она играет ведущую роль и активно участвует в организации повседневной активности ребенка [Там же, 126]. От себя добавим, что данная стратегия реализуется лишь в том случае, если мать стремится сохранить и передать язык. То же отмечают и К. Джон и Д. Моррис: «Родители, говорящие по-уэльсски, которые высоко оценивают уэльсский язык, создавали больше возможностей для своих детей для социализации на уэльсском языке дома. Это относится как к матерям, так и к отцам» [Там же 117]. Н.Н. Кукаренко говорит о том, что «билингвальное воспитание детей тесно переплетается с гендерным разделением труда», поскольку именно на матерей «возлагается ответственность за достижение хороших результатов во владении двумя языками» [Кукаренко 2016, 106–107].

[3] Сравнить также с примером, приведенным выше [7.1.10.], когда информант сетует на то, что у отца-венгра мало времени на общение после рабочего дня: *nekako više* ***komuniciram s majkom*** **|** ***nego sa ocem*** *koji ceo dan radi | i umoran je i ne priča mu se kad dodje kući* **(я больше общаюсь с матерью, чем с отцом**, который работает целый день, он устает, ему не хочется разговаривать, когда он приходит домой**)** (НС).

С того момента, как дети пошли в начальную школу, языковая ситуация в семье стала меняться в сторону изначального планирования, поскольку было выбрано сербское отделение. Постепенно в семье наметился отход матери от общения со своими детьми на венгерском языке и переход на сербский язык, чему способствовал ряд обстоятельств: мать больше не проводила с детьми столько времени, сколько прежде, так как устроилась на работу. Если было необходимо помочь с уроками, то помогали на сербском языке, на котором и происходило обучение; помогать на венгерском языке было бы бессмысленно и непрагматично, поскольку приходилось бы тратить время на перевод. С этого времени в семье практически исчезло использование венгерского языка в общении с детьми. Разговор с сыном на венгерском языке практически невозможен, поскольку знание языка стало пассивным. Интересно, что, по признанию информанта, ее родители — т. е. бабушка и дедушка детей с венгерской стороны — с того момента, как дети пошли в школу, начали говорить с детьми на сербском языке. Была выбрана именно эта стратегия даже при том, что сербский язык бабушки не всегда правильный с грамматической точки зрения.

[8.6.] *Kad su deca krenula u školu | i kad su prestajala polako da pričaju mađarski | onda ona umesto da ih je motivisala i nastavila | ljubav je obostrana | normalno da deca poslušala baku pa pričala s njima mađarski | ne |* ***ona da bi deci bilo lakše lomila jezik i gađala sa padežima | nepravilno pričala srpski*** (Когда дети пошли в школу, и когда перестали постепенно говорить по-венгерски, тогда она вместо того чтобы их мотивировать и продолжать, любовь двусторонняя, нормально было, чтобы дети слушали бабушку и говорили с ней по-венгерски, нет, **она, чтобы детям было проще, ломала язык, путалась с падежами, неправильно говорила по-сербски**) (НС).

В данном случае наблюдается сознательный переход от языка, бывшего в употреблении прежде, к новым для данной конфигурации общения средствам коммуникации. Происходит это даже несмотря на то, что компетенция в сербском языке инициаторов такой стратегии несовершенна. Цели же преследуются прагматические: лучшая социализация в сербской среде — даже если речь идет о Телепе, который считается венгерским районом Нови-Сада (ср. с фрагментами [8.3.] и [8.4.], — сознательный выбор родителями сербского языка в качестве языка обучения их детей в школе). Отметим, что, как

и в предыдущих языковых биографиях, решение о выборе языка обучения в школе является предметом договоренности внутри семьи: *a férjem is* ***beleegyezett abba*** | *hogy meg volt beszélve* | *indulna elemibe* | *hogy után a közép iskola még az egyetem főleg* | *ami minden szerbül folyik* | *akkó* ***logikus volt*** | ***menjenek szerb tagozatra*** (мой муж также согласился на это, потому что был договор, они пошли бы в начальную школу, потом средняя школа и университет, где все на сербском, тогда было логично, пусть идут на сербское отделение).

Таким образом, мы снова наблюдаем динамичность и изменчивость языковых стратегий под влиянием как внешних обстоятельств, так и внутренних идеологий и установок, которые определяют языковое поведение подрастающего поколения. Даже на таком коротком жизненном этапе, как 10 лет, ребенок меняет набор языков для общения: венгерский язык из доминантного переходит в пассивное знание.

Рассмотрим еще один случай с информантом из Северной Бачки. Информант, выросший в смешанной сербско-венгерской семье и имеющий доминантный сербский язык, женится на венгерке из Северной Бачки, компетенция которой в сербском языке не является совершенной.

> [8.7.] *U startu kad smo se uzeli* | *jednostavno sam ja koji odmah kaže na mađarskom* | *jer je meni sve jedno na kraju krajeva kako da kažem* | *a njoj nije svejedno ... e sad* | *u mojoj porodici* | *misleći na moju ženu* | *mene i decu* | *kod nas se priča i jedan i drugi* | *maltene podjednako* | *sa ženom smo imali* ***dogovor*** | *kad smo se uzeli* | *da* ***ona sa klincima samo na mađarskom*** | *isključivo mađarski* | *a* ***ja sa klincima isključivo srpski*** | *zbog toga da ne bi pravili pometnju kad su mali* (Вначале, когда мы поженились, просто я был тем, кто сразу говорит по-венгерски, потому что для меня все равно в конце концов, как сказать, а ей не все равно ... и вот, в моей семье, говоря о моей жене, обо мне и двоих детях, у нас говорят на одном и другом языках, почти в равной мере, с женой у нас была **договоренность**, когда мы поженились, что с детьми **она [будет говорить] только по-венгерски**, исключительно по-венгерски, а **я с детьми — исключительно по-сербски**, из-за того, чтобы не делать путаницу, когда они маленькие) (А).

При общении с детьми каждый из супругов использует свой доминантный язык: отец — сербский, мать — венгерский. Объясняется эта стратегия также с прагматической точки зрения: *da ne bi pravili*

pometnju (чтобы не делать путаницу) языков у детей. Закрепление одного из языков за каждым из говорящих — распространенное языковое поведение в смешанных семьях. Показательно, что и здесь язык общения с детьми был предметом обсуждения и договоренности между супругами: *sa ženom smo imali* ***dogovor*** (с женой у нас была договоренность) (ср. также фрагменты [8.4.] и [8.5.]). Родители решают отдать детей в школу с сербским языком обучения.

[8.8.] Т. *Úgy igyekeztem a gyerekeimet is tanítani | én velem magyaraul beszél |* ***az apjával szerbül beszél | nem keverjük össze a két nyelvet |*** *mert nem jó lesz.*
Г. *Sikeres ez az elosztás?*
Т. *Igen | szépen tud magyarul | ehhez nem elég | hogy egy anyuka | környezete | ez teljesen szerb | hanem valaki kívülről | aki támogatja | egy nagymama vagy valaki | aki azt mondja | édes fiam | énnekem hiába mondott szerbül | én nem értem | ha tudja | ha anyuka megérti | ha az apukával tud beszélni | akkor van nekünk egy ilyen néni | aki azt mondta a gyereknek | édes gyerekem | nekem csak magyarul mondhatod meg | különben nem fog menni.*

Т. Я так старалась учить своих детей, они со мной общаются по-венгерски, **с папой говорят по-сербски, мы не смешиваем два языка**, потому что это будет нехорошо.
Г. Удачное это разграничение?
Т. Да, он хорошо знает венгерский, для этого недостаточно только матери, среда, полностью сербская, кто-то со стороны, кто поддерживает, бабушка или кто-то, кто скажет: сынок, ты мне зря говоришь по-сербски, я не понимаю, если он знает, что мама понимает, если она может говорить с отцом, тогда есть у него такая тетя, которая скажет ребенку: дорогой, ко мне только по-венгерски можешь обратиться, иначе не будет действовать (НС).

Этот пример из практики венгерско-сербской семьи г. Нови-Сад наглядно демонстрирует отрицательное восприятие в семье смешивания языков. Мать придерживается четкой установки на разграничение языков общения с детьми: с отцом дети говорят исключительно на сербском, с ней — на венгерском. Такая установка вербализируется в том случае, если происходит нарушение разделения языков. Из данного примера ясно, что с мужем происходит общение на сербском, поскольку он венгерского не знает. Это обстоятельство отличает данный случай от описанного выше (фрагмент [8.7.]), где действие происходит в Северной Бачке и оба супруга владеют — лучше

или хуже — сербским и венгерским. Детьми этот факт расценивается с прагматической точки зрения: с матерью тоже можно общаться по-сербски. Однако здесь важны внутренние барьеры. Мать настаивает на том, чтобы к ней дети обращались по-венгерски.

В предыдущих трех нарративах ([8.4.], [8.5.], [8.7.]) основным понятием в реализации языковых стратегий является «договор», «договоренность». Именно эти слова часто упоминаются в связи с выбором языка общения в смешанной семье и решением вопроса об учебном заведении для детей. В подобных семьях это является результатом договора родителей. Н. Н. Кукаренко в исследовании норвежско-русского билингвизма у детей подчеркивает важность договоренностей между родителями в плане развития билингвальных компетенций у ребенка: «успешность усвоения языка меньшинств [русского языка в Норвегии] зависит от внутрисемейных договоренностей и степени вовлеченности родителей в воспитание и развитие билингвальных компетенций у детей» [Кукаренко 2016, 104]. Выбор языка общения с детьми продумывается заранее. Как мы видим, часто выбирается схема: «один человек — один язык», однако с течением времени она может меняться (ср. фрагменты [8.5.], [8.6.]). Влияют на нее разные обстоятельства — среда, перемена места жительства, личные обстоятельства (развод родителей), языковая идеология окружающих, родственников, которые реализуют свои представления о языковой политике в общении с подрастающим поколением. Влияет также занятость родителей (одного из родителей), что приводит к уменьшению времени общения с детьми и, как следствие, компетенции в одном из языков. Чаще всего это относится к отцам, которые из-за работы проводят мало времени с семьей и детьми, а в последнее время подобная тенденция отмечается и у женщин, которые стремятся социализироваться. Подобное поведение диктует современный ритм жизни; нехватка времени для общения в конечном итоге сказывается на формировании языковой компетенции у детей[4]. Важной оказывается внутренняя установка индивида на сохранение разграничения языков при общении.

[4] Характерной иллюстрацией подобного феномена служит следующее высказывание информанта из Ады: *e sad | dok su manji više su **u kontaktu sa majkom** | ja sam više na sto strana i radim* (и вот, пока они более или менее **в контакте с матерью**, я больше в разных других местах и работаю) (А).

9. Выбор культурной и религиозной идентичности в смешанных семьях

Изменение языка общения в смешанных семьях проходит параллельно с процессами выбора религиозной и культурной идентичности, которая ассоциируется с традициями и обрядами определенной этнической группы. Сербы — в большинстве своем православные, венгры Воеводины — католики, небольшая их часть придерживается реформатского вероучения. А. В. Илич отмечает роль церкви как общественного института в сохранении идентичности локальных сообществ, в особенности сельских [Ilić 2010, 308]. В нарративах информанты часто сами затрагивают эту тему. Приведем их высказывания о стратегиях выбора религиозной и культурной идентичности:

> [9.1.] *I onda je došao trenutak da se deca krste ili ne | starije dete | nek bude kršteno | pa nek bude kršteno u katoličkoj | bez veze da krstimo u pravoslavnoj | i tako je ispalo da je starije dete kršteno | i kad se rodilo mlađe | sad šta ćemo s njim? | onda suprug | pa nemoj | pa zbog mog oca | sva deca u katoličkoj crkvi |* ***na kraju nismo se mogli dogovoriti*** *i nismo ni krstili | jednog dana ako želi ... i | sve je to jako izmešano | i sve su to teme koje po meni jedna porodica kako što smo mi | ne treba nešto da kopa i da se zbog toga nešto |* ***ako se dogovoriš | onda | ako ne | onda pusti*** *| tako i treba ako pomešano | i zato Vojvodina po meni specifična* (И тогда наступил момент, чтобы детей крестить или не крестить, старший ребенок, пусть будет крещенным, и пусть будет крещенным в католической церкви, нет смысла крестить в православной, и так получилось, что старший ребенок крещен, а когда родился младший ребенок, что мы будем делать с ним? тогда супруг: не надо, из-за моего отца, все дети в католической церкви, **в конце концов мы не могли договориться и не крестили**, однажды, когда захочет ... и, все это очень смешанно, и все эти

темы, которые, по-моему, такая семья, как наша, не должна особо копать и чтобы из-за этого что-то, **если не договоришься, тогда, если нет, тогда оставь**, так и нужно, когда смешанно, и этим Воеводина, по-моему, специфична) (НС).

Речь идет о смешанной семье, где мать венгерка, а отец серб. Основным вопросом является то, в какой церкви крестить детей, в католической или православной. По всей видимости, здесь должна была реализоваться стратегия: крестить первого ребенка в одной церкви, а второго — в другой. Первого ребенка крестили в католической церкви, а где крестить второго ребенка, родители не договорились, предоставив ему право выбора, когда он повзрослеет. Информант говорит, что в Воеводине часто встречаются такие случаи — смешанные семьи, и часто возникают подобные вопросы — выбор, в какой церкви крестить ребенка. По мнению информанта, подобные вопросы слишком деликатны и сложны в такой ситуации языкового и культурного смешения, какая наблюдается в Воеводине, и если нет договоренности, лучше не настаивать и предоставить выбор самому ребенку: *tako i treba ako pomešano* (так и нужно, когда смешанно).

[9.2.] *Vam ispričam moj slučaj u mojoj porodici | počinjem od bake | ona je bila član partije | oni nikako nisu smeli da idu u crkvu | a moja baka ... ona je bila vernik i odlazila je u crkvu | i onda ona nije mogla da ostavi da mi ostanemo nekršteni |* ***onda smo mi krštene u katoličkoj crkvi*** *| i sestra i ja | e | sad mi smo odlazili malo u katoličku | posle već i u pravoslavnu ali kao krštene u katoličkoj | kad je trebalo da se udam | nije to moglo tako u stvari | ako si katolik onda moraš da imaš ono || ee | prvo pričešće | pa || első áldozás | znate to? | bérmálkozás i tako dalje | a ja to nisam imala | i onda nije mogao da se sklopi mešoviti brak u pravoslavnoj | onda sam ja dobila miropomazanje | jer je čin krštenja isti i u pravoslavnoj i u katoličkoj | dobila sam miropomazanje i postala pravoslavna | a moja sestra se više okrenula katoličkoj crkvi | i ona odradila sve | tu prvu pričest | első áldozás | i to križmanje se kaže | jel? | to je bérmálkozás | tako da je ona katoličke vere |* ***ali mi slavimo i pravoslavne verske praznike i katoličke*** (Я Вам расскажу мой случай в моей семье, начну с бабушки, она была членом партии, они никак не могли ходить в церковь, а моя бабушка... она была верующей, и она ходила в церковь, и она не могла оставить нас некрещенными, и **мы крещены в католической церкви**, и сестра и я, э, мы ходили немного в католическую церковь, потом уже и в православную, но как крещенные в католической, когда нужно было

выходить замуж, так не могло продолжаться, если ты католик, у тебя должно быть это, ээ, первое причастие, и, первое причастие (венг.), знаете это? конфирмация (венг.) и так далее, а у меня этого не было, и так смешанный брак не мог быть заключен в православной, тогда я получила миропомазание и стала православной, а моя сестра больше обратилась к католической церкви, и она сделала все, это первое причастие, первое причастие (венг.), и это называется конфирмация, да? это конфирмация (венг.), так что она католической веры, **но мы празднуем и православные религиозные праздники и католические**) (А).

Этот пример также иллюстрирует ситуацию выбора веры в смешанной венгерско-сербской семье. Однако в отличие от предыдущей истории, здесь временная дистанция описываемых событий чуть больше: события происходили еще до распада Югославии и до смерти Тито. На это есть указание в самом нарративе — свидетельство о том, что бабушка была членом Коммунистической партии. Здесь решение о крещении принималось не родителями, а бабушкой с маминой стороны — венгеркой, которая была очень религиозной. Можно предположить, что в то время (время социалистической Югославии) для родителей вопрос о крещении детей не был особо актуальным. Сестры были крещены в католической церкви. В рассказе есть указание и на религиозный синкретизм, когда уже в сознательном возрасте члены семьи ходили и в православную, и в католическую церковь. Однако позже, когда должно было состояться венчание в церкви (брак с сербом), информантка выбрала православную религию. Ее сестра, напротив, склонилась в сторону католической церкви. Таким образом, мы видим здесь ту же стратегию, что и в нарративе [9.1.], однако данная ситуация сложилась не в результате выбора или договора родителей, а по воле случая. Информант говорит, что, несмотря на разделение членов семьи по религиозному признаку, в семье отмечают и католические, и православные праздники.

[9.3.] *Igen* | *én erre nagyon vigyáztam* | ***csak én voltam az*** | ***aki gyerekemet megtaníthattom arra*** | ***hogy katolikus Karácsony*** | ***vagy mikor van a Húsvét*** | *az hogyan zajlik* | *vigyázok arra* | *hogy Karácsonykor nálunk mindig bableves van* | *mákos guba van* | *férjem* | *minden évben megkérdezi* | *ez micsoda?* | ***a szerb védszentet*** | ***a Szlávát ünnepi*** | ***azt is szépen megtartjuk*** | *olyankor mit kell főzni* | ***meg tudom azt főzni*** *és hívjuk az ő családját* | *azt is úgyanúgy ünnepeljük* (Да, я за этим очень следила,

только я была той, кто учил своих детей, что это католическое Рождество, или когда Пасха, и как она проходит, следила за тем, чтобы на Рождество у нас всегда был фасолевый суп, макош губа (выпечка с добавлением мака), мой муж каждый год спрашивает, что это? **сербского святого покровителя, он празднует Славу, мы тоже это отмечаем**, тогда, что нужно готовить, **я умею это готовить и мы приглашаем его семью, мы также это празднуем**) (НС).

О католических и православных праздниках говорится в этом фрагменте чуть подробнее. Собеседница готовит традиционные блюда на католическое Рождество (фасолевый суп и макош губа), в то же время, когда муж отмечает Славу, сербский праздник, — готовятся традиционные блюда сербской кухни, по обычаю приглашают гостей из сербской среды (т. е. из семьи мужа). Детям объясняется значение праздников — Рождества и Пасхи.

Еще один важный аспект, который находится в связи с конфессиональными отличиями: введение основ религиозного воспитания в школах с 2001 г. [Ilić 2010, 312]. Понятно, что для Воеводины, с ее чрезвычайно пестрым этническим и религиозным составом, эта тема весьма актуальна. Преподавание основ религии помимо своей основной цели имеет еще одну важную задачу: это возможность для учащихся лучше овладеть венгерским языком [Там же]. В исследовании О. Мушкини приводятся данные, согласно которым предмет «основы религий» выбрали 51% воеводинских учеников, а этику — 49% [Muškinja 2012, 22], что свидетельствует практически о равном распределении учеников при выборе предмета. В следующем фрагменте [9.4.] как раз описан выбор школьного предмета: этики или основ религии. Действие происходит в Южной Бачке, месте с минимальной долей венгров. Поэтому очевидно, что при выборе религиозных основ многие выберут религиозные основы православия. Дети информанта происходят из смешанной сербско-венгерской семьи, причем одного ребенка крестили в католической церкви. Здесь мы видим, как срабатывает механизм причисления себя к большинству: чтобы не быть в отрыве от друзей, дети просят разрешения ходить на основы православия, куда ходит подавляющее большинство учеников из их класса. Ранее дети посещали предмет «этика», однако туда записались лишь несколько человек, то же самое, как представляется, было бы и с основами католицизма. Родители не препятствовали решению детей.

[9.4.] ***Uveli su u školu veronauku*** *baš u tom ratu kad su oni bili u osnovnoj školi | to je po izboru ali na neki način to obavezno | ako je njih dvadeset pet njih dvadeset ode na veronauku | a pet ide na građansko | i moja deca jesu pošla na građansko | etika | zanimljiv predmet | ali onda svake godine kad su oni postajali stariji i sve više dvadeset | dvadeset jedan | dvadeset dva | oni kao | možemo mi na veronauk? | može | ali onda oni su učili pravoslavno | moglo se birati | ali oni su išli u srpsko odeljenje |* ***kako da ih izdvojiš i da kažeš? možeš na veronauku ali idi na katoličko*** *| zato što roditelj čini svom detetu samo da mu bude | da se ne oseti izdvojenim | onda su moja deca | ono što su naučila od svih vera | moji roditelji su katolici kršteni | mene su krstili isto u toj crkvi* (**В школу ввели основы религии**, как раз во время этой войны, когда они были в основной школе, это по выбору, но некоторым образом обязательно, если их 25 или 20 ходит на религию, а 5 идет на светские предметы, и мои дети пошли на светские предметы, этика, интересный предмет, но каждый год они становились старше, и все больше [детей туда ходило], 20, 21, 22, и они говорят, можем ли и мы пойти на основы религии? можно, но они изучали православную религию, можно было выбирать, они ходили в сербское отделение, **как их выделишь и скажешь? ты можешь на религию, но иди на католицизм**, потому что родитель делает своему ребенку, только чтобы ему было, чтобы он не чувствовал себя обособленным, и так мои дети, выучили обо всех конфессиях, мои родители крещеные католики, меня также крестили в той церкви) (НС).

В приведенных выше нарративах мы видим изменчивость подходов к религиозной идентичности в смешанных семьях. Интересной представляется стратегия, когда в смешанной семье несколько детей, и происходит выбор православной религии для одного ребенка и католической (или реформатской) — для другого[1]. Но эта ситуация в некотором роде представляет собой условность (или идеальное состояние). Ведь для ее реализации необходимо, чтобы была достигнута договоренность между родителями. Понятие «договоренности» и здесь оказывается решающим. Однако при выборе религиозной идентичности могут переплетаться несколько факторов. Есть и нерелигиозные люди, для которых религия не является важным показателем идентичности. Говоря о своей религиозности, люди отмечают важность традиций (например, кулинарных), связанных

[1] Здесь можно провести параллели с выбором языка общения в смешанной семье, когда определенный язык закреплен за одним из родителей.

с конкретными церковными праздниками. Как и с языковой компетенцией, религиозная идентичность может изменяться с течением времени, чему способствуют различные обстоятельства. Таким образом, наличие «договоренности» о религиозной идентичности детей, а также потенциальная ее изменчивость с течением времени под воздействием тех или иных условий сближают стратегию выбора религии со стратегией выбора языка общения в смешанной семье.

10. Способ приобретения второго языка

В отличие от смешанных семей, где сербский язык усваивается в процессе общения с родителями, в семьях, где говорят только по-венгерски, сербский язык усваивается из других источников. Это может быть общение со сверстниками, игры, изучение языка в школе или в других ситуациях. И конечно, кардинально различается овладение языком у венгров из районов с венгерским меньшинством и у венгров на пограничье Сербии и Венгрии — на севере Воеводины. У венгров именно из пограничных с Венгрией районов существуют большие проблемы в коммуникации на сербском языке.

10.1. Служба в армии

В период существования социалистической Югославии официальным языком в Югославской народной армии (*Jugoslovenska narodna armija, JNA*) был признан сербскохорватский, что объяснялось коммуникативно-прагматическими и социально-политическими причинами [Багдасаров 2004, 26]. Военная служба являлась одним из ключевых моментов биографии человека в социалистическую эпоху из-за ее обязательного характера и всеобщего охвата [Petrović 2012, 83]. Для большинства мужчин, представителей национальных меньшинств в бывшей Югославии, а также для словенцев и македонцев, социализация на сербско-хорватском языке происходила именно в период армейской службы. Армия комплектовалась в то время при помощи призыва. Т. Петрович отмечает, что истории о службе в Югославской народной армии — это «мужские

истории» [Petrović 2010, 62]. Приведем примеры из нарративов воеводинских венгров:

[10.1.1.] *G. A haború után tanult szerbül?*
F. Utána szerbül is lett tanulva | az számtan | magyar | földrajz | történelem | csak volt egy tantárgy | szerb | nem tiszta szerbül tanultunk | csak egy tantárgy volt | annyira nem tudtam szerbül | hogy mikor | az már 55-ben ... akkora ***katonaságnál megtanultam valamennyire szerbül*** *| szinte kineveltett tiszt | olyanokat mondtam | például ellopták a kapcát a cipőmtől | akkor azt mondtam szerbül neki | hogy ellopták a kapcámat | nem azt hogy bejelentem hogy elloptak | elloptad a kapcámat | én? | aszongya | nekem nem kü(ll) | hát aszongya | még egyszer mondd azt | mikor még egyszer mondom | na | mindenki nevetett rajtam | akkor megmagyaráztam ... akkor így tanultam | pedig olyan jó kifogtam a katonaságot | ottan raktáros voltam ... jártam kenyérért | még raktárban dolgoztam | állandó dozvola vagy.*
E. Engedély.
T. Engedély.

Г. После войны Вы учили сербский?
Ф. После стали учить сербский, арифметика, венгерский, география, история, только был один предмет — сербский язык, учили не все посербски, был только один предмет, я так [хорошо] не знал сербский, что когда, уже в 55-м ... тогда **в армии я выучил в какой-то степени сербский**, меня высмеивал офицер, я такое говорил, например, украли у меня портянки из обуви, тогда я говорю ему по-сербски, что украли мои портянки, но я сказал, что не украли, а что ты украл мои портянки, я? мне не нужны, ну, еще раз скажи это, когда еще раз я сказал, ну, все смеялись надо мной, тогда я объяснил ... вот так и учил, я так хорошо чувствовал себя в армии, там я был на складе ... я ходил за хлебом, и еще работал на складе, был постоянный пропуск [серб.] или.
Э. Пропуск.
Ф. Пропуск (А).

В данном случае информант из Ады рассказывает о том, что сербский язык он выучил в тот период, когда проходил армейскую службу. К рассказу об армейском опыте информант переходит после краткого изложения истории изучения сербского языка в школе. Школьных знаний было недостаточно для полноценного общения на сербском языке, поэтому в армии были коммуникативные неудачи, об одной из которых упоминает информант. У него украли портянки, и об этом нужно было доложить старшему по званию. Однако офицер не понимал сербской речи информанта и постоянно переспрашивал.

По-видимому, информант путал окончания глаголов, поскольку он сказал: «Ты украл мои портянки». Услышав это, офицер очень удивился, переспросил и заставил солдата еще раз повторить вопрос до тех пор, пока не будет ясен смысл высказывания, т.е. найдена подходящая грамматическая форма (хотя саму ситуацию, вероятно, понял). Информант говорит, что сослуживцы смеялись над его речью на сербском языке. Вероятно, это один из многих подобных эпизодов, случившихся за время военной службы, когда причиной коммуникативных неудач становится несовершенное знание сербского языка. Для молодежи, особенно из сельских районов, где компактно проживают национальные меньшинства, служба в армии представляла собой не только смену деятельности, но и погружение на некоторое время в иную языковую среду. Знаний, приобретенных в школе, оказывается недостаточно, чтобы чувствовать себя в новой языковой среде свободно. Армейский опыт, в том числе и языковой, надолго остается в памяти. Так, рассказывая о реалиях армейской жизни, информант использует сербское слово *dozvola* (пропуск, разрешение) и тут же останавливается, поскольку не может вспомнить венгерский эквивалент. На помощь приходит жена, которая подсказывает венгерский аналог *engedély*[2]. Это свидетельствует о стойкости приобретенного языкового опыта, в особенности того, который ассоциируется с армейскими реалиями.

[10.1.2.] *G. És az Ön falujában | csak magyarul beszélnek?*
S. Hát még most is úgy beszélnek | ***nők nem is nagyon tudtak horvátul | szerbül | csak magyarul*** *| de Eszék | ott minden zsidó tudott magyarul | szerbül | horvátul | még németül.*
G. A magyar férfiak hogyan beszéltek?
S. Az idősebbek gyengén beszéltek | ***csak amit katonaságban tanultak meg szerbül*** *| akkor nem volt keveredés.*

Г. А в Вашей деревне только по-венгерски говорили?
Ш. Ну, и сейчас так говорят, **женщины не больно знали хорватский, сербский, только венгерский**, но Осиек, там каждый еврей знал венгерский, сербский, хорватский, и еще немецкий.

[2] П. Лайхонен приводит в качестве примера высказывание информанта, венгра из румынского Баната, в котором слово *engedély* также не было приведено сразу, информанту потребовалось время, чтобы вспомнить это слово по-венгерски, тогда как румынский аналог (*aprobare*) был приведен без колебаний: *akkor nehezen lehetett megtalálni -megkapni aa-* (.) ***a aprobare*** *hogy mondják* (трудно можно было найти, получить, *aprobare* как будет?) [Laihonen 2008, 686].

Г. А венгерские мужчины как говорили?
Ш. Пожилые хуже говорили, **только то, что выучили в армии, по-сербски**, тогда не было смешения (А).

В данном свидетельстве информанта описывается ситуация в хорватской Славонии. На вопрос о том, как говорили в селе, откуда родом собеседник (Ласлово), он противопоставляет женщин и мужчин по уровню владения сербско-хорватским языком. Женщины, как правило, плохо знали сербско-хорватский. Что касается мужского населения, информант сказал, что пожилые язык в основном знали плохо, но то немногое, что они знали, было приобретено во время службы в армии: *csak magyarul/csak amit katonaságban tanultak meg szerbül* (только по-венгерски/только то, что выучили в армии, по-сербски). Впрочем, общий уровень владения сербско-хорватским языком оценивается как низкий. Это было обусловлено закрытым жизненным укладом данного села, где большинство верующих является последователями реформатской церкви.

[10.1.3.] ***Mikor elmentem katonasághoz*** | *húsz éves koromba* | ***ott tanultam meg szerbül*** | *az iskolába amit jártam* | *öt osztályt* | *ott volt egy két óra* | *szerbül nem tanultam meg soha* **(Когда я пошел в армию**, в двадцать лет, **там я выучил сербский**, в школе, что я ходил, пять классов, там было два часа, сербский я не выучил [там] никогда) (Ск).

Информант из Скореновца (фрагмент [10.1.3.]) также подтверждает, что обучение в школе было бесполезным с точки зрения повышения компетенции в сербском языке. Сербский язык для активного общения информант выучил только в армии, когда ему было 20 лет.

[10.1.4.] *G. Azt szeretném tudni* | *voltak problémák a katonaságban* | *amikor Ön magyarul beszélt?*
F. ***Én nem tudtam szerbül*** | *tudta az a tiszt vagy mi?* | *nem is tudtam a rendet* | *mit kell gyakorolni* | *borotválkozni* | *ingem* | *nem volt baj* | ***tudták*** | ***hogy tudom a nyelvet nagyon rosszul*** | ***de ott tanultam meg***.
G. Kitől?
F. A társaimtól | *mert ott voltak* | *magyarok voltak* | *szerbek* | *szlovényok* | *boszánácok* | *siptárok* | *mindem nemzetből volt* | ***voltak a siptárok*** | ***akik se tudtak szerbül***.
G. És a fő nyelv?

F. Szerb | rokoltam Horvátországba | Kárlovácba | kiképző cen- | központ | mikor három hónap eltelt | akkor bevitték Prizrenbe | Koszovó | ott töltöttem két évet szolgáltam || ebből volt tizenhét nap szabadságom két év alatt | nem volt hogy baj | olyan jó megvoltunk a több nemzetiség | nem tudom | hogy hogyan azután egymást agyonverje | gyilkolják | szeretett a kapitány | láttam | hogy örökké | akkor elmentünk teremre | kellett bunkerokat kipucolni mindent | nyáron | augusztusba | hát volt egy boszánác szakács ... egy segítőtárs volt | ki kellett ossza | étterem | asztalok | tányérok | mikor kész volt | elmosogattam | elpakoltam | jól jött nekem az az idő.

Г. Я бы хотел узнать, были ли проблемы в армии, когда Вы говорили по-венгерски?
Ф. **Я не знал сербский**, об этом знал офицер или как его? я не знал порядок, что нужно было делать, бриться, моя рубашка, с этим не было проблемы, **они знали, что я знаю очень плохо язык, но я там выучил**.
Г. От кого?
Ф. От товарищей, потому что там были, венгры были, сербы, словенцы, боснийцы, албанцы, были все национальности, **были албанцы, которые тоже не знали сербский**.
Г. А основной язык, какой был?
Ф. Сербский, я служил в Хорватии, в Карловце, учебный цен- (серб.), центр, когда прошло три месяца, увезли в Призрен, Косово, там я служил два года ... из этого у меня было семнадцать дней отпуска за два года, не было проблем, такие хорошие отношения были с другими народами, не знаю, как потом в друг друга стреляли, убивали, меня любил капитан, я видел, что всегда, когда мы шли в зал, нужно было все в бункерах почистить, летом, в августе, ну, был один босниец, повар ... был помощником, что нужно было распределить, столовая, столы, тарелки, когда было готово, я помыл, убрал, хорошее для меня было это время (Ск).

Пример данного информанта из Скореновца также свидетельствует о том, что для мужчин-венгров практика в сербском языке была возможна только во время армейской службы. Информант упоминает место своей службы — город Карловац в Хорватии. Исследователи отмечают, что для усиления идей югославизма солдат посылали в части, расположенные в других республиках [Petrović 2010, 62]. В рассказе отмечается, что коллектив в армейской части был многонациональный: *magyarok voltak | szerbek | szlovényok | boszánácok | siptárok* (были венгры, сербы, словенцы, боснийцы, албанцы). Но венгры были не единственными, кто не знал сербский язык, в этой связи информант

упоминает еще албанцев. Информант с ностальгией вспоминает тот период, поскольку говорит о мирном сосуществовании с представителями всех национальностей: *olyan jó megvoltunk a több nemzetiség* (такие хорошие отношения были с другими народами), и потом добавляет, что не понимает, как могли произойти события конца 1990-х — начала 2000-х гг. на постюгославском пространстве. Сербский язык информант выучил из непосредственного общения с сослуживцами, хотя в самом начале службы он не мог даже понять приказы командиров. Говоря об армейской службе, собеседник использует заимствованные в венгерском слова из сербского языка (*rokoltam* — (серб.) *(vojni) rok* — армейская служба, *boszánác* — (серб.) *bosanac* — босниец, *siptár* — (серб.) *šiptar* — албанец). Это вполне оправданно, учитывая исключительно сербскоязычную среду в армии. Похожий случай мы наблюдали в первом фрагменте [10.1.1.], когда информант не мог сразу вспомнить слово из армейской жизни (*engedély*) по-венгерски.

> [10.1.5.] *Nem | tudja | az előtt a* ***férfiak azok már elmentek katonának*** *|* ***férfiak azok megtanultak*** *| az* ***asszonyok csak itthon voltak*** *| gyerekekkel még földeket kapáltak* (Нет, вы знаете, раньше **мужины, они уходили в армию, мужчины, они выучивали, женщины были только здесь дома**, с детьми и обрабатывали землю) (Ск).

Информанты из Скореновца, с которыми ведется беседа во фрагменте [10.1.5.], противопоставляют знание сербского языка мужчин знанию сербского языка женщин по той причине, что мужчины служили в армии, тогда как женщины оставались дома: *az asszonyok csak itthon voltak* (женщины были только дома). Можно трактовать такое высказывание как признание большей мобильности за мужчинами и, как следствие, их более успешной социализации в югославском обществе из-за лучшей компетенции в сербском языке. Гендерные различия, связанные с языковой компетенцией, в этом случае проявляются особенно рельефно[3]. И именно армия являлась для многих первым опытом активного использования сербского языка, который в дальнейшем пригодился либо для трудоустройства, либо для ведения административных дел.

[3] Говоря о гендерных различиях, Т. Петрович отмечает, что «женщины из старшего поколения все еще ограничены семейным кругом и сельской общиной и не имеют доступа к широкой коммуникации» [Petrović 2009, 131].

[10.1.6.] *Az apukám Vérbászon kapott munkát* | *akkor költöztek Vérbászra* | *az* ***apukám tudott szerbül*** | ***volt ő katona is*** | *még hát a munkahelyen is* | ***az anyukám kevésbé*** (Мой папа получил работу в Врбасе, тогда мы переехали в Врбас, **мой папа знал сербский**, **он также был солдатом**, ну и на рабочем месте, **моя мама [знала язык] в меньшей степени**) (НС).

В данном фрагменте гендерные различия в языковой компетенции в сербском языке также выходят на первый план: информантка признает, что ее отец лучше знал сербский, поскольку служил в армии, был военным много лет, тогда как мать знала язык хуже (*az anyukám kevesbé*) (моя мать [знала язык] в меньшей степени). Необходимо отметить, что родители информантки переселяются в Врбас из города, находящегося в доминантной венгерской среде.

Таким образом, для мужчин опыт военной службы был не только военной подготовкой, но и языковой школой сербского языка. Единственным языком командования в Югославской народной армии был сербский, поэтому все национальные меньшинства, проходившие службу по призыву, должны были выучить язык. Усвоение языка происходило в общении с сослуживцами, при выполнении заданий и поручений командования. Тяжело приходилось тем, кто прибывал к месту прохождения службы из районов, в которых проживали преимущественно национальные меньшинства неславянского происхождения, венгры и албанцы. Именно военная служба сказалась на разнице между языковой компетенцией в сербском языке мужчин и женщин из таких районов. Женщины по причине ограниченной мобильности часто не имели возможности выехать за пределы своего населенного пункта.

10.2. Учеба в школе

Упоминания о школе и изучении там сербского языка встречались уже в предыдущем разделе. В этом же разделе наше внимание обращено к процессу обучения в школе и уровню компетенции в сербском языке учеников. Особое внимание уделялось рассказам информантов из доминантных венгерских районов, поскольку там школа является зачастую единственным местом, где можно услышать сербский язык.

Сербский язык преподается в венгерских отделениях как «язык окружающей среды» (*jezik društvene sredine*). Эта методика

предполагает, что дети сталкиваются с сербским языком помимо школы еще и в других ситуациях. Для районов с минимальной долей венгров это действительно так, тогда как в гомогенных венгерских населенных пунктах школа — единственный источник усвоения сербского языка. Многие информанты обращают внимание именно на методику преподавания, звучат мнения, что нужно ее пересмотреть и преподавать в этих районах сербский как иностранный язык. Много нареканий вызывают учебные пособия, составленные таким образом, что в них оказалось очень мало полезного материала для коммуникативного подхода, много устаревших слов и выражений, которые необходимо объяснять даже сербам-монолингвам (ср. [10.2.7.]).

В небольших населенных пунктах раньше было распространено начальное образование, включавшее в себя четыре класса. Этого, конечно, было недостаточно для полноценного овладения сербским языком. Свидетельство об этом находим в следующем высказывании:

[10.2.1.] ***Nekem csak négy osztályom van*** | *megtanultam szerbül olvasni* | *csak nem tudom* | *hogy mit olvasok* | *de valamikor nem volt úgy mint most* | *magyarul is* | *szerbül is* | *tudok szerbül olvasni* | *csak nem tudom* | *hogy mit olvasok el* (**У меня только четыре класса**, я выучилась по-сербски читать, только не знаю, что я читаю, но когда-то не было так, как сейчас, по-венгерски и по-сербски, я могу читать по-сербски, только не знаю, что я читаю) (Ск).

Информант признает, что умеет читать по-сербски, только не понимает смысла прочитанного, т.е. речь идет о чисто механическом действии.

Об уровне преподавания сербского языка в одной из сельских школ Баната в 1970-е гг. находим следующее свидетельство:

[10.2.2.] *Én egy bánáti faluban születtem ... tiszta magyar falu volt* | *ez hatvanas évek eleje* | *és* ***én se tudtam szerbül*** | *kaptunk egy fiatal tanárnőt* | *aki a szerb nyelvet tanította idézőjelbe* | *akkor fejezte be a főiskolát* | *nekünk a csúcs az volt* | *hogy szerb nyelvű ifjúsági lapot gyártottunk* | *és azt olvastuk az órán* | *vagy meg kellett verset tanulni szerbül* | *ez volt* | *a többit* | *még az órán is ő magyarul mesélt a főiskolai élményeiről* | *és mondom* | *az a falu* | *az tiszta magyar* | *én bekerültem gimnáziumba Zrenjaninba* | *mi Becskereknek mondjuk magyarul* | *nekem egyes volt szerbből* | *félévbe és utána negyedikre már hát* | *négyes lett* | *az volt* | *eguszerűen nem kerültem*

kapcsolatba beszédhelyzetbe | hogy a szerbet egy részt gyakoroljam | más részt még ***az iskolába se tanították | még azt amit kellett volna se*** (Я родился в банатской деревне ... это была чисто венгерская деревня, начало шестидесятых годов, **и я не знал сербского**, мы получили молодую преподавательницу, которая учила нас сербскому «в кавычках», тогда она окончила училище, для нас было вершиной, когда мы делали молодежную газету на сербском языке, и ее читали на уроке, или нужно было выучить стих по-сербски, это было, остальное, даже на уроке она по-венгерски рассказывала о своих впечатлениях об училище, т. е., эта деревня, чисто венгерская, когда я попал в гимназию в Зренянине, мы говорим по-венгерски Бечкерек, у меня была единица по-сербскому, в полугодии и потом до четвертого класса, ну, дотянул до четверки, просто я не попадал в ситуацию общения, чтобы практиковаться в сербском, с одной стороны, с другой стороны, **в школе не преподавали, даже то, что было нужно**) (НС).

Свое отношение к преподаванию собеседник выразил, сказав, что учительница преподавала сербский язык «в кавычках» (*a szerb nyelvet tanította idézőjelbe*). После окончания школы в гимназии города Зренянин у информанта была единица по сербскому языку, т. е. за все проведенное время не было достигнуто никаких успехов в сербском языке. Обучение проходило таким образом, что дети учили сербские стихотворения, делали газету, а остальное время слушали рассказы учительницы о ее личной жизни.

О современной ситуации в преподавании сербского языка в школе упоминает собеседница из Ады, которая сама работает в системе образования:

[10.2.3.] *Igen | a picikortól tanulják a gyerekek a szerb nyelvet | az a probléma | hogy* ***az elsőbe a szerb nyelvet nem úgy tanulják mint idegen nyelv | hanem mint környezet nyelv*** *| az azt jelenti | hogy nem az alapoktól kezdik | hogy a szavakat megtanulják | hanem mindjárt úgy kezdik | hogy egyes szám | többes szám | női nem | férfi nem | és ugye | az itteni gyerekek képtelenek | bemagolják | tanulják mert ezt kell tanulni | de nem is használják | nem az alapvető szavakkal kezdik | mi több ideje harcolunk ezzel | de sajnos ezt | nem tudjuk megváltoztatni* (Да, с маленького возраста дети учат сербский язык, это проблема, что **в первом классе сербский не преподают как иностранный язык, а преподают как язык окружения**, это значит, что они начинают не с начала, что учат слова, а сразу начинают с того, что это единственное число, это множественное число, женский, мужской род, да, здешние дети неспособны,

зазубривают, потому что это нужно учить, но даже не используют, начинают не с основных слов, мы много времени боремся с этим, но, к сожалению, этого мы не можем изменить) (А).

Сожаление у информанта вызывает сам подход к преподаванию сербского языка, применяемый в школах. Она признается, что это является настоящей проблемой для учащихся. Сербский язык преподают не как иностранный, а как язык окружения. Это может быть оправданно в среде, где венгерское население постоянно контактирует с сербами, однако в районах с преимущественным проживанием венгров данный подход не работает. Информант говорит, что дети «зубрят» (*bemagolják*) материал, а не учат, как правильно использовать язык в реальных коммуникативных ситуациях. Далее перечисляются конкретные сферы преподавания, вызывающие больше всего проблем: школьникам встречаются слова, которые в разговорной речи могут не упоминаться (здесь чаще всего приводят в качестве примера тексты сербской литературы XIX века, содержащие устаревшие слова, турцизмы, многие из которых могут быть незнакомы самим носителям сербского языка). Учащимся могут сразу дать сложный грамматический материал, например, категорию рода в сербском языке, которую для носителей венгерского языка усвоить достаточно не просто по причине отсутствия таковой в их родном языке. Вместо «зазубривания» грамматических правил было бы необходимо научиться использовать данные категории на практике. По свидетельствам информанта, делаются попытки изменить ситуацию, но пока все безрезультатно.

Ситуацию с преподаванием сербского языка комментируют учителя из районов гомогенного проживания венгров, сталкивающиеся с этой проблемой каждый день:

[10.2.4.] *Primetila sam jedan ogroman problem | srela sam se s jednim ogromnim problemom | da* ***deca jako slabo govore srpski*** *| oni dođu iz osnovne škole gde od prvog do osmog razreda slušaju dva puta nedeljno | dođu mi u prvi razred srednje škole i oni ne umeju da kažu pet rečenica o sebi | dakle to je specifično | ili karakteristično za ovo* ***područje Ade | Senta | Kanjiža*** *| s tim da deca koja dolaze* ***iz Bečeja | iz Padeja iz Čoke*** *malo bolje govore | ali znači Senta | Ada | je stanje katastrofalno* (Я заметила одну огромную проблему, я столкнулась с одной огромной проблемой, что **дети очень плохо говорят по-сербски**, они приходят из основной школы, где они с первого по восьмой класс слушают

сербский язык два часа в неделю, приходят ко мне в первый класс средней школы и не умеют сказать пяти предложений о себе, т. е. это специфично, или характерно для этой **области Ады, Сента, Канижа**, только если дети приезжают **из Бечея, из Падея, из Чоки**, они немного лучше говорят, но, значит, Сента, Ада, состояние катастрофическое) (А).

[10.2.5.] *Problem u osnovnoj školi | što se od početka ne radi sa njima | ili ne pristupa se srpskom jeziku kao stranom | mislim da tako treba da se pristupa | zato što deca | znači |* ***to nije jezik društvene sredine | ovde srpski jezik nije jezik društvene sredine | oni nemaju gde da ga čuju*** *| to je glavni problem* (Проблема в начальной школе, что с самого начала с ними не работают, или не подходят к сербскому языку как к иностранному, думаю, что нужно так подходить, потому что дети, значит, **это не язык общественного окружения, здесь сербский язык не является языком общественного окружения, нет места, где они могут его услышать**, это главная проблема) (А).

Здесь сто́ит обратить внимание на разграничение, которое делает информант — преподаватель сербского языка в средней школе в одном из населенных пунктов Северной Бачки — по поводу компетенции в сербском языке учащихся венгерской национальности. С одной стороны оказываются дети из Ады, Сенты и Канижы, с другой — из Чоки, Падея, Бечея [10.2.4.]. Если посмотреть на этнический состав каждого из этих населенных пунктов, то выяснится, что к первой группе относятся населенные пункты, в которых венгры составляют подавляющее большинство населения, что отражается на языковой компетенции в сербском языке их жителей. Ко второй группе принадлежат учащиеся из населенных пунктов с не столь однородным этническим составом, хотя венгры и имеют небольшое преимущество. Информант противопоставляет эти две группы населенных пунктов по уровню компетенции в сербском языке учащихся и описывает компетенцию для первой группы как «катастрофическую» (*stanje je katastrofalno*), а вторую группу характеризует, сравнивая с первой, и заявляет, что «они немного лучше говорят» (*malo bolje govore*). У преподавателя сербского языка есть возможность сравнить разных учеников, поскольку в средней школе, как правило, обучаются выходцы из различных районов. Всю ситуацию информант характеризует как непростую, употребляя слово «проблема». На предыдущей ступени образования (прежде чем попасть в среднюю школу)

учащиеся в течение восьми лет слушают курс сербского языка два раза в неделю. Однако этого недостаточно, поскольку после восьми лет учебы в предыдущей школе ученики практически не знают языка, например, не могут рассказать о себе основную информацию.

В нарративе [10.2.5.] преподаватель сербского языка поясняет, в чем он видит причины такой ситуации. И здесь мы снова встречаем то же объяснение, что и во фрагменте [10.2.2.]: в школах используется метод преподавания сербского языка как «языка окружения», тогда как он таковым не является: *to nije jezik društvene sredine* (это не язык окружения); сербский язык следовало бы преподавать как иностранный язык, поскольку здесь его нельзя услышать: *oni nemaju gde da ga čuju* (нет места, где они могут его услышать).

Еще одно свидетельство о преподавании сербского языка находим в рассказе информанта из Бечея [10.2.6.]. Внуки информанта читают сложные сербские тексты и делают упражнения, которые абсолютно не помогают развитию навыков разговорной речи: *olyan nem konverzációs gyakorlatokat végeznek* (они делают такие задания, не рассчитанные на навыки разговорной речи). Кроме того, учебник сербского языка не содержит таких текстов, которые можно было бы использовать как образец разговорной сербской речи. В целом, оценка сложившейся ситуации не слишком позитивная:

[10.2.6.] *R. Jó | a mieink | akik szerbet az iskolába kezdtek tanulni | persze nem lehet még olyan pozitív ... olyan nem konverzációs gyakorlatokat végeznek az iskolában | látom az unokáimat | mind a kettő általános iskolás | és látom hogy* ***nem azt tanulják | ami az élethez szükséges*** *| hanem* ***nagyon nehéz irodalmi szövegek | sokszor archaikus szövegeket****.*
G. Nem értik?
R. Nem olyan a tankönyv | ami szolgálná azt a mindennapi beszédet | szerintem.

Р. Хорошо, наши, кто начал учить сербский в школе, конечно, не может быть такой позитивной ... они делают такие задания, не рассчитанные на навыки разговорной речи, я вижу своих внуков, оба ходят в начальную школу, и я вижу, **что они учат не то, что необходимо в жизни**, а **очень трудные литературные тексты, часто архаичные тексты**.
Г. Они не понимают?
Р. Не такой учебник, который служил бы для ежедневной коммуникации, по-моему (НС).

Учителя, преподающие сербский язык в венгерских классах в Северной Бачке, отмечают, что тексты, которые предлагаются для чтения, действительно сложные. С учениками невозможно работать по таким учебникам. Для сравнения преподаватель сербского языка приводит лексемы *čeljad* и *čeljadija*, которые могут быть незнакомы даже носителю. Это служит иллюстрацией того, насколько учебная программа по сербскому языку не приспособлена для нужд учащихся, для которых сербский язык фактически является иностранным.

[10.2.7.] *Ovaj | to je narodna pripovetka | Vuk Stefanović Karadžić | uglavnom i to je dosta arhaično ... dakle | to isto njima nezanimljivo | pa pokazaću vam šta sve ima | književni tekstovi koji su ovde ne mogu sa njima da se obrade | ja im ili neku drugu narodnu priču odnesem || evo | Branislav Nušić | to je njima isto teško | odlomak iz komedije |* ***to oni ništa ne razumeju*** *| pa pogledajte || evo | Laza Lazarević | Na bunaru | njima isto | to je |* ***prepuno je arhaizama*** *| ali pazite neke reči ...* ***čeljadija | da pitate dete kome je srpski maternji | ne zna šta je čeljad i čeljadija*** (Это, это народная сказка, Вук Стефанович Караджич, в целом это достаточно архаично ... т. е. это им также неинтересно, я вам покажу, что есть, литературные тексты, которые здесь, нельзя с ними проработать, я им какой-то другой рассказ принесу, вот, Бранислав Нушич, для них это также тяжело, отрывок из комедии, **это они ничего не понимают**, посмотрите, вот, Лаза Лазаревич, «На колодце», для них тоже, **полно архаизмов**, но обратите внимание на некоторые слова... ***čeljadija*****, если вы спросите у ребенка, у которого сербский родной, он не знает, что такое *čeljad* и *čeljadija*** (домочадцы)) (А).

О том, что учебники сербского языка для венгерских школ не соответствуют целям преподавания, говорит информант из Ады. Он упоминает, что эти учебники содержат тексты, написанные на сербском языке XIX в., что создает дополнительные трудности для развития компетенции в сербском языке учащихся:

[10.2.8.] *Igen | én utólag ezt nézem ... szerb nyelvet másként kellene tanítani az olyan nemzetiségeknek | akik alig tudnak szerbül ... láttam én is | hogy a középiskolási tankönyvben ott voltak ilyen |* ***olyan olvasmányok | amelyeket a szerbek se értenek igazán*** *| és oda is kellett szótár | mert többszáz évvel ezelőtti nyelv | az nekik is gondokat ... nem azt kellett volna tanítani* (Да, я потом это смотрел ... сербский язык нужно по-другому преподавать, таким национальностям, которые очень мало знают сербский ... я также видел, что в учебниках для средней школы, **там**

были такие тексты для чтения, которые даже сербы не понимали, и к нему нужен был словарь, потому что это язык, который был несколько веков назад, это для них проблема ... не это нужно было бы преподавать) (А).

Специфика усвоения сербского языка в доминантной сербской среде отмечается в нарративе информанта из Врбаса. Врбас — населенный пункт, в котором венгры составляют меньшинство. Информант с раннего детства общался со сверстниками — детьми сербской национальности. При этом примечательно, что компетенция в сербском языке все равно не была высокой. В качестве примера информант приводит интерференцию с венгерским языком в собственной сербской речи. Например, в венгерском языке слово *óra* многозначно — обозначает час (как единицу времени), часы (как прибор) и урок. В сербском же языке для обозначения урока используется *čas*, а существительное *sat* в данном контексте не употребляется. Это обстоятельство послужило основой для языковой интерференции: информант приводит в пример неправильное использование существительного *sat*: *kolko imaš danas satova* вместо *časova*. Однако, если сравнить компетенцию данного информанта, способного уже в возрасте 7–8 лет построить подобную фразу (употребив правильное окончание в родительном падеже множественного числа), и знания учащихся средних школ, не способных правильно построить даже элементарную грамматическую фразу, то создается впечатление, что данный информант вкладывает в понятие «я настолько не знала сербского» (*én annyira nem tudtam szerbül)* иные критерии, чем это подразумевается для выходцев из гомогенных районов проживания венгров.

[10.2.9.]... *kint az utcán | játék közben megtanuljuk | és tényleg úgy is volt | aztán együtt mentünk iskolába | de* ***én annyira nem tudtam szerbül*** *| hogy nem úgy kérdeztem tőle | hogy kolko imaš danas časova? | hanem úgy kérdeztem | kolko imaš danas satova? | de nem volt ebből semmi probléma | akkor a barátnőm megmagyarázta | hogy az nem úgy mondják | hanem emígy mondják | és akkor az iskolában is tanultunk szerbül | Vérbász az olyan környezet | tényleg az ember kimegy az utcára és ott aztán mindeki szerbül beszél | mondom | volt egy ilyen löket az anyukámtól | hogy tessék szerbül tanulni | megtanultam elég jól szerbül ... Vérbászon az iskolán úgy volt egy magyar osztály még kettő szerb osztály | az udvaron összetalálkoztunk | még beszélgettünk | még tornaórán | valahogy muszáj volt megtanulni ... arra*

emlékszek | *bekerültem egy olyan osztályba* [Szabadkára] | *ahol* ***én tudtam legjobban szerbül*** | *és akkor szerbórán a tanár még én beszélgettünk* || (смех) || *a többiek még hát úgy néha* (...во дворе на улице, мы выучили во время игры, и действительно, было так, после мы вместе пошли в школу, но **я настолько не знала сербский**, что спросила у нее [подруги] не *kolko imaš danas časova* (сколько у тебя сегодня уроков, серб.)? а я спросила *kolko imaš danas satova*? но это совсем не было проблемой, тогда моя подруга объяснила, что говорят не так, а говорят вот так, и так в школе мы тоже учили сербский, Врбас это такая среда, действительно, человек выходит на улицу и там потом все говорят по-сербски, т. е. со стороны моей мамы был такой импульс, пожалуйста, учи сербский, я выучила сербский достаточно хорошо ... в Врбасе в школе было так, один венгерский класс и два сербских класса, во дворе мы встречались, разговаривали, а также на занятиях по физкультуре, каким-то образом нужно было выучить... я помню, я попала в такой класс [в Суботице], **где я знала лучше всех сербский**, и тогда на уроке сербского разговаривали мы с преподавателем (смех), остальные, ну, так, иногда) (НС).

Здесь мы видим, что первичная социализация на сербском языке происходит еще в дошкольный период — во время игр со сверстниками. Затем — в самой школе. Школьники встречались на переменах, совместно с учащимися сербских классов занимались физкультурой. Благодаря этому общению происходило повышение компетенции в сербском языке. Интересно, что попав в среднюю школу в Суботицу, информант лучше всех знал сербский язык и мог разговаривать с учителем, в отличие от одноклассников — выходцев из Северной Бачки, которые владели сербским языком значительно хуже. Информант вспоминает это как забавный случай и, рассказывая о нем, смеется. Таким образом, ситуация в [10.2.9] кардинально отличается от описанных выше языковых ситуаций: здесь информант выучил сербский язык еще в дошкольный период, а особых проблем, связанных с преподаванием сербского языка в начальной школе, не было.

О гендерном различии в языковой компетенции упоминается в следующем фрагменте [10.2.10.]. Разговор ведется с пожилой парой, во время беседы жена заявляет, что муж знает сербский язык лучше, чем она: *ő hogyha valamennyit tud* | *de én nagyon keveset tudok* (он еще немного знает, но я мало знаю). Раньше были обязательными только четыре класса начальной школы, поэтому среди информантов пожилого возраста преобладают те, кто окончил четыре класса:

[10.2.10.] F. *Iskolát én négyet | ő ötöt | nem vagyunk iskolázottak | nem tudok úgy beszélni szerbül | amit tudok | rokonyaink | szerbek | Pancsován ide oda eljönnek | felét magyarul felét szerbül | kicsit ők | kicsit én | úgyhogy így beszélgetünk | de perfekt nem tudok beszélgetni egyáltalán.*
N. *Ő hogyha valamennyit tud | de én nagyon keveset tudok | jobban megértem | mint tudok felelni.*
G. *Amikor iskolába jártak | milyenek voltak a szerb órák?*
F. ***Megtanultuk a betűket írni | rövid verset vagy valamit | s annyi az egész***.
N. *Én is úgy | négy osztály jártam | lehet aztán | akik mentek tovább | azok már többet tanultak | az ajtót | ablakot | asztalt | székeket ilyesmit | na | eztet tudom | versecskéket mondtunk | elolvastunk meséket | még aztat megtanultuk | akkoriba még aztat.*

Ф. Школу, я четыре, он пять [классов окончил], мы необразованные, я не умею так говорить по-сербски, то, что я знаю, наши родственники, сербы, в Панчеве, приезжают, половину по-венгерски, половину по-сербски, немного они, немного я, так что так разговариваем, но в совершенстве я вообще не умею говорить.
Н. Он еще немного знает, но я очень мало знаю, я лучше понимаю, чем могу ответить.
Г. Когда вы ходили в школу, какими были уроки сербского языка?
Ф. **Мы научились писать буквы, короткий стих или что-то [рассказать], и это все**.
Н. У меня то же самое, у меня четыре класса, может быть потом, кто ходил больше, те уже больше выучили, дверь, окно, стол, стул, какое все, ну, это я знаю, стишки рассказывали, читали сказки, еще то учили, тогда еще это [учили] (Ск).

Из приведенного фрагмента следует, что детей обучали только базовым вещам. Информант упоминает, что они учили сербские стихотворения, заучивали основные слова, читали сказки. Как видно, компетенция в сербском языке не могла быть высокой при такой модели обучения, к тому же речь идет о Скореновце, гомогенном венгерском селе.

[10.2.11.] *G. Iskola volt a faluban?*
S. Általános iskola | a magyar iskola | hetente kétszer hittanóra | ***magyar iskola volt | de tanultunk szerbül is*** *| jöttek tanfelügyelők | školski nadzornik | akkor engem fölszolított | megyek oda térképhez és | és magyarázom meg | Jugoszlávia térképe volt | akkor voltak a bánságok |*

kilenc bánságra volt felosztva Jugoszlávia akkor | mondtam | banovina | akkor a folyók | a Duna | Dráva | Száva | akkor hegyvidékek | azt mind magyaráztam neki | úgy megörült | hogy fölterjesztette miniszteriumba | Belgrádba | hogy tüntessenek ki és kaptam száz dinárt | nagy pénz volt.

Г. В деревне была школа?
Ш. Начальная школа, венгерская школа, в неделю два раза был закон божий, **была венгерская школа, но мы учили также сербский**, пришел проверяющий, *školski nadzornik*, вызвал меня, я подошел к карте и, и объяснил, висела карта Югославии, тогда были бановины, тогда Югославия была разделена на девять бановин, я сказал, *banovina*, затем реки, Дунай, Драва, Сава, затем горы, это все я ему объяснил, он так обрадовался, что представил в Белград документы, чтобы меня наградили и я получил сто динаров, это были большие деньги (А).

В последнем фрагменте собеседник рассказывает о школе в Ласлово, венгерском селе в окрестностях Осиека в хорватской Славонии. Воспоминания информанта особенно ценны, поскольку излагаемые свидетельства относятся к довоенному периоду[4]. Описывается момент, когда проходит инспекция сельской школы, а информант перед школьным инспектором показывает свои знания по географии Югославии. Реалии того времени отражены в упоминании административного устройства страны, например, бановин: *kilenc bánságra volt felosztva Jugoszlávia akkor* (тогда Югославия была разделена на девять бановин). Говоря об инспекторе, информант приводит сначала венгерское слово, а затем дает перевод на сербский язык. Однако перевод не может считаться точным, поскольку сербский аналог приводится в единственном числе (*školski nadzornik*), тогда как венгерский термин и предшествующий ему глагол были употреблены во множественном числе (*jöttek tanfelügyelők*). Для информанта, по-видимому, было более важно донести смысл, чем учесть все грамматические особенности. Скорее всего, он хотел показать, что инспектор принадлежит к тем, кто говорит на сербскохорватском языке, в отличие от жителей сельской общины. Эта же стратегия повтора реализуется чуть дальше: сначала информант приводит венгерское название административно-территориальной единицы Югославии, бановины — *bánság*, а затем через несколько слово — сербскохорватское *banovina*.

[4] Более подробно о политике в сфере школьного образования среди национальных меньшинств межвоенной Югославии можно найти в [Janjetović 2005].

Таким образом, мы видим, что преподавание сербского языка в венгерских школах в доминантной венгерской среде воспринимается и преподавателями, и обычными жителями как большая проблема. Отсутствие полноценной компетенции в сербском языке у учащихся из этих районов может привести (и уже приводит) к социокультурной изоляции местных венгров. Так, С. Илич пишет, что по результатам комплексного исследования мультиэтнических сообществ в Сенте была отмечена «параллельная жизнь горожан разной национальности» [Ilić 2009, 365]. Об актуальности этой проблемы свидетельствуют специально проведенные исследования, в которых отмечается, что «необходимо изменить сам концепт изучения сербского языка как неродного», поскольку знания, приобретенные в школе, «редко можно использовать в каждодневной коммуникации». Все это приводит к тому, что учащиеся венгерской национальности покидают Сербию для продолжения обучения в Венгрии [Muškinja 2012, 35].

10.3. Влияние СМИ, комиксы

Некоторые информанты отмечали такой источник усвоения сербского языка, как телевидение и СМИ. Если рассмотреть ситуацию, которая складывалась в данной сфере еще несколько десятилетий назад — во время существования Югославии, то роль средств массовой информации будет отчетливо видна:

[10.3.1.] *Hivatalosan a szerb nyelv | hogy mondjam? || amikor én jártam általános iskolába | első osztály | be volt vezetve mint környezet nyelve | azt kellett tanulni és a szerb gyerekeknek is abba a világba | hatvanas évek derekáról beszélek | 1980-ig Joszip Broz haláláig | addig kötelező volt a szerb gyerekeknek is környezet nyelvű címmel a magyar nyelvet tanulni | viszont a maga szerb tanulása nem ott kezdődött |* ***mediák útján*** *| ugyanúgy* ***követtük a magyar televizió és rádió műsorait mint a szerb | vagy akkor nem a szerb | jugoszláv televizió műsorait is | rádióadásait*** *| automatikusan magunkba szívtuk mint gyerekek | valamint szerb gyerekekkel volt közös játék | az írott medió | sajtó | meg kell hogy jegyezzek | sokan kinevetik ezt a dolgot | de én nagyon fontosnak tartom a* ***képregényt*** *mint műfajt | ami nagyon elterjedt volt a nyolcvanos évekbe Jugoszláviában | nagyon igényes és világszínvonalú kiadványokat lehetett vásárolni | hozzáférhető áron | persze az ifúság | akkor az Internet hiánya vagy videolejátszó hiánya ... a kép segítségével nagyon könnyen tudtuk olvasni | problémám volt az iskolában*

| *mert a magyart és a szerbet kevertem | a csabát aposztrofos č-vel kezdtem elírni* (Официально сербский язык, как сказать? когда я ходил в начальную школу, первый класс, он был введен как язык окружения, его нужно было учить и сербским детям тоже в этом мире, я говорю о середине шестидесятых годов, до 1980-го, до смерти Йосипа Броза Тито, до этого обязательно было сербским детям изучать венгерский язык как язык окружения, однако изучение самого сербского языка началось не там, **посредством СМИ, мы следили как за программами венгерского телевидения и радио, так и за сербскими, или тогда не сербскими, югославскими телевизионными программами**, радиопередачами, мы автоматически впитывали в себя как дети, также с сербскими детьми были общие игры, письменные СМИ, печать, нужно напомнить, многие высмеивают это дело, но я считаю очень важным **иллюстрированные романы** как жанр, что было очень распространено в восьмидесятые годы в Югославии, можно было купить издания очень хорошего качества и на мировом уровне, по доступной цене, конечно, молодежь, тогда отсутствовал Интернет или видеоигры ... с помощью картинки мы могли очень легко читать, у меня была проблема в школе, потому что я смешивал венгерский и сербский, слово *csaba* я начал писать с апострофом как *č*) (А).

Информант, происходящий из Северной Бачки, рассказывает о собственном усвоении сербского языка. Для детей в то время были интересны программы, выходящие на югославском телевидении и радио. Особую роль в формировании компетенции в сербском языке, и главное — в мотивации для его изучения, сыграл такой культурный феномен того времени, как комиксы, выходившие на сербскохорватском языке. Эта продукция пользовалась большой популярностью у югославской молодежи в то время. В данном случае информант говорит о венгерскоязычной среде[5]. Комиксы повлияли на несколько поколений тех, кто родился в социалистической Югославии. Об их качестве информант говорит следующее: *nagyon igényes és világszínvonalú kiadványokat lehetett vásárolni* (можно было купить издания очень хорошего качества и на мировом уровне). Сегодня популярность печатной продукции, комиксов не может сравниться с ситуацией 1970-х, 1980-х гг. Многие комиксы сейчас доступны и на других языках: на венгерском, английском, поэтому их

[5] Во время наших исследований в Словении информанты-словенцы также часто упоминали комиксы в качестве источника усвоения сербского языка.

роль в формировании компетенции в сербском языке уже не столь актуальна. Другим важным источником приобретения компетенции в сербском языке было югославское телевидение, а именно иностранные фильмы, выходящие на языке оригинала с субтитрами. Сам информант признает, что из-за влияния сербской латинской графики он «смешивал венгерский и сербский» (*a magyar és a szerbet kevertem*) (я смешиваю венгерский и сербский), когда обучался венгерской орфографии в школе, поскольку писал венгерские слова с использованием сербской латинской графики.

Еще одним важным фактором для формирования языковой ситуации того времени было преподавание венгерского языка как «языка окружения» в сербских классах, на что указывает информант: *kötelező volt a szerb gyerekeknek is környezet nyelvű címmel a magyar nyelvet tanulni* (обязательно было сербским детям изучать венгерский язык как язык окружения). Данная практика была отменена в 1990-е гг., однако в 2010-е гг. ученики-сербы снова получили возможность выбрать венгерский язык в школах [Muškinja 2012, 55].

Другой информант говорит о том, что ситуация в сфере влияния СМИ на мотивацию для овладения сербским языком изменилась:

> [10.3.2.] *Mi* | ***amikor kicsik voltunk | televizióban rajzfilm volt akkor | nem azt néztük magyarul vagy szerbül | sőt abban az időben főleg szerbül voltak*** | *már én a gyerekeimen látom* | *pfu* | *kapcsoljuk át máshova* | *mert szerbül* | *meg föliratos* | *még szerbül* | *hát magyarul nem sok rajzfilm volt* | *de mindig lehetett találni* | *habár kevesebb csatorna volt* | *tehát nincsenek motiválva* | *húsz – harminc évvel ezelőt másképp volt ... egy másik probléma* | *hogy az a módszer* | *hogy iskolában tanítják a szerb nyelvet* | *az nem elég hatékony* | *mondjuk* | *egy* ***újvidéki vagy zombori gyerek*** | *amikor kerül az iskolába* | ***nagyjából beszél szerbül*** | *utána csak csiszolni kell* | *viszont egy* ***tótfalusi vagy horgosi vagy akár adai | nem igen*** | *az iskolában tanulják meg* | *mert nincs is késztetése* | *ő bárkit szól magyarul* | *fölöslegesnek nézi*
> (Мы, **когда мы были маленькими, тогда по телевизору был мультфильм, мы не смотрели, по-венгерски это было или по-сербски**, я уже по своим детям вижу, фу, переключим на другой канал, потому что по-сербски, да еще и с субтитрами, и еще по-сербски, ну, по-венгерски было много мультфильмов, но всегда нужно было найти, хотя было меньше каналов, значит, они не мотивированы, двадцать-тридцать лет назад было по-другому ... есть еще другая проблема, что метод, что в школе преподают сербский язык, это неэффективно, скажем, **ребенок из Нови-Сада или из Сомбора**, когда попадает

в школу, **в основном говорит по-сербски**, затем нужно шлифовать, а **ребенок из Тотово Села или Хороша или даже из Ады, не обязательно** [знает сербский], в школе учат так, потому что нет у него мотивации, он к кому угодно обратится, он считает лишним [учить сербский]) (А).

Информант говорит, что раньше «было по-другому» (*másképp volt*). Дети смотрели мультфильмы в основном по югославскому телевидению, сейчас же при наличии большого выбора программ из разных стран, в том числе и из Венгрии, дети выбирают более доступные для их уровня языка телевизионные каналы. Это заключение делает информант, наблюдая за своими детьми и сравнивания их поведение с ситуацией из своего детства. Дополнительным «отталкивающим» фактором при выборе мультфильмов на сербском языке может быть то, что некоторые из них транслируются с субтитрами, в отличие от дубляжа в венгерских программах, что более комфортно для детского восприятия. Из-за этого существенно снижается мотивация к обучению сербскому языку. Во второй части данного нарратива, после паузы, следует сравнительная модель — сопоставление двух групп венгров на основе их географического происхождения. В данном случае речь идет о группе венгров из Сомбора и Нови-Сада — где венгры составляют меньшинство и им легче выучить сербский: *nagyjából beszél szerbül | utána csak csiszolni kell* (ребенок в основном говорит по-сербски, затем нужно только шлифовать), и венгров из населенных пунктов Тотово Село и Хоргош — доминантных венгерских населенных пунктов на севере края: *nincs is késztetése* (у ребенка нет мотивации).

10.4. Детские игры

Важным источником усвоения сербского языка является общение со сверстниками. Дети из разных семей общаются друг с другом с самого раннего возраста, и, таким образом, происходит их социализация. Для детей из венгерских семей подобное общение представляется важной составляющей при социализации на сербском языке. Приведем несколько фрагментов, в которых наши собеседники из Нови-Сада, Зренянина и Суботицы рассказывают о своем опыте знакомства с сербским языком в детстве. Как правило, сербский язык усваивался ими во время игр с другими детьми на улице.

[10.4.1.] *Szerb nyelvet az utcán tanultam* | ***játék közben*** | ***csak a játék közben*** | *a szüleim mind a ketten magyarok* | *de az utcán* | *a társaságban* | *nem vettem észre mikor tanultam meg szerbül* (Сербский язык я выучил на улице, **в игре, только во время игры**, мои родители оба венгры, но на улице, в компании, я не заметил, когда выучил сербский) (НС).

[10.4.2.] *És akkor mint gyerek tanultam a szerbet és a magyart* | *először magyart* | *magyarul* | *utána még szerbül* | *gondolom ...* ***paralelosan tanultam*** *szerbül és magyarul is* | ***ha együtt játszottunk*** | *általában szerbül beszéltünk* | *hogy ők is megértsék* (И тогда в детстве я учила сербский и венгерский, сначала венгерский, по-венгерски, затем — сербский, думаю... **параллельно я учила** сербский и венгерский, **если мы вместе играли**, обычно мы говорили по-сербски, чтобы они также могли понять) (НС).

[10.4.3.] *Fölnőttem a szerb környezetbe és* | *a* ***gyerekeik nem veszik észre hogy milyen nyelven*** | *nekem problema nem volt hogy szerb se magyar* (Я вырос в сербском окружении и, **их дети не замечают, на каком языке**, для меня не было проблемой, ни сербский, ни венгерский) (НС).

[10.4.4.] *Én itt születtem a Telepen* | *nem messze* | *hát* ***az utcába is voltak szerb gyerekek*** *is* | *nekem kimondottan nem jelentett semmi nehézséget* | *megtanultam a szerb nyelvet könnyen* (Я здесь родилась, на Телепе, недалеко, ну, **на улице также были сербские дети**, для меня никакого затруднения не составляло, я легко выучила сербский язык) (НС).

[10.4.5.] *Már mind megtanultunk* | *mer(t)* ***vótak keveredve gyerekek*** *is minden már beszéltünk akkor is* (Мы уже все выучили, потому что **дети были смешаны**, и мы все уже тогда говорили) (НС).

[10.4.6.] *Volt az utcán még néhány gyerek, akik szerbajkúak voltak és* ***játékon keresztül*** *ott tanultam a szerb nyelvet, visszemlékszem, elemi iskolában már a szerb nyelvet beszéltem* (На улице есть несколько детей, которые говорили по-сербски и **через игры** там я выучила сербский язык, я вспоминаю, в начальной школе я уже говорила по-сербски) (НС).

[10.4.7.] *To je verovatno bilo u vrtiću* | *pošto sam u porodici govorila sa svima mađarski* | *sa roditeljima* | *sa bratom samo na mađarskom* | *a u vrtiću sam išla u mađarsku grupu* | *međutim* ***bili smo u kontaktu sa srpskom decom*** | *koja su išla u istu zgradu i u školi sam isto učila srpski* | *nekako sam to što se kaže savladala od malena sasvim nesvesno* (Это было вероятно

в детском саду, поскольку я в семье говорила со всеми по-венгерски, с родителями, с братом только по-венгерски, а в детском саду я ходила в венгерскую группу, однако **мы были в контакте с сербскими детьми**, которые ходили в это же здание и в школе я также учила сербский, каким-то образом я, как это говорится, овладела с детства совсем неосознанно) (НС).

В этих фрагментах описываются ситуации с конца 1940-х и до 1990-х гг. Важным является то обстоятельство, что сербский язык выучивался именно во время игр с другими детьми. Упоминается, что это не было проблемой [10.4.3.] и происходило неосознанно [10.4.7.]. Игра со сверстниками позволяет быстро перенять необходимые для коммуникации языковые модели, а усвоение подобных конструкций в дошкольном возрасте способствует быстрому овладению языком в целом, в том числе для нужд специального образования. Данные ситуации также свидетельствуют о национальном составе городов и отдельных городских районов. Так, даже выросшие в районе Телепа информанты указали, что языком общения со сверстниками был, в том числе, сербский язык. В других районах Нови-Сада языком общения со сверстниками был исключительно сербский.

[10.4.8.] *Malo je onda padež | šta smo radili? | mi smo na ulici učili | **jesmo zajedno igrali** sa dec- | srpskim decama | bilo je manjina ondak | ali zajedno | znam komšije | koji su bili Srbi | **zajedno smo igrali** | **Neka bije** | loptu | ovo ono | i tako smo naučili | mi i oni mađarsko | deca moje generacije | neki su na Telepu* (Немного падеж, что мы делали? мы на улице учили, **мы вместе играли** с деть- ,сербскими детьми, тогда были в меньшинстве, но вместе, я знаю соседей, которые были сербы, **мы вместе играли Neka bije**, мяч, туда сюда, и так мы выучили, мы и они венгерский, дети моего поколения, некоторые [живут] на Телепе) (НС).

Во фрагменте [10.4.8.] информант перечисляет игры, в которые играли дети в 1940-е гг. на Телепе. Заговорив о преподавании сербского языка в школе, информант переходит на тему игры и заявляет, что именно через игру он и выучил язык. Что интересно, не только дети из венгерских семей учили сербский, происходил и обратный процесс: дети из сербских семей усваивали венгерский язык. Однако, как следует из высказываний информантов, основным языком общения в ходе игры был все-таки сербский язык. Встречаются и названия самих игр, например, *Neka bije*.

[10.4.9.] *Apámnak a házába tettek be lakót* | *azok szerbek voltak* | ***gyerekek mi játszottuk*** | *az utcán* | ***Neka bije*** | *mit tudom én* | *úgyhogy akkor én tudtam szerbül* (В дом отца поселили жильца, они были сербы, **дети, мы играли**, на улице, **Neka bije**, ну не знаю, так что тогда я знал сербский) (А).

Конкретный пример подтверждает (фрагмент [10.4.9.]), что и в районах, где преобладающим населением являются венгры (Сента), дети из разных этнических групп в ходе общения, через игру, могли осваивать сербский язык. Показательно, что информант приводит название игры, в которую играл на улице с сербскими сверстниками, по-сербски (*Neka bije*)[6].

Сербы, проживающие в Потисье, где преобладает венгерское население, свидетельствуют о том, что венгерский язык они усваивали с ранних лет в ходе игр со сверстниками. Приведем в качестве примера фрагмент разговора с собеседником из Ады.

[10.4.10.] *Vidi ovako* | *ne znam kad sam učio mađarski* | *ali sticajem okolnosti* | *zato što sam* ***kao dete imao u susetstvu*** | *ovaj* | ***Mađare*** | *koji su bili otprilike moje generacije* | *i sa njima sam naučio ... sad još jedan detalj kažem* | ***ja sam se igrao sa mađarskom decom*** | ***i ja sam mađarski progovorio*** | *i dođem kući i kažem baki* | *daj mi lekvaroš kenjer* | *a baka kaže, šta da ti dam*?!! || *Ja se uplašim i onda tek onda ne mogu da se setim* | *pa lekvaroš kenjer* | *a ja ne mogu da se setim* | *kako se kaže srpski* | *znaš?* (Смотри, я не знаю, когда я учил венгерский, но из-за стечения обстоятельств, потому что **в детстве у меня были по соседству**, это, **венгры**, которые были приблизительно моего возраста, и с ними я выучил ... сейчас еще одну деталь скажу, **я играл с венгерскими детьми, и заговорил по-венгерски**, и прихожу я домой и говорю бабушке, дай мне *lekvaroš kenjer* (хлеб с повидлом — венг.), а бабушка говорит: что тебе дать?! Я испугался и так я не могу вспомнить, *lekvaroš kenjer*, а я не могу вспомнить, как сказать по-сербски, знаешь?) (А).

В данной ситуации реализуется тот же принцип, который был описан выше у венгров из района Телеп. Отличается только направление билингвизма: в Северной Бачке сербы проживают в венгерском окружении и усвоение венгерского языка происходит детьми через игры со сверстниками в достаточно раннем возрасте.

[6] Название игры зафиксировано в венгерском нарративе информантки, которая говорит, что ей незнакомо венгерское название этой игры [Dragin 2015, 175].

Информант, описывая языковое окружение, говорит, что соседи были венграми. Далее он рассказывает случай, который с ним приключился в детстве: вернувшись с улицы, где он только что играл со сверстниками, он не смог сразу переключиться на сербский язык и обратился к бабушке, используя венгерское заимствование *lekvaroš kenjer* (lekváros kenyér (венг.) — хлеб с повидлом). Это яркое детское воспоминание сохранилось в памяти информанта до сегодняшнего дня (в описываемом фрагменте речь идет о 1950-х гг.). Оно позволяет судить о языковой ситуации в Северной Бачке, о том, как тесно взаимодействовали языковые системы в сознании индивида (в данном случае ребенка).

Таким образом, жители смешанных районов (как венгры, так и сербы) усваивали второй язык через игру со сверстниками. Чаще всего информанты не могут назвать точный момент, когда они выучили второй язык. Преобладают объяснения следующего типа: «стечение обстоятельств» (*sticajem okolnosti*) [10.4.10.], «неосознанно» (*sasvim nesvesno*) [10.4.7.], «их дети не замечают, на каком языке они говорят» (*a gyerekeik nem veszik észre hogy milyen nyelven*) [10.4.3.]. Это обстоятельство контрастирует с тем, что говорят информанты об усвоении сербского языка в других районах Воеводины, когда нет возможности общаться со сверстниками другой национальности в детском возрасте:

> [10.4.11.] *Tako da je* ***moja mama naučila srpski kada je imala dvadeset i nekoliko godina*** *kad je došla da studira u Novom Sadu* (Так моя **мама выучила сербский, когда ей было двадцать с небольшим лет**, когда она приехала учиться в Нови-Сад) (НС).

Речь идет об усвоении сербского языка матерью информанта, которая выучила сербский язык только тогда, когда переехала в Нови-Сад из Суботицы, города с большим количеством венгерского населения, и стала учиться в университете.

10.5. Походы на рынок

Еще одной ситуацией использования сербского языка, которую мы зафиксировали, является общение с покупателями на рынке. Эта сфера закреплена в основном за женщинами. Сам этот язык часто называется «рыночный сербский язык» (*piaci szerb*).

[10.5.1.] *Még most is vannak* | ***azt a piaci szerb nyelvet tudják*** | *de a szaknyelvet már nem* (И сейчас есть, они знают **тот рыночный сербский язык**, но профессиональный язык они не знают) (НС).

Женщины знали основные слова и выражения по-сербски (например, названия продуктов, которые они приносили на рынок), о чем упоминает собеседница в следующем фрагменте:

[10.5.2.] *Na* | *itt* | *ami volt azelőtt* | *mondjuk* | *megvolt* | *hogy olyan* ***piaci dolgokat vittek*** | *Pancsován tárolni vagy valami* | *akkor az* ***alap szerbet*** *megtanulták* | *beszélgetni* | *a konverzáció* | *ami volt* | *na* | *túró* | *tojás* | *hús* | *csirke* | *hogy piacoztak* | *nagyon keveset beszéltek szerbül* (Ну, здесь, то, что было раньше, скажем, было, что **носили такие вещи для рынка**, в Панчеве хранили на складах или еще что-то, тогда они выучивали **базовый сербский**, разговаривать, общение, которое было, ну, творог, яйцо, мясо, цыпленок, что продавали на рынке, очень мало говорили по-сербски (В).

В данном фрагменте описана ситуация, когда жители Войловицы носили продукты в Панчево на рынок. Язык, используемый для этих целей, собеседница называет *alap szerb*, т.е. базовый сербский. По всей видимости, это название говорит о весьма ограниченной компетенции в сербском языке. Редуцированное общение для торговых целей встречается достаточно часто, о чем свидетельствует также существование пиджинов (напр., использование особого кяхтинского языка для общения между китайскими торговцами и русскими купцами [Решетов, Бурыкин 2010, 182–183]).

В следующем фрагменте приведем разговор жительниц села Скореновац. Речь идет о походах местных жительниц на рынок. Что показательно, поход на рынок напрямую ассоциируется с умением говорить по-сербски (степень компетенции указывается и в данном случае — *tud valamennyit* (знает немного [язык]) — т.е. не в полном объеме). Это становится понятно, если принять во внимание этнический состав района: Скореновац является единственным крупным венгерским селом в округе, все остальные населенные пункты — с сербским населением[7]:

[10.5.3.] N3. ***Piacra*** *jártak* [Szmederevóra].
N4. *Szerbül tud valamennyit.*
N1. *Számolni tudok* | *szerbül és magyarul is.*

[7] То же самое относится к Войловице.

N2. *Azt megtanultam | mert sokat jártam Itáliába | Romániába | Magyarba | Szmederevóra | Belgrádba | Pancsován voltam |* ***minden szombaton voltam piacon***

H3. Ходили **на рынок** [в Смедерево].
H4. Знает немного по-сербски.
H1. Я умею считать, по-сербски и по-венгерски.
H2. Я выучила, потому что много ездила в Италию, в Румынию, в Венгрию, в Смедерево, в Белград, я была в Панчеве, **каждую субботу я была на рынке** (Ск).

Приведем еще один пример, в котором упоминается использование сербского языка во время походов на рынок. Речь идет о бабушке информантки (родом из Богоева). Информант утверждает, что бабушка «вообще не выучила сербский» (*ő egyáltalán nem tanult meg szerbül*). Судя по всему, у нее было больше развито пассивное знание языка. Тем не менее для хозяйственных целей (продажа цветов, зелени на рынке в Бачка-Паланке) был особый набор фраз и выражений, который позволял общаться с покупателями по-сербски, пусть и в редуцированном виде. Следует отметить, что в этой местности после Второй мировой войны из-за выселения немецкоговорящих жителей стал преобладать сербский язык. Информант в качестве примера называет стоимость товара по-сербски в своем рассказе на венгерском языке (*dva dinara | tri dinara*), таким образом, мы можем видеть «остатки», «следы» этого «рыночного сербского языка»:

[10.5.4.] *Ő egyáltalán nem tanult meg szerbül | mindent megértett | de nem tudott beszélni szerbül | csak magyarul beszélt | egyszerűen nem tudta megtanulni a szerb nyelvet |* ***járt a piacra*** *| tudta azt megmondani | hogy most ... ő* ***járt a piacra*** *| és még virágot árult | még söpröket ...* ***vitte a piacra*** *| salátát | hát úgy | ami volt | és tudta megmondani | hogy ez most* ***dva dinara | tri dinara*** *| mit én tudom | de ő | hogy így beszélt valakivel | nem tudott* (Она вообще не выучила сербский, все понимала, но не могла говорить по-сербски, говорила только по-венгерски, просто она не могла выучить сербский язык, **она ходила на рынок**, могла сказать, что ... **она ходила на рынок**, и продавала цветы, и букеты ... **относила на рынок**, салат, ну, что было, и могла сказать, что это ***dva dinara, tri dinara***, ну не знаю, но она, чтобы так разговаривала с кем-то, она не могла) (А).

10.6. Языковая компетенция пожилых людей

Отдельно следует рассмотреть случаи, когда информанты упоминают о языковой компетенции своих родителей, бабушек и дедушек, насколько хорошо или плохо старшее поколение знало сербский язык. Речь идет, как правило, о поколении, рожденном в первой половине XX в. Эта ситуация весьма интересная, поскольку она фиксируется в тех районах, где, как ожидается, не должно было быть проблем в коммуникации на сербском языке: в Нови-Саде, Войловице.

[10.6.1.] *Pa moja **baka naprimer slabo znala** | bez obzira što živela tu celog života | rođena u Novom Sadu | ona je pola Mađarca i Slovakinja | ali su ipak mađarski govorili stalno kod kuće njeni roditelji | ali ona je naprimer nikad nije radila | bila je domaćica kod kuće | ona onako nije skroz savladala* (Ну, **например**, **моя бабушка плохо знала**, несмотря на то, что она всю жизнь здесь жила, она родилась в Нови-Саде, она наполовину венгерка, наполовину словачка, но все же дома ее родители постоянно говорили по-венгерски, но она, например, никогда не работала, она была домохозяйка, она его так до конца и не выучила) (НС).

[10.6.2.] *Édesanyám a mai napig **rosszul beszéli a szerbet** | nyelvileg ... attól függetlenül | hogy sok szerb barátnője van neki | nem volt munkaviszonyban | háztartásbeli és nem volt rákényszerülve arra | hogy szabályosan elsajatítsa a szerbet* (Моя мама до сих пор **плохо говорит по-сербски**, с языковой точки зрения ... независимо от того, что у нее много сербских подруг, она не работала, она домохозяйка и ей не было нужно правильно усваивать сербский) (НС).

[10.6.3.] *A nagynénim **nem nagyon tud szerbül*** (Моя бабушка **не очень знает сербский язык**) (В).

[10.6.4.] *Deda **nikad nije naučio srpski** | svi oko njega Srbi su naučili mađarski | jer je tako katastrofalan izgovor imao | i nije imao sluha za jezik* (Дед **так и не выучил сербский язык**, все сербы вокруг него выучили венгерский, потому что у него было такое катастрофическое произношение, и у него не было слуха для языка) (НС).

[10.6.5.] *Govorili su | ali **vrlo teško i slabo** | jer nisu koristili | jer to ćisto skoro bilo mađarsko | nisu koristili tolko srpski* (Они говорили, но **с большим трудом и плохо**, потому что они не использовали, потому что это все почти было чисто венгерским, они не использовали столько сербский язык) (НС).

[10.6.6.] *Felét magyarul felét szerbül* | *kicsit ők* | *kicsit én* | *úgyhogy így beszélgetünk* | *de* ***perfekt nem tudok beszélgetni egyáltalán*** (Половину по-венгерски, половину по-сербски, немного они, немного я, так что там разговаривали, но **в совершенстве я вообще не могу говорить**) (Ск).

[10.6.7.] *Jako puno Mađara* | *starih ljudi* | *koji su isto* ***tako slabo govorili i srpski jezik*** | *ovaj* | *to je sve izumrlo* (Очень много венгров, старых людей, которые **так плохо говорили по-сербски**, это, все это вымерло) (НС).

Во фрагментах [10.6.1.], [10.6.2.] дается объяснение плохого владения сербским языком. Речь идет о женщинах, которые не работали, были домохозяйками, и их социальный круг не был таким широким, как у мужчин. Однако здесь не подразумевается отсутствие компетенции в сербском языке, имеются в виду грамматические ошибки в их высказываниях из-за отсутствия постоянной практики. В [10.6.6.] информант говорит о своей компетенции в сербском языке, разговор происходит в банатском селе Скореновац с пожилой женщиной. В остальных высказываниях мы находим свидетельства, косвенно подтверждающие, что родители, бабушки и дедушки редко использовали сербский язык (напр., в [10.6.5.] упоминается языковая ситуация в районе Телеп) либо говорили по-сербски с ошибками. Для описания уровня компетенции используются следующие характеристики: *slabo znala* (она плохо знала) [10.6.1.], *govorili su ... vrlo teško i slabo* (они говорили ... с большим трудом и плохо) [10.6.5.], *slabo govorili srpski* (плохо говорили по-сербски) [10.6.7.]; венгерский аналог — *rosszul beszéli a szerbet* (плохо говорит по-сербски) [10.6.2.]; *nem nagyon tud szerbül* (не очень знает сербский) [10.6.3.], *nikad nije naučio srpski* (никогда не выучил сербский) [10.6.4.]. Во всех высказываниях четко прослеживается то обстоятельство, что раньше пожилые люди даже в районах, где сербское население преобладало, не могли выучить сербский язык в той мере, которая бы позволила им применять его во всех сферах.

Таким образом, в 10-м разделе были рассмотрены несколько ситуаций, при которых происходит/происходило усвоение сербского языка воеводинскими венграми. Четко прослеживается распределение гендерных ролей. Женщины, как правило, реже усваивали сербский язык (в особенности в гомогенных венгерских районах), тогда

как в других районах по причине социальной неактивности их сербский язык оставался не до конца отшлифованным и невостребованным (если не шла речь о браке с сербом). Мужской сферой усвоения сербского языка являлась служба в югославской армии. Единственным официальным языком Югославской народной армии был сербско-хорватский, поэтому все представители национальных меньшинств должны были его выучить. Армия являлась практически единственным местом, где венгры из гомогенных районов могли выучить сербско-хорватский язык. В нарративах также четко прослеживается роль СМИ и печатной развлекательной продукции для детей в формировании мотивации и компетенции при усвоении сербского языка: во времена Югославии были распространены комиксы, выходившие на сербско-хорватском языке. На сегодняшний день усвоение сербского языка в школе детьми, проживающими в гомогенной венгерской среде, не может быть признано успешным: существуют огромные проблемы в методике преподавания, в самой программе обучения. Особенно важным оказывается такой момент языковой социализации детей, как игра с иноязычными сверстниками. Через игру дети усваивают язык, причем нами отмечено как усвоение сербского языка венграми в районах с сербским большинством, так и усвоение венгерского языка сербами в районах с венгерским большинством.

11. Сербский и венгерский языки в контакте

Языки, которые долгое время сосуществуют на одной территории, подвергаются структурным изменениям. Особенно открытой для влияния оказывается лексика, в язык проникают реалии жизни определенного периода времени. Так, в сербском языке сохранилось много административных терминов периода Австро-Венгрии, которые сейчас являются устаревшими. Сегодня сербский язык является официальным языком в Сербии. В языке венгров, не владеющих сербским языком, фиксируется много сербских заимствований [Kovács Rácz 2011, 331–372]. С другой стороны, сербский язык венгров не может быть признан идентичным сербскому языку монолингвов сербов, поскольку на его формирование оказывают влияние следующие обстоятельства: возраст усвоения, источник усвоения, сфера применения, частота использования, а также интерферентные явления из венгерского языка. Компетенция в сербском языке может варьироваться от редуцированного «рыночного сербского» до владения, приближенного к компетенции монолингва. Сербскому языку венгров, к сожалению, не уделяется достаточно внимания. Наиболее подробно об изменениях в сербском языке под влиянием венгерского языка (на примере анализа ошибок венгров в письменной сербской речи) писала М. Бурзан [Burzan 1984], рассматривалась эта проблематика и в исследовании [Пилипенко 2010].

В корпусе нарративов, собранных нами, мы находим не только отклонения от нормы под влиянием сербского или венгерского языков, но также рефлексии информантов о венгерской и сербской речи, как своей, так и чужой. Отдельные высказывания уже приводились

выше (в частности, о фонетических особенностях речи венгров в районе Телеп, возникших под влиянием сербского языка, а также об инкорпорировании элементов сербского языка в венгерский язык). В данном разделе приводятся наблюдения информантов над грамматическими особенностями сербской речи, а также более подробно рассматривается взаимовлияние языков на лексическом уровне. Некоторые из грамматических особенностей сербского языка венгров стали неотъемлемой частью восприятия венгерской воеводинской идентичности со стороны группы большинства — сербов, т.е. перешли в ранг культурологических феноменов, наделенных идентифицирующей символикой.

11.1. Распространенные ошибки

При характеристике собственной речи, или речи других венгров на сербском языке, чаще всего среди проблемных мест в грамматике информанты упоминают склонение существительных и наличие грамматической категории рода. Именно ошибки в склонении, а также при согласовании по роду являются наиболее частотными у венгров [Пилипенко 2010, 13–14]. Эти ошибки могут появляться как у венгров, проживающих в гомогенных районах, так и у венгров из районов с преимущественным сербским населением. Тем не менее у венгров из последней группы процент подобных ошибок низок по сравнению с процентом ошибок венгров из первой группы. Подобные ошибки являются диагностическими и наиболее устойчивыми в речи венгров на сербском языке[1]. В первых трех высказываниях ([11.1.1.] — [11.1.3.]) информанты характеризуют чужую речь, в последнем [11.1.4.] — информант-венгр говорит о собственных проблемах в сербском языке.

[11.1.1.] *Úgyhogy a* ***férfi nem*** | *még a* ***padezsokat*** | *az még mindig nem* (Так что **мужской род**, а также **падежи**, это все еще нет) (НС).

[11.1.2.] *Da* | *ali* ***se gađaju sa padežima*** | *to nikako nije mogla da savlada* | ***ženski*** | ***muški rod*** | *dosta je brka* (Да, но они **не уверены в падежах**,

[1] Нами также установлено, что аналогичные отклонения проявляются в речи венгров на словенском, украинском и русском языках в Прекмурье (Словения) и Закарпатье (Украина) соответственно [см. Pilipenko 2011, Пилипенко 2014б].

этого она никак не могла освоить, **женский**, **мужской род**, достаточно путаницы) (НС).

[11.1.3.] *Roditelji su govorili mađarski | govorili su srpski s tim što su oni odrasli u sredini mađarskoj | malo manje su pravilno govorili srpski | omaklo im se* ***padeži*** *| i tako dalje | to su znali brkati neke stvari | jer im je maternji bio mađarski* (Родители говорили по-венгерски, говорили по-сербски, но они выросли в венгерской среде, они менее правильно говорили по-сербски, они забывали **падежи**, и так далее, они могли путать некоторые вещи, потому что их родным языком был венгерский) (НС).

[11.1.4.] *Ne znam* ***padeže*** *i dan danas* (Я не знаю **падежи** и сегодня) (НС).

Показательно, что сам грамматический термин, падеж, в высказываниях на венгерском языке приводится в сербской форме: *padezsokat* (вин.п. мн.ч.) [11.1.1], что может свидетельствовать о незнании информантом соответствующего венгерского термина (*eset*). Употребление сербской формы могло быть выбрано для более точного обозначения грамматической категории, которая отличается от венгерского аналога (в частности, синтетическим характером выражения категорий рода и числа в сербском падежном окончании в отличие от венгерского языка). Таким образом, информант не ставит знак равенства между венгерским *eset* и сербским *padež*. При этом грамматическая категория рода в первом высказывании [11.1.1.] передана с помощью венгерского термина: *nem*. Во втором и третьем фрагментах [11.1.2.], [11.1.3.] дети характеризуют речь своих родителей, что дает представления о ситуации на достаточно большом временном отрезке. Родители (речь идет о возрасте после 70 лет) не смогли овладеть категорией падежа, а также не всегда могут правильно определить грамматический род у слова, хотя они и используют сербский язык довольно активно (в первом и во втором фрагментах [11.1.1.], [11.1.2.] речь идет о жителях г. Нови-Сад, в третьем [11.1.3.] — о семье, которая долгое время провела в одной из республик СФРЮ).

Среди комментариев по поводу использования падежей и грамматического рода встречаются и более развернутые описания, например:

[11.1.5.] *Jedino ponekad* ***grešim zamenice*** *| kad naglo treba da kažem | recimo | voz | i onda treba da kažem | pozovi ga | ili je | ja zbunjim | kod puške*

recimo | *redovno* | ***pušku obično koriste muškarci*** | ***i onda kažem ga*** | *kad naglo treba da kažem* | *dodaj mi ga* | *šta da ti dam?* || *a* | *pušku* || *dodaj mi je* | *tu ja grešim* | *ali ovako što se učenja tiče* | *nikakvih problema nije bilo* (Единственное только, иногда **делаю ошибки в местоимениях**, когда срочно нужно сказать, скажем, *voz*, и тогда нужно сказать, *pozovi ga*, или *je*, я прихожу в замешательство, или, скажем, *puška* (ружье), там — регулярно, **ружье обычно используют мужчины, и тогда я говорю *ga***, когда нужно срочно сказать, *dodaj mi ga, šta da ti dam?, a, pušku, dodaj mi je (дай мне его, ружье)*, здесь я делаю ошибки, но что касается учебы, никаких проблем не было) (НС).

Здесь информант-венгр говорит о неправильном использовании кратких форм местоимений в позиции винительного падежа. Вместо краткой формы местоимения женского рода (*dodaj mi **je*** «дай мне ее»), он использует краткую форму местоимения мужского рода (*dodaj mi **ga*** «дай мне его»). Далее следует объяснение выбора: *pušku obično koriste muškarci* | *i onda kažem ga* (ружье обычно используют мужчины и тогда я говорю его): мужской род местоимения выбирается, поскольку сам говорящий — мужчина. Заметим, что это тонкое наблюдение делает информант, компетенция которого в сербском языке приближается к компетенции монолингва. Похожая проблема также была описана нами в работе [Пилипенко 2010, 13]. Кроме того, Л. Кошша приводит аналогичный пример в своей книге [Kossa 1978, 85]: речь идет о согласовании существительного с притяжательными местоимениями по лицу говорящего: *evo tvoja ključ*, поскольку ключ принадлежит женщине, поэтому и род притяжательного местоимения выбирается женский. В приводимом же нами примере информант — мужчина из Нови-Сада, поэтому при выборе рода местоимения используется мужской род. Как отмечает сам информант, на выбор мужского рода могло повлиять то обстоятельство, что ружье обычно используют мужчины. Подобное наблюдение над собственной речью говорит о том, что даже при владении сербским языком на очень высоком уровне могут встретиться ошибки данного рода. Происходит это потому, что в венгерском языке нет категории грамматического рода, и при изучении данная категория может быть усвоена неправильно (например, она может отождествляться с полом говорящего).

Более подробный анализ ошибок представили преподаватели сербского языка в венгерских школах. Приведем пример:

[11.1.7.] *Pa recimo eto* | ***kod akuzativa*** | *to im stalno spominjem* | ***mešaju akuzativ i lokativ*** | *naprimer* | *jel* | *tamo kada je u pitanju živo biće kod muškog roda* | *vidim slona* | *e* | *oni* | *recimo* | *vidim sat* | ***oni kažu*** | ***vidim sata*** | ***vidim slon*** | *razumete* | *tu recimo kod akuzativa* | *kod živog bića imate -a kod muškog rada* | *a kod neživog nemate* | *isti sa nominativom* | *onda jako greše ako ih pitate* | ***odakle si?*** | ***iz Ada*** | *ne iz Ade* | *njima su jako teške* | *onda akuzativ i lokativ* | *kuda ideš?* | *idem u* | *recimo* | *kako je* | *bio sam u Adi* | *to brkaju* | ***idem u Adi*** (Ну скажем вот, **в винительном падеже**, об этом я им постоянно упоминаю, **они путают винительный и местный падежи**, например, там, когда речь идет об одушевленных существительных мужского рода, *vidim slona,* э, они, скажем, *vidim sat,* **они говорят, *vidim sata, vidim slon***, понимаете, скажем, здесь в винительном падеже, у одушевленных существительных окончание *–a* в мужском роде, а у неодушевленных нет окончания, он равен именительному падежу, и еще много ошибок, если их спросите: **откуда ты? *iz Ada***, не *iz Ade*, для них очень тяжело, винительный и местный падежи, *kuda ideš?* иду в, скажем, как это? *bio sam u Adi,* это путают, ***idem u Adi***) (А).

Информант — преподаватель сербского языка в одной из школ Северной Бачки. Здесь также речь идет о падежах, однако он дает более детальный анализ ошибок, которые делают ученики. Они не различают категорию одушевленности/неодушевленности у существительных мужского рода в винительном падеже, а также путают падежи направления и местонахождения. Все типы этих ошибок описаны подробно в работах [Пилипенко 2010, Pilipenko 2011]. Неразличение категории одушевленности/неодушевленности может быть обусловлено отсутствием таковой в родном языке учащихся. Что касается неразличения винительного и местного падежей, то оно встречается в некоторых диалектах сербского языка (в том числе и на территории Воеводины), кроме того, в самом венгерском языке (в его разговорной разновидности) в результате отпадения конечного *-n* падежи местонахождения (*-ban*, *-ben*) и направления (*-ba*, *-be*) совпали в одном падеже (*-ba*, *-be*)[2]. Если влияние сербских диалектов можно с большой долей вероятности исключить, то процессы, происходящие в венгерском языке, могут способствовать смешению падежей местонахождения и направления в сербском языке, хотя бы на уровне поддерживающего явления.

[2] Напр.: *megyek a szobá-ba* (я иду в комнату), *én vagyok a szobá-ban* (я в комнате) *én vagyok a szobá-ba*(*n*) (я в комнате).

Из фонетических особенностей преподаватели отмечают смешение звуков [lj] и [j] в сербском языке венгерских учащихся. Подобное фонетическое явление отмечено М. Илич в речи сербов в Венгрии: *Jubica, pravjena, napoje, roditeji, učitejica* [Ilić 2014, 139]. Следует полагать, такое изменение обусловлено ситуацией в венгерском языке, в котором отсутствует различение между мягким *l* и *j*: *lyuk* [juk] *jönni* [jönni]. Кроме того, в речи учащихся может происходить гиперкоррекция, когда вместо [j] употребляется [lj]: *Dositelj*.

[11.1.8.] *Sad sam se setila* | *nemaju osećaja kada treba reći lj kada j* | ***jubav*** | ***prijatej*** | ***priljatelj*** | *recimo* | ***Dositelj*** | *umesto Dositej* | *to su glavne greške* | *znači lj — j* (Я сейчас вспомнила, у них нет ощущения, когда нужно сказать *lj*, а когда *j*, ***jubav*** (любовь), ***prijatej*** (друг), ***priljatelj*** (друг), скажем, ***Dositelj*** вместо *Dositej*, это главные ошибки, значит *lj — j*) (А).

11.2. Стереотипизация ошибок, анекдоты

Укорененность в сознании говорящих по-сербски того факта, что венгры путают падежи и род, отразилась в таком феномене массовой культуры и стереотипов, как анекдот. Это свидетельствует о распространении подобных ошибок, а также стереотипизирует речь «среднего воеводинского венгра».

[11.2.1.] *To je stereotip* | *što se tiče druge vrste* ***viceva o Mađarima*** | ***mešaju rod i padež*** (Это стереотип, что касается разновидности **анекдотов о венграх, они путают род и падеж**) (НС).

Анекдоты об этнических соседях — распространенное явление при восприятии образа чужого. О. В. Белова приводит в пример анекдот из Закарпатья, когда русинка, покупающая на базаре обувь, не может понять венгерский язык продавца [Белова 2005, 70–71]. Анекдоты можно отнести к юмористическому дискурсу, который представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения [Карасик 2002, 252]. Отмечается, что «готовность понимать юмор базируется не только на личностных особенностях человека, но и на определенных стереотипах поведения, принятых в той или иной культуре» [Там же, 254–255]. Пародирование является основным способом интертекстуальных связей анекдота такого рода [Чиркова 1997, 5–6, цит. по Карасик 2002, 254–255]. Многие анекдоты «строятся на двусмысленности интерпретации ключевого понятия» [Карасик 2002, 261]. Анекдоты

среди прочих речевых жанров (дразнилки, ругательства, вербальная агрессия) относятся к главным социальным практикам в разговоре мультилингвальной, мультикультурной и мультиэтнической группы [Lytra 2007, 382]. Е.Д. Бондаренко отмечает, что в текстах «...анекдотов... обыгрывается несовпадение элементов лексического кода участников коммуникации, которое может использоваться как художественный прием и обыгрываться в сюжете» [Бондаренко 2015, 20].

Анекдоты могут быть построены на коммуникативной неудаче. Во фрагменте [11.2.2.] информант рассказывает анекдот, в котором венгр путает причастие прошедшего времени на *-l* во множественном числе (в данном случае речь идет о вежливом обращении «на Вы») и вопросительную форму в перфекте от глагола *pasti* с личным венгерским именем Пали (*pali — Pali*). Это и создает комический эффект. Показан образ венгра, который не понимает контекста ситуации. Указание на венгерскую аудиторию происходит через упоминание венгерских имен (Пали и Геза):

> [11.2.2.] *Ne znam | znam ja za ovaj jedan | kada jedan tip vozi bicikl i padne | i nailazi čovek i kaže | vi ste **pali**? | i kaže | ne | ja sam **Geza** | to je jedan koga se sećam | a sigurno da postoje* (Не знаю, знаю вот один, когда один тип едет на велосипеде и падает, тут подходит человек и говорит: Вы **упали**? Нет, я **Геза**. Это один, который я помню, конечно, существуют [и другие]) (НС).

В других источниках в этом же анекдоте нами зафиксировано другое имя венгра — Золи. Представляется, что Золи больше подходит к конкретной ситуации, его легче спутать с глагольной формой, поскольку это имя имеет тот же исход, что и глагол *pasti* в перфекте: *pali — Zoli*: *... nailazi čovek i kaže, vi ste **pali**? ne, ja sam **Zoli*** (подходит человек и говорит: вы упали? — нет, я Золи). Информанты упоминали анекдоты, в которых высмеивается незнание венграми сербского языка, однако в нашем корпусе встретился только один подобный рассказ [11.2.2.]. Приведем еще несколько анекдотов, которые мы нашли в сборниках, распространенных в сети Интернет. Однако из-за особенностей самого жанра, а также из-за обилия обсценной лексики в анекдотах, мы не можем их все привести целиком[3]:

[3] К сожалению, перевод следующих анекдотов на русский язык не всегда может адекватно передать особенности языковой игры.

[11.2.3.] — *Kako Mađar traži povratnu kartu?*
— ***Daš** meni **jedan karta** za **ideš dođeš**.*

— Как венгр просит обратный билет?
— **Дашь** мне **одна билет** для **идешь-придешь**.

[11.2.4.] *U parku sedi Mađarica sa Crnogorcem. Gleda ona Crnogorca i onako u zanosu kaže:*
— *Ah, **Crnogorica moja**, **ti tako** slatka, ja tebe **pojesti**.*

В парке сидит венгерка с черногорцем. Смотрит она на черногорца и воодушевленно говорит:
— Ах, **черногорка моя, ты так** сладкая, я тебя **съесть**.

[11.2.5.] *Pita Mađarica Slovenca*
— *Možeš ti, Slovenac, da napraviš meni **jedno malo Mađar**?*

Спрашивает венгерка словенца:
— Можешь ли ты, словенец, сделать мне **одно маленькое венгр**?

[11.2.6.] *Naljuti se Mađar, pa kaže:*
— *Jebem ti **otac (koja te rodila)**!*
— *Pa valjda majku?*
— *I **njega**!*

Рассердился венгр и говорит:
— Черт бы побрал **отец (которая тебя родила)**!
— Наверное, мать?
— И **его**!

Типичность ситуации вводится уже самими этнонимами, которые имеют обобщенное значение: (*kako Mađar traži*, *u parku sedi Mađarica* и т. д.). Причем речь идет именно о воеводинских венграх[4]. Основная оппозиция, которая здесь проявляется, — противопоставление речи венгра на сербском языке общей сербской норме. Создается образ венгра (венгерки), который плохо говорит по-сербски. Для достижения эффекта «неправильной» сербской речи используется

[4] Мы нашли несколько анекдотов о венграх-пограничниках, патрулирующих сербско-венгерскую границу. В этих анекдотах речь венгра передается согласно сербской норме. Происходит это, вероятно, из-за смены места действия (территория самой Венгрии), участников ситуации (не воеводинские венгры), а также из-за иной направленности комического эффекта.

ошибочное согласование определения с определяемым словом: *jedan* (м.р.) *karta* (ж.р.) [11.2.3.], *jedno* (ср.р.) *malo* (ср.р.) *Mađar* (м.р.) [11.2.5.], *otac* (м.р.) *koja* (ж.р.) *te rodila* (перфект, ж.р. ед.ч.) [11.2.6.]; выбор противоположного рода у существительных, из-за чего изменяется весь смысл высказывания: *Crnogorica moja* вместо *Crnogorac moj* [11.2.4.]; пропуск вспомогательного глагола *biti* в настоящем времени: *ti* (si) *tako slatka* [11.2.4.]; использование неизменяемых глагольных форм: *ja tebe pojesti* [11.2.4.] или несоответствующего глагольного окончания (*daš* вместо *daj/dajte*) [11.2.3.]; употребление местоимений в противоположном роде (*njega* вместо существительного *majka* в винительном падеже); нейтрализация одушевленных и неодушевленных существительных мужского рода в винительном падеже единственного числа в форме без окончания: *otac* [11.2.6.], *Mađar* [11.2.5.]; скудный словарный запас: *karta za ideš dođeš* вместо *povratna karta* (обратный билет) [11.2.3.]. Отметим, что ошибки в неправильном употреблении грамматических форм отражаются в «наивной» характеристике русской речи нерусских народов: «Кто там? — Мы. — А кто вы? — Калмыки. — А много ли вас? — Я одна» [Даль 1993: 243] (ошибочное употребление множественного числа); «Моя твоя — твоя моя — да и только (т. е. татарин, не знающий по-русски, или калмык)» [Там же] (неправильное согласование слов в предложении, употребление притяжательных местоимений вместо личных) [цит. по Бондаренко 2015, 88].

Все перечисленные типы ошибок, пусть и сконструированные для создания комического эффекта, действительно встречаются в речи венгров на сербском языке. По всей видимости, в этих анекдотах копируется речевое поведение венгров из районов Северной Бачки, где они составляют большинство и плохо владеют сербским языком. В этих анекдотах достаточно правдоподобно передается речь венгров на сербском языке. Как видно из высказываний наших информантов [11.2.1.], именно смешение рода и падежа воспринимается как основа для построения комического эффекта (ср. [11.2.6.], в других случаях ошибки служат элементом стилизации. Иногда фраза, построенная корректно с точки зрения сербской нормы, может обладать комическим эффектом [11.2.2.], поскольку подразумевает контекст коммуникативной неудачи.

Венгерско-сербские билингвы, а также сербы-монолингвы воспринимают эти ошибки как комические. Улыбку вызывает не только

анекдот и рассказанная история, но и реальные ситуации. Приведем свидетельство информанта из смешанной венгерско-сербской семьи:

> [11.2.7.] *Mi smo u srednjoj školi imali profesore stručnih predmeta koji su bili Mađari i u posebnoj sveski smo pisali probleme | to je* ***stvarno bilo neizdrživo*** *| ne zapisati |* ***ne nasmejati se*** *| ali posle smo prestali to da pišemo | zato što već naviknemo se | ali ko neko dođe spolja | ko nije u tom okruženju | oni se izvrđu od smeha* (У нас в средней школе были преподаватели специальных предметов венгры, и в отдельной тетради мы писали проблемы, это **действительно было невыносимо**, не записать, **не рассмеяться**, но после мы перестали это записывать, потому что уже привыкаешь, но если кто-то другой придет со стороны, кто не в том окружении, они умирают от смеха) (НС).

Описывается ситуация, когда некоторые предметы в школах, расположенных в смешанных венгерско-сербских районах, преподают учителя-венгры в сербоязычной аудитории. Очень часто компетенция этих учителей в сербском языке низкая, что и вызывало смех у учащихся, которые, обучаясь в сербских классах, имеют высокую языковую компетенцию. Опорным словом здесь является «смех». И если для сербов, проживающих в венгерском окружении, эти ошибки со временем перестают восприниматься как комические, то, по заявлению информанта, для стороннего наблюдателя услышать подобную речь будет очень смешно.

Отдельным интересным случаем является не только бытование анекдота как жанра и передача в нем типичных ошибок венгров, но и стилизация собственной речи венгерско-сербских билингвов под «неправильную» речь венгров на сербском языке. Можно предположить, что основой для подобной стилизации служат также анекдоты. В нашем корпусе имеется запись разговора, в котором один информант разговаривает с другим информантом по-сербски, оба информанта — венгры, проживающие в Нови-Саде. Разговор приобретает шутливый характер, когда информант вставляет элементы «неправильной» сербской речи, а также использует фонетические особенности венгерского языка:

> [11.2.8.] *Moraš doći nå pålinku koju je* ***Låci peklå*** *||* ***peklå je Låci*** *pålinku || gde si? ... to uvek trebå åktiviråti | pa dobro | onda si preterivao ...* ***kåd budeš såvršilå*** *taj posao ondå se jåvi | ajde | važi* (Ты должен прийти на палинку, которую **Лаци готовила**, **готовила Лаци** палинку, ты где? ...

это всегда нужно активировать, ну хорошо, тогда ты преувеличивал ... **когда закончишь это дело**, тогда позвони, хорошо, ладно) (НС)[5].

С этим информантом еще несколько минут назад велась беседа на сербском языке, именно по той причине, что сербский язык является активным, информант его использует чаще всего в течение дня. Используются такие особенности сербской речи венгров, как огубленный гласный заднего подъема [å] (*nå pålinku*, *trebå åktiviråti*), неправильное согласование по роду: *peklå* (ж.р.) *je Låci* (м.р.)*, kåd budeš završilå* (м.р. вместо ж.р.). В последней фразе происходит согласование по женскому роду, хотя разговор происходит с мужчиной. Помимо этих двух характеристик, информант не прибегает к использованию других особенностей сербской речи венгров, все остальные грамматические характеристики ничем не отличаются от сербской нормы. По всей видимости, для информанта именно эти явления являются маркирующими. В начале фразы происходит повторение высказывания (*koju je Låci peklå || peklå je Låci pålinku*) (которую Лаци готовила, готовила Лаци палинку). Это происходит, вероятно, для того, чтобы собеседник убедился в шутливом характере разговора.

Таким образом, грамматические особенности сербской речи воеводинских венгров осознаются носителями сербского языка как маркирующие. Представление о типичности этих характеристик находит отражение в анекдотах, мы также зафиксировали шутливую стилизацию под речь венгра на сербском языке, содержащую наиболее частые ошибки. Комичность придает нарушение правил согласования и нарушение согласования в роде.

11.3. Заимствования

В качестве яркой особенности собственно венгерской речи информанты приводят примеры сербских заимствований[6]. Т. Петрович пишет о распространенной практике комментирования отдельных

[5] При помощи буквы *å* в сербском тексте передается венгерский огубленный гласный заднего ряда нижнего подъема.

[6] Очень много подобных примеров находим в книге Я. Кошши, например: *nagy gúzsva volt a trolejbuszon, ott maradt a kuszur a konduktérnál* (в троллейбусе было много народу, сдача осталась у кондуктора) [Kossa 1978, 32]. Автор называет этот язык смешанным (*keveréknyelv*), или макароническим (*makaróni nyelv*) [Там же, 49].

словенских лексем среди белокраинских сербов в Словении [Petrović 2009, 143]. В нарративах довольно много подобных высказываний и рефлексий информантов. Именно в этой рефлексии отражается языковая ситуация, а также влияние сербского языка на лексическую систему венгерского языка. Приведем примеры:

[11.3.1.] А. *Ha nem jut eszembe magyarul kifejezni magunkat* | *mondjuk szerbül* | *megértsük így is úgy is.*
D. *De érdekes* | *hogy olyan magyar szavakat* | *vagyis szerb szavakat magyarosítottunk* | *amit egyáltalán nem is úgy mondanak magyarul és sehol másutt nem úgy mondják.*
G. *Például.*
D. *Mint például* | ***a szládoléd*** | ***sladoled szerbül*** | ***de szládoléd*** | *még ...* ***a tornacípő za patike*** | *úgyhogy én nem hallottam* | *hogy más.*

А. Если не вспоминаем, как выразиться по-венгерски, говорим по-сербски, понимаем и так, и так.
Д. Интересно, что мы мадьяризируем такие венгерские слова, или сербские слова, которые вообще не так говорят по-венгерски и нигде в другом месте так не говорят.
Г. Например.
Д. Например, ***a szládoléd, sladoled*** (мороженое) **по-сербски, но *szládoléd*** еще ... **кроссовки для *patike***, так что я не слышала, чтобы другое [употреблялось] (В).

[11.3.2.] *Egy* ***elismervényre azt mondom*** | ***hogy priznanica*** | *egy* ***orvosi beutalóra uputnica*** | *átvettük a hivatalos dolgokat* | *tudom az erdeti nevet* | *de ez automatikusan* | *hogy* ***nalepnica*** | *az egyebkénet a* ***matrica*** | ***öntapadó*** (Квитанцию я называю *priznanica*, направление от врача — *uputnica*, мы заимствовали официальные вещи, я знаю изначальное существительное, но это автоматически, *nalepnica* это самоклеющаяся лента) (А).

[11.3.3.] *Például* | *szerb szavak átvétele* | *olyanokra is jellemző* | *akik nem is tudnak szerbül* | *ilyen falusi nénik* | *de például azt mondják* | ***tedd már föl a prikolicára*** | ***pótkocsira*** | *de nem beszél szerbül* (Например, заимствование сербских слов, это характерно также для тех, кто даже не знает сербского, такие деревенские женщины, но, например, говорят, ***tedd már föl a prikolicára*** **(положи на прицеп)**, ***pótkocsira*** (прицеп), но она не говорит по-сербски) (А).

[11.3.4.] *Ali evo sad tipičan primer* | *to je e* || *van a tefelonban batri* | *batri* | *a vajdasági magyarok* | *vojvodinski Mađari bi rekli batri* | *a to je reč od*

baterija | ***és ennek még van a magyar szó*** | ***az elem*** | ***de batri*** | *batri* | *utána olvastam* | *ez valójában elem* | *bejött ez a szó* | *és akkor használják* (Или вот, сейчас типичный пример, это э, в телефоне есть батарейка, батарейка, воеводинские венгры, воеводинские венгры сказали бы *batri*, это слово от *baterija*, **и для этого есть венгерское слово, *elem*, но *batri*, *batri***, я потом прочитал, действительно это *elem*, пришло это слово, и теперь его используют) (НС).

[11.3.5.] *Úgy van* | *hogy szerb az alap* | *csak hozzá fűzünk magyar toldalékokat* | *hogy például* | *na most* | ***iszpáliztam*** | ***ispalila sam*** | *és hozzáfüzünk csak magyar toldalékot* | *iszpáliztam* | *ez igazából telepiek így szoktak beszélni* (Так, сербский язык является основой, только к нему добавляем венгерские окончания, например, сейчас, ***iszpáliztam, ispalila sam*** (подвести), и к этому добавляем только венгерское окончание, *iszpáliztam*, и правда, жители Телепа так обычно говорят) (НС).

[11.3.6.] *A vajdasági magyarnak a nyelve annyira megmódosodott* | *amikor hallják a magyarországiak* | *például* ***a trenerka*** | ***azt mondják*** | ***sportruha*** | ***a tornacipőt*** | ***nálunk mindig patikának nevezik*** | ***akkor a majica*** | *a szerb szó* | *annyira meghonosodott Vajdaságban* | *magyarok* ***azt polónak nevezik*** || *átvetünk szerb szavakat úgy használunk* | *ha mienk volnának* (Язык воеводинских венгров настолько изменился, когда венгры в Венгрии слышат, например, ***trenerka*, они говорят, спортивная одежда, кроссовки, у нас всегда называют *patika*, тогда *majica***, сербское слово, настолько укоренилось в Воеводине, венгры **это называют поло**, мы переняли сербские слова и используем их, как если бы они были нашими) (НС).

Информанты называют существительные и глаголы, наиболее употребительные слова. Доминируют названия одежды, административная лексика, продукты питания. Интересно, как происходит инкорпорация элементов сербского языка и объяснение заимствований. Во фрагменте [11.3.1.] информант, объясняя аналог лексемы «кроссовки», использует в венгерском высказывании предлог *za* и существительное в винительном падеже множественного числа (*a tornacípő za patike)*, т. е. речь идет о переключении кода на небольшом отрезке высказывания. Переключение кода в научной литературе понимается как использование двух языков в одном предложении или высказывании [Romaine 2004, 53].

Другой пример переключения кода происходит в [11.3.4.] Здесь информант не ограничивается лишь предложным сочетанием, он

три раза меняет код: после паузы — с сербского на венгерский, затем на сербский, затем снова на венгерский. Первый раз он переходит на венгерский после паузы (*to je e || van a tefelonban batri*), затем переход на сербский маркирует повтор словосочетания «воеводинские венгры» *(a vajdasági magyarok*) по-сербски (*vojvodinski Mađari*). После этого, понимая, что в высказывании будет еще одно венгерское слово (*elem*), информант снова переключается на венгерский. Получается, что для конкретного индивида использование венгерских лексем в сербском контексте недопустимо, т. е. часть высказывания, содержащая венгерское слово, будет полностью произнесена по-венгерски. Однако эта стратегия допустима для использования сербских заимствований в венгерском, встречающихся в речи гораздо чаще.

В остальных зарегистрированных нами примерах, где приводятся слова из сербского языка в качестве иллюстрации заимствования, переключения кода не происходит. Все сербизмы последовательно встроены в грамматическую систему венгерского языка, если только не идет речь об их одиночном употреблении или конкретном переводе (как в [11.3.6.]). Во всех высказываниях сербское заимствование приводится параллельно с венгерским аналогом. В одних случаях оно снабжается такими комментариями: *azt ... nevezik*, *azt mondják* (это... называют, так говорят) [11.3.6.]), *azt mondom* (*mondjuk*), *hogy* (я говорю/мы говорим) [11.3.2.], *szerbül* (по-сербски) [11.3.1.], *szerb szó* (сербское слово) [11.3.6.] — которые служат отсылкой к исходной лексеме, *iszpáliztam | ispalila sam* [11.3.5.]. Источник заимствования может долгое время таковым не осознаваться. Это подтверждается в четвертом фрагменте [11.3.4.], когда информант говорит, что он спустя какое-то время осознал заимствованный характер лексемы *batri*: *utána olvastam | ez valójában elem* (я потом прочитал, действительно это *elem*). Кроме того, многие сербизмы используются в речи тех венгров, которые не владеют сербским языком, либо владеют им в очень редуцированной форме: *olyanokra is jellemző | akik nem is tudnak szerbül* (это также характерно для тех, кто даже не знает сербского) [11.3.3].

Осознание чужеродности какой-то лексемы в венгерской речи происходит при общении с венграми из самой Венгрии:

> [11.3.7.] ***Dzsezva*** | *de Magyarországon ez ismeretlen | itt mi értjük | használjuk* (**Джезва**, но в Венгрии она неизвестна, мы здесь это понимаем, используем) (А)

[11.3.8.] *Elmegyünk Magyarországra* | *beszélünk magyarul* | *minden évben nyaralásra megyünk* | *sokat* | *huszonvalahány éve* | *beszélünk magyarul* | *micsoda* | *a* | ***bedobtunk szerb szót*** | ***nem értik a magyarok*** | || (смех) *automatikusan jön* (Мы едем в Венгрию, говорим по-венгерски, каждый год мы ездим в отпуск, много, двадцать с чем-то лет, мы говорим по-венгерски, а, **вставляем сербское слово, венгры не понимают**, (смех) автоматически происходит) (НС).

В [11.3.7.] информант делает отсылку к тому, что в Венгрии не знают значения слова *dzsezva* (серб. *džezva* (заимствовано из турецкого языка — *cezve*) — специальная посуда с длинной ручкой, предназначенная для приготовления кофе, турка). Оно знакомо только воеводинским венграм (*itt mi értjük*) (мы здесь это понимаем) и в такой форме ими используется. Выражение «инаковости» венгерских венгров происходит через упоминание этнонимов: ***magyarok*** *azt polónak nevezik* (венгры это называют поло) [11.3.6.]. Противопоставление «мы» — «они» наблюдается и в следующей фразе этого информанта [11.3.6.]: *sportruha* | *a tornacipőt* | ***nálunk*** *mindig patikának nevezik* (спортивная одежда, кроссовки, у нас всегда называют *patika*). Описание сербизмов сопровождается отсылкой к конкретным местам, географическим названиям, в которых «так говорят»: *azt mondják Újvidéken* (так говорят в Нови-Саде) [6.3.1.4.]; *igazából telepiek így szoktak beszélni* (по правде, жители Телепа обычно так говорят) [11.3.5.], призванным подчеркнуть собственное своеобразие по отношению к венграм из других мест — прежде всего из Венгрии.

В [11.3.8.] информанты из Нови-Сада, регулярно отдыхающие в Венгрии, рассказывают о случаях употребления сербизмов в венгерской речи. Комичность подобных ситуаций выражается экстралингвистическими показателями — смех информанта после фразы о том, что там (в Венгрии) венгры этого не понимают. Информант заявляет, что использование сербизмов происходит автоматически: *automatikusan jön* (происходит автоматически) (об автоматизме при употреблении сербизмов говорит информант из второго фрагмента: *ez automatikusan* (это автоматически) [11.3.2]). Нужно учесть еще и тот факт, что многие лексемы вовсе не осознаются заимствованными, пока не происходит коммуникативная неудача при встрече с венгром-монолингвом из Венгрии. Именно благодаря сербизмам в венгерской речи и происходит лингвистическое противопоставление воеводинских венгров венграм из соседней Венгрии. Об этом

свидетельствуют высказывания информанта из первого фрагмента: *egyáltalán nem is úgy mondják magyarul és sehol másutt ne úgy mondják* (вообще не так говорят по-венгерски и нигде в другом месте так не говорят) [11.3.1.]).

11.4. Орфография

Еще одна область, которую необходимо рассмотреть, говоря о языковых контактах, — орфография. В сербском языке официально используются два алфавита: кириллический (вуковица) и латиница (гаевица). Кириллица используется в официальном делопроизводстве. Многие информанты, особенно из числа тех, кто проживает на севере Воеводины, и пожилые люди признавались, что им проще писать на латинице, чем на кириллице. Приведем примеры:

[11.4.1.] *De szívesebben olvasok magyarul és mondjuk rá | a* ***csirilicát*** || (полушепотом) ***nem szeretem olvasni*** | *könnyebben olvasok latinicát | jobban szeretem | persze | hogy megtanultam abszolút a csirilicát | de nem használom* (Я охотно читаю по-венгерски и скажем, **на кириллице**, (полушепотом) **я не люблю читать**, легче я читаю на латинице, больше люблю ее, конечно, я полность освоила кириллицу, но не использую ее) (НС).

[11.4.2.] *Nekem külön erőfészítés volt | hogy hozzászokja |* ***írni még mai napig sem tudok tökéletesen*** *| külön kell nézni | hogy ez đ | dž | nem vagyok benne biztos ... az iskolában nem tanítottak olyan hatásosan* (Для меня это было особое усилие, чтобы привыкнуть к этому, **хорошо писать я не умею и сегодня**, нужно смотреть, что это *đ, dž,* я не уверен в этом ... в школе не преподавали так эффективно) (А).

Первый информант говорит о том, что может прочесть текст и на кириллице, и на латинице, однако проще и охотнее он читает тексты на латинице. Сам алфавит назван *csirilica*, т.е. является заимствованием из сербского языка (*ćirilica*), тогда как в венгерском языке название кириллицы — *cirill ábécé*[7]. Говоря о нежелании писать на кириллице, информант понижает голос и произносит *nem szeretem*

[7] Слово *csirilica* встречалось нам неоднократно и в других контекстах, что указывает на его распространенность среди венгров в Воеводине: *csak csirilicával aláírni tudott | de nem tudott beszélgetni* (она могла подписаться только на кириллице, но не умела говорить) (Ск) — говорит информант о своей матери, которая не знала сербский язык.

olvasni (я не люблю читать) полушепотом. Второй информант признается, что он недостаточно владеет кириллическим алфавитом, не умеет свободно писать. Объясняет он это обстоятельство тем, что в школе плохо учат. Сами преподаватели сербского языка в венгерских классах из Северной Бачки подтверждают, что кириллица усваивается учениками сложнее. И именно поэтому они уделяют этому алфавиту больше внимания, чем латинице:

> [11.4.3.] *Ja insistiram da pišu ćirilicom | da to usvoje kako treba | ali* ***mnogima je to problem*** (Я настаиваю на том, чтобы они писали на кириллице, чтобы усвоили это, как следует, но **для многих это проблема**) (А).

Кириллица воспринимается венграми, проживающими на севере Бачки, а также некоторыми пожилыми людьми, как сложный алфавит, который они стараются по возможности не использовать. В школе кириллице уделяют больше внимания, чтобы учащиеся могли свободно владеть обоими видами письма.

Таким образом, контакты венгерского и сербского языков осмысляются участниками языковой ситуации, вырабатываются представления о «своей» и «чужой» речи. «Своя» речь (на венгерском языке) мыслится как полная сербизмов (даже у тех венгров, кто не знает сербский язык). Последние, по нашему наблюдению, являются маркером идентичности венгров из Воеводины по отношению к венграм из Венгрии. «Чужая» речь венгров (на сербском языке) имеет ряд особенностей, которые отражаются также в сербских анекдотах. В анекдотах рисуется образ типичного венгра/венгерки, плохо владеющих сербским языком. Носителям сербского языка, а также двуязычным венграм, чья компетенция в сербском языке приближается к компетенции сербов-монолингвов, кажутся комичными особенности сербской речи венгров, компетенция которых в сербском языке редуцирована (напр., неправильное склонение, смешение рода у существительных). Эти особенности могут быть использованы и для стилизации собственной речи под «речь типичного венгра». Помимо грамматических трудностей в сербском языке, добавляются еще трудности с кириллическим письмом. В итоге мы наблюдаем двухуровневое противопоставление: с одной стороны, все воеводинские венгры противопоставлены венграм из Венгрии, с другой, — внутри самих воеводинских венгров существует противопоставление по уровню владения вторым (сербским) языком.

12. Некоторые особенности венгерского языка воеводинских венгров

Вречи воеводинских венгров на венгерском языке выделяются как диалектные, так и контактные явления. На территории Воеводины распространены диалекты венгерского языка южной группы. Формирование этих диалектов было обусловлено историческим развитием данной территории. Постоянные войны между Османской империей и Австрией способствовали тому, что этот край практически обезлюдел. Заселению края сербами, венграми и другими народами благоприятствовала политика австрийских властей. В Воеводину переселялись венгры из разных областей страны, носители разных типов диалектов, которые смешивались на новой территории: из южного Занудавья, из северных районов, а также носители секейских диалектов. О. Пенавин говорит о междиалектном взаимодействии в Чоке, куда переселялись жители окрестностей Сегеда, жители Задунавья, а также палоцы [Penavin 522]. Характерными фонетическими чертами южной группы диалектов, распространенной и на территории Венгрии, а также среди венгров в румынском Банате, являются: так называемое *ö-zés*, т. е. произношение звука [ö] на месте [e] (*embör* вместо *ember*)[1], а также отпадение конечных согласных, в частности *–l* (*abbú* вместо *abból*). В лексике наблюдается смешение разных диалектных особенностей. Некоторые ученые отмечают, что территорию Бачки и Баната из-за позднего заселения и, как следствие, из-за сильной гетерогенности диалектов, нельзя

[1] Это явление признается единственным повсеместно распространенным в южной группе диалектов.

рассматривать как единую группу [Balogh, Fodor, Hegedűs, Juhász, Kiss 2001, 280].

Во время разговоров с информантами мы стремились к тому, чтобы записать именно диалектную речь. Однако у нас это не всегда получалось. Во-первых, действует эффект «чужого присутствия», собеседники контролируют свою речь в присутствии исследователя, поскольку осознают, что многое из сказанного ими может быть просто непонятно неносителю их диалекта, тем более — иностранцу. Во-вторых, некоторые информанты уже не владеют диалектом в полной мере, поэтому их речь представляет смесь локальных особенностей венгерского языка и его стандартного варианта. Тем не менее, как показывает анализ записей, информанты, даже контролируя собственную речь, не могли полностью скрыть локальные диалектные особенности, пусть в минимальной степени, они все равно проявлялись. Диалектно окрашенная речь в большей мере встречается у собеседников из сельских районов, а также у пожилых информантов. Как уже было показано выше, информанты осознают диалектные различия между своим говором и говором других районов. Следует сказать, что мы не ставили задачу полностью описать систему венгерского языка в Воеводине. Ниже представлены наиболее часто встречающиеся особенности речи информантов. Понятно, что многие явления присутствуют в речи венгров из Венгрии, однако, как показали исследования [Göncz 1999; Lanstyák, Szabómihály 1997], чаще они фиксируются у венгров, проживающих за пределами Венгрии, в частности, некоторые явления могут поддерживаться влиянием славянских языков.

12.1. Палатальные vs. аффрикаты

Рассмотрим фонетические особенности речи воеводинских венгров. У венгров, проживающих в Нови-Саде, происходит замена палатальных [t’] и [d’] на [ć] и [đ] соответственно. Об этой черте упоминают сами информанты, когда характеризуют речь венгров в г. Нови-Сад. В нашем корпусе данное фонетическое явление не является повсеместным. Характерно оно для отдельных информантов, которые испытывают сильное влияние сербского языка, редко используют венгерский язык и бóльшую часть дня говорят на сербском языке. В основном это венгры, проживающие в г. Нови-Сад в районе Телеп:

van még tánccsoport ma(đ)arban (есть еще танцевальная группа в венгерском [центре]) (НС); *pa | nem olyan (đ)akran de lehet hallani, fiatalok is* (ну, не так часто, но можно слышать, также и молодежь) (НС).

12.2. *ö-zés*

Одним из наиболее часто встречающихся явлений, которое не обусловлено контактными особенностями, является переход звука [ë] в [ö], так называемое *ö-zés*. Это фонетическое явление характерно для южного диалекта венгерского языка [Balogh, Fodor, Hegedűs, Juhász, Kiss 2001, 264]. В речи одних информантов этот переход наблюдается чаще, у других — реже. Кроме того, даже в речи одного информанта могут наблюдаться колебания[2]: использование одного или другого звука в одних и тех же словах. Диалектологи отмечают, что в южных венгерских диалектах наблюдается так называемое независимое *ö-zés*, т.е. на месте закрытого *ë* независимо от фонетической позиции появляется *ö*: *embör*, *löhet*, *mögvötte*, *köröszt* [Balogh, Fodor, Hegedűs, Juhász, Kiss 2001, 279].

Некоторые слова произносятся только с определенным звуком, что может свидетельствовать о лексикализации этого фонетического явления. Приведем примеры: *ahol k**ö**ll**ö**tt kutat ásni* (где нужно копать колодец) (Ск); *itt a szerbeknek | amikor k**ö**ll viza* (здесь сербам, когда нужна виза) (Ск); *nem tudom | k**ö**ll nekik | vagy nem* (я не знаю, нужно им или нет) (Ск); *van csak egy nagy k**ö**r**ö**szt* (есть только один большой крест) (Ск); *amikor én mentem férjh**ö**z* (когда я вышла замуж) (НС); *oda k**ö**ll**ö**tt beledobni a dinárt* (туда нужно бросить динар) (НС); *Újvidékh**ö**z tartozik* (относится к Нови-Саду) (НС); *szerbh**ö**z ment férjh**ö**z* (она вышла замуж за серба) (НС); *valakinek gy**ö**ngébben mentek a nyelvek* (кому-то хуже удавались языки) (НС); *ott férjhez ment egy ír fiatalemberh**ö**z* (там она вышла замуж за ирландца) (НС); *mikor az állami szervekkel k**ö**ll* (когда нужно [общаться] с государственными органами) (НС); *azt hiszem | hogy egy hónapon k**ö**r**ö**sztül minden nap van órájuk* (я думаю, что в месяц у них каждый день есть урок) (НС); *ismerk**ö**dnek jobban* (лучше узнали) (Ан); *minden cigány **ö**mb**ö**r k**ö**r**ö**szt**ö**t vet a templom előtt* (каждый цыган крестится перед церковью) (Ан); *még saját testvér**ö**m se üsm**ö**rt meg* (моя собственная сестра не узнала)

[2] Колебания фиксируются нами также в других фонетических и морфологических явлениях, что говорит о неоднородности речи информантов.

(Ан); *én még mindig szeret**ö**m* (я все еще люблю) (Ан); *vagy ének**ö**l* (или пел) (Ан); *aki megbeteg**ö**d**ö**tt* (который заболел) (Ан); *amikor száraz volt az **ö**sztendő* (когда был сухой сезон) (А); *akkó úgy ünn**ö**p**ö**ltük* (тогда так праздновали) (А); *annyira b**ö**csültek a kenyeret* (настолько ценили хлеб) (А); *megszent**ö**ltek* (они освятили) (А); *l**ö**sz, l**ö**gy**ö**k, mögötte* (будет, я буду, съел (это)) (М).

Варианты с переходом звука [ë] в [ö] зафиксированы во всех населенных пунктах, где проводилось исследование: в Южной (Нови-Сад) и Северной Бачке (Ада, Мол, Адорьян) и у переселенцев-секеев в Южном Банате (Скореновац, Войловица), а также у венгров из Центрального Баната (Зренянин, Михайлово), где проводились исследования в 2015 г. Это явление встречается в корнях слов (*k**ö**ll, k**ö**r**ö**szt, k**ö**vés, l**ö**sz, **ö**sztendő, gy**ö**ngébben*), в окончаниях, приставках, суффиксах (*szerb-h**ö**z, férj-h**ö**z, m**ö**g-ötte, ismer-k**ö**d-nek*), соединительных гласных (*szeret-**ö**-m, köll-**ö**-tt, lögy-**ö**-k*).

Даже в пределах одного высказывания могут употребляться слова с *ö*-вариантом и с *e*-вариантом (*ott férj**hez** ment egy ír fiatalember**höz***) (там она вышла замуж за ирландца). Окончание *-höz* существует в венгерском языке как вариант, встречающийся после слогов с умляутными гласными. Тем не менее в перечисленных примерах этому окончанию предшествуют слоги без умляутных гласных, напр.: *Újvidék-h**ö**z, fiatalember-h**ö**z*. Слово *ember* содержит в себе звук [ë], потенциально заменяемый на [ö]. Параллельно с формой *ünn**ö**p**ö**ltük* (мы праздновали) встречается также *ünnepöltük*. Оба варианта зафиксированы в Аде. Наряду с вариантом *ismerk**ö**dnek* (они познакомились) (Ада) отмечается форма *(m**ö**g)üsmerk**ö**dnek* (Михайлово).

Вариативность форм может зависеть от большей или меньшей распространенности данного явления в конкретных говорах. Из ареальных наблюдений отметим устойчивость приставки *meg* в форме с гласным *e* в Бачке и вариант *mög* в Банате. Диагностические примеры различия речи жителей Бачки и Баната, которые приводили наши информанты, включают примеры с этой приставкой.

12.3. *ly-l, lj-j*

Другим фонетическим явлением, охватывающим уже систему консонантизма, является замена звука, передаваемого на письме как *ly* [j], на звук [l]. Приведем примеры: *a gu**l**ásféle* (gulyás) (похожий

на гуляш) (Ск); *kérdezte* | *hogy me**l**ik* (melyik) *tanárhoz jártam* (спрашивали, к какому преподавателю я ходила) (НС); *tradicionális* | *gu**l**ás* (gulyás) | *azt mindenki tudja főzni* (традиционный, гуляш, это все умеют готовить) (НС); ***l**ukat* (lyukat) *készítettek bele* (проделывают в нем дырку) (А); *olyan szegény nép* | ***l**ukokba* (lyukokban) *él* (такой бедный народ, живет в дыре) (А); *most ame**l**ik* (amelyik) *nap* (сейчас какой день) (А); *az is széke**l**i* (székelyi) (это тоже секейское) (Ск).

Произношение [l] вместо [j] в указанных позициях неустойчивое: чаще всего оно фиксируется у пожилых информантов, однако некоторые примеры проскальзывают в речи среднего и молодого поколения.

Отмечено также произношение [lj] вместо стандартного [j] в позиции *lj*: *de vannak* | *tanu**lj**anak szerbül* (но есть [те, кто] учится на сербском) (Ск); *akkor talán szerbül* | *csinál**j**ák meg* (тогда может быть по-сербски, сделают) (НС); *akkor szépen ezt a szerbet bepako**lj**ák a magyarba* (тогда как следует этот сербский язык упаковывают в венгерский) (НС); *hogy ne gondo**lj**a aztat* (чтобы не думал это) (НС); *hogy a gyerek normálisan é**lj**en* (чтобы ребенок жил нормально) (НС); *egy fél év alatt elsajátítottam te**lj**esen biológiát* (за один год я полностью освоил биологию) (НС); *ők te**lj**esen azt követik* (они полностью за этим следят) (НС).

12.4. Отпадение *l, r, n, t*

Нами зафиксировано отпадение согласных *l, n, r, t* в конце слова. Согласный *l* также может выпадать в середине слова: *fé**(l)**tek a farkasoktól* (они боялись волков) (Ск); *nem tanú**(l)**nak csoportban funkciónálni* (они не научились функционировать в группе) (НС); *vó**(l)**t szerb óra* (был урок сербского) (НС); *az itteni szerbek beszé**(l)**nek* (местные сербы говорили [по-венгерски]) (А); *az volt a jellemző hogy együtt ünnepö-**j**-tek az emberek* (было характерно, что люди вместе праздновали) (А); *nyáron nem tudtak megünnepö-**j**-ni* (летом не могли праздновать) (А); *és összeénekö-**j**-tek* | *azt jelentette* | *hogy egy lánynak még a fiúnak a névét egyszerre énekelték a dalba* (и пели все вместе, это означало, что имя девушки и парня синхронно пели в песне) (А).

В последних трех примерах согласный *l* не выпадает, а заменяется на едва уловимый призвук, похожий на *j*. Гласный, оказавшийся перед выпавшим *l*, может удлиняться: *volt* → *vót*.

Согласные *r, t* отпадают в позиции конца слова, причем может происходить удлинение гласного перед отпавшим согласным: *akkó**(r)** nem volt* (тогда не было) (НС); *voltak | mer**(t)** ők olyan tiszta magyarúl beszélnek* (были они, потому что они так чисто говорят по-венгерски) (НС). Согласные *l* и *n* в исходе слова являются составной частью окончаний. Например, *-ul/-ül*: *aki tud magyarú**(l)*** (кто знает венгерский) (НС); *ők tanulnak meg magyarú**(l)*** (они учились на венгерском языке) (А) (в этой позиции также происходит удлинение гласного); *-val/-vel*: *amelyek | tájékoztatássa**(l)** | oktatássa**(l)** foglalkozik* (которые, занимаются информированием, преподаванием) (НС); *-nál/-nél*: *ez nagyon fontos a fordításná**(l)*** (это очень важно при переводе) (НС); *magyaroknà**(l)** is van | mikor körösztölés* (у венгров есть также, когда крещение происходит) (Ан); *-ból/-ből*: *falvakbó**(l)**; -ról/-ről*: *városró**(l)***. Отметим, что в Банате (Михайлово) в двух последних окончаниях нами зафиксировано изменение гласного: *ó* переходит в *ú* в исходе слова после отпадения *-l*: *városbú**(l)***, *városrú**(l)***. Об отпадении конечных согласных в диалектах венгерского языка пишет И. Шаму, например, вместо *-nál/-nél* употребляется *-ná/-né;* вместо *-ból/-ből* употребляется *-bu/-bü, -bú/-bű, -bó/-bő* и т. д. [Samu: 1971, 316].

12.4.1. Отпадение конечного -n в окончании -ban/-ben

Отдельно следует рассмотреть случай отпадения конечного *-n* в окончаниях инессива *-ban/-ben*[3]. Это явление охватывает многие диалекты венгерского языка, распространено оно и в разговорном языке в самой Венгрии (Lánstyák-Szabómihály 1997, 43). Окончание инессива в случае отпадения конечного согласного оказывается идентичным окончанию иллатива *-ba/-be*: *Romániába**(n)** is voltunk* (мы были также в Румынии) (Ск); *nyolcvanhétbe(n) vagy nyolcvanhatba(n) kérte meg* (священник попросил в восемьдесят седьмом или в восемьдесят шестом) (Ск); *minden évbe**(n)** öt banda volt* (каждый год есть пять групп ряженых) (Ск); *Debrecenbe**(n)** voltunk* (мы были в Дебрецене) (Ск);

[3] Значение венгерских падежей, упоминаемых в данной работе: инессив (-ban/-ben) *könyv-ben* — в книге, иллатив (-ba/-be) *könyv-be* — в книгу, сеперессив (-n/-on/-en/-ön) *könyv-e-n* — на книге, сублатив (-ra/-re) *könyv-re* — на книгу, адессив (-nál/-nél) *könyv-nél* — у книги, аллатив (-hoz/-hez/-höz) *könyv-höz* — к книге, элатив (-ból/-ből) *könyv-ből* — из книги, делатив (-ról/-ről) *könyv-ről* — с книги, аблатив (-tól/-től) *könyv-től* — от книги, датив (-nak/-nek) *könyv-nek* — книге, инструменталис (-val/-vel) *könyv-vel* — с книгой.

*hogy ha nincs tizenöt gyerek osztályba**(n)**, megszűntetik* (если нет пятнадцати детей в классе, его закрывают) (Ск); *a saját falujába**(n)*** (в своей деревне) (Ск); *mink Németbe**(n)** dolgoztunk* (мы работали в Германии) (Ск); *vannak magyarok is abba**(n)** az utcába**(n)*** (есть и венгры на этой улице) (В); *Mannheimba**(n)** laknak* (они живут в Мангейме) (СК); *hát voltunk Bolgáriába**(n)*** | *még így* (ну, мы были в Болгарии, и так) (А); *na most részbe**(n)*** | *ez már kevés mértékbe**(n)** van* (ну, сейчас частично, это уже в меньшей степени) (НС); *szlovákokkal mindig egy társaságba**(n)** vagyunk* (со словаками мы всегда в одной компании) (НС).

Данное явление отмечается нами очень часто как в городской, так и в сельской речи. В результате описанных изменений падежи направления и места оказываются неразличимы. В некоторых случаях происходит гиперкоррекция: вместо падежа места употребляется падеж направления *egyre többen költöznek vissza falujukban* (все больше возвращаются в деревню) [Lánstyák-Szabómihály 1997, 43]. Это изменение может семантически распространяться на другие окончания, выражающие «направление» и «место» (*-ra/-re* и *-n*) [Kálmán 1977, 58], а также отражаться на сербской речи венгров, когда происходит замена винительного падежа на местный падеж [Пилипенко 2011, 144].

12.5. *n-ny*

В ряде случаев фиксируется палатальное произношение *-n* в конце основы перед другими морфемами: *rokonyaink (rokon)* (наши родственники (родственник)) (СК); *szlovénnyok (szlovén)* (словенцы (словенец)) (СК); *aztán hozták be a rományokat (román)* (затем привезли румын (румын)) (В); *kazánnyokba (kazán)* (в котлы (котел)) (СК); *ezek a csobánnyok* (*csobán*) (эти пастухи (пастух)) (Ск). Палатализация *-n* происходит также в венгерской речи баняшей, цыган, проживающих в окрестностях Адорьяна.

12.6. Окончание *-val/vel*

В отличие от стандартного языка в речи некоторых информантов наблюдается отсутствие ассимиляции согласного *v*, входящего в состав окончания *-val/-vel*, предшествующим согласным. В литературной норме подобная ассимиляция действует также в указательных

местоимениях *az*, *ez*: *azzal*, *ezzel*. Однако в данном случае нами фиксируется обратная ассимиляция: *avval*, *evvel*: ***evv****el a magyar pászossal lehet úgy* (с этим венгерским паспортом можно так [поехать]) (Ск); *van aki* ***avv****al foglalkozik* (есть кто этим занимается) (Ск); ***avv****al a szervezéssel* (с этой организацией [мероприятия]) (В); *a<u>vv</u>al indulok* (начали с этого) (В); ***avv****al a pénzzel ők táncoltak a ményasszonytáncot* (с помощью этих денег они танцевали танец невесты) (НС); *nem voltunk megterhelve* ***evv****el | hogy most ki a magyar ki a szerb ki a boszánác* (мы не были обременены тем, кто венгр, кто серб, кто босниец) (А); *és akkor* ***avv****al cukrozták meg* (и тогда этим подсластили) (А).

Приведем примеры отсутствия ассимиляции: *a szentelt* ***víz****vel átadták nekik* (передали им со святой водой) (Ск); *hát aki a földmű****vel******és****el* (ну, кто земледелием [занимается]) (Ск); *és ott van a központban a gyáro****kv****al szemben* (и там находится в центре напротив заводов) (В); *a gyereke****kv****el | az óvodával | a nyelvápolá****sv****al* (с детьми, с детским садом, с языковым воспитанием) (В); *zarándokolni egy plébáno****sv****al* (совершать паломничество со священником) (В); *úgy a szerbe****kv****el | a szlovákо****kv****al* (так, с сербами, со словаками) (В); *a kiállításо****kv****al | egy | avval indulok* (с выставок, один, с этого я начинал) (В); *a szabadkai rádió | magyar szerkesztősé****gv****el* (радио Суботицы, с венгерской редакцией) (НС); *valamilyen hanganya****gv****al részt vesz* (принимают участие с каким-то звуковым материалом) (НС); *a reklámo****kv****al az a gondunk* (с рекламой — это наша проблема) (НС).

Как видно из примеров, если основа оканчивается на гласный, изменений по сравнению со стандартным венгерским языком не происходит: конечный гласный в обоих случаях удлиняется *(óvodával)*. В других случаях виден стык морфем: окончание *-val/-vel* четко вычленяется в составе слова. Обратимся еще раз к примерам из первой группы, рассмотрим контексты употребления. Заметно, что наряду с действием регрессивной ассимиляции в окончании указательного местоимения, у существительного в этом же высказывании происходит прогрессивная ассимиляция: ***evv****el:pászossal*; ***avv****al:pénzzel*; ***avv****al:szerzéssel*. В примерах второй группы находим указательное местоимение с регрессивной ассимиляцией в одном высказывании с существительным, у которого отсутствует ассимиляция: *a****vv****al:kiállításo****kv****al*.

Имеющийся у нас материал позволяет сделать некоторые ареальные наблюдения над распространением данного явления. Отсутствие

ассимиляции с окончанием *-val/-vel* регистрируется у информантов родом из Баната: у секеев в Войловице, Скореновце, а также у информанта из Новой Црни. Реализация прогрессивной ассимиляции встречается как у информантов, проживающих в Бачке (Нови-Сад, Ада, Адорьян), так и у информантов из Баната (Скореновац, Войловица). Отсутствие ассимиляции может проявляться в речи самых разных слоев населения. Так, у информанта из Баната, профессионально работающего с венгерским языком, отмечены всего три случая отступления от нормы во время разговора, тогда как все остальные случаи употребления окончания *-val/-vel* реализуются согласно правилам литературного венгерского языка. Это обстоятельство также может свидетельствовать о том, что информанты осознают диалектный характер описываемого явления и пытаются минимизировать его использование в речи, контролировать, в том числе, в разговоре с исследователем.

12.7. Окончания глаголов в 3-м лице объектного спряжения: *mondi/mondja*

У информантов из Баната (секеи в Войловице и Скореновце) отмечается распространение глагольного окончания *-i* вместо *-ja*. Приведем примеры: *ha akar-**i*** (если он хочет) (Ск); *seprűvel csinál-**ik** az utat* (метлой подметают дорогу) (Ск); *itt él több mint ötven éve | nem akar-**i** szót* (здесь он живет более пятидесяти лет, не хочет слова [сказать по-венгерски]) (Ск); *most esztergályos | nem folytat-**i*** (сейчас он токарь, не продолжает [учебу]) (Ск); *a mákosat csinál-**i*** (делает маковый [рулет]) (Ск); *a plébános megáld-**i*** (священник разрешает) (Ск); *de ezek nem tart-**ik*** (но эти не соблюдают) (Ск); *azt a sóval átjár-**i*** (это проходят (натирают) солью) (Ск); *de ott két nyelven tart-**ik** a misét* (но там мессу проводят на двух языках) (Ск).

Подобные глагольные окончания зафиксированы нами во время экспедиции в Центральном Банате, в частности, в селе Михайлово. Это явление характерно для южно-альфёльдских диалектов [Balogh, Fodor, Hegedűs, Juhász, Kiss 2001, 343], сегедского диалекта [Samu 1971, 343]. Исследователи отмечают это диалектное явление в венгерских говорах на территории Хорватии (в области Баранья) [Lehocki-Samardžić 2016, 124–125].

У информантов из Баната (потомки секеев в Южном Банате и село Михайлово в Центральном Банате) находим *-i* также на месте *-u/ü* в притяжательных формах для третьего лица множественного числа: *-ik*. Эта форма встречается как после гласных переднего ряда, так и после гласных заднего ряда: *volt pár lánc főld-**ik*** (была пара ланцов[4] земли) (Ск); *nem volt nál-**ik** semmi* (не было у них ничего) (Ск); *oda, nál-**ik**, oda menni* (туда, у них, туда идти) (В); *közt-**ik** vannak is jó emberek* (среди них также есть хорошие люди) (Ск); *úgy kell vigyázzanak mag-**ik**-ra* (так нужно следить за собой) (Ск).

12.8. «Иковые» глаголы

Среди особенностей при употреблении глагольных форм выделяется отсутствие окончания *-m* у иковых глаголов (*ikes igék*): *valakivel találkozo-**k*** (я работаю с кем-то) (А); *többet nem dolgozo-**k*** (больше я не работаю) (Ск); *annyira nem emléksze-**k** én se* (настолько даже я не помню) (Ск); *kaptam eztet | ahol dolgozo-**k*** (я получил это, где работаю) (НС). Отмечено, что спряжение иковых глаголов по образцу неиковых глаголов распространено на территории Венгрии, а также в Словакии, проникает это явление и в письменную речь, в частности, в речь СМИ (Lánstyák-Szabómihály 1997, 36). Нами зафиксировано окончание *-k* в первом лице единственного числа иковых глаголов в речи венгров Бачки и Баната.

12.9. *Suksükölés, szukszükölés, csukcsükölés*

В диалектах венгерского языка, равно как и в некоторых вариантах разговорной речи, форма повелительного наклонения глаголов объектного спряжения, оканчивающихся на *-t,* используется вместо формы индикатива: *lát — látja — lássa* (видим — он видит (это) — пусть он видит (это)), *tanít — tanítja — tanítsa* (преподает — преподает (это) — пусть он преподает (это)), *oszt — osztja — ossza* (делит — делит (это) — пусть он делит (это)). Данное явление принято называть *suksükölés, szukszükölés* или *csukcsükölés*, в зависимости от того, какой звук появляется на месте конечного *-t*. Венгерская норма негативно оценивает это явление [Lánstyák-Szabómihály 1997, 31]. В собранном

[4] Венгерская старинная мера длины.

нами корпусе звучащей венгерской речи это явление распространено очень широко, представлено оно повсеместно, поскольку широко распространено в венгерских диалектах (в том числе и за пределами Венгрии). В приводимых примерах глаголы взяты из контекста, где они используются в изъявительном наклонении.

Среди глаголов, которые дают вариант *ss* в форме повелительного наклонения, глаголы, оканчивающиеся на гласный + *-t*: *vannak | csak nem nagyon szere**ss**ik őket* (только не очень любят их) (Ск); *hát úgy látszik | úgy lá**ss**unk mi* (ну, кажется, мы так смотрим) (Ск); *elmegy | megl**á**ssa* (пойдет, увидит) (Ск); *úgy lá**ss**ak | ha fél az ember | akkor kész* (видят, если боится человек, тогда всё) (Ск); *csak mi nem szere**ss**ük kenyér nélkül* (только мы не любим без хлеба) (Ск); *lá**ss**a?* (вы видите?) (Ск); *mi | akik ezt a kézimunkát folyta**ss**uk* (мы, кто выполняем эту ручную работу) (В); *hát | azt nézi | azt hallga**ss**ák* (ну, это смотрит, это слушают) (НС); *két asszony vagy két ember találkoztak és folyta**ss**ák azt a beszélgetést* (две женщины и два мужчины встретились и продолжают этот разговор) (НС); *mink köve**ss**ük a programot* (мы следим за программой) (А).

Глаголы, оканчивающиеся на согласный + *-t* либо на *-ít*, имеют в форме повелительного наклонения *ts*: *mink csak ezekkel tar**ts**uk* (мы только с этими поддерживаем [связи]) (СК); *minden évben megyünk | tar**ts**uk a kapcsolatot | az egész bukovinai székelyek* (мы ездим каждое лето, поддерживаем связи, все буковинские секеи) (Ск); *mert azt ér**ts**ük meg a legjobb* (чтобы мы это поняли лучше) (Ск); *elfelej**ts**ük* (мы забываем это) (Ск); *az anya nem katolikus hanem pravoszláv | tar**ts**uk addig | amíg be nem fejeződnek* (мать не католичка, а православная, мы соблюдаем до тех пор, пока не закончатся [праздники]) (НС); *mondom | ezt is tar**ts**ák | azt is tar**ts**ák* (я говорю, и это соблюдают, и то соблюдают) (В); *még mink élünk | akik tar**ts**uk* (еще мы живем, кто соблюдает) (НС); *szerbet nem fogjuk | mert nem ér**ts**ük* (сербский мы не ловим [на спутник], потому что не понимаем) (Ан); *de ma kiszárí**ts**a | a búza | kukorica* (но сегодня высушит, пшеница, кукуруза) (Ан); *és tar**ts**uk a kapcsolatot velük* (и мы поддерживаем с ними связь) (Ан); *most segélyt kapnak | de csak úgy ha rendbe tar**ts**ák* (сейчас они получают помощь, но только, если содержат в порядке) (А); *megér**ts**ük így is úgy is* (мы понимаем и так и так) (В); *amit már tanultunk és vagy közben amit | már ejfelej**ts**e az ember | éveken át* (то, что мы уже выучили или то, что уже забыл человек, с течением лет) (Ан); *nézzük | ha nem is annyira ér**ts**ük rendesen*

(посмотрим, если не настолько хорошо понимаем) (А); *vannak ott is nagyon | akik rendbe tar**tsák*** (есть и там очень, кто содержит в порядке) (Ск).

Среди глаголов, имеющих в форме повелительного наклонения *ssz* и употребленных в значении изъявительного наклонения, встретился лишь один пример: *aki az embereket csak kettőre o**ssza*** (кто делит людей только на две [группы]) (НС).

Показательно, что у некоторых глаголов могут выступать параллельные формы: так, у буковинских секеев зафиксировано употребление глагола *tartani* в объектном спряжении в двух вариантах: *tartik* и *tartsák*. Таким образом, параллельно функционируют форма с окончанием из варианта с передним гласным и перенесенная в индикатив форма повелительного наклонения. Объяснение этому может быть следующее: осознавая диалектный характер форм типа *tarti*, *tartik*, информант стремится модифицировать собственную речь в разговоре с исследователем. Однако вместо стандартной формы *tartják* он выбирает форму, распространенную в разговорной речи.

12.10. Глаголы *jönni* и *menni*

У глаголов *jönni* и *menni* наблюдается своеобразие в спряжении. Так, глагол *menni* не меняет основу: вместо *megyek* фиксируется форма *mönök* (*ö-zés* форма, звук [ö] на месте [ë]) или *menyek*, вместо *megy — men*. В первом лице множественного числа также происходит выравнивание по основе инфинитива: вместо *megyünk* употребляется *menyünk*: *s akkor azok néznek | akkor így | most én csak **kimenyek** senkit sem ismerek* (и тогда они смотрят, тогда так, [если] сейчас я уеду, я никого не знаю) (Ск); *mi lesz | hova **men*** (что будет, куда идет) (Ск); ***menyünk** munkát végezni* (идем работать) (Ск); *vannak itten Detelinárán | akihez én **mönök*** (есть здесь на Детелинаре, к кому я хожу) (НС). Глагол *jönni* используется с начальным *gy*, помимо этого корневой гласный *ö* может изменяться в *ü*: *úgyhogy összeg**yönnek*** (так что собрались) (В); *csak férjhez **gyüttem*** (только вышла замуж) (НС); *cigányok is **gyönnek*** (приходят также цыгане) (Ан). Эти формы распространены в Бачке и в Банате. Формы *gyün* (jön) и *mén* (megy) отмечаются в говорах Бараньи на территории Хорватии [Lehocki-Samardžić 2016, 126].

12.11. Конструкция *el kell* (*hogy*) *menjen*

Исследователи отмечают, что использование повелительного наклонения после глагола *kell* вместо инфинитива с личным окончанием — весьма широко распространенное диалектное явление, известное, в частности, во всей Трансильвании, а также в восточных частях Альфельда [Lánstyák-Szabómihály 1997, 49; Göncz 2004, 133]. Фиксируются эти формы и в речи воеводинских венгров. В специальной литературе находим процесс формирования этой конструкции: *el kell, hogy menjek : el kell mennem : el kell menjek* (мне нужно идти работать) [Göncz 2004, 133], т. е. произошла контаминация форм. Приведем примеры: *dolgozni* ***kell menjen*** (ему нужно идти работать) (Ск); *úgyhogy mindegyik* ***meg kellett tanulja*** *a szerbet* (так что каждый должен выучить сербский) (В); *Újvidékre* ***kell menjenek*** (мне нужно ехать в Нови-Сад) (В); ***kellett volna legyen*** *egy külön tagozat* (должна была бы быть отдельная секция) (В); *úgyhogy a gyerekeknek* ***kell menjenek*** *kórusba énekelni* (так что дети должны были идти в хор петь) (В); *én Szabadkára* ***kellett menjek*** (мне нужно было ехать в Суботицу) (В); *itt nem volt semmi | saját* ***maguk kellett kiépítsék*** (здесь не было ничего, они сами должны были строить) (В).

Обратим внимание на способы выражения лица. В одних случаях используется падеж *-nak/-nek*, в других — именительный падеж. По всей видимости, падеж *-nak/-nek* унаследован от конструкции с инфинитивом, оформленным притяжательным окончанием: *nekem kell mennem* (мне нужно идти), тогда как именительный падеж остался от конструкции с союзом *hogy* и повелительным наклонением: *kell (hogy) menjek* и может соотноситься со словом, определяющим выбор глагольного окончания. В выборе именительного падежа можно также усмотреть поддерживающее влияние сербского языка: конструкции «*da + настоящее время*»: *ja moram da idem*.

Нам встретились сочетания с союзом *hogy* и глаголом в повелительном наклонении: *az illető nemzetiségnek a nyelvét megfelelő szinten* ***kell hogy ismerjek*** (мне нужно знать на определенном уровне язык данной национальности) (А); *volt közös játék | az írott medió | sajtó |* ***meg kell hogy jegyezzek*** (была общая игра, письменные СМИ, печать, нужно мне отметить) (А); *mert ha Szerbiában élsz |* ***kell*** *azt a nyelvet* ***hogy tudjad*** (потому что, если ты живешь в Сербии, ты должен знать язык) (НС); *most* ***muszáj ő hogy megtanulja*** *a magyart* (сейчас он должен выучить

венгерский) (НС). В подобных конструкциях можно усмотреть поддерживающее влияние сербской конструкции «*da+настоящее время*», ср.: *moram da znam* (*da* является аналогом *hogy*), с той лишь разницей, что в сербском языке используется настоящее время, тогда как в венгерском языке после союза *hogy* — повелительное наклонение[5].

Конструкции типа *el kell menjek*, судя по данным нашего корпуса текстов, встречается больше в секейских селах, расположенных в Южном Банате, т.е. этот тип конструкций больше распространен на востоке венгерской языковой территории в Воеводине. В других случаях более употребительна конструкция с союзом *hogy* и глаголом в повелительном наклонении.

12.12. Указательные местоимения *az, ez* в винительном падеже

Среди диалектных черт, отмеченных у местоимений, выделяется удвоение указательных местоимений *az* и *ez* в винительном падеже множественного числа: $az_{\text{мест}}$ $-t_{\text{вин.п}}$ $-a_{\text{соед.гл.}}$ $-t_{\text{вин.п}}$, $ez_{\text{мест}}$ $-t_{\text{вин.п.}}$ $-e_{\text{соед.гл.}}$ $-t_{\text{вин.п.}}$. Данное явление фиксируется повсеместно: *na,* ***ez-t-e-t*** *tudom* (ну, это я знаю) (Ск); *nem tudom* ***az-t-a-t*** (я не знаю этого) (Ск); *még van az Kívánságkosár* | ***az-t-a-t*** *szeretem* (есть еще [программа] «Корзина пожеланий», это я люблю) (В); *hogy ő is értse* ***az-t-a-t*** | *amiről mink beszélgetünk* (чтобы и он понял это, о чем мы говорим) (НС); *ledaráljük* ***az-t-a-t*** (смелем то) (Ан); *még* ***az-t-a-t*** *megtanultuk* | *akkoriba még* ***az-t-a-t*** (мы еще то учили, тогда-то [учили]) (Ск); ***az-t-a-t*** *a templomot vinni* (эту церковь отвезти) (В).

12.13. Множественное число после количественных слов

После числительных и количественных слов (*sok, pár, több*) многие информанты употребляют множественное число, тогда как по правилам стандартного венгерского языка следовало бы использовать единственное число. Приведем примеры: *szóval* | ***két mások falu*** |

[5] М. Илич в исследовании сербов, проживающих в Венгрии, отмечает чрезмерное использование в сербском языке союза *da* в изъяснительных предложениях, употребляющихся по аналогии с венгерским союзом *hogy*: *Znav je da šta je u crkvi* (*tudta, hogy mi van a templomban*) — он знал, что в церкви [Ilić 2014, 142].

azok katolikusok (словом, две другие деревни, те католики) (В); *vannak* ***pár családok*** (есть пара семей) (НС); ***több*** *szerb* ***családok*** (много сербских семей) (Ан); *és ott nagyon* ***sok svábok voltak*** (и там очень много было немцев), *hát itt nem sok kolonista volt* (ну, тут не много было колонистов) (А); *két asszony vagy* ***két ember találkoztak*** *és* ***folytassák*** *azt a beszélgetést* (две женщины или двое мужчин встретились и продолжили этот разговор) (НС). Э. Андрич отмечает, что в венгерском языке существует тенденция использовать множественное число после количественных слов, однако это явление оценивается негативно с точки зрения языковой нормы [Andrić 2002, 55]. Сербский язык может выступать в качестве поддерживающего для подобного явления, поскольку в нем после числительных и количественных слов используется существительное в родительном падеже множественного числа: *imam mnogo knjiga* (р.п. мн.ч).

Обратимся к особенностям согласования внутри группы, в состав которой входят числительные. В высказывании *két*$_{\text{числ}}$ *más-o-k*$_{\text{прил(мн.ч.)}}$ *falu-ø*$_{\text{сущ(ед.ч.)}}$ (две другие деревни) после числительного следует прилагательное во множественном числе, а затем — существительное в единственном числе. Вероятно, информант находится под сильным влиянием сербского языка, в котором определение согласуется с определяемым (*dva druga sela*) и после числительных употребляется множественное число, тогда как в венгерском языке в данной ситуации такого не происходит (*két más falu*). Однако существительное употреблено в единственном числе (*falu*), что можно объяснить желанием сделать высказывание более корректным после использования маркированного множественного числа (*két mások*). В данном случае мы видим частичное согласование.

После числительных и количественных слов во множественном числе употребляются не только имена, но и глаголы: *van-nak*$_{\text{гл(Зл.мн.ч.)}}$ *pár*$_{\text{кол.сл}}$. *család-o-k*$_{\text{сущ(мн.ч.)}}$ (есть пара семей). Здесь мы наблюдаем полное согласование. Согласование может быть частичным: *két*$_{\text{числ}}$ *asszony-ø*$_{\text{сущ(ед.ч)}}$ *vagy két*$_{\text{числ}}$ *ember-ø*$_{\text{сущ(ед.ч.)}}$ *találkozt-a-k*$_{\text{гл(Зл.мн.ч.)}}$ *és folytass-á-k*$_{\text{гл(Зл.мн.ч.)}}$ (две женщины или двое мужчин встретились и продолжают [этот разговор]). После числительного употреблено существительное в единственном числе, однако затем информант использует два глагола во множественном числе. По всей видимости, информант хотел согласовать по смыслу глаголы с именной группой, поскольку в ней он отдельно перечислил женщин (*két asszony*) и мужчин (*két ember*).

Как и многие рассмотренные явления, использование после числительного имен и глаголов во множественном числе неустойчиво. Даже в речи одного информанта эти формы могу употребляться параллельно, ср. примеры: *sok*$_{\text{кол.сл}}$ *svá́b-o-k*$_{\text{сущ(мн.ч.)}}$ *volt-a-k*$_{\text{гл(3л.мн.ч.)}}$ (было много немцев), *sok*$_{\text{кол.сл.}}$ *kolonista-ø*$_{\text{сущ(ед.ч.)}}$ *volt-ø*$_{\text{гл(3л.ед.ч.)}}$ (было много колонистов).

У числительных была зафиксирована еще одна особенность: неразличение форм *két* и *kettő*. Если после числительного *két* могут следовать имена, то после числительного *kettő* этого быть не может. Однако в речи информантов встречаем: *úgy volt egy magyar osztály meg* ***kettő*** *szerb osztály* (так было, один венгерский класс и два сербских класса) (НС). Поддерживающим явлением здесь могла послужить ситуация контакта с сербским языком, в котором одна форма числительного употребляется в обеих позициях.

12.14. Формы личных местоимений

В области личных местоимений повсеместной особенностью является форма *mink* для первого лица множественного числа (стандартное венгерское — *mi*): ***mink*** *is öten voltunk* (нас было пятеро) (Ск); ***mink*** *idehaza nincsenek* (у нас дома их нет) (НС). В селе Михайлово в центральном Банате распространены следующие формы личных местоимений: 1 л. ед.ч.: *én*, 2 л. ед. ч.: *té*, 3 л. ед.ч.: *ű*, 3 л. ед.ч. (вежливое): *maga*, *kend*, 1 л. мн.ч.: *mink*, 2 л. мн.ч.: *tik*, 3 л. мн.ч.: *űk*, 3 л. мн. ч. (вежливое): *maguk*, *kendtök*[6] (М). В литературном венгерском языке формы 1 л. мн. ч. и 2 л. мн. ч. употребляются без конечного *-k*, признака показателя множественного числа.

12.15. Сравнительные конструкции

Использование падежа с окончанием *-tól/-től* вместо падежа с окончанием *-nál/-nél* в сравнительных конструкциях — явление, известное венгерским диалектам. На это указывает Л. Гёнц [Göncz 2004, 117]. Распространено оно и в речи наших информантов, причем, как и многие другие лингвистические явления, конкурирует

[6] За предоставленную информацию благодарю Розалию Секереш, школьного учителя в селе Михайлово.

в речи одного информанта со стандартными формами: *ha öt**nél** több | akkor nyítnak osztályt* (если больше пяти, тогда открывают класс) (В); *kettő van még fiatalabb **tőlem*** (есть двое, кто моложе меня) (В). Венгерскому падежу с окончанием *-tól/-től* соответствуют часто сочетания с предлогом *od*, тогда как аналогом падежу с окончанием *-nál/-nél* являются сочетания с предлогом *kod*. С помощью этого предлога образуются также сравнительные конструкции в сербском языке: *Marko je stariji od mene* (Марко старше меня). Вероятно, именно это явление в сербском языке поддерживает употребление падежа с окончанием *-tól/-től* в речи информантов. В некоторых случаях можно говорить о полноценном калькировании сербской конструкции.

12.16. Притяжательные конструкции

В социолингвистической литературе, посвященной использованию венгерского языка за пределами Венгрии, описано явление утраты притяжательного окончания у имен в конструкциях типа: *neki van valamije/neki van valami* (у него есть что-то) [Lánstyák-Szabómihály 1997, 68–69]. У конструкции *neki van valami* притяжательное окончание может отсутствовать по причине смешения с конструкцией *nála van valami*, в которой, действительно, притяжательное окончание излишне.

Помимо отдельных случаев фиксации именно этого явления, в собранном нами корпусе мы встретили другое явление, происходящее в данной конструкции и привлекшее наше внимание. Речь идет о конструкции *valaki van valamije* (у кого-то есть что-то). Ср. пример: *főleg idősebbek mennek | aki-k*$_{\text{им.п.мн.ч.}}$ *van ide-jük*$_{\text{сущ.притяж.3л.ед.ч.}}$ (главным образом, идут пожилые, у которых есть время) (НС). В данном случае окончание у обладаемого имеется, однако обладатель не употребляется в падежной форме с окончанием *-nak/-nek*, а используется без окончания — в именительном падеже. Происходит нарушение всей структуры притяжательной конструкции. Двуязычные информанты могут опираться на сербский язык, в котором структура притяжательности иная: *ja imam nešto*. Здесь обладатель стоит в именительном падеже, далее следует переходный глагол *imati* и прямое дополнение в винительном падеже. По всей видимости, именительный падеж в приводимом примере мог быть употреблен с опорой

на сербскую притяжательную конструкцию. Притяжательное окончание *-jük* сигнализирует о количестве обладаемых предметов и явлений. Это окончание могло остаться от полноценной притяжательной конструкции *valakinek van valamije*.

С другой стороны, в венгерском языке распространена тенденция неиспользования окончания *-nak/-nek*, например, в конструкциях дистантного расположения обладателя и обладаемого или в многочленных притяжательных конструкциях. Однако в этих случаях возможно затуманивание смысла [Lánstyák-Szabómihály 1997, 47–48]. В приводимом примере информант мог следовать этой тенденции в венгерском языке, хотя сам пример не относится к тем случаям, когда возможен пропуск окончания *-nak/-nek*.

В конечном итоге, мы можем говорить о контаминации языковых конструкций в рамках одного высказывания.

12.17. Сербизмы

В лексике информантов фиксируется большое количество заимствований из сербского языка[7]. Отмечаются они у всех информантов, во всех населенных пунктах, которые нам удалось обследовать. Большее количество сербизмов все же наблюдается у венгров в Нови-Саде, поскольку они проживают в урбанизированной среде и в сербском окружении. В исследованиях, посвященных языку воеводинских венгров, часто приводятся списки наиболее частотных сербизмов [Kovács Rácz 2011, 331–372; Dragin 2015, 175–178], среди которых можно увидеть лексемы, охватывающие различные сферы жизни. В рамках международного проекта составлен электронный словарь лексики венгров, проживающих в сопредельных с Венгрией странах (проект «Termini»[8]), куда также вошла лексика, используемая воеводинскими венграми.

Поскольку в центре нашего внимания оказывается понятие «чужой голос», при его рассмотрении актуализируется универсальная

[7] Перечисленный список заимствованных слов в [12.17] и [12.18] (сербизмов и германизмов) не является полным. Мы не ставили задачу сопоставительного изучения лексики, а стремились показать контексты ее функционирования, дать некоторые примеры.

[8] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ht.nytud.hu/htonline/htlista.php?action=firstpage (14.04.2016).

оппозиция «свой/чужой». Под чужим голосом могут подразумеваться «не свои» элементы, элементы структуры другого языка. Однако понятие «свой/чужой» в условиях этнокультурных контактов размывается. В процессе использования языка многие «чужие» элементы воспринимаются как «свои», и наоборот. Так, для обозначения административных учреждений повсеместно используются сербские слова, тогда как венгерские соответствия просто незнакомы говорящим. В связи с этим стоит привести высказывание Т. В. Цивьян о взаимодействии своего и чужого в балканских языках: «*Чужой* (курсив — Т. В. Цивьян) может восприниматься не только как враг, но и как партнер по контактам, как потенциальный друг; соответственно и *чужой язык* становится необходимым инструментом коммуникации, и в этом своем качестве он равноправен *своему*, он потенциально *свой*. Повышенная бережность в сохранению и обогащению *своего языка* сочетается с гибким отношением к *чужим* (по меньшей мере, признается неединственность своего)» [Цивьян 2008, 149]. Это наблюдение приобретает особую ценность при рассмотрении и таких фактов, как переключение кодов.

Нам встретилось много заимствований, обозначающих современные реалии. Т. Петрович, рассматривая языковую ситуацию у белокраинских сербов в Словении, отмечает, что в сербском сообществе «феномены современного общества связаны исключительно со словенским языком» [Petrović 2009, 146]. Приводимые нами примеры, конечно, выборочны, тем не менее они показывают степень инкорпорации сербских лексических элементов в венгерский язык, а также свидетельствуют о том, какие реалии заимствуются. Важно отметить, что одни сербизмы могут быть укоренившимися заимствованиями (именно их и приводят информанты в своих нарративах о влиянии сербского языка), тогда как другие — окказиональными, сиюминутными, проникшими в речь информанта спонтанно. Анализируя заимствованные лексемы в сербском говоре в Сигетчепе на территории Венгрии, М. Илич приходит к выводу, что заимствования — из турецкого, немецкого, венгерского языков — используются наравне со стандартными сербскими эквивалентами не только молодежью, но и пожилыми информантами: *bronca/zvono* «колокол», *pendžer/prozor* «окно», *ćurpija/most* «мост», *ſašange/poklade* «масленица», *vonat/voz* «поезд», *koštovati/probati* «пробовать на вкус», *parasnik/seljak* «крестьянин» [Ilić 2014, 141].

Среди сербизмов встречаются славизмы: *ez* ***plocsa*** *minden* | *nem kell levenni* (здесь везде плитка$_{серб}$, не нужно снимать [обувь]) (Ск); ***rokoltam*** *Horvátországba* (я служил$_{серб}$ в Хорватии) (Ск); *felraktuk a kocsira* | ***prikolica*** | *rakjuk hogy hűljön ki* (мы грузим на повозку, прицеп$_{серб}$, погрузили, чтобы остыло) (Ск); nekem *az nem* ***szmétált*** | *szóval* | *úgy neveltek a szüleim* | *hogy gyerek gyerek* (мне это не мешает$_{серб}$, словом, меня родители так воспитывали, что ребенок — ребенок) (НС); *kicsit érzik az orosz* ***náglászák*** (немного чувствуют русский акцент$_{серб}$) (В); *vagy ha észreveszi* | *van neki* ***náglászáke*** (или если заметит, есть у него акцент$_{серб}$) (НС); *jöttek* | *próbáljátok* ***prohát*** (они пришли, попробуйте кукурузный хлеб$_{серб}$) (А); *ők* | *szerbül* | *cigányul* | *magyarul* | *az* ***obavezno*** *minden cigány tudja* (они, по-сербски, по-цыгански, по-венгерски, обязательно$_{серб}$ каждый цыган знает) (А); *nekem is vannak* ***rogyákok Beogradban*** (у меня также есть родственники$_{серб}$ в Белграде$_{серб}$) (Ан); *s végén szembe van a normális óvoda* | ***predskolszka usztánová*** | *ahová járnak a gyerekek minden nap* (и в конце [села] есть нормальный детский сад, дошкольное$_{серб}$ учреждение$_{серб}$, куда ходят дети каждый день) (В).

Можно также выделить слой сербизмов, которые в свою очередь являются заимствованиями из других языков, в том числе и из турецкого: *volt sok* ***kajszija*** | *ott kajszibarack volt* (было много абрикосов$_{серб}$, там были абрикосы) (А); *az itteni* ***csicsa*** *cukrász ez macedóniai albán* (местный «дядя»$_{серб}$, кондитер, македонский албанец) (А); *rendes út se volt itt* | *az* ***a turszká káldrmá*** | *ami volt* | *úgyhogy az busz csak kétszer jött* (даже нормальной дороги не было здесь, была булыжная мостовая$_{серб}$, так что автобус приезжал только два раза) (Ск); *éjfél után ment a* ***szárma*** (после полуночи были голубцы$_{серб}$) (НС).

Большое количество сербизмов интернационального или английского происхождения: *nem köll* | *van* ***mobilni*** (не нужно, есть мобильный$_{серб}$) (Ск); *orvosira jártam* | *lehallgattam az 5 évet* | ***apszolváltam*** (я ходил на медицинский факультет, отслушал пять лет, закончил (без диплома)$_{серб}$) (НС); *mert nem volt a* ***pászosom*** *megcsinálva* (потому что у меня не был сделан паспорт$_{серб}$) (В); *vagy egy* ***komplet szpotot*** (или один полный$_{серб}$ клип$_{серб}$) (НС); *szokszor használnak magyar szavakat szerb igékkel* | ***prefiksz*** | ***szufikszokkal*** (много используют венгерские слова с сербскими глаголами, приставка$_{серб}$, с суффиксами$_{серб}$) (НС); *idegen nyelv ha van* | ***szinkronizálunk*** (если есть иностранный язык, мы делаем дубляж$_{серб}$) (НС); *beszéltek magyarul* | *mint szerbül* | ***paralelno***

| *kezdtek beszélni magyarul és szerbül* (они говорили по-венгерски, как и по-сербски, параллельно$_{серб}$, они начали говорить по-венгерски и по-сербски) (НС); *akkor magyar* ***ambaszádban*** *volt kiállítás* (тогда была выставка в венгерском посольстве$_{серб}$) (В); *városi televízió* | ***lokalná televizijá*** | *hát igen* | *de annak keretében* | *nagyon nagyon kis pénzt kapunk* (городское телевидение, местное$_{серб}$ телевидение$_{серб}$, ну да, но в рамках этого, мы получили очень-очень небольшие деньги) (В); *általános tantárgyak* | ***hémia*** | *fizika* (общие предметы, химия$_{серб}$, физика) (НС); *nincs semmi* ***problem*** (нет никакой проблемы$_{серб}$) (В).

Некоторые из этих заимствований имеют минимальные отличия от венгерских аналогов, что может служить основой для смешения этих слов (в частности, в одном-двух звуках): серб. *problem* — венг. *probléma*, серб. *hemija* — венг. *kémia*. Билингвальные омофоны играют значительную роль при облегчении трансфера и в переключении кода [Clyne 2003, 164–165].

Среди сербизмов фиксируются также названия национальностей: ***boszánácok*** | ***siptárok*** (боснийцы, албанцы) (Ск). В отдельную группу следует отнести дискурсивные маркеры, междометия, союзы: *a gyerekek* | *logikus volt* | *hogy hát most* | ***ajde*** | *a környezet nyelv szerb* (дети, было логично, что, ну, сейчас, ладно$_{серб}$, окружение сербское) (НС); *hát énnekem most kell főznöm* | *este felé* | *ha ma* | *úgy három óra felé vagy* | ***ajmo*** | *megbeszélem és akkor jelentem* (ну, мне сейчас нужно готовить, ближе к вечеру, если сегодня, к трем часам или, давай$_{серб}$, я поговорю и тогда сообщу) (НС); *ott viszont szerbet tanította* | *még hozzá* | *aki nem is szólt magyarul* | ***pa*** *biztos hogy értett* | *de ő úgy érezte hogy nem tud annyira* (а там сербский преподавал, и к тому же, кто не говорил по-венгерски, ну$_{серб}$ конечно он понимал, но он чувствовал, что не знает [язык] настолько) (А). Некоторые из зафиксированных сербизмов упоминали сами информанты в качестве иллюстрации влияния сербского языка на венгерский язык в Воеводине. Сербизмы также употребляются в том случае, если речь идет о национально-окрашенной лексике. Так, в высказывании: *ezek* ***dobrovoljácok*** *voltak*[9] (эти были добровольцы) (Ск) информант говорит о добровольцах, участниках Первой мировой войны, которым власти Королевства сербов

[9] Конкретный пример интересен тем, что множественное число этого слова (*dobrovoljácok*) в венгерском языке образовано от основы единственного числа сербского прототипа — *dobrovoljac* — с сохранением беглого гласного *a*.

хорватов и словенцев, позже — Югославии, давали земли в Воеводине, в том числе в местах, где проживали венгры (серб. *dobrovoljac*). Сербское слово закрепилось для обозначения этой группы людей.

Нами отмечено много безэквивалентной лексики в названии блюд сербской кухни: *mondjuk | nincs már se* ***csevápcsicsa*** *se* ***pleszkávica*** *semmi* (скажем, уже нет ни чевапчичей, ни плескавицы) (Ск).

Рассмотрим степень адаптации сербизмов в приведенных высказываниях. Глаголы и существительные осваиваются языковой системой принимающего венгерского языка, получают соответствующее грамматическое оформление, тогда как прилагательные, употребленные в качестве определения при существительном, остаются в исходной форме. В неизменяемой форме употреблены и наречия, хотя для их «мадьяризации» имеются все возможности. Так, неизмененным остались прилагательное *turszká* (*török*) в словосочетании *turszká káldrmá* (булыжная мостовая, букв. турецкая булыжная мостовая) и наречия *obavezno* и *paralelno* (венг. *paralelosan*). Вероятно, словосочетание *turszká káldrmá* было употреблено в таком виде, поскольку информант счел его более адекватным для передачи обстоятельств высказывания. Некоторые интернациональные лексемы используются в сербской огласовке: *hémia*. В данном случае происходит сближение по звучанию, отличие от венгерского языка заключается в начальном звуке *kémia*.

Отметим пример семантической кальки, встретившейся в нашем корпусе: *alá- lenézés a két falu közt* (презрение между двумя деревнями) (В). Информант начинает высказывание и, не закончив его, делает паузу, затем продолжает. Пауза длится недолго. Употребленный в самом начале элемент *alá-* является приставкой, которую, по всей видимости, информант хотел присоединить к отглагольному существительному *nézés*: *alánézés* (пренебрежение). Это было бы калькированием первого элемента сербского отглагольного существительного *pot-cenjivanje*, переводящегося на русский язык как «пренебрежение». Сербская приставка *pot-* и предлог *pod* по своему значению соответствуют венгерской приставке *alá-* и послелогу *alá*. Этот параллелизм можно усмотреть в некоторых глаголах, напр.: *alá-írni — pot-pisati* (подписать). Начав предложение с элемента *alá-*, информант ориентировался на сербское отглагольное существительное *pot-cenjivanje*, вторая часть которого, однако, не соотносится с венгерским аналогом *le-nézés*. В результате мы видим сомнения информанта, колебания, затем — самокоррекцию и выбор стандартного венгерского варианта.

12.18. Германизмы

Помимо сербизмов (и выделяемой в их составе несербской по происхождению лексики) в речи воеводинских венгров отмечаются германизмы. Наличие германизмов объясняется тем, что венгры долгое время находились в контакте с немецкоязычным населением как на территории самой Венгрии, так и на территории Бачки, Баната и Срема. Немецкое население было выселено из Воеводины после Второй мировой войны. Совместное проживание немцев и венгров в Воеводине не могло не повлиять на лексику венгерского языка. Очевидно, что германизмов зарегистрировано меньше, чем сербизмов, поскольку влияние немецкого языка (если не считать школьного обучения) за послевоенное время было небольшим. Отдельные случаи, такие, как трудовая миграция в немецкоязычные страны со второй половины XX века, не могут быть отнесены к естественным контактам венгров и немцев на территории Воеводины. Приведем высказывания информантов, содержащие германизмы: *amint mondtam | mester |* ***suszter***[10] *volt | azelőtt* (как я сказала, мастер, портной был, прежде) (Ск); *szerbül beszéljek | a* ***kumsáftokkal***[11] (чтобы мне по-сербски говорить, с клиентами) (НС); *volt legalább egy hétre való* ***früstükje*** (по крайней мере, было на неделю вперед, чем завтракать) (А); *akkor* ***frustukra*** *kellett harangozni* (тогда [в школе] нужно было звонить на завтрак) (А).

Адаптация германизмов могла происходить по-разному. Так, заимствование из немецкого языка (*Frühstück* — завтрак) один информант употребляет с гласными переднего ряда (***früstükje***), другой информант — с гласными заднего ряда (***frustukra***).

12.19. Функционирование топонимов

Отдельного рассмотрения требует функционирование географических названий в речи воеводинских венгров. Здесь мы будем разделять два явления: функционирование географических названий, заимствованных из сербского языка, и окончания падежей, обозначающих движение к месту, движение от места, местонахождение.

---

[10] *Schuster* — нем. портной.

[11] *Kundschaft* — нем. клиент.

12.19.1. Топонимы в Воеводине

В Воеводине, согласно законам, принято указывать название населенного пункта на языке национальных меньшинств, если их доля в составляет более 15% [Bašić, Crnjanski 2006, 101]. Соответственно, населенные пункты, в которых венгров более 15%, имеют официальное двуязычие. Названия таких населенных пунктов указаны при въезде, а также на административных и культурных учреждениях.

К. Страуд и С. Мпендукана говорят о том, что концепт «места актуализируется через использование языка в вывесках и в публичной демонстрации говорящих, в их поведении и при общении» [Stroud, Mpedukana 2009, 364]. Исследователи отмечают, что «язык дорожных указателей и вывесок, реклама, названия улиц, мест, вывески магазинов, надписи на административных зданиях формируют лингвистический ландшафт данной территории, региона или городской агломерации» [Laundry, Bourhis 1997, 25]. Лингвистический ландшафт позволяет выяснить «перспективу сосуществования и конкуренции различных языков и письменностей, как они взаимодействуют, влияют друг на друга в конкретной местности» [Backhaus 2007, 145]. Так, П. Колуцци, изучив вывески в двух итальянских городах, Милане и Удине, пришел к выводу, что фриульский язык и миланский диалект западноломбардского языка меньше всего присутствуют в языковом ландшафте исследуемых городов [Coluzzi 2009, 13–14]. Использование баскского языка «в двуязычных надписях в Доностии не столько несет информативную нагрузку, поскольку все могут получить информацию на испанском языке, сколько имеет символическую функцию, связанную с эмоциональными факторами и восприятием баскского языка как символа идентичности» [Cenoz, Gorter 2006, 79]. Исследование А. Драгин показывает, что информант, проживающий в районе Телеп в г. Нови-Сад, использует сербские конструкции при назывании улиц и административных учреждений [Dragin 2015, 175]. В нашей работе больше внимания уделено ментальному языковому ландшафту, т. е. мы хотели выяснить, какое название населенного пункта закреплено в сознании говорящих и чаще используется в устной речи.

В среде воеводинских венгров также распространены собственные названия населенных пунктов. Исторически сложилось, что многие населенные пункты в Воеводине имеют варианты названий

на сербском, венгерском, а также до окончания Второй мировой войны — и на немецком языке. Эти языки в разное время являлись официальными в крае. На территориях, где проживают представители румынского, русинского, хорватского национального меньшинств, функционируют локальные варианты названий на этих языках. Некоторые наши информанты говорили, что в Воеводине закон соблюдается и венгерские названия населенных пунктов указаны на дорожных знаках. Однако было также отмечено, что на таких вывесках венгерскому названию предшествует надпись на сербском языке сначала на кириллице, а затем на латинице, т. е., таким образом, сербский язык занимает визуально больше места.

12.19.2. Двуязычные топонимы

Л. Молнар-Чикош приводит историю формирования двуязычных топонимов на территории Воеводины. Так, в межвоенный период в венгерском языке использовались сербизированные названия (*Szubotica*, *Szenta* и т. д.) [Molnár Csikós 2016, 145]. После Второй мировой войны венгерские названия стали входить в обиход, в том числе в местных венгероязычных СМИ. С 2000-х гг. по поручению Венгерского национального совета приступила к работе языковая комиссия по упорядочиванию географических названий на венгерском языке. Список всех венгерских названий населенных пунктов в Воеводине приведен в статье [Molnár Csikós 2016, 152–165].

В одних случаях географические названия могут совпадать в сербском и венгерском языках при минимальных отличиях, свойственных фонетической системе каждого из языков (напр., долготы в венгерском): серб. *Kula* — венг. *Kúla*; серб. *Ada* — венг. *Ada*; серб. *Apatin* — венг. *Apatin*; серб. *Čoka* — венг. *Csóka* и др. Названия часто отличаются составом согласных в исходной основе: серб. *Senta* — венг. *Zenta*; серб. *Đurđin* — венг. *Györgyén*; серб. *Mol* — венг. *Mohol.*

Географические названия могут быть кальками: серб. *Mala Bosna* — венг. *Kisbosznia*; серб. *Mali Pesak* — венг. *Kishomok*; серб. *Male Pijace* — венг. *Kispiac*; серб. *Doline* — венг. *Völgyes*; серб. *Totovo Selo* — венг. *Tóthfalu*; серб. *Višnjevac* — венг. *Meggyes* и др.

Наряду с вышеперечисленными типами схождений, существует большое количество географических названий, имеющих разную мотивационную основу номинации в сербском и венгерском языках: серб. *Stara Moravica* — венг. *Bácskossuthfalva*; серб. *Gornja*

Rogatica — венг. *Andrástelke*; серб. *Trešnjevac* — венг. *Oromhegyes*; серб. *Belo Blato* — венг. (*Nagy*) *Erzsébetlak*; серб. *Banatsko Aranđelovo* — венг. *Oroszlámos* и др. Иногда в венгерском языке сохраняется прежнее название населенного пункта, которое раньше было распространено и в сербском языке. Так, до переименования в Зренянин (в честь народного героя Ж. Зренянина) город назывался по-сербски *Veliki Bečkerek*, что до сих пор отражается в венгерском названии города *Nagybecskerek*.

В речи воеводинских венгров, как показал анализ нарративов, сербские названия населенных пунктов функционируют параллельно с венгерскими. Чаще всего может действовать прагматический подход: вместо длинного венгерского названия употребляется короткий сербский аналог. Отмечено также несколько случаев использования сербской формы названия, когда речь идет о различиях в составе согласных в исходной основе. Кроме того, для венгерского языка характерно использование падежей суперессива (*-n*), сублатива (*-ra/-re*) и делатива (*-ról/-ről*) с географическими названиями, которые располагаются на территории Венгрии и на тех территориях, которые входили в состав Венгрии [Göncz 2004, 125]. Географические названия за пределами этих границ употребляются в падежах инессив (*-ban/-ben*), иллатив (*-ba/-be*) и элатив (*-ból/-ből*), ср.: *Szabadká-ra*$_{\text{субл}}$ *megyek* (я еду в Суботицу) и *Moszkvá-ba*$_{\text{илл}}$ *megyek* (я еду в Москву). В собранном нами корпусе мы проследили частоту использования падежей первой и второй группы. Нас также интересовали производные от географических названий.

12.19.3. Топонимы за пределами исторической Венгрии — первая степень близости

Рассмотрим для начала функционирование географических названий, находящихся за пределами границ тех территорий, которые некогда входили в состав Венгрии. Приведем примеры из высказываний информантов: *mert ő Szkopjébe is volt* | ***Makedoniába***$_{\text{серб}}$ *hozták őket* (потому что он был в Скопье, их повезли в Македонию) (Ск); ***Crná Gorából***$_{\text{серб}}$ *s mit tudom én honnan* (из Черногории и откуда я знаю еще) (Ск); *a második világháború után* ***Makedoniából***$_{\text{серб}}$*, itt környéken is két falu* | *mind makedonok* (после Второй мировой войны из Македонии, здесь в окрестностях есть две деревни, [там] все македонцы) (НС); *Szerbiából és* ***Nis*** *környékén* (из Сербии и окрестностей Ниша)

(НС); *Boszniából jöttek* | ***Crná Gorából***$_{\text{серб}}$ *jöttek* (они приехали из Боснии, приехали из Черногории) (НС).

Для некоторых из приведенных здесь названий стран существует венгерский аналог. Так, сербскому *Makedonija* соответствует венгерское *Macedónia*. Сходный фонетический состав может ввести в заблуждение носителя венгерского языка и спровоцировать его на использование сербского аналога. Однако некоторые географические названия значительно различаются в сербском и венгерском языках. Например, сербскому названию *Crna Gora* (Черногория) соответствует в венгерском языке заимствованное *Montenegró*, что, однако, не влияет на факт их смешения, в речи информантов могут употребляться оба наименования.

12.19.4. Топонимы за пределами исторической Венгрии — вторая степень близости

Вторая степень близости — название населенных пунктов, некогда входивших в орбиту влияния венгерского государства: *megcsinálták a hidat* | *a Dunán* | ***Szmederevóra***$_{\text{серб}}$ (сделали мост, на Дунае, в Смедерево) (Ск); *s akkor* ***Szmedreván***$_{\text{серб}}$ (и тогда в Смедереве) (Ск); *akkor van* ***Golubovác***$_{\text{серб}}$ ***Galambos***$_{\text{венг}}$ *magyarul, az még régi magyar királysági vár volt* (еще есть Голубовац, Галамбош[12] по-венгерски, это был старинный венгерский королевский замок) (Ск); *hát nekünk* ***Belgrád***$_{\text{венг}}$ *közel van* (ну, для нас Белград близко) (Ск); *mert valamikor sokat jártuk le* ***Beográdba***$_{\text{серб}}$, *ők idejöttek* (потому что когда-то много ездили в Белград, они сюда приезжали) (А).

Город, расположенный на противоположной стороне Дуная и не входящий в Воеводину — Смедерево, имеет венгерское название *Szendrő*, которое информантами ни разу не было использовано. Интересно, что для обозначения направления в город и нахождения в нем используются падежи сублатив и суперессив, которыми оформляются географические названия, исторически входившие в состав венгерского государства (*Szmederevóra, Szmedreván*). О принадлежности г. Голубовац венгерскому государству в прошлом упоминает сам информант в качестве комментария венгерского названия (*Galambos*),

[12] В данном разделе при передаче на русский язык географических названий, используемых в венгерском языке, мы стремимся отразить особенности венгерского языка.

которое он употребил вслед за сербским (*az még régi magyar királysági vár volt* (это был старинный венгерский королевский замок)). В сознании информанта наличие венгерского названия связано с принадлежностью к венгерскому культурно-историческому пространству. Контекстов, в которых могли бы быть употреблены падежи направления и местонахождения, в нашем корпусе не было. Название столицы Сербии, Белграда, встречается в двух вариантах — венгерском (*Belgrád*) и сербском (*Beográdba*). Сербский вариант названия города также отмечен в идиолекте информанта в исследовании А. Драгин [Dragin 2015, 175]. Здесь же мы видим, что используется падеж иллатив для выражения значения местонахождения.

Высказывание информанта, в котором упоминается г. Голубовац, следует рассмотреть подробнее: *akkor van* ***Golubovác***$_{\text{серб}}$ | ***Galambos***$_{\text{венг}}$ *magyarul* | *az még régi magyar királysági vár volt* (есть Голубовац, Галамбош по-венгерски, это был старый венгерский королевский замок) (Ск). Интерес представляет *стратегия удвоения* названия, когда информант повторяет на другом языке название населенного пункта. Эта стратегия реализуется не только при использовании географических названий, она в принципе характерна для билингвальных ситуаций. Так, А. А. Плотникова, рассматривая высказывания русских старообрядцев-липован, проживающих в Румынии, отмечает, что «при повторе рассказчик как бы сам себя страхует, дважды повторяя сказанное, но на разных языках (это бывает в ситуации общения, когда собеседник из России, а также в случаях, когда оба — старообрядцы из Румынии). Не исключено также, что использование эквивалентов на разных языках может свидетельствовать о сознательном разграничении в речи румынских и русских слов» [Плотникова 2016, 97]. В статье о русской речи старообрядцев, проживающих в Болгарии, И. А. Седакова пишет, что «русские и болгарские лексемы вводятся в речь параллельно, т. е. ... с переводом, дублированием», напр.: *бърз*у *по́мощ, ско́ру по́мощь кли́чу* [Седакова 2008, 212]. С. Чиркович, ссылаясь на современные прагмалингвистические исследования, пишет, что повторение в разговорном языке является универсальным явлением (и в диалектном, и в стандартном идиоме) [Ћирковић 2012, 97], кроме того, повторения являются фольклорной универсалией и встречаются чрезвычайно часто в устной наррации [Сикимић 2004б, 44–45]. Е. М. Земская, анализируя русскую разговорную речь, приходит к выводу, что «конструкции

с повторами используются как: 1) экспрессивное средство, 2) средство актуализации тех или иных элементов высказывания, «склеивающее» разрыв в цепи синтаксических связей» [Земская 1979, 171]. Дж. Гамперц использует для обозначения подобных явлений термин *reiteration* (повтор) [Gumperz 1982, 78–79]. Л. Тситсипис употребляет термин *coupling* и считает эти случаи разновидностью переключения кода, которая заключается в повторении информации на другом языке [Tsitsipis 1998, 74]. Т. Петрович считает, что данная стратегия не столько является средством для акцентирования авторитета рассказчика и определенных моментов содержательного плана, сколько обусловлена самими собеседниками [Petrović 2009, 147]. Так, повторы могут быть реакцией на внешние обстоятельства, например, на присутствие лица, которое не понимает один из языков; еще одной причиной может являться самокоррекция, когда часть высказывания произнесена на другом языке и информант стремится сам исправить ситуацию [Там же, 147–148]. П. Лайхонен называет такие случаи *repair sequence*, т. е. речь идет о самокоррекции [Laihonen 2008, 684]. Е. Д. Бондаренко полагает, что перевод («своеобразный “перевод” с местного языка на язык собеседника») является разновидностью рефлексии над формами существования языка, реализуемой при социальном, диалектном или межъязыковом переключении [Бондаренко 2015, 78].

Что касается ситуации одновременного использования двух названий одного населенного пункта, то здесь можно привести в качестве примера эстонско-русскую языковую ситуацию: «моя родина — это мой край, где большинство названий употребляется на двух языках. За примерами далеко ходить не надо; озеро Чудское и Peipsi, реки Пижма и Нарова — Piusa и Narva, города Псков и Pihkva, Юрьев и Tartu, Изборск и Irboska, Печоры и Petseri, Сыренец и Vasknarva» [Хинрикус, Паклар (сост.) 2005, цит. по Костанди 2015, 37–38]. Видно, что при характеристике широкой полосы эстонско-русского пограничья информант выделяет двуязычные наименования населенных пунктов в качестве символа собственной идентичности.

По всей видимости, существование двух наименований может рассматриваться воеводинскими венграми как факт собственной идентичности, и при упоминании названия на другом языке всякий раз происходит ее актуализация. Кроме того, необходимо учитывать

то обстоятельство, что информанты хотели максимально полно представить описываемую ситуацию в разговоре с исследователем, поэтому и была выбрана стратегия повтора. Эта стратегия отмечена также в разговорах информантов друг с другом. Вероятно, повтор действительно можно оценивать как переключение кода на очень коротком речевом отрезке. Использование названия из другой лингвистической системы может быть сигналом для переключения кода, выходящим за границы собственно географических наименований. Можно также предположить, что данная стратегия вводится при разговоре с «чужими», не близкими людьми, и таким образом пространство разграничивается на «свое» и «чужое». Наличие этих показателей делает высказывание направленным на внешнего пользователя. Ближнему кругу подобные уточнения могут быть не важны. Показательно и то, какие элементы выбираются для толкования, а какие остаются за рамками пояснения.

12.19.5. Названия исторических частей Воеводины — Бачки, Баната и Срема

Названия трех основных областей Воеводины — Бачки, Баната и Срема — встречаются в следующей форме: *zöme* ***Bácskából***$_{\text{венг/серб}}$ | ***Bánátból***$_{\text{серб}}$ | ***Szeremségből***$_{\text{венг}}$ *nem sokan* (большинство из Бачки, Баната, из Сремшега не много) (НС); *én településtem ide* ***Bánátból***$_{\text{серб}}$ (я переселилась сюда из Баната) (НС); *ez* ***Bánát***$_{\text{серб}}$ | *ahol tanultam* (это Банат, где я учился) (НС); ***Bánátban***$_{\text{серб}}$ *pedig ritkábban* (а в Банате это реже) (НС); *de már az édesanya* ***szremi*** *születésű* (но уже моя мама родилась в Среме) (НС); ***Szeremségbe***$_{\text{венг}}$ *van* | ***Szrembe***$_{\text{серб}}$ | *itt van szintén* (в Сремшеге есть, в Среме, здесь также есть) (НС).

Для наименования региона Бачка не существует особых отличий в обоих языках: серб. *Bačka*, венг. *Bácska*. Две остальные области — Банат и Срем — имеют разную форму в сербском и венгерском языках: серб. *Banat*, венг. *Bánság*, серб. *Srem*, венг. *Szeremség*. Однако информанты чаще используют сербские географические названия: *Bánát*, *Szrem*(*i*). Вероятно, в сознании говорящих выстраивается выравнивание: если для Бачки идентичное название в двух языках, значит, названия остальных областей также должны быть идентичны. Тем не менее эта логика не везде оказывается оправданной, поскольку мы наблюдаем случаи параллельного употребления названий в пределах одного высказывания.

12.19.6. Стратегия повтора, метаязыковые высказывания

В следующей группе примеров реализуется стратегия удвоения, повтора географического названия. В собранном нами корпусе эта стратегия представлена достаточно широко. Однако в материалах полевых исследований П. Лайхонена из румынского Баната данная речевая стратегия встречается редко. Единственным случаем, когда информанты используют соответствующие аналоги географических названий на других языках, является следующий пример [Laihonen 2008, 676][13]:

[12.19.6.1.] IR:...*hogy öö hol született.*
IE: *Angyalkúton* (.) *magyarul Angyalkút románul Fîntînele és németül Engelsbrun.*

IR:. ... где вы родились?
IE: В Андьялкуте (.) по-венгерски Андьялкут, по-румынски Фынтынеле и по-немецки Энгельсбрун.

В нашем же корпусе высказывания, в которых была отмечена данная стратегия, многочисленны, приведем лишь некоторые примеры: *hoztak meg* ***Belo Blatoról***$_{\text{серб}}$ | *elég messze* | ***Erzsébetlak***$_{\text{венг}}$ | *Becskerek körül* (приводили из Белого Блата, достаточно далеко, Эржебетлак, рядом с Бечкереком) (Ск); *csak itt* ***Vojlovicán***$_{\text{серб}}$ | ***Hertelendyfalván***$_{\text{венг}}$ (только здесь в Войловице, в Херетелендифалве) (В); *aki elindul magyar tagozatra* | *ha meg akarnak tovább menni magyarul* | *vagy* ***Novi Szádra***$_{\text{серб}}$ | ***Újvidékre***$_{\text{венг}}$ *kell menjenek* (кто идет на венгерское отделение, если дальше хотят учиться на венгерском, или в Нови-Сад, в Уйвидек им нужно ехать) (В); *a rádiót intenzívan hallgattam* ***Becskereken***$_{\text{венг}}$ | ***Zrenjaninba***$_{\text{серб}}$ (радио я интенсивно слушал в Бечкереке, в Зренянине) (НС); *én nem újvidéki vagyok* | *én* ***Szabadka***$_{\text{венг}}$ *mellett születtem,* ***Subotica***$_{\text{серб}}$ (я не из Уйвидека, я родился рядом с Сабадкой, Суботицей) (НС); *közép Bánátban van* | *ez* ***Becskerek***$_{\text{венг}}$ | ***Zrenjanin***$_{\text{серб}}$ | *és Kikinda között körülbelül félúton* (он находится в Центральном Банате, это между Бечкереком, Зренянином, и Кикиндой приблизительно на полпути) (НС); *községi titkár is voltam* | ***Szentlászló***$_{\text{венг}}$ | ***Laslovo***$_{\text{серб}}$ | *Haraszti* | *Rátfalu* | *összenőtt Eszékkel* (я также был секретарем в общине, Сентласло, Ласлово, Харасти, Ратфалу, срослось с Эсеком)

[13] Пример приводится в оригинальной орфографии автора.

(А); *mindenki mondott saját nyelvet* | *de csak* ***Eszéken***$_{венг}$ | ***Osijek***$_{серб/хорв}$ | *már Vukováron már nem* | *kevesen voltak* | *.... úgy feleltek vissza Észeken* (все говорили на своем языке, но только в Эсеке, Осиек, в Вуковаре уже нет, их было мало ... так отвечали в Эсеке) (А); *három falu van* | ***Hertelendyfalva***$_{венг}$ | ***Vojlovica***$_{серб}$ | ***Ivanovo***$_{серб}$ | ***Sándoregyház***$_{венг}$ *és Székelykeve* (есть три села, Хертелендифалва, Войловица, Иваново, Шандоредьхаз и Секейкеве) (Ск); *még* ***is Észak-Bánáti körzet***$_{венг}$ | ***Severnobanatski okrug***$_{серб}$ | *az Észak-bácskai az* (а также северо-банатский округ, это северо-бачский) (А); *van néhány református település* | *Bánátban* ***Torontálvásárhely***$_{венг}$ | ***Debeljacsa***$_{серб}$ | *akkor Bácskában* ***Ómoravica***$_{серб}$ | ***Bácskossuthfalva***$_{венг}$) (есть несколько реформатских поселений, в Банате Торонталвашархей, Дебеляча, в Бачке Оморавица, Бачкошшутфалва) (А).

Второе название населенного пункта следует обычно после паузы и может отделяться от первого (напр., в случае, когда информант хочет закончить мысль: *én* ***Szabadka***$_{венг}$ *mellett születtem* | ***Subotica***$_{серб}$ (я родился рядом с Сабадкой, Суботица) (НС), либо, когда поясняются какие-то обстоятельства: *hoztak meg* ***Belo Blatoról***$_{серб}$ | *elég messze* | ***Erzsébetlak***$_{венг}$ (приводили из Белого Блата, достаточно далеко, Эржебетлак) (В)). Порядок следования сербских и венгерских географических названий может быть разным: сербское название может располагаться первым, и за ним следует венгерское название (***Novi Szádra***$_{серб}$ | ***Újvidékre***$_{венг}$) (НС), либо венгерское название выступает на первый план, а сербское располагается за ним (***Becskerek***$_{венг}$ | ***Zrenjanin***$_{серб}$) (НС).

Их очередность может быть смешанной, как в следующем высказывании, где для первого села сначала употреблено венгерское название, а затем сербское, а при обозначении второго села действует обратный порядок: сначала сербское название, затем — венгерское: *három falu van* | ***Hertelendyfalva***$_{венг}$ | ***Vojlovica***$_{серб}$ | ***Ivanovo***$_{серб}$ | ***Sándoregyház***$_{венг}$ *és* ***Székelykeve***$_{венг}$ (Ск). В конкретном примере выбор описанной последовательности может быть объяснен ориентацией информанта на один язык-источник. Так, за сербским названием *Vojlovica* следует дальнейшее перечисление населенных пунктов, в которых проживают буковинские секеи, по-сербски (*Ivanovo*), после чего приводится венгерское название и далее — название третьего населенного пункта на венгерском языке (*Székelykeve*).

В последнем высказывании, приводимом в качестве примера, информант также действует по этому образцу: ***Torontálvásárhely***$_{венг}$ | ***Debeljacsa***$_{серб}$ | *akkor Bácskában* ***Ómoravica***$_{серб}$ | ***Bácskossuthfalva***$_{венг}$ (А). Отличие лишь в том, что в качестве сербского названия он использует венгерскую кальку: серб. *Stara Moravica* — венг. *Ómoravica*. Данное название было распространено в официальном венгерском дискурсе до недавнего времени, и информант мог просто привести два венгерских названия одного села. Однако контекст, в котором употреблено высказывание (рассказ о крае, перечисление населенных пунктов), четко указывает на намерения информанта продублировать географические названия именно на двух языках, что он и делает в первом случае, упоминая *Torontálvásárhely* и *Debeljacsa*.

Стратегия повтора может быть реализована параллельно с комментариями информантов. Таким образом, этой стратегии находится оправдание: комментарий должен разъяснить слушателю использование второго названия. Самыми простыми пояснительными маркерами, которые могут быть признаны переходными от простой последовательности с паузой[14] к многосложным комментариям, является использование союзов и указательных слов (*vagy*, *vagyis*, *az*): ***Nagybecskerektől vagy Zrenjanintól*** *45 kilométer* (НС) (от Надьбечкерека или Зренянина 45 километров); ***Piroson vagyis Rumenkán*** | *itt is* | *ami fele fele volt előbb* (в Пироше или в Руменке, здесь тоже, раньше было половина на половину) (НС); *ahol Zrenjanintől* ***Szerbcsernyeig vagyis Srpska Crnja*** *román átkelőhely van* (где от Зренянина до Сербчернье или Српской Црни находится румынский пограничный переход) (НС); *vannak* ***Zrenjaninba*** | ***az Becskerek*** (есть в Зренянине, это Бечкерек) (Ск). Внимание слушателя акцентируется на втором названии (помимо паузы) с помощью этих лингвистических средств.

Более развернутые комментарии выглядят следующим образом: *a három falu* | *a Székelykeve* | *a* ***Sándoregyház vagyis Ivanovonak mondják*** | *és Hertelendyfalva* (три села, Секейкеве, Шандоредьхаз, или еще говорят Иваново, и Хертелендифалва) (В); *éppen egy része Pancsovának* | *egybenőtt* | ***csak mondjuk Hertelendyfalva*** | ***hogy Vojlovica*** (как раз одна часть Панчева, срослась, только мы говорим Хертелендифалва, что это Войловица) (В); *idevalósiak de nem újvidékiek* | ***Magyarcsernye*** | ***amelyet most Nova Crnjának hívnak*** | *bekerültem gimnáziumba*

[14] В примерах пауза обозначена запятой.

Zrenjaninba | mi Becskereknek mondjuk magyarul (здешние, но не из Нови-Сада, Мадьярчернье, которую сейчас называют Нова-Црня, я попал в гимназию в Зренянине, мы говорим по-венгерски Бечкерек) (НС); *nem volt olyan tiszta | például* ***Bogojevo | Gombos | azt magyarul úgy hívták | hogy Gombos*** (не было таким чистым, например, Богоево, Гомбош, мы его так называли по-венгерски, Гомбош) (А).

Информанты используют пояснительную модель, которую в упрощенном виде можно записать как «*X называется/называем... Y на Z языке*»[15]. Т. Петрович называет такие конструкции «метапрагматическими сигналами» (Petrović 2009, 143). Глагол, описывающий «название», обычно используется в неопределенно-личном значении, часто — в первом лице множественного числа, что призвано подчеркнуть общепринятое употребление двух названий в данном обществе. Формы глаголов в первом лице единственного числа в пояснениях не были нами зафиксированы.

Последовательность разъяснения может быть разной. Если речь идет о пояснении сербского названия, то указывается, что по-венгерски название населенного пункта звучит соответствующим образом (далее приводится название): *mondjuk* ***magyarul*** (говорим по-венгерски)*; azt* ***magyarul*** *úgy hívták* (по-венгерски так называли). Однако это объяснение выглядит излишним, учитывая, что разговор между исследователем и информантом/ами (или только между информантами) ведется на венгерском языке, и в нем должны были бы ожидаться только венгерские лексемы. Информанты, таким образом, дают понять, что они осознают влияние сербского языка в собственной венгерской речи, в частности, при употреблении географических названий.

Иногда информанты прибегают к использованию временных маркеров для объяснения конкретного географического названия: *amelyet* ***most*** *Nova Crnjának hívnak* (которую мы сейчас зовем Нова-Црня)*; azt magyarul úgy* ***hívták*** *| hogy Gombos* (по-венгерски мы называли Гомбош). В качестве таковых маркеров используются временные наречия либо временное значение передается глагольной формой. Однако в приведенных высказываниях отсылка ко

[15] Похожие модели находим в статье И. А. Седаковой о русских старообрядцах в Болгарии: «*по-болга́рски чаршáф, по-ру́сски полотнó, у нас ра́ньше край не обшива́ли, мы называ́ли полотнó, а у болга́р чаршáф*» [Седакова 2008, 212].

времени не отображает реальной ситуации. В случае с селом Нова-Црня информант указывает, что его сейчас называют по-сербски (*Nova Crnja*), тогда как это не соответствует действительности, в обиходе распространено венгерское название (*Magyarcsernye*) (мы зафиксировали примеры употребления именно венгерского названия данного села).

Даже в речи одного информанта могут параллельно употребляться сербское и венгерское названия. В следующем высказывании информант сначала дает венгерское название населенного пункта, а спустя какое-то время произносит его сербский аналог:

[12.19.6.2.] *De van* | ***Sándoregyházának***$_{венг}$ *ő neki a falunak a védőszentje ...* ***Ivánován***$_{серб}$ *ott nem* | *nekik külön van a falunak és külön a templomnak* (Есть, он святой покровитель села Шандоредьхаза ... в Иванове там нет, у них отдельно [праздник] села и покровителя церкви) (Ск).

Из целого ряда названий населенных пунктов второе может приводиться только для одного из них. Так, во фрагменте следующего диалога информант дублирует венгерское название населенного пункта Дебеляча, одновременно снабдив его комментарием, что это «*его венгерское название*» (*magyar elnevezése*):

[12.19.6.3.] М. *Valahogy ez van tagolva* | ***Székelykeve***$_{венг}$ | ***Sándoregyháza***$_{венг}$ | ***Vojlovica***$_{серб}$ | ***Debelacs***$_{серб}$.
D. ***Torontálvásárhely***$_{венг}$.
М. *Vagy a* ***Torontálvásárhely***$_{венг}$ | *magyar elnevezése*.

М. Это каким-то образом разделено, Секейкеве, Шандоредьхаза, Войловица, Дебеляча.
Д. Торонталвашархей.
М. Или Торонталвашархей, венгерское название (В).

В первой фразе диалога при перечислении информант употребляет сначала два венгерских названия (*Székelykeve, Sándoregyháza*), затем два сербских (*Vojlovica, Debelacs*). Однако для уточнения венгерского названия из сербских наименований выбирается только Дебеляча, село Войловица в данном случае остается без пояснения.

Использование стратегии повтора, удвоения, свойственно многим билингвам в условиях естественного языкового контакта. Удвоение подобного рода при употреблении географических названий можно объяснить желанием информанта дать как можно больше

информации о себе, представиться самому либо представить других. Для того, чтобы исследователь понял, о каком населенном пункте идет речь, информанты прибегают к этой стратегии, полагая, что исследователю может быть незнакомо сербское либо венгерское название.

12.19.7. Использование сербских топонимов

В собранном нами корпусе встречаются сербские названия населенных пунктов, употребленные без венгерского аналога или метаязыкового комментария по поводу конкретного названия: *itt fent a* ***Kovinban*** | *itt szerbek mindenki* (здесь в Ковине, здесь все сербы) (Ск); *a katolikusok a faluból hoztak* ***Debeljacsról*** *menyecskéket* (католики привозили из Дебелячи в село молодух) (Ск); *volt aki el is ment* | ***Bresztovácra*** (были те, кто уехал в [Банатски] Брестовац) (Ск); *itt még* ***Ivánován*** *is* | *ugyanazok a falubeliek* (здесь, а также в Иванове, те же сельчане) (Ск); *például* ***Debeljacson*** *másképpen beszélnek* (например, в Дебеляче говорят по-другому) (Ск); *ez* ***Novi Szádon*** *volt* (это было в Нови-Саде) (Ск); *most járnak almát szedni* | ***Bresztovácon*** (сейчас они ходят собирать яблоки, в [Банатском] Брестовце) (Ск); *itt a szomszédunkba* | ***Debeljácsról*** *jött* (здесь по соседству, приехал из Дебелячи) (Ск); *volt* ***Plocsicében*** *idősebb emberek* (в Плочице были более пожилые люди) (Ск); *volt* | *aki* ***Bresztovácra*** *ment férjhez* (были те, которые выходили замуж в [Банатски] Брестовац) (Ск); *akik Vajdaságból* | ***Zrenjanin*** *környékén* | *így kaptak munkát* (те, кто из Воеводины, в окрестностях Зренянина, так они получили работу) (В); *voltatok már* ***Debeljacson***? (вы уже были в Дебеляче?) (В); *és akkor mesélte* | *hogy* ***Szremszká Mitrovicán*** *született* (и тогда он рассказал, что он родился в Сремской Митровице) (НС); *az egész* ***Novi Szádon*** *ez egyedül a kultúrkör* (во всем Нови-Саде это единственное культурное общество) (НС); *de itt* | ***Novi Szádon*** | *hall magyar hangot* | *akkor megfordul az ember* (но здесь, в Нови-Саде, [если] слышишь венгерский язык, человек оборачивается) (НС); *sokan jártak át csónakkal* | *a* ***Fruska Gorára*** (многие переплывали на лодках, на Фрушку гору) (НС); ***Kupuszinát*** *nem is értük* | *van ilyen tájszólás* (Купусину мы не понимаем [как говорят], есть такие диалектные слова) (Ан); *hát* | *ez* ***Bácska Palánka*** *egy elég nagy város* (ну, это Бачка-Паланка, достаточно большой город) (А); *úgyhogy most voltak Zrenjaninbe* (так что сейчас они были в Зренянине) (В).

Все перечисленные географические названия не совпадают в венгерском и сербском языках, хотя и могут иметь общую мотивационную основу: серб. *Kovin* — венг. *Kevevára*, серб. *Debeljača* — венг. *Torontálvásárhely*, серб. *Banatski Brestovac* — венг. *Beresztóc*, серб. *Ivanovo* — венг. *Sándoregyház*, серб. *Novi Sad* — венг. *Újvidék*, серб. *Pločice* — венг. *Kevepallós*, серб. *Sremska Mitrovica* — венг. *Szávaszentdemeter*, серб. *Kupusina* — венг. *Bácskertes*, серб. *Zrenjanin* — венг. *Becskerek*, серб. *Bačka Palanka* — венг. *Palánka*, серб. *Fruška Gora* — венг. *Tarcal-* (*hegység*).

Подобное употребление географических названий может быть объяснено несколькими причинами. Во-первых, особенностью идиолекта говорящего — бóльшей закрепленностью сербского названия в его узусе, во-вторых — незнанием венгерского аналога для населенного пункта (из-за удаленности населенного пункта от места проживания информанта венгерское название может быть просто не знакомо), в-третьих, отсутствием венгерской общины в конкретном населенном пункте, из-за чего венгерское название просто утрачивается (напр., в таких местах, как Банатски Брестовац, Плочица, Ковин, Сремска Митровица, венгерское население отсутствует либо его процент чрезвычайно мал), в-четвертых, сложность венгерского названия и его длина по сравнению с сербским названием (серб. *Debeljača* — венг. *Torontálvásárhely*), в-пятых, венгерский аналог в момент произнесения высказывания информанту не удалось вспомнить.

Информанты рассуждают об использовании сербских и венгерских географических названий, дают металингвистические комментарии. Они говорят о сложности некоторых названий для восприятия и воспроизведения. Например:

> [12.19.7.1.] *És sok esetben nagyon bonyolult | például Debelácsa | hogy is mondják? || **Torontálvásárhely** | mi a fene hogy mondjam Torontálvásárhely | mikor az Debelács || megszokták az emberek* (И во многих случаях очень сложно, например, Дебеляча, как же говорят? **Торонталвашархей**, какого черта я должна говорить Торонталвашархей, когда это Дебеляча, люди привыкли) (НС).

Это высказывание показательно. Информант, приводя в пример село Дебеляча, не мог сразу вспомнить его венгерский аналог, просигнализировав об этом вопросом: *hogy is mondják*? (как же говорят?) Затем следует недоумение, почему нужно говорить *Torontálvásárhely*,

когда люди уже привыкли к сербскому варианту. Л. Молнар-Чикош пишет, что многие официальные названия, утвержденные лингвистической комиссией Венгерского национального совета, не приживаются среди венгерского населения «переименованных» населенных пунктов. Так, не прижилось название *Zentagunaros*, и местные жители продолжают использовать в своей венгерской речи сербское название — *Orahovó* [Molnár Csikós 2016, 146]. Причиной этому служит то, что этот населенный пункт относится к общине Топола, и фигурирующее в новом названии Сента (*Zenta*) не принимается местными.

Другой информант поясняет, что ему проще, привычнее использовать сербское название села Стара Моравица, хотя он знает и венгерский аналог:

> [12.19.7.2.] *De vannak ilyen* | ***Bácskossuthfalva*** | *például* | *az* ***Moravica*** | *az nekem úgy maradt* (Есть здесь такое, например, Бачкошшутфалва, это Моравица, для меня она так и осталась) (А).

Некоторые сербские названия подвергаются корректировке в венгерском языке. Так, *Debeljača* теряет конечное *-a*: *Debeljacs*, а в названии *Pločica* конечный *-a* переходит в *-e*: *Plocsice*. На изменение исхода слова сербских географических названий обращают внимание информанты:

> [12.19.7.3.] *Törökfalut* [*mondják*] *Utrinának* | *érdekes* | *hogy szerbül Utrine* | *na Utrinama* | ***a magyarok azt mondják*** | ***Utrina*** | *a szerbek nem mondják* | *hogy Utrina* | *idem u Utrina* | *u Utrine* | *ili bio sam na Utrinama* | *ennek a magyar neve Törökfalu* | *ezt írásban így használjuk* | *de az emberek egymás közt* | *hol ezt mondják* | *hol azt* | *mondjuk* | *10–20 évvel ezelőtt Utrina gyakoribb volt* (Утрине называют Тёрёкфалу, интересно, что по-сербски Утрине, na Utrinama, **венгры говорят, Утрина**, сербы не говорят так, Утрина, *idem u Utrina, u Utrine, ili bio sam na Utrinama,* венгерское название Тёрёкфалу, мы используем также на письме, но люди между собой, где одно скажут, где другое, скажем, 10–20 лет назад было чаще Утрина) (А).

В приведенном фрагменте [12.19.7.3.] речь идет о населенном пункте Утрине в общине Ада: серб. *Utrine* — венг. *Törökfalu*. В венгерской речи местные жители часто используют сербский вариант с измененным исходом слова *Utrina*. Информант отмечает переход конечного гласного *-a* сербского названия в *-e* в венгерском названии (*a* → *e*). В сербском языке это слово множественного числа, в венгерском

языке оно используется как существительное единственного числа. Вероятно, это преобразование произошло из-за адаптации слова по закону гармонии гласных и выстраивания гласных по заднему ряду.

Что касается обозначения столицы края, г. Нови-Сад, то здесь может наблюдаться варьирование. В нашем корпусе зафиксировано как венгерское, так и сербское название. Сами информанты также колеблются:

> [12.19.7.4.] *Az érdekes* | ***Novi Szádra*** *megyünk vagy* ***Újvidékre*** *és keverve* | *hol* ***Újvdéket*** | *hol* ***Novi Szádot*** *használja* (Интересно, едем **в Нови-Сад** или **в Уйвидек** и смешанно, где **Уйвидек**, где **Нови-Сад** используют) (А).

Параллелизм использования венгерского и сербского названий г. Нови-Сад осмысливается самими информантами. В приводимом фрагменте [12.19.7.4.] собеседник отмечает, что слышит оба варианта, в том числе и сам использует два варианта названия. По всей видимости, подобным образом была бы устроена метаязыковая рефлексия для объяснения использования большинства географических названий, приводимых в качестве примера в данном разделе.

Сербские названия служат основой для производных лексем: *ez* ***ivánovói*** (это ивановское) (Ск); *a* ***noviszádi*** *rádiót hallgatuk* (мы слушаем новисадское радио) (НС). В последнем примере производящей основой послужило название г. Нови-Сад, а не соответствующее прилагательное в сербском языке (*novosadski*), имеющее иной соединительный гласный: *Novi Sad* → *novosad-sk-i*, *Novi Szád* → *noviszád-i*. От села *Pločica* образовано притяжательное прилагательное *plocsici*: *a* ***plocsici*** *szerbek* (плочицкие сербы) (Ск), у которого отпало сербское окончание *-a*, а затем к оставшейся основе было прибавлено *-i*. Наличие производных лексем от сербских наименований свидетельствует о широком распространении сербских географических названий в узусе воеводинских венгров.

12.19.8. Функционирование топонимов при перечислении

Следующий контекст использования географических названий, который мы рассмотрим, — смешанное употребление венгерских и сербских названий при перечислении. В одном высказывании могут встречаться названия как из сербского, так и из венгерского языка. Например: *mert elég zárt ez* | *ez* ***Ada***$_{\text{венг}}$ *rész* | *még* ***Zenta***$_{\text{венг}}$ | *de* ***Ada***$_{\text{венг}}$

| ***Bácsko Petrovo Selo***$_{\text{серб}}$ | ***Mol***$_{\text{серб}}$ | ***Ada***$_{\text{венг}}$ | *olyan zárt környék* (потому что это закрыто, это часть, Ада, и Зента, но Ада, Бачко Петрово Село, Мол, Ада, такая закрытая среда) (А); *itt csak Bácskában* | ***Moravica-***$_{\text{серб}}$ | ***Pacsér***$_{\text{венг}}$ | ***Piros***$_{\text{венг}}$ | *még itt Bánátban* ***Vojlovica***$_{\text{серб}}$ | *a többiek mind katolikusok* ([реформаты] здесь только в Бачке, Моравица, Пачер, Пирош, здесь также в Банате Войловица, остальные католики) (АШ); ***Versec***$_{\text{венг}}$ *is* | *az is hatvan kilométer* | ***Debeljacs***$_{\text{серб}}$ *az is harminc* (Вершец также, это тоже шестьдесят километров, Дебеляча тоже тридцать) (Ск); *mentek* ***Kovinba***$_{\text{серб}}$ | ***Pancsovára***$_{\text{венг}}$ *dolgozni* (они ехали работать в Ковин и Панчево) (Ск); *korház van* ***Kovinba***$_{\text{серб}}$ *és* ***Pancsován***$_{\text{венг}}$ (больница есть в Ковине и Панчеве) (Ск); *jönnek* ***Belgrádból***$_{\text{венг}}$ *és magyar nagyövet szokszor* [*volt*], ***Novi Szádról***$_{\text{серб}}$ *is* (они приезжают из Белграда и венгерский посол был много раз, из Нови-Сада тоже были) (Ск); ***Ivánován***$_{\text{серб}}$ *megint másképp* | ***Hertelendyin***$_{\text{венг}}$ *megint másképp* (в Иванове опять по-другому, в Хертелендифалве опять по-другому) (Ск); *a kórház* ***Pancsován***$_{\text{венг}}$ | ***Szmederevón***$_{\text{серб}}$ | *ez már Szerbiába van* (больница в Панчеве, в Смедереве, это уже Сербия) (Ск); *ez is* ***Verbászon***$_{\text{венг}}$ *van* (это также находится в Вербасе) (Ск); ***Székelykevét***$_{\text{венг}}$ *is* ***Ivánovót***$_{\text{серб}}$ | ***Hertelendyfalvát***$_{\text{венг}}$ | ***Pancsova***$_{\text{венг}}$ *mellett* (также Секейкеве, Иваново, Хертелендифалву [мы посетили], рядом с Панчево) (Ск); *egy van* ***Zrenjaninban***$_{\text{серб}}$ | *egy* ***Versecen***$_{\text{венг}}$ (Ск); *az egész Vajdaságot* | ***Szabadka-***$_{\text{венг}}$ | ***Muzslya***$_{\text{венг}}$ | ***Kikinda***$_{\text{венг/серб}}$ | ***Bácska Topola***$_{\text{серб}}$ | ***Becse***$_{\text{венг}}$ | ***Temerin-***$_{\text{венг/серб}}$ | *mindenféle* (всю Воеводину [мы объездили], Сабадка, Мужля, Кикинда, Бачка Топола, Темерин, разные) (В); *akkor mind jönnek* ***Debelácsról***$_{\text{серб}}$ | ***Székelykevéről***$_{\text{венг}}$ | ***Ivanovóról***$_{\text{серб}}$ | ***Muzslyáról***$_{\text{венг}}$ (тогда все приезжали из Дебелячи, Секейкеве, Иваново, Мужли) (В); *egy közösség* ***Toplyán***$_{\text{венг}}$ | ***Szentán***$_{\text{серб}}$ | *ott megmaradtak a közösségek* | *de* ***Újvidéken***$_{\text{венг}}$ *nincs* (одно общество в Тополе, Сенте, там сохранились общества, но в Уйвидеке нет) (НС). Каких-то определенных закономерностей мы не можем отметить, поскольку в речи информантов одни и те же названия могут употребляться то в венгерском, то в сербском варианте (*Bácska Topola — Toplyán*, *Szentán — Zenta*). По-видимому, все зависит от идиолекта информанта и его привычки употреблять чаще тот или иной вариант, а также от места его проживания и локальной закрепленности того или иного варианта. Так, на севере Воеводины мы не зафиксировали употребление сербского варианта названия Сенты, тогда как среди венгров Нови-Сада нам это название встретилось именно в такой форме (*Szenta*).

12.19.9. Использование венгерских топонимов

Рассматривая функционирование географических названий, нельзя обойти стороной и использование исключительно венгерских форм в речи информантов. Приведем примеры: ***Pancsován***$_{венг}$ *voltam* (я был в Панчеве) (Ск); *vannak | akik járnak dolgozni* ***Pancsovára***$_{венг}$ (есть те, кто ездит работать в Панчево) (Ск); *mentek azok* ***Versecre***$_{венгр}$ | ***Belgrádba***$_{венг}$ (те ехали в Вершец, Белград) (Ск); *már* ***Szabadkán***$_{венг}$ | *akkor* ***Újvidékre***$_{венг}$ | *mennünk* (уже в Сабадке, тогда мы едем в Уйвидек) (Ск); *egyik* ***Belgrádba***$_{венг}$ | *másik* ***Becskereken-***$_{венг}$ (один в Белграде, другой в Бечкереке) (Ск); *itt is volt* ***Eszéknél***$_{венг}$ (здесь также было у Эсека) (Ск); ***Zenta***$_{венг}$ *mondjuk* | ***Kanizsa***$_{венг/серб}$ | ***Szabadka***$_{венг}$ | ***Topolya***$_{венг}$ | *ott tisztábban beszélik* (Зента, скажем, Канижа, Сабадка, Тополья, там чище говорят) (НС); *szüleim* ***Kishegyesről***$_{венг}$ *származnak* (мои родители родом из Кишхедьеша) (НС); ***Verbász***$_{венг}$ *az olyan környezet* (Вербас, это такое окружение) (НС ТВ); ***Verbászon***$_{венг}$ | *ha nem volt magyar tanár* (в Вербасе, если не было венгерского преподавателя) (НС); *mondjuk rá | Bácskába is van |* ***Bezdánban***$_{венг/серб}$ *olyan sok szavat mondanak* (скажем, в Бачке тоже есть, в Бездане много таких слов говорят) (Ан); *amiket a községbe meghívjuk* ***Kanisza***$_{венг/серб}$ | ***Oromhegyes***$_{венг}$ | ***Tóthfálú***$_{венг}$ | ***Völgyes***$_{венг}$ | ***Kispiac***$_{венг}$ | ***Tornyos***$_{венг/серб}$ (которые в общине, мы зовем Канижа, Оромхедьеш, Тотфалу, Вёльдеш, Торнёш) (Ан); *ez most | amikor voltunk* ***Moholon***$_{венг}$ (это сейчас, когда мы были в Мохоле) (В). Подобные примеры, без дублирования сербскими названиями, достаточно многочисленны.

12.19.10. Использование падежных форм топонимов

Последнее, на что мы хотели обратить внимание в связи с использованием географических названий, это их функционирование с падежными окончаниями. Нас интересовало, выбирают ли информанты окончания из серии падежей «суперессив (*-n*), сублатив (*-ra/-re*) и делатив (*-ról/-ről*)», либо из внутриместных падежей «инессив (*-ban/-ben*) иллатив (*-ba/-be*) и элатив (*-ból/-ből*)». Как было сказано выше, падежи первой группы используются с географическими названиями, которые входили в состав Венгерского государства, падежи из второй группы — с остальными географическими названиями [Göncz 2004, 125].

В сербском языке для всех типов географических названий, населенных пунктов используется предлог *u* с винительным падежом при движении в населенный пункт, и с местным падежом — при нахождении в населенном пункте, а также предлог *iz* с родительным падежом — при движении из населенного пункта. Использование предлогов *na* и *sa* достаточно редкое (напр., *idem na Cetinje*). Таким образом, использование сербских предлогов соответствовало бы использованию внутриместных падежей в венгерском языке. Венгры из северных районов Бачки в своей сербской письменной речи часто используют предлог *na* с населенными пунктами в самой Венгрии и на территории Воеводины, поскольку переносят функционирование венгерских падежных окончаний в сербский язык (напр., *ja živim na Adorjanu*) [Пилипенко 2011, 187].

В собранном нами корпусе устной венгерской речи подавляющее большинство названий населенных пунктов используется с падежными окончаниями суперессива (*-n*), сублатива (*-ra/-re*) и делатива (*-ról/-ről*). Приведем примеры: ***Pancsová-n***$_{\text{венг}}$ *voltam* (я был в Панчеве) (Ск); *vannak | akik járnak dolgozni* ***Pancsová-ra***$_{\text{венг}}$ (есть те, кто ездит работать в Панчево) (Ск); *már* ***Szabadká-n***$_{\text{венг}}$ *| akkor* ***Újvidék-re***$_{\text{венг}}$ *| mennünk* (уже в Сабадке, тогда в Уйвидек, мы едем) (Ск); *szüleim* ***Kishegyes-ről***$_{\text{венг}}$ *származnak* (мои родители происходят из Кишхедьеша) (НС); *amikor voltunk* ***Mohol-o-n***$_{\text{венг}}$ (когда мы были в Мохоле) (В); *a kórház* ***Pancsová-n***$_{\text{венг}}$ *|* ***Szmederevó-n***$_{\text{серб}}$ *| ez már Szerbiába van* (больница в Панчеве, в Смедереве, это уже в Сербии) (Ск); *ez is* ***Verbász-o-n***$_{\text{венг}}$ *van* (это также в Вербасе) (Ск); *kocsival* ***Kulá-ra***$_{\text{венг/серб}}$ *| magyar iskolába mentünk* (мы ехали на машине в Кулу, в венгерскую школу) (НС); *megcsinálták a hidat | a Dunán | Szmederevó-ra*$_{\text{серб}}$ (сделали мост, на Дунае, в Смедерево) (Ск); *s akkor Szmedrevá-n*$_{\text{серб}}$ (и тогда в Смедереве) (Ск); ***Martonos-o-n***$_{\text{венг/серб}}$ *vannak ...* ***Szabadká-n***$_{\text{венг}}$ *| vagy* ***Palics-o-n***$_{\text{венг/серб}}$ (есть в Мартоноше ... в Сабадке, или в Паличе) (Ан).

С сербскими названиями также используются падежные окончания суперессива (*-n*), сублатива (*-ra/-re*) и делатива (*-ról/-ről*): ***Novi Szád-ról***$_{\text{серб}}$ *is* (также из Нови-Сада) (Ск); *de itt |* ***Novi Szád-o-n***$_{\text{серб}}$ *| hall magyar hangot | akkor megfordul az ember* (но здесь, в Нови-Саде, [если] слышишь венгерский, то человек оборачивается) (НС); *itt a szomszédunkba |* ***Debeljács-ról***$_{\text{серб}}$ *jött* (здесь по соседству, приехал из Дебелячи) (Ск); *akkor mind jönnek* ***Debelács-ről***$_{\text{серб}}$ *|* ***Székelykevéről***$_{\text{венг}}$ *|* ***Ivanovó-ról***$_{\text{серб}}$ *|* ***Muzslyáról***$_{\text{венг}}$ (тогда все приехали из Дебелячи,

Секейкеве, Иванова, Мужли) (В); *egy közösség Toplyán*$_{венг}$ | ***Szentán***$_{серб}$ | *ott megmaradtak a közösségek* | *de Újvidéken*$_{венг}$ *nincs* (одно общество в Тополье, Сенте, там сохранились общества, но в Уйвидеке нет) (НС); ***Ivánová-n***$_{серб}$ *megint másképp* | *Hertelendyin*$_{венг}$ *megint másképp* (в Иванове опять по-другому, в Хертелендифалве опять по-другому) (Ск); *a katolikus a faluból hoztak* ***Debeljacs-ról***$_{серб}$ *menyecskéket* (католики приводили в село молодух из Дебелячи) (Ск); *volt* | *aki el is ment* | ***Bresztovác-ra***$_{серб}$ (были те, кто уехал, в [Банатски] Брестовац) (Ск); *itt még* ***Ivánová-n***$_{серб}$ *is* | *ugyanazok a falubeliek* (здесь также и в Иванове, те же сельчане) (Ск); *például* ***Debeljacs-o-n***$_{серб}$ *másképpen beszélnek* (например, в Дебеляче по-другому говорили) (Ск); *ez* ***Novi Szád-o-n***$_{серб}$ *volt* (это было в Нови-Саде) (Ск); *hoztak meg* ***Belo Blató-ról***$_{серб}$ | *elég messze* | *Erzsébetlak*$_{венг}$ | *Becskerek*$_{венг}$ *körül* (приводили [невест] из Белого Блата, это достаточно далеко, Эржебетлак, рядом с Бечкереком) (Ск); *Piros-o-n*$_{венг}$ *vagyis* ***Rumenká-n***$_{серб}$ | *itt is* | *ami fele fele volt előbb* (в Пироше или в Руменке, здесь тоже, раньше было половина на половину) (НС); *csak itt* ***Vojlovicá-n***$_{серб}$ | *Hertelendyfalván*$_{венг}$ (только здесь в Войловице, в Хертелендифалве) (В); *aki elindul magyar tagozatra* | *ha meg akarnak tovább menni magyarul* | *vagy* ***Novi Szád-ra***$_{серб}$ | *Újvidékre*$_{венг}$ *kell menjenek* (кто пошел в венгерский класс, если хотели дальше по-венгерски [получать образование], или в Нови-Сад, в Уйвидек нужно было ехать) (В).

С помощью данных окончаний оформляются названия населенных пунктов при самостоятельном употреблении, а также в ряду перечисления с другими населенными пунктами и при удвоении. Здесь действует принцип аналогии: оформление посредством этих падежных окончаний происходит так, как если бы были употреблены венгерские названия этих населенных пунктов. Даже если венгерское название незнакомо информанту, он может действовать по правилу — оформление всех названий населенных пунктов, некогда входивших в состав Венгерского государства, при помощи окончаний суперессива (*-n*), сублатива (*-ra/-re*) и делатива (*-ról/-ről*).

Однако нами зафиксированы и отступления от этой закономерности, когда с сербскими названиями населенных пунктов употребляются падежи инессив (*-ban/-ben*) иллатив (*-ba/-be*) и элатив (*-ból/-ből*). Здесь можно усмотреть влияние сербского языка, в котором используются предлоги *u* и *iz*. Приведем примеры: *bekerültem gimnáziumba* ***Zrenjanin-ba***$_{серб}$ (я попал в гимназию в Зренянин) (НС);

itt fent a ***Kovin-ban***$_{\text{венг/серб}}$, *itt szerbek mindenki* (здесь в Ковине, здесь все сербы) (Ск); ***Bezdán-ban***$_{\text{венг/серб}}$ *olyan sok szavat mondanak* (в Бездане много таких слов говорят) (Ан); *egy van* ***Zrenjanin-ban***$_{\text{серб}}$ *egy Versecen*$_{\text{венг}}$ (один был в Зренянине, один в Вершеце) (Ск); *a rádiót intenzívan hallgattam Becskereken*$_{\text{венг}}$, ***Zrenjanin-ba(n)***$_{\text{серб}}$ (радио я интенсивно слушал в Бечкереке, в Зренянине) (НС). Отчетливо видно, даже в ряду с другими населенными пунктами, а также при удвоении, сербское название оформлено при помощи падежа инессив (*-ban/-ben*). Т. е. информант распространяет правила сербского языка на сербские заимствования географических названий в венгерском языке, тогда как собственно венгерские названия оформляет по правилам венгерского языка.

Таким образом, несмотря на бóльшую распространенность падежей суперессива (*-n*), сублатива (*-ra/-re*) и делатива (*-ról/-ről*) как с венгерскими, так и с сербскими географическими названиями, внутриместные падежи используются с сербскими названиями.

12.20. Переключение кода

Инкорпорация иноязычных элементов и переключение кода — естественный процесс для любой ситуации билингвизма [Белл 1980, 189]. Мы придерживаемся мнения, что переключение кода происходит в рамках одного высказывания, когда последовательность речевых знаков четко атрибутируется как иная языковая система. Как разграничить заимствование от переключения кода? Предлагается считать, что заимствование случается в речи монолигвов, тогда как переключение кода требует некоторой компетенции на двух языках [Romaine 2004, 55]. Переключение кода является характеристикой говорящего, у которого ограничена языковая компетенция и который неспособен использовать язык в разных контекстах [Thomas 1982, 218]. Это положение подтверждает Т. Петрович, рассматривая языковую компетенцию сербов в Белой Краине в Словении [Petrović 2009, 145]. М. Перотто в исследовании компетенции в русском языке детей, живущих в Италии, отмечает, что «кодовое переключение применяется исключительно для заполнения лексического пробела» в русском языке [Перотто 2015, 100].

Представляется, что лингвистическая составляющая переключения кодов созвучна подобной проблеме в семиотике. Ю. М. Лотман

пишет о таком явлении, как текст в тексте: «Переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую на каком-то внутреннем структурном рубеже составляет в этом случае основу генерирования смысла. Такое построение, прежде всего, обостряет момент игры в тексте: с позиции другого способа кодирования, текст приобретает черты повышенной условности, подчеркивается его игровой характер: иронический, пародийный, театрализованный смысл и т. д. Одновременно подчеркивается роль границ текста, как внешних, отделяющих его от не-текста, так и внутренних, разделяющих участки различной кодированности. Актуальность границ подчеркивается именно их подвижностью, тем, что при смене установок на тот или иной код меняется и структура границ» [Лотман 2002, 71]. Для нас чрезвычайно важными оказываются мысли Лотмана об актуализации границ текста, участков различной кодированности (в нашем случае — элементы на L1 и L2).

Считается, что переключение кода основано на закономерностях, и что существует грамматика переключения кода [Lüdi 2004, 341]. Р. Белл говорит о происходящем до реализации речи вербальном планировании и вербальном кодировании (кодирование семантического содержания предполагаемого высказывания), признаком которого являются неуверенность, паузы, возвращение к сказанному [Белл 1980, 187]. А. Зентелла обращает внимание на то, что при переключении кода билингвами происходит акцентуация высказывания: «то, чего монолингвы добиваются, повторяя громче и/или медленнее, или изменяя порядок слов, билингвы добиваются при помощи переключения кода» [Zentella 1997, 293]. П. Ауэр утверждает, что кодовое переключение предполагает свободу говорящего и является средством контекстуализации, которое может быть творчески использовано участниками коммуникативной ситуации [Auer 1999, 329]. Поскольку билингвы осознают тот факт, что в их речи происходит переключение кода[16], в момент речи они реализуют разные стратегии для объяснения этой практики тем, кто впервые сталкивается с подобным поведением. Так, П. Лайхонен отмечает, что в своей речи информанты часто извиняются перед исследователями за подобные

[16] При переключении кода речь не обязательно может идти о билингвах. Р. Белл говорит о том, что в коллективах, где большинство говорящих двуязычно, понятие «разные языки» выглядит мало оправданным, а также, что в этом случае можно применить термин «разные стили» [Белл 1980, 190].

практики переключения, поскольку полагают, что они могут оскорбить исследователя. Это свидетельствует о стигматизации собственного речевого варианта; информанты используют такие формы, как *keverjük* «мы смешиваем», *idehaza nálunk* «у нас», а перед этим заметно колебание информанта при выборе «проблемного» выражения или слова [Laihonen 2008, 686]. В связи с переключением кода ученые обращают внимание на связь этого лингвистического феномена с идентичностью [Petrović 2009, 145]. Поскольку единицы из другого языка недоступны для понимания людям «извне», то при их использовании происходит актуализация собственной идентичности, которая включает только членов общины и исключает как представителей группы большинства, так и соотечественников из метрополии или из других стран. Следовательно, все случаи метаязыковых комментариев по поводу привнесенных элементов призваны раскрыть идентичность говорящих перед исследователем, объяснить стратегии подобного речевого поведения. Поэтому, чтобы понять специфику идентичности билингвальных сообществ, исследователь должен владеть обоими языками и знать культурный контекст.

Особую роль метаязыковых элементов в тексте отмечает Т. М. Николаева, поскольку они обнажают «его внутреннюю структуру, его соотношение с другими текстами и самим собой, его внешнюю и внутреннюю цитацию» [Николаева 2012, 219]. Исследователь обращает внимание на то, что метакомпоненты соотносятся с содержанием текста и связываются с оппозицией «свой/чужой» [Там же, 236], а также, что «анализ метакомпонентов неотделим от общих методов анализа структуры текста в целом, когда текст рассматривается как замкнутая дешифрируемая нами система» [Там же, 220.]

В устной речи воеводинских венгров зафиксировано много примеров кодового переключения[17]. Нас интересовали не только моменты перехода с одного языка на другой, но также речевые и внеязыковые обстоятельства, при которых это переключение совершалось, например, метаязыковые комментарии информантов по этому поводу, сделанные в ходе самого переключения. Мы также обращали внимание на рефлексию информантов по поводу инкорпорирования иноязычных элементов (длиной от одного слова до более пространных

[17] Отдельные факты кодового переключения у венгров Нового Сада рассмотрены в статье [Пилипенко 2015а].

высказываний). Маркирование переключения кода может осуществляться несколькими способами. Сюда можно отнести паузу, за которой следует высказывание, принадлежащее другой языковой системе, колебание при выборе нужной формы (грамматической, словообразовательной), повторение слов-маркеров для заполнения паузы, смех или улыбка информанта, вопросы исследователю или другим собеседникам, а также объяснение причины перехода на другой язык[18].

Пауза является одним из самых распространенных маркеров переключения кода. Приведем примеры:

[12.20.1.] *Mint a hazasságok is* || ***sad više ima brakova mešano | a ondak više išlo na ili Mađar ili Srbin*** (Как и браки, **сейчас больше смешанных браков**, **а тогда больше выходили или за венгров или за сербов**$_{\text{серб}}$) (НС).

[12.20.2.] *Mondják is* | *hogy van minden* | *mint Karácsonykor* | *tehát* | ***puna vrsta hrane se kuva za Božić | kao da bude što bogatija*** (Говорят также, что есть все, как на Рождество, то есть, **много разной еды готовится на Рождество, для того чтобы еда была более богатая**$_{\text{серб}}$) (НС).

[12.20.3.] *Ősz van* | *nem tudom* | *kell még valaki* | *akivel el szeretne beszélgetni* || ***neki drugi profil ljudi ili godište*** (Сейчас осень, не знаю, нужен ли еще кто-то, с кем бы Вы хотели поговорить, **какой-то другой профиль людей или год рождения**$_{\text{серб}}$) (НС).

Переключение кода может вклиниваться в исходное высказывание. Дальнейшее повествование затем продолжается на языке, на котором было начато высказывание. Маркерами введения иноязычных элементов могут служить вводные слова, междометия, союзы, паузы (*hát*, *pedig*). Например:

[12.20.4.] *Az anya onnani* | *az apja pedig* ***iz srca Srbije | Šumadije | samo što je bio vojno lice*** | *ez kicsit könyebb* (Его мать оттуда, а отец

[18] Паузу и колебания в речи информантов отмечают многие исследователи [см.: Myers 2006, 339; Перотто 2015, 100]. М. М. Бахтин говорит о паузе следующее: «Паузы всякого рода, как явления грамматические, рассчитанные и осмысленные, возможны лишь внутри речи одного говорящего, то есть внутри речи одного высказывания; паузы между высказываниями носят, конечно, не грамматический, а реальный характер; такие реальные паузы — психологические или вызванные теми или иными внешними обстоятельствами — могут разрывать и одно высказывание» [Бахтин 2000, 266].

из сердца Сербии, Шумадии, только он был военным$_{серб}$, это немного легче) (НС).

[12.20.5.] *Manap is dolgozik* | *működik* | *úgyhogy* | ***pun je energije*** | *tudja a politikát itt még ott is* (Сейчас тоже работает, трудится, так что, **он полон энергии**$_{серб}$, знает политику здесь, а также там) (НС).

[12.20.6.] *Hát* | ***iz navike*** | *megszokott az ember és akkor bedobja szerbül* (Ну, **из-за привычки**$_{серб}$, человек привык и тогда вставляет [слова] по-сербски) (НС).

Пауза может комбинироваться с другими средствами-маркерами. Переключение кода сопровождается раздумьями информанта, подбором подходящих слов в момент самого высказывания. Именно незнание или невозможность подобрать нужное слово являются причиной вставки высказывания на другом языке. Например, в следующем фрагменте собеседница из Скореновца, которая недостаточно хорошо владеет сербским языком, не смогла вспомнить словообразовательную модель и окончание сербского слова *godišnjica* (годовщина). Последовала пауза, затем переход на венгерский язык, поскольку в данный момент в компании людей находился исследователь, владевший венгерским языком.

[12.20.7.] *Puno sam već pravila za rođendane* | *i za pedeset godišnje-* || ***ötven éves*** | ***most is egyet csináltam hetven évesnek*** | ***úgyhogy*** | ***ezt is raktam össze*** (Я много уже делала на дни рождения и на пятьдесят летн- ... **пятидесятилетие, сейчас я также сделала один на семидесятилетие, так что, это я также сделала**$_{венг}$) (Ск).

[12.20.8.] *És az magyar nyelv akkó nem volt* | *most sincs azon a* || ***na tom smeru***[19] | *az irányban nincsen* | *magyar nyelven* (И венгерского языка тогда не было, сейчас нет на том ... **на том направлении**$_{серб}$, нет в этом направлении, на венгерском языке) (НС).

Во фрагменте [12.20.8.] очевидно, что информант в момент паузы подыскивает нужное высказывание на венгерском языке, затем все же произносит его по-сербски, в полном соответствии с сербской грамматикой (в местном падеже), а потом следует стратегия удвоения, отмеченная нами при использовании географических названий.

[19] Слово *smer* отмечено также в идиолекте информанта А. Драгин [Dragin 2015, 176].

Удвоение в данном случае происходит потому, что информант вспомнил венгерский аналог.

Колебания информанта в сочетании с паузой являются еще одной разновидностью маркирования переключения кода:

[12.20.9.] *Egy ismerős nálam van* | *ilyen* || *ilyen* || *e* || ***za neki diplomski rad* | *za neki* | *iz Rusije čovek došao* | *izučava srpski i mađarski jezik*** (У меня один знакомый, такой ... такой ... э ... **для одной дипломной работы, для одной, из России приехал человек, изучает сербский и венгерский языки**$_{серб}$) (НС).

В этом фрагменте информант также не может вспомнить венгерское высказывание, следует пауза, повтор последнего слова во фразе (*ilyen*), затем снова пауза, после которой информант произносит звук *e*. После очередной паузы следует переключение кода. Здесь, в отличие от предыдущего случая, удвоения не происходит. Е.А. Земская утверждает, что незнаменательная лексика помогает говорящим строить речь, заполнять паузы, которые необходимы для поиска нужного слова и обдумывания. Автор называет явления типа *э-э, м-м* и др «вставными словечками», которые используются вместе с паузами колебания [Земская 1979, 88].

В [12.20.10.] информант оформляет высказывание в соответствии с нормами сербской грамматики, т.е. использует винительный падеж в сербском языке (*prekomandu*) после переходного венгерского глагола *kapni* (получить).

[12.20.10.] *Ott élte át az életét és mikor kapott át-* || ***prekomandu*** | *akkor Újvdékre rakták őket* (Там он прожил свою жизнь и когда получил пере- ... **направление**$_{серб}$, тогда их послали в Нови-Сад) (НС).

Информанты не всегда могут своевременно отреагировать на переключение кода. Нашей стратегией было проведение двуязычных интервью в условиях билингвальной ситуации. После того как мы задавали вопросы по-сербски, некоторые информанты не могли сразу перестроиться, информанты начинали отвечать по-венгерски, как если бы действовали по инерции, и лишь спустя несколько секунд переходили на сербский язык:

[12.20.11.] G. *Da li dolaze Mađari iz drugih mesta u Novi Sad*?
M. ***Hát* | *csak az ekonom-*** || *samo zbog ekonomskih razloga, ako dolaze.*

Г. Приезжают ли венгры из других мест в Нови-Сад?
М. **Ну, только эконом-**$_{венг}$ ... только из-за экономических причин, если приезжают (НС).

[12.20.12.] G. *Da li koristite srpski i mađarski jezik ovde u okruženju, kada idete u prodavnicu, na pijacu*?
M. ***Én soha nem szamított*** || *ja nikad nisam sebe smatrala velikomMađaricom.*

Г. Используете ли вы сербский или венгерский языки здесь в вашем окружении, когда идете в магазин, на рынок?
М. **Я никогда себя не считала**$_{венг}$ ... я никогда себя не считала «большой» венгеркой (НС).

Высказывания начинаются по-венгерски в [12.20.11.], [12.20.12.], затем делается пауза и только после этого происходит переключение кода. Во фрагменте [12.20.11.] информант даже упростил себе задачу, поскольку, по всей видимости, хотел использовать сербское слово (*ekonom-...*) в венгерском высказывании, однако не закончил его и полностью перешел на сербский язык.

Дополнительные средства, которые сигнализируют о переключении кода, могут иметь лингвистические и экстралингвистические особенности. Часто используется смех, легкая усмешка или улыбка, свидетельствующие о том, что информант осознает переключение кода в данном случае и не может подобрать нужного слова в венгерском языке. Эти элементы относятся к экстралингвистическим[20]. Приведем подобные примеры:

[12.20.13] K. *Volt | de kevés | az kevés volt | vettek sokat | jártak át | csónakkal | vagy mikor befagyott a Duna akkor hizlalták a Dunát | az azt jelenti hogy jégre tették a || na |* ***slama*** *‖* (смех).
G. *Széna*?
K. *Nem széna.*
G. *Szalma*?
K. *Szalma | tettek szalmát | akkor megint víz.*

К. Было, но мало, мало было, собирали много, переезжали на другую сторону, или когда замерзал Дунай, «кормили» Дунай, это означало, что на лед клали ... э, **солома**$_{серб}$ (смех).

[20] Если смех еще можно услышать на аудиозаписи, то момент улыбки информанта необходимо отмечать в тетради, а затем сопоставлять с расшифрованной записью.

Г. Сено?
К. Не сено.
Г. Солома?
К. Солома, клали солому, потом снова воду (НС).

В приводимом фрагменте разговора информант некоторое время колеблется: подбирает нужное слово на венгерском языке (пауза, за ней следует междометие *na*), затем, когда проходит еще какое-то время, видимо, признав попытку подбора слова неудачной, произносит сербское слово (*slama*). Характерна реакция информанта в этот момент: он смеется, т. е. осознает, что произошло использование чуждого для венгерской языковой системы элемента. Поскольку описываемая ситуация — диалог информанта с исследователем, последний пытается помочь подобрать нужное слово. Первое предложенное слово оказывается неудачным, его информант отвергает (*nem széna*), второй вариант оказывается верным (*szalma*). Информант повторяет это слово и продолжает повествование. Интересно, что слово, которое он не мог вспомнить, в самом венгерском языке является заимствованным из славянских языков и отчасти созвучно в сербском и венгерском (венг. *szalma*, серб. *slama*, рус. *солома*).

Включение иноязычных элементов также сопровождается улыбкой:

[12.20.14.] *Úgyhogy hetente két — három órán keresztül sajátítottuk el a* || *nyelvtant* | *ugye* | ***gramatiku*** | *nyelvtant* | *igen* (улыбка) | *ahogy a magyart tanultuk* (Так что в неделю за два-три урока мы усваивали ... грамматику, также, **грамматику**$_{\text{серб}}$, да (улыбка), как мы учили венгерский) (НС).

Информант подбирает нужное венгерское слово. Следует пауза, затем нужное слово найдено (*nyelvtan*), поиск успешно завершен. Однако далее информант приводит параллельно сербское слово, а после него второй раз употребляет венгерское. Сербское слово приводится им в форме винительного падежа в сербском языке (*gramatiku*), т. е. не происходит его адаптации в венгерской языковой системе, позиция винительного падежа заполнена, однако это произошло с помощью грамматических средств сербского языка. Подбор слова и использование сербизма сопровождается улыбкой, информант дает понять, что ему знакомы оба варианта, несмотря на то, что вначале было колебание при выборе слова. Здесь мы видим стратегию, которая была

отмечена при использовании географических названий — стратегию удвоения. В двуязычных ситуациях это происходит очень часто, информант дублирует слово, сигнализирует о том, то ему знакомы оба варианта.

Смех информанта, как реакция на использованное слово иной языковой системы, отмечена и в следующем фрагменте:

> [12.20.15.] *Tessék | amikor valami kell | tessék fölhívni | minden jót kívánunk | és sok | sok || hogy mondják | **uspehot** kívánunk | sok **uspehot** kívánunk ||* (смех) *|| így beszélnek a vajdasági magyarok | mikor nem tudják megmondani magyarul* (Пожалуйста, когда что-то понадобится, позвоните, желаем всего хорошего, и много, много... как говорят? **успехов**$_{серб}$ желаем, много **успехов**$_{серб}$ желаем (смех), так говорят воеводинские венгры, когда не могут сказать по-венгерски) (НС).

Описана ситуация прощания. Информант желает гостю всего хорошего, однако в определенный момент не может вспомнить нужное слово. Он повторяет два раза венгерское слово *sok*, затем следует рефлексия информанта (*hogy mondják*). В результате венгерское слово так и не найдено, вместо него используется сербский аналог. Информант повторяет уже всю фразу с инкорпорированным сербским элементом, затем следует смех. Таким образом, осознается включение иноязычного элемента в венгерскую речь, информант понимает, что в данный момент речи он производит процесс заимствования, причем, в отличие от предыдущего примера [12.20.14.], сербское слово он изменяет уже по правилам венгерского языка (прибавляет к нему окончание винительного падежа единственного числа *-t*: *uspeh-o-t*). После чего вновь следует рефлексия по поводу использования сербских слов в речи воеводинских венгров. При этом информант делает обобщение, указывает на свою принадлежность к воеводинским венграм, из чего можно косвенным образом заключить, что подобная практика типична для речевого поведения всех воеводинских венгров. Информант как бы оправдывается, что он не знает стандартный вариант.

О ситуации, когда информант не может сразу вспомнить нужное слово, пишет в своем анализе русской речи в Эстонии Е. И. Костанди: «Говорящий в силу оторванности от постоянного русскоязычного окружения, необходимости использования разных языков, влияния местных реалий или конкретных коммуникативных условий может

не знать или не сразу вспомнить, подобрать нужное русское слово» [Костанди 2011, 412–413]. В цитируемой работе приведены примеры из русской речи в Эстонии, типологически похожие на те, что мы записали в среде воеводинских венгров. Высказывания, которые делает информант в момент подбора слов, называются «рефлексивами» — «относительно законченные метаязыковые высказывания, содержащие комментарии к употребляемому слову или выражению» [Вепрева 2005, 8]. Е. Д. Бондаренко называет рефлексивами «тексты, в которых метаязыковая информация максимально актуализирована, а ее представление является основной интенцией говорящего» [Бондаренко 2015, 29].

Подбор нужного слова, как это происходит в [12.20.15.], может комментироваться при помощи вопроса *hogy mondják*? После того как сербский элемент уже включен в венгерский текст, следует комментарий, в данном случае в комментарии обобщается практика использования сербизмов всеми венграми в Воеводине.

Вопрос в качестве варианта метаязыковой рефлексии при подборе нужного слова[21] используется и в следующем высказывании [12.20.16.], причем в той же форме, что и в предыдущем фрагменте: *hogy mondják* (как говорят)? Во фрагменте [12.20.17.] в вопросе меняется лицо: *hogy mondjam* (как [мне] сказать)?

> [12.20.16.] *Eleinte voltak többen | voltak tizenketten | már | hát ez az ilyen munka | munkahely | tessék | utána még | hogy mondják a* ***finánszijszká pomocs****? || hogy kezdett | hogy nem kaptunk pályázatokra | nem nyertünk nagyon pénzeket* (Вначале было больше, было двенадцать, уже, ну, это такая работа, рабочее место, пожалуйста, потом, как сказать **финансовая помощь**$_{\text{серб}}$? началось, что мы не выиграли конкурс, не выиграли большие деньги) (В).

> [12.20.17.] *Hát mert örökké ez* ***plavno podrucsje*** *| hogy mondjam is*? (Ну, потому что это всегда была **затопляемая территория**$_{\text{серб}}$, как же это?) (НС).

Как и в [12.20.15.], здесь информанты также не нашли ответа на вопрос. Используется сербское выражение (*plavno područje*), вопрос явился сигналом того, что введена новая единица,

[21] П. Лайхонен и М. Перотто также отмечают соответствующие аналоги этого вопроса в речи своих информантов [Laihonen 2008, 686; Перотто 2015, 100].

которая не принадлежит системе венгерского языка. Венгерский аналог не найден в обоих фрагментах. Таким образом, для одноязычного венгра это место в диалоге осталось бы без перевода.

Помимо вопросов, сигнализировать о переключении кода или включении иноязычного элемента можно другими способами, в частности, признанием того факта, что нет возможности выразить желаемую информацию на венгерском языке. Например:

> [12.20.18.] *Szeretnél beszélgetni egy fiatalemberrel | aki Oroszországból jött és aki valami || sztudiót | most nem tudom || **studiju pravi o | ovaj | multijezičnosti u Vojvodini | ne bi te dugo zadržavao*** (Ты хотела бы поговорить с молодым человеком, который приехал из России и который какое-то ... исследование, сейчас не знаю, **исследование проводит о, это, мультилингвизме в Воеводине, он бы не отнял у тебя много времени**$_{\text{серб}}$) (НС).

Это фрагмент разговора информанта А. с информантом Б., в котором информант А. просит информанта Б. встретиться с исследователем. Видно, как происходит подбор слов. Сначала делается пауза, затем информант находит слово (*studija*), которое не является венгерским (при этом он изменяет это слово согласно правилам венгерской грамматики — ставит его в винительный падеж — *sztudiót*). Затем А. признается, что не может подобрать нужное венгерское слово (*most nem tudom*), повторяет слово уже в соответствии с грамматическими правилами сербского языка и продолжает фразу по-сербски, т.е. произошло переключение кода. В данном высказывании слово *studija* является «словом-переключателем», «которое воздействует на элементы, следующие за ним» [Белл 1980, 189]. Т. Белл называет это явление «последующим переключением», которое похоже на прогрессивную ассимиляцию. В исследовании переключения кода у турецко-нидерландских билингвов подобные маркеры называются *triggers*, например, такую функцию выполняет союз *en* в нидерландском языке [Demircay, Backus 2014, 39].

Еще один вариант рефлексивов — констатация того, что сейчас последует высказывание, принадлежащее другой языковой системе:

> [12.20.19.] *Mindig november 29-én | az valamikor állami ünnep volt | szerbül bírom megmondani | **dan republike** | az valamikor Jugoszláviának volt **dan republike** | és mikor | akkor volt a disznótor* (Всегда 29 ноября,

когда-то это был государственный праздник, я могу сказать по-сербски, **день республики**$_{\text{серб}}$, когда-то это был **день республики**$_{\text{серб}}$ Югославии, и когда, тогда был диснотор (забой свиней)) (НС).

Информант говорит, что может сказать по-сербски, и называет праздник *dan republike* по-сербски. Этот случай можно отнести к цитациям, поскольку названия праздников, мемориальных дат являются устоявшимися, они не производятся в речи спонтанно. Информанту мог быть незнаком венгерский аналог этого праздника, поскольку речь идет о югославской специфике послевоенного времени (этот праздник отмечался в социалистической Югославии).

Последний случай, который мы рассмотрим в этом разделе, включение чужой речи в собственное высказывание, т.е. цитаты. М. Илич пишет, что цитация прямой речи является переключением кода и служит для акцентирования и легитимизации высказывания [Ilić 2014, 185]. В исследовании М. Илич цитации на венгерском языке информантов-сербов обычно сопровождаются переводом на венгерский. А. Драгин приводит фрагменты цитаты информанта из Нови-Сада, в котором отсутствует перевод: *«„Pa, ti si dete još", asszmondja, „šta će ti dete?"»* (Ну, ты еще ребенок, сказала она, зачем тебе ребенок?) [Dragin 2015, 177]. Вероятно, отсутствие перевода обусловлено тем, что венгру, проживающему в Нови-Саде (исследователю и информанту), понятны оба языка.

Приведем примеры, зафиксированные нами в нарративах воеводинских венгров:

[12.20.20.] *És ő nem tanult* | *tanár értett magyarul* | ***koleginice*** | ***treba da naučite*** | *a diákok is nevettek* | *hogy nem megy* (А она не учила, преподаватель понимал по-венгерски, **коллега, вы должны выучить**$_{\text{серб}}$, студенты также смеялись, что не получается [ответить на экзамене по-сербски]) (А).

Здесь приводятся слова третьего лица, информант воспроизводит их по-сербски, поскольку они были произнесены на этом языке. В следующем примере мы видим комбинированный вариант: цитату Вука Караджича и ее удвоение:

[12.20.21.] *A szerb nyelvben a helyesírásban az a szabály* | *úgy írjad* | *ahogy mondod* | ***piši kako govoriš*** | ***i pročitaj kao što je napisano*** || *és éppen ezért sokkal egyszerűbb mint a magyar* (В сербском языке в правописании такое правило, пиши так, как говоришь, **пиши как говоришь,**

и читай как написано$_{\text{серб}}$, и именно поэтому [сербский язык] гораздо проще, чем венгерский) (НС).

Сначала цитата произнесена по-венгерски, но поскольку исходным вариантом является сербский, информант воспроизводит и сербскую версию цитаты. О чуждом характере цитации (в случае произнесения чужого текста) пишет Т. В. Цивьян [Цивьян 2008, 42]. Т. М. Николаева обращает внимание на то, что цитирование «чужой речи» может быть «структурным средством метатекстовой организации» [Николаева 2012, 219]. Приведем расширенную цитату: «Цитации, текстовые отсылки и самоотсылки есть также явления метатеста, они переключают внимание адресата на собственно текстовые компоненты, тем самым создается следующий уровень интерпретации. Включенная речь, чужая — это и буквально чужая речь, вставляемая в текст сознательно, иноязычные инкорпорирования могут переводиться, толковаться, или вводиться без перевода» [Там же, 232].

В последних двух примерах [12.20.22.], [12.20.23.] приводится история информанта из Южного Баната, из машины которого ночью украли аккумулятор.

[12.20.22.] *Ejjel kilopták az akkumulátort belőle | az egyik klemát levették | ha nincs húszezer dinár erték | kár | a rendőrök | **azt mondják | sitno** | semmi* (Ночью украли из нее аккумулятор, одну из клемм сняли, если нет ценности двадцати тысяч динар, **сказали, мелочь**$_{\text{серб}}$, ничего) (Ск).

[12.20.23.] *Mondjuk | az izének | honnan | aszongya | **to ne sme da radite nikako** | ott marad még ma is* (Скажем, это, откуда, **нельзя так поступать**$_{\text{серб}}$, там остается и сегодня) (Ск).

Собеседник передает свой разговор с полицейским, он прямо указывает, что в высказывании последуют «чужие» слова, употребив отсылку — *azt mondják* (говорят). Затем произносит слово по-сербски, сказанное полицейскими — *sitno* (мелко), которое тут же, руководствуясь стратегией удвоения, переводит на венгерский язык: *semmi* (ничего). Передача чужой речи происходит и в следующем его высказывании [12.20.23.][22]. Однако там не следует перевод цитации на сербский язык.

[22] Отметим, что в переданной информантом сербской фразе содержится ошибка: было пропущено окончание второго лица множественного числа у глагола *smeti* (мочь, иметь разрешение).

Таким образом, переключение кода и вставка иноязычных элементов могут маркироваться несколькими способами. Как нам представляется, экстралингвистические реакции (смех, улыбка, ухмылка т. д.) и лингвистические реакции (метаязыковая рефлексия, использование междометий и вводных слов, удвоение и т. д.) являются двумя сторонами одного процесса — они сигнализируют о переходе от одной языковой системы к другой в условиях, когда невозможно подобрать нужное слово, либо когда этот процесс происходит намеренно (например, в случае передачи чужой речи). Кроме того, их можно рассматривать как оправдание за незнание и неумение вовремя найти подходящее высказывание. Переключение кода можно также рассматривать как способ очерчивания границ собственной группы, которой доступно владение двумя языками и в которой в зависимости от конкретной ситуации используются оба языка. Так, Е. И. Костанди пишет о том, что «своеобразное переключение кода происходит и в ситуации общения с русскоговорящими из других стран [не из Эстонии], когда приходится избегать употребления специфически местных наименований, непонятных собеседнику» [Костанди 2015, 32].

В 12-м разделе была рассмотрена речь воеводинских венгров на венгерском языке. Были отмечены явления, как обусловленные ситуацией контакта с сербским языком, так и являющиеся отражением состояния диалектов, распространенных на территории Воеводины. Эти процессы происходят в фонетике, лексике, грамматике, синтаксисе. Некоторые явления, которые распространены в диалектах венгерского языка, могут быть поддержаны наличием сходных явлений в сербском языке (напр., использование падежа аблатива в сравнительных конструкциях).

13. Сербский язык воеводинских венгров

Сербский язык воеводинских венгров уже рассматривался нами в предыдущих работах [Пилипенко 2010, 2011, 2012а][1]. В этом разделе будут проанализированы особенности сербской речи венгров на материале аудиозаписей[2]. В ходе исследований в других контактных венгерско-славянских областях нами было установлено, что типы ошибок, свойственные сербской речи воеводинских венгров, проявляются и в речи на других славянских языках: в речи на словенском языке венгров в Прекмурье [Pilipenko 2011, Пилипенко 2012б], а также в речи на русском и на украинском языках у венгров в Закарпатье [Pilipenko 2014, Пилипенко 2014б, Пилипенко 2015в].

Поскольку мы придерживались стратегии разговора с информантами на двух языках (там, где это было целесообразно), были получены образцы второязычной речи воеводинских венгров. Отступления от норм сербского языка более всего заметны в речи представителей старшего поколения, проживающих в Нови-Саде, Скореновце, в большей степени они прослеживаются в речи жителей севера Воеводины — в общине Ада.

---

[1] В указанных исследованиях акцент делался на анализе письменных высказываний информантов. Хотя и были учтены аудиозаписи спонтанной речи венгров на сербском языке, все же 90 % анализа проведено на материале письменных источников — работ информантов.

[2] Речь идет о новом материале, который ранее не был проанализирован в наших предыдущих работах.

13.1. Фонетические особенности

Из фонетических особенностей следует отметить неразличение звуков [č] и [ć]: *onda su umrli | pa su deca prodali ku*[č]*e | otišli su* (тогда они умерли, а дети продали дома, уехали) (НС); *jer nisu koristili | jer to* [*ć*]*isto skoro bilo mađarsko | nisu koristili tolko srpski* (потому что они не использовали, потому что это все почти было венгерское, они не использовали в такой мере сербский) (НС); *više su nema*[*ć*]*ki znali ovi naši* (больше немецкий знали наши) (НС). Кроме того, вместо аффрикат [ć] и [đ] появляются палатальные [t'] и [d'] соответственно: *tamo sva*[*đ'*]*a nije bilo* (там ссор не было) (А); *to je sve bilo sre*[*đ'*]*eno* (это все было устроено) (А); *ona je pričala ma*[*đ'*]*arski | mi smo ma*[*đ'*]*arski pričali* (она говорила по-венгерски, мы говорили по-венгерски) (А); *a sad nema oko petnaest dvanaest ku*[*t'*]*a* (а сейчас нет и пятнадцати-двенадцати домов) (А); *šta da ja uzmem ovo i nosim ja ku*[*t'*]*i* (зачем мне брать это и нести домой) (А); *to kad nemaš | da*[*t'*]*u | kad ti nemaš | da*[*t'*]*u* (если у тебя нет, я дам, если у тебя нет, я дам) (А); *došo ku*[*t'*]*i | prazno* (он пришел домой, пусто) (А); *sad pre*[*đ'*]*ete na Mol* (сейчас вы переходите в Мол) (А).

Таким образом, в сербском языке венгров севера Бачки нейтрализуется оппозиция [č] и [ć], а также наблюдается произношение [ć] и [đ] как палатальных [t'] и [d']. М. Илич отмечает, что в речи сербов в Венгрии также наблюдается сближение артикуляции [ć] и [đ] к палатальным [t'] и [d'] [Ilić 2914, 139].

13.2. Смешение винительного и местного падежей

Для сербской речи воеводинских венгров характерно смешение падежей направления и места: винительного падежа и местного падежа: *mi ovde u* ***Novi Sad***$_{\text{Мест. п.}}$ *nemamo | zato što izumire mađarstvo* (у нас здесь в Нови-Саде нет, потому что венгерство вымирает) (НС); *čak nije ni bilo | ima puno običaja koje mi ovde u* ***Novi Sad***$_{\text{Мест. п.}}$ (даже и не было, есть много обычаев, которые у нас здесь в Нови-Саде) (НС); *mi ovde poznajemo | i u* ***Adu***$_{\text{Мест. п.}}$ *ili u* ***Molu***$_{\text{Мест. п.}}$ (мы здесь знаем, и в Аде или в Моле) (А); *pa sve uče | sve | ono što žive u* ***Molu***$_{\text{Мест. п.}}$ *| u* ***Adu***$_{\text{Мест. п.}}$ *| u* ***Sentu***$_{\text{Мест. п.}}$ (все учат, все, те, кто живут в Моле, в Аде, в Сенте); *ima ko ne zna | zna da priča malo al ne razume | više ima nego da priča* (есть те, кто не умеет, умеет немного говорить, но не понимает, их больше

[чем тех, кто умеет] говорить) (А); *još više poznajem vas | nego | kao u* ***Novi Sad***$_{\text{Мест. п.}}$ *ili* ***Beograd***$_{\text{Мест. п.}}$ *| to je takav* (еще больше я вас знаю, чем, как в Нови-Саде или Белграде, это так) (А); *mi smo naučili srpski | i u* ***školu***$_{\text{Мест. п.}}$ (мы выучили сербский, и в школе) (А). В приведенных примерах видно, что информанты в позиции местного падежа чаще используют другую форму.

Для того чтобы понять логику выбора окончаний, нужно сравнить выражение подобных значений в венгерском и сербском языках. Выше мы отмечали, что падежи инесива (*-ban/-ben*), выражающего местонахождение внутри пространства, и иллатива (*-ba/-be*), выражающего значение движения внутрь, в разговорной венгерской речи и в венгерских диалектах совпадают, поскольку в падеже инессива отпадает конечный *-n*. В некоторых случаях это приводит к гиперкоррекции, когда падеж инессива используется вместо падежа иллатива. Именно смешение падежей, выражающих направление и местонахождение устной венгерской речи, могло привести к тому, что и в сербском языке информанты путают винительный и местный падежи. В собранном нами корпусе письменных ошибок в сербской речи фиксируется множество примеров смешения винительного и местного падежей [Пилипенко 2011, 144–147]. Об этом же говорят и информанты при характеристике сербской речи венгров.

Возможна также и другая трактовка. Информанты могут использовать форму именительного падежа, поскольку в сербском языке именительный падеж неодушевленных слов мужского рода и слов среднего рода совпадает с винительным падежом. Именительный падеж выбирается потому, что это словарная форма слова, которая запоминается первой. В примерах из устной речи часто опускается предлог *u*: *sad ja stanujem već* (*u*) ***Mol***$_{\text{Мест. п.}}$ (сейчас я живу уже в Моле) (А); *inače tako,* (*u*) ***Novo selo***$_{\text{Мест. п.}}$ *smo stanovali* (и так, мы жили в Ново Село) (А)[3]. В приводимых нами примерах смешение падежей происходит также в речи венгров города Нови-Сад, проживающих в районе Телеп и обладающих высокой компетенцией в сербском языке. Смешение падежей направления и места происходит в воеводинских говорах сербского языка [Ивић 1956, 77], что может служить причиной подобного смешения у воеводинских венгров.

[3] Примеры с нарицательными существительными приведены в [Пилипенко 2011, 149].

Падежи могут выбираться по аналогии окончаний. Здесь показателен пример: *ono što živе u* ***Molu***$_{\text{Мест.п}}$ | *u* ***Adu***$_{\text{Мест. п.}}$ | *u* ***Sentu***$_{\text{Мест. п.}}$ (те, что живут в Моле, в Аде, в Сенте). В первом случае окончание местного падежа употреблено правильно (существительное мужского рода на согласный имеет окончание *-u* в единственном числе). Однако затем в этом же контексте географические названия женского рода, Ада и Сента, также употреблены с окончанием *-u*, являющимся в данном случае показателем винительного падежа (слова женского рода на *-a* в сербском языке имеют в винительном падеже единственного числа окончание *-u*). Информант мог распространить окончание *-u* на все существительные в местном падеже. Таким образом, местный падеж существительных на *-a* совпал с винительным падежом. Из-за многозначности окончаний в сербском языке венграм, особенно проживающим в районах, где мало контактов с сербами, тяжело усваивать полисемию падежных окончаний. Формальное употребление винительного падежа существительных на *-a* в единственном числе (*Adu, Sentu*) может оказаться использованием окончания *-u*, заимствованного из мужского типа склонения.

Таким образом, существует несколько трактовок смешения падежей, выражающих направление и местонахождение в сербском языке воеводинских венгров: факторами, способствующими этому, могут являться как ситуация в венгерском и сербском языках, так и полисемия падежных окончаний в самом сербском языке.

13.3. Род

Одной из наиболее характерных типичных ошибок в сербской речи воеводинских венгров является неправильное употребление рода у существительных и согласуемых с ними слов. В венгерском языке не существует грамматической категории рода, поэтому принадлежность того или иного существительного к определенному роду, а также согласование по роду вызывают у говорящих на венгерском языке большие трудности. Отметим, что именно ошибки при определении рода называли в качестве основных сами информанты, когда характеризовали сербскую речь воеводинских венгров. В анекдотах про венгров на сербском языке, в которых стилизуется речь воеводинских венгров, именно из-за неправильного определения рода часто создается комический эффект.

Ошибки происходят как в именной группе, так и в предикате. Приведем примеры ошибок: ***prava***$_{ж.р.}$ ***radnik***$_{м.р.}$ (настоящий рабочий) (А); *prvo* ***rezao***$_{м.р.}$ *se* ***stolica***$_{ж.р.}$ *sa tri noge, to je* ***bila***$_{ж.р.}$ ***jedna***$_{ж.р.}$ ***veliki***$_{м.р.}$ ***običaj***$_{м.р.}$ (сначала вырезали стульчик трехножный, это был такой большой обычай) (НС); *onda kad je* ***mama***$_{ж.р.}$ *sad* ***video***$_{м.р.}$ (тогда когда мама это увидела); *to* ***mama***$_{ж.р.}$ *nije* ***mogao***$_{м.р.}$ *da kupi* (этого мама не могла купить); *to je* ***bilo***$_{ср.р.}$ ***jedan***$_{м.р.}$ ***lepo***$_{ср.р.}$. ***selo***$_{ср.р.}$ (это было одно красивое село)*; to je* ***dečija***$_{ж.р.}$ ***život***$_{м.р.}$ (это детская жизнь); ***naša***$_{ж.р.}$ ***dečije***$_{ср.р.}$ ***život***$_{м.р.}$ (наша детская жизнь); *pa više* ***muž***$_{м.р.}$ ***znala***$_{ж.р.}$ *bi to da kaže,* ***kakav***$_{м.р.}$ *je* ***taj***$_{м.р.}$ ***stvar***$_{ж.р.}$ (это лучше муж мог бы сказать, какая это вещь); *to je* ***drugačija***$_{ж.р.}$ ***život***$_{м.р.}$ (это другая жизнь); *to je* ***naša***$_{ж.р.}$ ***bila***$_{ж.р.}$ ***život***$_{м.р.}$ (это была наша жизнь); *tamo je* ***radio***$_{м.р.}$ *u školu* ***jedan***$_{м.р.}$ | ***direktorka***$_{ж.р.}$ | *tamo je* ***spremila***$_{ж.р.}$ *pa je to* ***sredio***$_{м.р.}$ (там в школе работала одна женщина директор, там все подготовила и все привела в порядок) *(*А).

У некоторых существительных исходная форма определена изначально неправильно: *nije kao* ***prava***$_{ж.р.}$ ***muškarca***$_{?}$ (не как настоящий мужчина); *ima* ***jedna***$_{ж.р.}$ ***mala***$_{ж.р.}$ ***sela***$_{?}$ | *mi smo stanovali* | *pa loše je bilo* (есть одно небольшое село, мы жили и было плохо). Существительные *muškarac* и *selo* приобретают окончание *-a*, зависимые от них слова согласуются по женскому роду. Зависимые слова, как в именной группе, так и в предикате могут согласовываться по-разному. Если зависимых слов больше двух, можно у них увидеть весь спектр вариантов родовых окончаний. С одним и тем же словом могут согласовываться зависимые слова с разными родовыми окончаниями, как, например, с существительным *život*: ***dečija***$_{ж.р.}$ ***život***$_{м.р.}$ (детская жизнь); ***naša***$_{ж.р.}$ ***dečije***$_{ср.р.}$ ***život***$_{м.р.}$ (наша детская жизнь); ***drugačija***$_{ж.р.}$ ***život***$_{м.р.}$ (другая жизнь). Даже со словами, четко маркированными по родовом признаку (например, *mama*, *muž*), происходит неправильное согласование: *kad je* ***mama***$_{ж.р.}$ *sad* ***video***$_{м.р}$ (когда мама увидела); *pa više* ***muž***$_{м.р.}$ ***znala***$_{ж.р.}$ *bi* (муж больше знал). Согласование с существительными женского рода на согласный практически всегда происходит по мужскому роду: ***kakav***$_{м.р.}$ *je* ***taj***$_{м.р.}$ ***stvar***$_{ж.р}$ (какая эта вещь).

Следует отметить, что чаще всего неправильное согласование по роду наблюдается у венгров на севере Воеводины, однако мы зафиксировали подобные случаи и в речи венгров Нови-Сада, правда, только у представителей старшего поколения.

В отдельных случаях отмечена самокоррекция у информантов, например: *a **tata** mi je **pila**$_{ж.р.}$ vagy **pio**$_{м.р.}$ je* (а мой папа пила или пил). Информант из Ады сначала произвел согласование по формальным признакам: глагольную форму согласовал по женскому роду с существительным мужского рода на *-a* (*tata*). Затем последовало исправление: был использован венгерский союз *vagy*, после которого употреблено причастие на *-l* в мужском роде в перфекте. По всей видимости, информанты, совершающие подобные ошибки, распознают их, в отдельных случаях могут проводить самокоррекцию.

Неправильный выбор рода можно проследить в косвенных падежах, например: *to sam pravila | dve hiljade **šestog** sam pravila* (это я делала, в две тысячи **шестом** году) (Ск). Информант согласует прилагательное по мужскому роду, тогда как следует согласовывать по женскому роду (серб. *godina* (ж.р.) — год): *dve hiljade šeste (godine)*.

В другом примере информант употребляет притяжательное местоимение мужского рода, хотя речь идет о женщине. Информант объясняет исследователю, что сувениры можно купить в доме женщины, живущей через улицу: *i možete tamo kupiti | **njegova** kuča* (вместо *njena kuća*) (и можете там купить, **ее** дом) (Ск).

Таким образом, ошибки при определении рода и в согласовании по роду — одни из наиболее частых в речи воеводинских венгров. Род согласуемых слов выбирается произвольно, иногда — по аналогии (как со словами женского рода на *-a*).

13.4. Склонение существительных

При склонении имен в сербском языке у венгров фиксируются ошибки в выборе окончаний и основы слов. Показателен пример, когда один участник диалога исправляет другого:

[13.4.1.] *B. U ono vreme u nižim razredima nisu bili drugi **jeziki** | kao sada ima nemački | engleski.*
*An.**Jezici**.*

Б. В это время в младших классах не было других языков, как сейчас есть немецкий, английский.
Ан. Языки (НС).

Диалог происходит на сербском языке, когда один из участников произносит форму множественного числа существительного

мужского рода без чередования последнего согласного основы, другой участник его поправляет, предлагая правильную форму.

В позиции винительного падежа часто выбирается форма именительного падежа: ***polovina*** *sam dala mami* (половину я отдала маме) (А); *ne znam* | *na Salajci* | *nisu imali* ***prilika*** | *naučili su* | *srpska deca* | *ovaj mađarski* | *zajedno s nama* (не знаю, на Салайке, у них не было возможности, выучили, сербские дети, венгерский, вместе с нами) (НС); *išli smo u grad* | *kupili smo i* ***bicikli*** | *da idem* | *čim da idem da radim* | *kupila sam i* ***pantaloni*** (мы шли в город, мы купили велосипеды, чтобы ехать, на чем ехать на работу, я купила и брюки) (А). При использовании количественных слов также часто выбирается именительный падеж: *zaradila malo* ***pare*** *i šta je znam?* | *da imamo šta da jedemo* (она заработала немного денег и что я знаю? чтобы у нас было, что есть) (А).

Однако встречаются и формы других падежей, напр.: *nosio bogatašima* ***vode*** (он носил богачам воду) (НС). Можно отметить отступления от нормы в других падежах: *tamo već* ***jezike*** *nije bilo* | *samo stručne predmete* (там языков уже не было, тогда предметы по специальности) (НС). При согласовании могут наблюдаться разные окончания у главного и зависимого слова: *su išli u* ***francusku zabavište*** (они ходили во французский детский сад) (НС). Конкретный пример можно объяснить действием аналогии: информант согласует прилагательное с главным словом, как если бы оно было женского рода (как, например, лексема *škola*).

13.5. Отсутствие *se* у возвратных глаголов

Отмечаются случаи отсутствия возвратной клитики *se* при возвратных глаголах: *to kad* (se) ***seti*** *nazad čovek* | *kakav je bio taj život* (когда человек вспомнит, какой была эта жизнь); *Cigani nisu kao ondak je bilo* | *uopšte nisu* | *zato što* (su se) ***selili*** *iz Beograd ili Pančevo* (цыган не было тогда, вообще не было, потому что они переселились из Белграда или Панчева); *sad* (se) *ne* ***setim*** *kako on zove* (сейчас я не помню, как он называет); *ne* ***setim*** (se) *kako smo išli* (я не помню, как мы шли) (А); ***obukao*** (se) *teća da ne prepozna* (дядя оделся, чтобы его не узнал [никто]) (НС). В венгерском языке глаголы, выражающие типы возвратных значений, не имеют при себе отдельно стоящего показателя, тогда как в сербском языке клитика *se* зачастую располагается дистантно от глагола.

13.6. Пропуск вспомогательного глагола *biti*

В перфекте могут опускаться формы вспомогательного глагола *biti*[4]: *ja se sećam* | *da* (je) *neko to učio* | *ja tačno znam koji ljudi su* | *samo engleski* (я помню, что кто-то учил, я точно не знаю, какие люди, только английский) (НС); *bilo je uskrs* | *porodice* (su) *se skupljali* (была Пасха, семьи собирались) (НС); *zato što* (je) *trebalo da idem da radim* (потому что нужно было мне идти работать) (А); *a ondak* (je) *više išlo na ili Mađar ili Srbin* (тогда больше выходили [замуж] или за венгров или за сербов) (НС). Поскольку в венгерском языке форма прошедшего времени является простой, информанты переносят этот принцип образования в сербский язык. Выражается это в пропуске форм глагола *biti*. Следует отметить, что в речи сербов, проживающих в Венгрии, вспомогательный глагол также опускается [Ilić 2014, 142].

13.7. Выбор основы глагола

В глагольных формах часто происходит выбор неправильной основы: *mi tako smo* ***zoveli*** (мы так звали)*; to nije pravo* | *a tako je* ***zoveo*** | *taj Novo Selo* (это не настоящее, а так звали, это Ново Село); *to oni tamo su radili* | *zajedno smo radili* | *kako da vam kažem?* | ***rasteli*** (это они там работали, вместе мы работали, как вам сказать? росли); *sad nema ono što* ***umreli*** (сейчас нет тех, кто умер); *nismo kazali Cigani* | *nego imene smo* ***zovele*** (мы не говорили цыгане, а звали по имени) (А). В приведенных примерах для образования причастия на *-l* выбирается основа настоящего времени глаголов: *zvati — zovem*, *rasti — rastem*, *umreti — umrem*. Характерно также использование окончаний из другого типа склонения: *jedva su znali da se* ***sporazumu*** *sa lekarkom* (они едва смогли понять друг друга с врачом) (НС); вместо формы *sporazumeju* используется форма *sporazumu*.

Одним из самых распространенных явлений при образовании глагольных форм является выбор родового окончания в безличной форме глагола в перфекте: *pa tu* ***bio*** *puno* | *kako kaže* (и здесь было много, как он говорит); *tu je* ***bio*** *puno pre* (здесь было много раньше) (А); *ono što je* ***ostao*** (то, что осталось) (НС); *makoš* | *jel* | *makoš guba*

[4] М. Бурзан отмечает это явление в сербской речи воеводинских венгров [Burzan 1984, 66].

| *to je* ***bio*** *tradicionalno* (макош, да, макош губа, это было традиционное [блюдо]) (НС). Вместо среднего рода происходит выбор в пользу мужского рода.

Конструкция *da* + *prezent* может выглядеть следующим образом: *ona* ***zna*** *više* ***govori*** *o tome* (она может больше об этом говорить)*;* ***možete*** *onda tamo* *da* ***birajte*** (вы можете тогда там выбирать) (Ск). Второй глагол имеет форму повелительного наклонения, а *da* может опускаться[5].

В форме перфекта в смысловом глаголе наблюдается неправильный выбор родового окончания. Вместо окончания женского рода множественного числа выбирается окончание мужского рода множественного числа: *žene lepe su* ***pevali*** (женщины красивые пели) (НС). Согласование может происходить по принципу схожести окончаний. Например, выбор окончания глагола *moći* в перфекте в следующей фразе происходит из-за идентичности окончаний предшествующих глагольной форме существительных *mama* и *tata*: *u školu smo išli | i mama i tata nije* ***mogla*** *da kupi mi svesku | ni knjigu* (мы шли в школу, и мама и папа не могли купить мне тетрадь, ни книгу) (А).

Зафиксированы также примеры неправильного выбора вспомогательного глагола в перфекте: *iz Sente* ***su*** *došla porodica sa decom* (НС). Здесь информант согласовал по смыслу (**семья с детьми приехали*), тогда как нужно было выбрать вспомогательный глагол в форме третьего лица единственного числа.

13.8. Метаязыковая рефлексия информантов и самокоррекция

Метарефлексии информантов на сербском языке по поводу выбора слов, поиска подходящих выражений, а также в области переключения кода представлены в следующих примерах:

[13.8.1.] G. *Kako se zove ova* ***bešika na mađarskom***?
B. *Vízhólyag | mert a víz folyik.*
O. ***Pre se setim na bešiku*** *| nego vízhólyag.*

[5] Здесь можно усмотреть калькирование венгерской конструкции, когда после союза *hogy* используется повелительное наклонение.

Г. Как называется **пузырь по-венгерски**?
В. Vízhólyag, потому что вода течет.
О. **Быстрее я вспомню bešiku,** чем vízhólyag (НС).

[13.8.2] *Ima tu aktivnosti | koje mi organizujemo u sklopu centra | nego samo oni | **e** || **e** || **iznajmil- || a** | i | evo | **ovako | tako izgleda kada tražim reč** |* **(улыбка)** *oni iznajmljuju prostoriju kod nas i onda | to je naprimer karate i razne fitnes aktivnosti | ali to nema nikakve veze sa aktivnostima centra* (Тут разная деятельность, которую мы организуем в рамках центра, а они сами, **э, э, снял- … а**, и, вот, **так, так выглядит, когда я ищу слово**, (улыбка) они снимают помещение у нас и тогда, это, например, каратэ и разные занятия по фитнесу, но это не имеет никакого отношения к деятельности центра) (НС).

[13.8.3.] *Pomalo izumiralo ono | moje doba | slama | kujna je bila u slami | došla porodica | svi su zajedno jeli pa sekli jabuku da se opet skupljalo | i tako nešto za | **kako se zove**? || **Lucára** |obukao teća da ne prepozna* (Постепенно вымирает это, в мое время, солома, кухня была в соломе, пришла семья, все вместе ели, резали яблоко, чтобы вместе опять собраться, и так, на, **как называется**? **… на Люцию**$_{венг}$, дядя оделся, чтобы его не узнали) (НС).

[13.8.4.] *Ima već razlike u običajima | kod nas se jela | **to ne znam kako** | guba | makoš guba | to je jedna vrsta testa sa makom | to se jelo | ovaj | sa medom* (Есть различие в обычаях, у нас ели, это **я не знаю как**, губа, макош губа, это вид теста с маком, это ели, это, с медом) (НС).

Случаи самокорекции отмечаются в следующих фрагментах:

[13.8.5.] *Šta smo radili? | mi smo na ulici učili, jesmo zajedno **igrali sa dec-** || srpskim decama, bilo je manjina ondak, ali zajedno, znam komšije, koji su bili Srbi* (Что мы делали? мы на улице учили, мы вместе **играли с дет-** … с сербскими детьми, тогда было меньшинство, но вместе, я знаю соседей, которые были сербами) (НС).

[13.8.6.] *Tamo živi | primoran je naučiti | ali školovanje je povoljno pa ide u **Sentendre** | ima velika gimnazija srpska | **kolegium**[6] i sve te | mnogo dece može dostići | idu tamo* (Он там живет, вынужден выучить, но учеба благоприятная [там] и он едет в **Сентендре**$_{венг}$, там находится большая сербская гимназия, **общежитие**$_{венг}$ и все эти, много детей может туда попасть, едут туда) (НС).

[6] Адаптировано в сербском из венгерского *kollégium*.

В [13.8.1.] происходит разговор о детских играх, которые были распространены в послевоенные годы в районе Телеп. Исследователь беседует с информантом по-сербски и при упоминании пузыря свиньи (*bešika*), использовавшегося в качестве мяча, просит привести венгерское название. Этот вопрос ставит информанта в затруднение, на помощь ему приходит другой участник диалога. Информант, которому был задан вопрос, комментирует незнание венгерского аналога тем, что он быстрее вспомнил именно сербское слово (*pre se setim na bešiku* (быстрее я вспомню *bešika*)), что должно смягчить впечатление исследователя от незнания конкретной лексемы.

Во втором примере [13.8.2.] информант, столкнувшись с тем, что не может в нужный момент вспомнить слово на сербском языке, несколько секунд колеблется, заполняет паузу междометиями (*e, e*), а затем вспоминает необходимое слово. Однако некоторые доли секунды колебание сохраняется, поскольку информант не уверен в правильности выбора нужного окончания глагольной формы. Далее следует комментарий, по сути, констатация факта, что таким образом происходит поиск нужного слова (*ovako | tako izgleda kada tražim reč* (вот, как выглядит, когда я ищу слово)), в заключение информант улыбается. Стратегия «улыбки» использовалась информантами и при метаязыковых комментариях по поводу подбора слов или переключения кода в речи на венгерском языке, описанная в предыдущем разделе. Здесь информант как бы оправдывается перед исследователем, извиняется за возникшие колебания в речевом поведении. Улыбка же призвана смягчить эффект от незнания конкретной лексемы перед исследователем[7].

В третьем примере [13.8.3.] информант рассказывает о традициях, некогда бытовавших в его семье. Поскольку рассказ происходит

[7] О неоднозначности и сложности интерпретации улыбки пишет Крейдлин [Крейдлин 2002, 340]: «*мимические выражения ... представляют собой комбинацию чувств, и поэтому разные улыбки воспринимаются людьми как разные жестовые единицы, что подтверждается многочисленными полевыми и лабораторными исследованиями*». Не входя в рассмотрение всего комплекса чувств, выражаемых при помощи улыбки, нам все же представляется, что за этим скрывается определенная стратегия поведения информантов, тем более что она проявляется в схожих (многочисленных) ситуациях: после коммуникативного затруднения, вызванного незнанием переводного аналога на одном из языков. Конечно, речь может идти о разных оттенках чувств, испытываемых собеседником в конкретный момент, однако нам представляется, что первичным является именно стретегия оправдания, смягчения эффекта «незнания» в ситуации разговора с исследователем.

на сербском языке, не всегда получается вспомнить подходящий аналог венгерских этнографических особенностей, названия праздников. В данном случае информант упоминает католический праздник — день св. Люции (венг. *Luca napja*, 13.XI) и связанный с этим обычай ряженья. Однако название праздника по-сербски ему вспомнить не удалось. Информант комментирует это в форме вопроса (*kako se zove*), затем следует небольшая пауза, и после этого — венгерское название, причем в форме падежа сублатива (*-ra/-re*) *Lucá-ra* (на Люцию). Затем повествование продолжается по-сербски.

Четвертый фрагмент [13.8.4.] сходен по типологии причины перехода на венгерский язык с третьим фрагментом [13.8.3.]. Информант здесь также повествует о венгерских традициях, однако некоторые детали он не может адекватно передать по-сербски. В конкретном примере речь идет о кулинарных традициях на Рождество у венгров-реформатов, проживающих в г. Нови-Сад. Информант признается, что не знает, как будет по-сербски выпечка с маком (*mákos guba*): *to ne znam kako* (это я не знаю). Таким образом, упоминание специфических деталей, связанных с венгерскими традициями, происходит при неизбежном включении в повествование венгерских лексических элементов. Безэквивалентная лексика воспринимается информантами как то, что должно иметь аналог в сербском языке. Возможно также и влияние устоявшейся традиции рассказывать о подобных явлениях и событиях только по-венгерски, тогда как по-сербски информанты привыкли говорить на другие темы.

В примере [13.8.5.] мы наблюдаем ситуацию, когда информант пытается подобрать нужное окончание к сербскому слову *deca* в творительном падеже. Следуют колебания информанта, он делает паузу после основы слова, а затем предлагает форму с окончанием. Выбор падежного окончания противоречит сербской норме и соответствует окончанию, распространенному в воеводинских диалектах. Все дело в особенности словоизменения существительного *deca* (дети), которое в литературном языке изменяется как существительное женского рода единственного числа (*deca, dece, deci...*), при этом является обозначением для множества лиц — детей. В единственном числе это существительное среднего рода (*dete, deteta, detetu...*). Информант, по всей видимости, колебался из-за несоответствия внешней формы слова и его семантики, в результате выбор был сделан в пользу семантики: предложено окончание для существительных женского рода

множественного числа — *dec-ama*, свойственное воеводинским диалектам и используемое в сербских диалектах на территории Венгрии [Ilić 2014, 139]. Никакого металингвистического комментария здесь не следует, маркером сомнений в правильности выбора является пауза. С другой стороны, форма *decama* характерна для воеводинских диалектов, информант мог колебаться по той причине, что выбирал между стандартным и локальным вариантом.

В последнем случае [13.8.6.] в сербской речи информанта мы находим венгерские лексемы. Речь идет о сербской гимназии, расположенной в венгерском городе Сентендре (венг. *Szentendre*). У этого города есть также сербское название (*Sentendreja*), поскольку некогда там существовал крупный сербский культурный центр, и до сих пор там сохраняются сербские православные церкви. Однако информанту сербский аналог мог быть просто не знаком. Аналогом венгерского слова *kollégium* (общежитие) в сербском языке являются выражения *studentski dom, đački dom, učenički dom.* Вероятно, информант не сразу вспомнил сербское слово и употребил венгерское (без долготы, свойственной оригиналу, и сдвоенного согласного *l*). Здесь мы также видим, что употребление иноязычных вкраплений происходит без металингвистического комментария. Подобные комментарии следуют, когда информант отдает себе отчет в том, что он в данный момент употребил ошибочную грамматическую форму или заимствованное слово, или не может подобрать сразу нужную лексему. В случаях, когда информант уверен в правильности собственной речи, ни металингвистических комментариев, ни других маркеров не следует.

Таким образом, рассмотрев особенности устной сербской речи воеводинских венгров, мы пришли к выводу, что там наблюдаются явления, которые обусловлены как влиянием системы венгерского языка, так и процессами аналогии в самом сербском языке, по которым действуют информанты. Причиной грамматических ошибок могут быть явления, которые отсутствуют в родном языке говорящих (напр., отсутствие категории рода существительных).

14. Миграция населения

В последнее время в Сербии наблюдаются как естественная убыль населения, так и миграция в другие страны Европы, в Америку. Для венгров также характерна миграция, которая началась еще в 60-е гг. XX в., когда югославским гражданам было разрешено выезжать за границу на работу. В 1990-е гг. причиной эмиграций являлись проводившаяся мобилизация и военные действия. Сейчас на первое место выходят экономические причины: безработица и маленькие зарплаты в Сербии [Ilić 2010, 317].

С другой стороны, наблюдается приток населения в Воеводину. В регионе за последнее время произошли серьезные демографические изменения. Из зон конфликтов (Хорватия, Босния, Косово) в Воеводину устремились беженцы. Необходимо напомнить, что в крае уже существовали общины так называемых «колонистов», переселенцев из экономически менее развитых частей Югославии (Босния, Лика, Македония). Выделяются две основные волны переселенцев-колонистов: те, кто приехал в Воеводину в межвоенный период, и те, кто переселился после Второй мировой войны в места, откуда были депортировано немецкое население [Kicošev 2006, 21]. Иногда поселения колонистов основывались вблизи населенных пунктов с венгерским населением. Практика переселения колонистов на территорию, где проживает другая этническая группа, была характерна для многих государств межвоенной Европы, в частности для Чехословакии [Черничко, Фединець 2014, 85].

Поскольку новые переселенцы прибывали из других диалектных зон, они приносили с собой диалекты другого типа, нежели

распространенные в Воеводине [Bjeljac, Lukic 2008, 85]. В основном это были выходцы из иекавской диалектной зоны, тогда как в Воеводине распространены экавские говоры. Многочисленные переселения последних лет породили новые проблемы: обострились межнациональные отношения [Petsinis 2008, 274]. Сведения о конфликтах на межнациональной почве проникают в СМИ. Анализу межэтнических отношений в Темерине посвящено исследование А. Драгин[8] [Dragin 2012].

Все типы миграций способствуют развитию языковых и культурных контактов. Народы, которые в естественных условиях проживания никогда бы не контактировали, вынуждены взаимодействовать в новых условиях[9].

Рассмотрим сначала миграционные процессы, которые характерны как для венгров, так и для сербов, а затем процессы, характерные только для сербского населения.

14.1. Миграция из Сербии за рубеж

В 1960-е гг. между Югославией и государствами Западной Европы были подписаны соглашения, разрешающие гражданам устройство на работу в этих странах [Ivanović 2012, 10]. Больше всего экономических мигрантов приняли у себя ФРГ и Австрия. Югославы также выезжали в Швецию, Швейцарию, Францию.

Экономическая миграция характерна практически для всех этнических групп бывшей Югославии. Во время исследования в сербской части Санджака информанты заявляли, что практически в каждой семье кто-то работает за границей: *Nema kuće da neko nije tamo* [Пилипенко 2014в, 71]. Многие боснийцы мигрировали внутри самой Югославии в поисках работы, таким образом, в Словении сформировалась большая группа выходцев из Боснии и Герцеговины [Пилипенко 2013б]. Среди прекмурских венгров нами также зафиксированы случаи экономической миграции[10]. Исследованию феномена

[8] А. Драгин анализирует освещение в СМИ этнического конфликта в Темерине. Показательно, что причиной драки между венграми и сербами стало вербальное оскорбление [Dragin 2012, 68].

[9] О миграции национальных меньшинств Воеводины, румын, пишет Б. Сикимич [Sikimić 2012].

[10] *Itt születtem Muraszombatban* | *Szlovéniában* | *viszont akkor Jugoszlávia volt* | *viszont az én* ***szüleim*** *azok* ***gasztarbajterek voltak*** | *az én apám* | *aki idevalósi magyar* | *de vannak*

миграции югославов в Германию и Австрию посвящена, в частности, книга [Ivanović 2012].

В результате выезда из Югославии на работу за границу сформировалось целое поколение детей, выросших в других странах и приобщившихся к другому языку и другой культуре. Экономическая миграция стала своеобразным культурным феноменом второй половины XX в. О венграх, оказавшихся в Швейцарии, пишет М. Надь-Абоньи в своем романе «Взлетают голуби», в котором автор повествует о жизни мигрантов — венгров из Сенты — в небольшом швейцарском городке, их стремлении к адаптации в новых условиях [Надь Абони 2013]. О миграции в югославский период рассказывают и наши информанты:

> [14.1.1.] *De hetvenes években volt | hogy* ***lehett kimenni Németországba dolgozni*** *| és akkor is nagyon csak azzal szándékkal | hogy kint dolgoznak és utána hazajönnek* (Но в семидесятых годах было, что **можно было поехать в Германию работать**, и тогда очень [многие уехали] только с таким намерением, что работают за границей и потом возвращаются домой) (А).

Информанты, с которыми мы общались, поделились опытом пребывания в странах, куда они выезжали на работу. Сейчас это люди пожилого возраста, которые, заработав себе на пенсию в одной из перечисленных стран, вернулись в родные места. Приведем свидетельства информанта из Южного Баната. Он рассказывает о стратегии, которая используется всеми мигрантами в случае поиска работы зарубежом.

---

is távoli szlovén gyökerek is | ő kiment annak idején gásztarbajterként | vendégmunkásként dolgozni Svájcba | s ***ott ismerkedett anyámmal*** *| ő is mint vendégmunkás Svájcba dolgozott Jugoszlávia idejében | tehát Tito idejében | de utána visszamentünk Svájcba | ott éltünk öt éves koromig | úgy ott jártam Svajcba óvodába |* ***ott tanultam beszélni | az óvodában németül*** *| svájci németül | schwizerdütschet | beszéltem | s akkor költöztünk haza Svájcból a szülőkkel* (Я родился здесь, ив Мурской Соботе, в Словении, тогда была еще Югославия, **мои родители были гастарбайтерами**, мой папа, он местный венгр, но у него есть дальние словенские корни, в то время уехал на работу, гастарбайтером, в Швейцарию, и **там он познакомился с моей мамой**, которая тоже работала во времена Югославии в Швейцарии как гастарбайтер, т.е. во времена Тито, но потом [после моего рождения] мы возвратились в Швейцарию и там жили до того, как мне исполнилось пять лет, так там в Швейцарии я ходил в детский сад, **там я научился говорить, в детском саду по-немецки**, швейцарский немецкий, я говорил на schwizerdütsch, а затем мы приехали домой из Швейцарии с родителями) (Лендава, 2013 г.).

[14.1.2.] *Sok* ***ismerős van | rokon*** *| s akkor azok néznek | akkor így | most én csak kimenjek | senkit sem ismerek | semmi | nem hiszem | hogy olyasmi létezik | jelentkezem | egy | hogy nyelvet nem tud | be kell jelentkezzen | hogy igen is akar dolgozni || igen | kimentünk mink |akkor néztük | hogy ha valaki jön utána | a rokonságból | ha olyan a hely | ha lehet dolgozni* (Много **знакомых, родственников**, и тогда они смотрят, тогда так, если я сейчас поеду, меня никто не знает, ничего нет, не думаю, что такое существует, один, и язык не знает, нужно зарегистрироваться, что хочешь работать, да, мы выехали, тогда мы смотрели, что кто-то поедет [к нам] потом, из родственников, если какое место, если можно ли работать) (Ск).

Связи в стране, куда планируется выезд, устанавливаются заранее, через знакомых или родственников, которые туда уехали. Так поступили и информанты из Южного Баната. По их свидетельствам, такой стратегией поиска работы люди руководствуются и сейчас. Связи с теми, кто уехал раньше, позволяют мигрантам снизить риски и расходы на миграцию, поиск работы и т. д. [Meyer 2001, 93].

[14.1.3.] *Hatvanötbe | akkor indult meg | hogy lehetett menni* ***Németországba*** *| az én férjem volt tizennyolc hónapig egyedül | itthon két kislány volt | picik voltak | mikor elment | s mikor először hazajött | legkissebbik nem ismerte | mink is utána kijöttünk | fiatal életünket ott töltöttünk el* (В шестьдесят пятом, когда это началось, что можно было поехать **в Германию**, мой муж был восемнадцать месяцев один, дома были две дочки, они были маленькие, когда он уехал, и когда мой муж приехал домой, самая младшая его не узнала, мы потом уехали [в Германию], наши молодые годы мы провели там) (Ск).

Во фрагменте [14.1.3.] видно, что первым в Германию на поиски работы отправился муж собеседницы, он должен был проработать там несколько месяцев[11]. Из-за длительного отсутствия дома, в родном селе, после возвращения младшая дочь его не узнала. Жена все время находилась в Югославии, присматривала за домом и малолетними детьми. Муж устроился на работу на одном из немецких заводов. Спустя какое-то время муж перевозит жену

[11] В. Иванович отмечает, что в ФРГ и Австрии работало более 80 % всех югославских гастарбайтеров [Ivanović 2012, 11].

с детьми к себе, после того как он окончательно закрепился на новом месте:

[14.1.4.] *Mink Németbe dolgoztunk* | *ott voltunk* | *ameddig a nyugdíjt nem kaptuk meg* | ***mindig*** | ***amikor értünk haza*** | ***úgyhogy évente háromszor*** | ***négyszer*** | *mikor hogy* (Мы работали в Германии, мы там были, пока не вышли на пенсию, **всегда**, **когда мы приезжали домой**, **так что в год три-четыре раза**, когда как) (Ск).

Тем не менее мигранты постоянно поддерживали связи с родственниками в родном населенном пункте. Отпуск семья всегда проводит в родном селе. Похожая ситуация описывается в романе М. Надь-Абоньи, во многом автобиографическом: главные герои отпуск проводят в Югославии, в том населенном пункте, откуда они родом. Таким образом, сохраняется связь с родителями и родственниками, оставшимися в Воеводине. Информант упоминает еще одно интересное обстоятельство: после выхода на пенсию они стали больше времени проводить в родном селе. Этому способствует более теплый климат, чем в Германии, а также родственные связи.

[14.1.5.] ***Nyáron itthon vagyunk*** | *most már megyünk vissza* | *mert ott van házunk* | *itt szép a nyár* | *itt van a rokonság* | *itt voltak a szüleink* | *most már meghaltak* | *de van rokonság* | *testvériség* (**Летом мы дома**, сейчас возвращаемся, потому что там у нас дом, здесь летом хорошо, здесь родственники, здесь были наши родители, сейчас уже они умерли, но здесь родственники, братья, сестры) (Ск).

Языковой адаптации на новом месте способствовало то, что в школах Югославии, конкретно на большей части территории Воеводины, школьники изучали немецкий язык как иностранный:

[14.1.6.] ***Az iskolában is tanultam német nyelvet*** | *az volt nekem nagyon jó* | *úgyhogy amikor kimentünk* | *értettem* | *úgyhogy* | *a néni mondta* | *értettem* | *de nem bírtam felelni* | *nem sok* | *három hónap* | *akkor már bírtam beszélni* (**В школе я учила немецкий язык**, это было для меня очень хорошо, так что, когда мы уехали [в Германию], я поняла, так что, женщина говорила, я понимала, но не могла ответить, немного, три месяца, тогда уже я могла говорить) (Ск).

Вполне ожидаемо, что дети, выросшие в новом языковом окружении, становятся билингвами. Однако третье поколение — внуки, проживающие в Германии, уже не говорят по-венгерски:

[14.1.7.] *Az idősebb lányomnak családja | beszélnek magyarul | de fiatalok már nem | a **férje német | otthon csak németül beszél** | de a lánya beszél magyarul* (Семья моей старшей дочери, они говорят по-венгерски, но молодежь уже нет, **ее муж немец, дома говорит только по-немецки**, но дочь говорит по-венгерски) (Ск).

Говоря о сегодняшней ситуации в области экономической миграции, информант отмечает усиление оттока молодежи из родного села. Констатирует, что многие уезжают:

[14.1.8.] *Igen | a fiatalok | nagyon sokan | **most is nagyon sokan mennek** | hogy mi lesz a falu? | kiürül egész | csak öregek maradnak* (Да, молодежь, многие, **сейчас очень многие уехали**, что будет с деревней? опустеет совсем, останутся только старики) (Ск).

При этом стратегия выбора места жительства и поиска работы не изменилась: по-прежнему первым уезжает мужчина. Возможен также вахтовый метод работы по несколько месяцев:

[14.1.9.] *Ha marad család | vissza köll jöjjenek | mert van olyan | hogy **csak a férj ment el** | három hónap dolgozik s akkor jön haza egy kicsit | ha bír megint tovább | Ausztriában is vannak sokan* (Если остается семья, нужно обратно приезжать, потому что есть такое, что **только муж уехал**, три месяца работает и потом приезжает на немного домой, если может, дальше снова, в Австрии находятся многие) (Ск).

Таким образом, на примере истории одной семьи, венгров из Южного Баната, можно проследить стратегии поиска работы, связей с родным краем, изучить языковую адаптацию, а также распределение гендерных ролей в процессе самой миграции.

14.2. Причина миграции — войны на территории стран бывшей Югославии 1990-х гг.

В 1990-е гг. во время балканских войн в Сербии проводилась мобилизация, призывались в армию в том числе и представители национальных меньшинств:

[14.2.1.] *Amikor ez a Jugoszlávia szetésett | ez a nagy háború | ott is **a magyarokat vitték rezervába** | azok mentek* (Когда эта Югославия распалась, эта большая война, там также **венгров забирали в резерв**, они уезжали).

Многие воеводинские венгры именно по этой причине покидали страну. Отмечается, что в 1990-е гг. Сербию покинули 50 000 венгров [Petsinis 2003, 14]. Они уезжали в Венгрию, а также в страны Западной Европы, где уже жили родственники и где была возможность найти работу.

Воеводина непосредственно граничит с теми территориями, где шли боевые действия: на западе расположена хорватская Славония, на юго-западе проходит граница с Боснией и Герцеговиной. Именно об этих войнах и говорят наши информанты. В следующем фрагменте упоминается война в Боснии и бои около города Осиек в Хорватии, который воспринимается как совсем близкий город[12], поскольку информант, говоря о нем, употребляет указательное местоимение «здесь» (*itt*).

[14.2.2.] *Itt* | *a* ***Boszniával*** | *de* ***itt*** *is volt* ***Eszéknél*** | *mikor horvá háború volt* (Здесь, с Боснией, но и здесь также была в Осиеке, когда была хорватская война) (Ск).

По свидетельству другого информанта, его сын во время проведения мобилизации находился в Германии, в противном случае его могли призвать в армию:

[14.2.3.] *Fiúnk még Németbe lakott* | *hogy jött a háború* | *de kint dolgoztak Németbe* | *házasult s a fiúnk* | *elment Németbe* | *akkor jött háború* | ***akarták vinni a háborúba*** (Наш сын в Германии жил, когда пришла война, но он работал в Германии, женился и наш сын, уехал в Германию, когда пришла война, **хотели его забрать на войну**) (Ск).

Были организованы специальные акции по поиску уклоняющихся от призыва. Именно это провоцировало молодежь на поиск убежища в других странах. В следующем фрагменте собеседник называет страны, куда отправлялись его знакомые: Германия, Венгрия, Швеция. Вначале он рассказывает о своем сыне, а затем говорит о кампании по призыву.

[14.2.4.] *Nem itt volt* | *mikor őt keresték* | *elment Németbe* | *s akkor aztán már szeptember* | *október* | *november* ***akkor keresték nagyon*** | ***akkor szedték a fiatalokat*** | ***akkor menekültek*** | *ki hova ért* | *Magyarba* | *Svédbe* (Здесь

[12] Осиек расположен всего в нескольких километрах от границы с Сербией — от Нови-Сада до границы с Хорватией — 50 километров.

он не был, когда его искали, он уехал в Германию, и тогда, потом уже сентябрь, октябрь, ноябрь, **тогда очень искали, тогда собирали молодежь, тогда бежали**, кто куда, в Венгрию, в Швецию) (Ск).

Таким образом, тема войн на территории стран бывшей Югославии 1990-х гг. довольно часто возникала в разговорах с информантами, война упоминается как одна из причин миграций и уменьшения численности воеводинских венгров.

14.3. Причина миграции — современное экономическое положение

С начала XXI в. и до настоящего момента основной причиной эмиграции из Сербии являются неблагоприятная экономическая ситуация, низкие зарплаты, безработица.

Мотив разрушения и экономического упадка на современном этапе проходит красной нитью по многим нарративам, в которых затрагивается социально-экономическая проблематика. В частности, собеседники отмечают сокращение в последние десятилетия промышленности в своем населенном пункте, уменьшение количества работников на некогда успешных предприятиях, исчезновение некоторых специальностей, профессий. Приведем высказывание информанта из Ады:

[14.3.1.] *Volt itt nagy fémipari | kétrezren dolgoztak | most kétszázan dolgoznak | mezőgazdasági Pick | ott ezren dolgoztak | volt egy ilyen szabó | Zadrugának hívták | ott is dolgoztak |* ***ezek mind megszűntek*** *| Bled ez privát | dolgozik nála tíz | húsz ember* (Здесь был большой химический завод, работало две тысячи человек, сейчас работает двести, сельскохозяйственное [предприятие] *Pick*, там работала тысяча человек, было обувное предприятие, называлось *Zadruga*, там тоже работали, **они все исчезли**, *Bled*, это частное, в нем работает десять-двадцать человек) (А).

Миграции способствуют уже существующие родственные и дружественные связи с теми, кто уехал в предыдущий период (начиная с 60-х гг. XX в.). Как было показано выше, основной стратегией при миграции является предварительное согласование всех условий выезда и будущей работы с теми, кто уже находится за границей.

Мигрантов, которые едут «на пустое место», достаточно мало. Современную экономическую ситуацию информанты характеризуют следующим образом:

[14.3.2.] *A fiatalság menekült | sokan | megint már* ***nincs megélhetés*** (Молодежь бежит, много, **нет возможности прожить**) (Ск).

[14.3.3.] *Mivel* ***nehéz a gazdasági helyzet*** *| egy-két éve körül kezdtek az emberek || a tavalyi év | idén nagyon sokan elköltöztek* (Поскольку **тяжелая экономическая ситуация**, примерно год-два назад люди начали [уезжать], в прошлом году, в этом году очень многие уехали) (А).

Многие уезжают за границу, оформив себе венгерский паспорт[13]. Это помогает лучше устроиться в странах Европейского союза, куда направляется основной поток переселения:

[14.3.4.] N. ***Sokan elmentek*** *most.*
G. *Miért.*
N. *Fiatalok |* ***dolgozni*** *|* ***külföldre*** *| megcsinálta a magyar pászost az az Euba benne van és akkor mehet szabadon | ez könnyebb.*

N. **Многие сейчас** уехали.
Г. Почему?
N. Молодежь, **работать**, **за границей**, сделал венгерский паспорт, этот внутри ЕС, и тогда может свободно ехать, это легче (Ск).

Информанты из Ады рассказали о том, как работает стратегия поддержки связей между теми, кто уехал за рубеж, и теми, кто собирается это сделать. Житель Ады, переехав в Канаду, открыл там небольшое предприятие. Для работы на нем он стал приглашать своих земляков, чему способствовало наличие в Аде среднеспециальной школы по профилю данного предприятия:

[13] Венгерское правительство запустило программу поддержки соотечественников в странах, где проживают венгры. Те, кто проживал на территории, принадлежащей Венгрии до 1921 г., а также в период с 1941 по 1945 г., и их потомки (т. е. не только этнические венгры), могут претендовать на гражданство Венгрии, что дает право на свободное перемещение по странам ЕС. Основным требованием является владение венгерским языком (необходимо пройти собеседование в консульстве). В связи с этим в последнее время возник спрос на курсы венгерского языка со стороны сербов, потомков тех, кто проживал на территории Воеводины в указанный период (Для Воеводины это период до 26 июля 1921 г. и с 11 апреля 1941 г. по 20 января 1945 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.allampolgarsag.gov.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=110&Itemid=68 (24.04.2016).

[14.3.5.] *Sőt* | *mivel Kanadába kint van egy adai fiatalember* | *és gyára van neki kint* | *gyakran van hogy idejönn* | *mert vasmegmunkáló gyára van neki* | *Adán itt volt középiskola* | *erős* | *fémmegmunkáló* | *esztergályosok* | *akkor* ***jön és elviszi őket*** | ***szakembereket*** (Даже, поскольку в Канаде сейчас находится один молодой человек из Ады, и у него завод, часто ехали туда (в Канаду), потому что у него завод по обработке железа, в Аде, здесь была средняя школа, сильная, по обработке железа, токари, тогда **он приехал и увез их**, специалистов) (А).

Среди стран, куда сегодня уезжают мигранты, называются следующие:

[14.3.6.] ***Magyarország*** | ***osztrákok*** | ***Anglia*** | ***Németország*** | *de Svájcba is* (**Венгрия**, **австрийцы**, **Англия**, **Германия**, но также и в **Швейцарию**) (А).

При этом собеседники отмечают отличия современной волны миграции от того миграционного потока, который был характерен для социалистической Югославии. Если раньше уезжали и оставляли за собой какое-то имущество, то теперь продают все:

[14.3.7.] G. *És most*?
E. *Most pedig* ***eladnak mindent*** | *nem is jönnek vissza ... nyáron hazalátogatnak*

Г. А сейчас?
Э. Сейчас **продают все**, даже не возвращаются ... летом приезжают навестить (А).

Однако родственники и знакомые остаются в Воеводине, поэтому летом, как отмечают информанты, многие приезжают в отпуск[14]:

[14.3.8.] M. *Magyarok is vannak sokfelé* | *Ausztriában is vannak ... Svédországban* | *most fiatalok* | *akik mostonában mentek ki*.
G. *Tartják a kapcsolatokat*?
M. *Persze*, ***hazajárnak***.

М. Венгры есть везде, в Австрии также есть ... в Швеции, сейчас молодые, кто сейчас уезжают.
Г. Они сохраняют связи?
М. Конечно, **приезжают домой** (А).

[14] У жителей Тутина (историческая область Санджак) также отмечена похожая стратегия: отпуск они проводят у себя на родине [см. Пилипенко 2014в].

Есть также случаи, когда на работу уезжает один из членов семьи (в большинстве случаев это мужчины), а его семья остается дома. Однако в последнее время эмигрируют целыми семьями:

> [14.3.9.] *Sokan elmennek dolgozni* | *van* | *akik* ***csak a férj dolgozik kint*** | *a család itt marad* | *de nagyon gyakran mindenki megy ki* (Многие уехали работать, есть, кто, **только муж работает за границей**, семья здесь остается, но очень часто все уезжают) (А).

Миграция способствует формированию новых видов многоязычия. Оказавшись в других странах, мигранты осваивают язык нового окружения, при этом возможность поддерживать свой родной язык (либо два языка, если речь идет о смешанных семьях) есть не у всех. Венгры, выходцы из Воеводины, проживающие в других странах, а также их потомки, представляют собой интерес для исследователей, поскольку они оказываются в новой языковой и культурной реальности.

14.4. Славянские миграции в Воеводине

Перейдем к рассмотрению волн миграций славянского населения в Воеводине. Воеводинские венгры контактируют с представителями этих волн миграций. Сербы, переселившиеся на территорию Воеводины во времена «великого переселения», а также в более поздний период, считаются старожилами края (серб. *starosedeoci*, венг. *őslakósok*). После Первой мировой войны на территорию Воеводины переселяют тех, кто нуждался в земельных участках и кто поддерживал сербскую армию в войне, так называемых «добровольцев». По окончании Второй мировой войны на место выселенных немцев югославское правительство пригласило новых переселенцев из внутренних районов Югославии. Тогда приехало около 250 000 переселенцев [Kicošev 2006, 21]. Для обозначения представителей двух первых волн миграций используется термин «колонисты»[15]. Многие колонии были основаны вблизи венгерской границы в окружении населенных пунктов с венгерским населением. Населенным пунктам,

[15] А. Ф. Журавлев, подробно рассматривая русские коллективно-региональные прозвища, отмечает, что миграционные процессы отражаются в «микроэтнонимах»: *колонисты, самоходы, куряки, поляки* [Журавлев 2016, 152–153].

в которых обосновывались колонисты, были даны названия по той местности, откуда происходили переселенцы, либо они были названы в честь народных героев [Bjeljac, Lukic 2008, 85]. В 1990-е гг. следует третья волна миграции из охваченных войной стран бывшей Югославии — в Воеводине появляются беженцы из Хорватии, Боснии. Отмечается, что беженцы происходили из различных культурно-исторических зон. Так, среди них преобладают следующие культурные модели: динарская, центрально-балканская и паннонская. Несмотря на мультиэтничный характер Воеводины, до сих пор наблюдается геттоизированность этих групп не только по отношению к автохтонному населению, но и к разным группам беженцев [Гавриловић 2007, 64–65].

14.4.1. Волны миграции

При упоминании переселенцев собеседники называют тот регион, откуда те приехали. В этом контексте они говорят о Боснии, Сербии, Черногории, Македонии, Хорватии. Согласно статистическим данным, 62,8% всех переселенцев происходит из Хорватии и Боснии и Герцеговины [Bjeljac, Lukic 2008, 84]. География происхождения переселенцев описывается информантами следующим образом:

[14.4.1.1.] *Hozták őket* | ***Szerbia*** | ***Crná Gorából*** *s mit tudom én honnan* (Привезли их, **Сербия**, **из Черногории**, и уж не знаю откуда) (Ск).

[14.4.1.2.] *Mert* | *mondjuk* | *az első világháború után telepítettek* ***Boszniából*** | *akkor a második világháború után* ***Makedoniából*** (Потому что, скажем, после Первой мировой войны переселили **из Боснии**, тогда после Второй мировой войны **из Македонии**) (В).

По данным исследования М. Пузигачи, проведенного среди жителей Нови-Сада, потомков колонистов, больше всего оказалось выходцев из Боснии и Герцеговины (23%), из Хорватии (9%), из других регионов Сербии (8%), затем следуют выходцы из Черногории (5%), Косова и Метохии (1,5%) и Македонии (1%) [Puzigaća 2006, 82].

В те места, где до окончания Второй мировой войны существовали немецкие поселения, были переселены сербы из других регионов Югославии. Немцы, а также немецкие дома, доставшиеся переселенцам, упоминаются в нарративах информантов в связи со второй волной миграции:

[14.4.1.3.] *A háború után* | ***mikor a németeket innen elűzték*** | ***vitték a táborba*** | *akkor hozták őket* | ***Szerbiából*** | *ilyen telepeseket* | *a* ***német házakba*** | *de nincs sok* | *tíz* | *több nem* | *mert* | *akik voltak* | *még aztán el is mentek* (После войны, **когда немцев отсюда прогнали**, **увезли в лагерь**, тогда привезли их [колонистов], **из Сербии**, таких поселенцев, **в немецкие дома**, но их немного, десять, не более, потому что те, кто был, потом и уехали) (Ск).

[14.4.1.4.] *A háború után a* ***németeket elűzték*** | ***vagy kivégezték*** | *volt egy pár család német* | *s a házakba tették azokból* | *a bosnyákokat* | *vagy honnan jöttek* | ***Boszniából*** | *betelepítették* (После войны **немцев прогнали**, **или казнили**, были пара немецких семей, и в их дома поселили из тех, бошняков, или откуда приехали, **из Боснии**, переселили) (Ск).

[14.4.1.5] *De itt németek voltak* | *nagyon sok* ***a német házakba jöttek*** | ***szerbek*** (Здесь немцы были, очень много **приехали в немецкие дома**, сербы) (Ск).

Л. Гаврилович говорит о том, что населенные пункты Нова Пазова и Нови Бановци ранее были преимущественно немецкими, а после войны туда переселяются колонисты из Лики, Бании, Кордуна. Отмечается, что они хорошо адаптировались на новом месте и стали считать себя автохтонными [Гавриловић 2007, 65].

Собеседники при рассказе определяют временные границы. В 1990-е гг. воеводинцы были свидетелями массового наплыва беженцев из соседних с Сербией стран. Поэтому переселения «до» этих событий (первая и вторая волна), свидетелями которых информанты не были, и переселения «после» для них четко разграничены. Время, которое они сами пережили, называют «эти войны» (*posle ovih ratova*) [14.4.16.], «последнее время» (*az utóbbi időkben*) [14.4.7.]:

[14.4.1.6.] ***Posle ovih ratova*** *dosta izbeglica iz* ***Bosne*** *došlo* | ***pre toga*** *su* ***Crnogorci*** *tu već trideset godina od drugog svetskog rata* | *a kasnije još i više* (После этих войн прибыло много беженцев, до этого черногорцы тут уже тридцать лет после Второй мировой войны, а позднее и еще больше [прибыло] (НС).

[14.4.1.7.] *Főleg* ***az utóbbi időkben*** *mindenütt* ***Horvátországból*** | *mindenütt* (Главным образом **в последнее время** везде из **Хорватии**, везде) (В).

Привлекательность Воеводины в глазах беженцев последней волны информанты объясняют тем, что в крае промышленность всегда была развита на высоком уровне. Многие переселенцы устраивались на работу на промышленные предприятия. Информант из Панчево говорит о возможностях трудоустройства в городе:

[14.4.1.8.] *Szóval | azok is jobban jöttek ide Vajdaságban | mert hát* ***gazdagabb | jobb a helyzet*** *| nekik jó | hogy itt a rafineria | az olajfinomító gyár | a műtrágyi gyár | a petrokémia | az is soknak adott munkát | de utána meg még többen jöttek* (Словом, они тоже охотнее приезжали сюда в Воеводину, потому что, ну, **богаче, лучше ситуация**, им хорошо, что здесь нефтеперерабатывающий завод, завод удобрений, нефтехимия, это многим дало работу, но после приехало еще больше) (В).

Еще один фактор, который необходимо учитывать, — развитое сельское хозяйство и плодородные земли края, что, естественно, сказывалось на восприятии Воеводины в глазах переселенцев:

[14.4.1.9.] *Jer svega može da nema | al* ***hrane mora da bude*** *| to je tako debelo ukorenjeno u kulturu Vojvođana da je to neverovatno ... u Vojvodini ima hrane uvek | onda ima taj izraz |* ***baciš dugme u zemlju | iznikne*** (Потому что всего может не быть, но **еда должна быть**, это настолько сильно укоренилось в культуре воеводинцев, что это невероятно ... в Воеводине еда есть всегда, есть такое выражение, **бросишь пуговицу в землю**, **прорастет**) (НС).

14.4.2. Названия групп переселенцев

Для номинации разных групп сербского населения у венгров Воеводины преобладают заимствования из сербского языка.

Колонистов первой и второй волны называют по-разному. Если речь идет о переселенцах после Первой мировой войны, то используют прямое заимствование из сербского *dobrovoljac*[16], либо называют венгерским словом *kolonista*, ср. серб. *kolonista*.

[16] О добровольцах мы записали свидетельство от информанта из Ады: *Zemlju kralj Aleksandar je dao* ***dobrovoljcima*** *| oni ljudi koji su bili* ***dobrovoljci*** *| u prvom svetskom ratu | a ne Srbi | nego iz Bosne | iz Hrvatske iz drugih krajeva | van teritorije Srbije | Hercegovci | tako dalje | njih je bilo | oni dobijali koji su učestvovali na strani Srbije | dobijali su* ***dobrovoljački maksimum*** *koji je bio pet-šest hektara zemlje | i dobijali su prostor gde bi mogli da naprave kuću* (Землю король Александр дал **добровольцам**, те люди, кто были **добровольцами** в Первой мировой войне, не из Сербии, а из Боснии, Хорватии, из других мест, вне

[14.4.2.1.] *Ezek* ***dobrovoljácok*** *voltak | akik ilyen* ***kolonisták*** *| földtelepesek* (Эти были добровольцами, кто были **колонистами**, поселенцы) (Ск).

[14.4.2.2.] ***Kolonistáknak*** *a mentalitása különbözik* (Ментальность **колонистов** отличается) (А).

Помимо указанных названий, функционируют названия по местности происхождения. Так, в Бачка-Паланке переселенцев после Второй мировой войны венгры называли «боснийцами», поскольку большинство было из Боснии. При этом этноним может заимствоваться из сербского языка (*boszánác*, ср. серб. *bosanac*):

[14.4.2.3.] *Hát őket* ***bosnyákoknak*** *hívták | szerbek | de boszánci |* ***bosnyákok*** *... hát akkor* ***boszánácokat*** *hívták* (Ну, их называли **бошняками**, сербов, но боснийцы, **бошняки** ... ну, тогда называли **боснийцами**) (А).

Венгры Южного Баната называют жителей сел, в которые переселились македонцы, этнонимом, заимствованным из сербского языка (серб. *makedonac*, венг. *macedón*, венг. воев. *makedón*).

[14.4.2.4.] *Akkor a második világháború után Makedoniából | itt környeken is két falu mind* ***makedónok*** *| a Glogony |Jabuka | Kácsarevo* (Тогда после Второй мировой войны [приехали] из Македонии, здесь в окрестностях все **македонцы**, Глогонь, Ябука, Качарево) (В).

Общим названием, обладающим отрицательной коннотацией, для всех переселенцев, и в особенности для переселенцев последней волны, является заимствование из сербского языка *dođoš*. Это существительное образовано от сербского глагола *doći* (прийти) при помощи суффикса *-oš*, обозначающего лицо[17]. Показательно, что эту лексему мы не встретили ни в словаре Матицы Сербской, ни у П. Скока, приводится она только в словаре сербских говоров Воеводины в значении «переселенец, пришлый», а также как синоним для слова *kolonista* [РСГВ 2, 244, РСГВ 4, 124]. В венгерском языке это слово подвергается фонетической адаптации: вместо палатального фрикативного [dž'] используется палатальный зубной [d']:

территории Сербии, Герцеговины, и так далее, они были, получали те, кто участвовал на стороне Сербии, получали **добровольческий максимум**, 5–6 гектаров земли, и получали место, где бы они могли построить дом) (А).

[17] Отметим, что этот суффикс венгерского происхождения (венг. *-os*).

[14.4.2.5.] *Azok még mondták hogy* ***dogyos*** | *kao* ***dogyos*** (Эти, говорят, что пришлые, как пришлые) (А).

[14.4.2.6.] *A ovi* | *mi zovemo* ***došoši*** (А эти, мы называем пришлые) (НС).

Номинация переселенцев на их языке фиксируется и у сербов Сигетчепа на территории Венгрии. Венгры начали поселяться в деревне только после Второй мировой войны, местные сербы используют для их обозначения заимствованную лексему из венгерского языка со значением «поселенцы»: *telepeši*, ср. венг. *telepes* «поселенец» [Ilić 2014, 215].

14.4.3. Воеводинцы vs сербы с других территорий

В нарративах информантов встречается упоминание антагонизма между воеводинскими сербами (и в целом — жителями Воеводины, независимо от национальности) и сербами, проживающими в других областях. В. Петсинис говорит о существующих стереотипах «цивилизованного воеводинца» и «примитивного и отсталого горца» из Боснии и Краины [Petsinis 2008, 274]. Этот антагонизм проявляется, в том числе, и в пейоративной лексике, которая существует как для обозначения жителей Воеводины, так и для обозначения невоеводинца.

Для номинации сербов-старожилов в Воеводине жители края независимо от национальности используют шутливое сербское прозвище *Lala* (венг. *Lálá*). В этом значении данное слово отмечено в словаре Матицы Сербской [Речник 3, 161][18], тогда как у П. Скока данное значение не фиксируется у слова *lala* [Skok 1972, 264]. Интересно, что в словаре сербских говоров в Воеводине так называют только жителя Баната [РСГВ 4, 235].

[14.4.3.1.] *A szerbek közt is vannak különbségek* | *mert van a* | *mert azt mondom* | *hogy ők is lakósok* | ***Lálának nevezik*** | *akik már száz* | *százötven éve itt* (Среди сербов есть различие, потому что есть, потому что я говорю, что они также жители, **их называют лала**, кто уже сто-сто пятьдесят лет здесь) (НС).

[18] В словаре на хорватском языковом портале это слово имеет помету *reg.* «региональное» и обозначает того, кто родом из Воеводины: *onaj koji je iz Vojvodine* (тот, кто из Воеводины) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://hjp.znanje.hr/index.php?show=search_by_id&id=elZjXhc%3D (21.01.2016).

Сербское слово *prečanin* было адаптировано к нормам венгерского языка: был заимствован корень (*preko*) без чередования *k/č* и к нему прибавлен *-i*: *preko-i*. Значение этого слова восходит к предлогу *preko* — через:

[14.4.3.2.] *Vajdasági szerbek azok | a* ***prekoi*** *szerbek* (Воеводинские сербы эти, сербы-**пречани**) (А).

Этим словом сербы из центральной части Сербии обозначали сербское население, проживающее по другую сторону реки Сава[19]. Информант из смешанной венгерско-сербской семьи из Нови-Сада говорит:

[14.4.3.3.] *Oni nas zove* ***Prečane | Švabe*** *i svašta | to ja znam* (Они нас зовут **пречани**, **швабы**, это я знаю) (НС).

В этом примере встречается обозначение воеводинцев как *Švabi*, т.е. идет отсылка к исторической судьбе края, который находился много столетий в составе Австрийской империи, и в котором проживало много немцев. Данная лексема встречается в словаре Матицы Сербской в пренебрежительном значении. Так, сербы из Центральной Сербии обозначали сербов в Воеводине: *Srbin prečanin* [Речник 6, 935].

С другой стороны, по отношению к сербам в Центральной и Южной Сербии сербами из Воеводины также используются наименования, отсылающие к исторической судьбе края, а также названия, в которых отражено географическое положение территории и ее история:

[14.4.3.4.] *Mi vojvođani ... a oni tamo* ***Južnjaci, Turci*** (Мы воеводинцы ... а они там **южане**, **турки**) (НС).

Интересно, что ни лексема *Južnjak*, ни лексема *Turčin* не упоминаются в словаре Матицы Сербской как обозначающие жителей южной

[19] Пример из книги [Stoianovich 1994, 277]. В электронном словаре на хорватском языковом портале указано: *Srbin sa sjeverne strane Dunava i Save i sa zapadne strane Drine* (серб с северной стороны Дуная и Савы и с западной стороны Дрины) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://hjp.znanje.hr/index.php?show=search_by_id&id=eVhiWBA%3D (21.01.2016). В словаре Матицы Сербской находим то же самое значение: *čovek s druge, severne strane Dunava i Save, za Srbijance* (человек с другой, северной стороны Дуная и Савы, для [обозначения] сербов) [Речник 5, 24]. У П. Скока Дунай не упоминается, а говорится, что это человек, живущий «через Саву» в Сербии и Боснии [Skok 1973, 41]. Интересно, что сербы из Центральной Сербии при помощи данной лексемы, судя по словарному определению, обозначают только сербов.

Сербии и тех районов, которые долгое время были под властью Турции. Для *Južnjak* лишь указано, что это «человек с юга» [Skok 1972, 609]. М.Л. Кулешова, исследовавшая пейоративные названия лиц в сербском и словенском языках, также рассматривает эту лексему. В ее работе отмечается, что в словенском языке это слово приобрело отрицательный оттенок в связи с наплывом в Словению мигрантов из других бывших республик Югославии [Кулешова 2015, 65].

Еще один термин, относящийся к жителям других регионов Сербии, мы зафиксировали от информантов-сербов в Бачке:

> [14.4.3.5.] *Mi ih zovemo* ***gedžovane*** | *znaš ko je gedža?* | *sitan* | *nikakav* | *brđani su* | *znaš* | *pa su* | *vrlo malo ima debelih* | *to su planine više* | *hrana je drukčija* | *vazduh* | *voda je drukčija* (Мы зовем их **деревенщина, невежда**, знаешь, что такое *gedža*? мелкий, никакой, они с гор, знаешь, и очень мало толстых, это больше горы, еда другая, воздух, вода другая) (А).

Здесь информант обращается к исследователю с вопросом, понятно ли ему значение слова, а затем сам дает пояснение. В сербском языке имеется существительное *gedža* (*geak*, *gejak*) ‘мужик’, ‘деревенщина’, ‘невежда’, ‘неуч’. Прилагательное *gedžav*, от основы которого и образовано это название, означает в своем первом значении ‘корявый’, ‘недоразвитый’. Хорватский языковой портал дает следующую трактовку слов *gedžovan*, *gedžo* — «малообразованный сербский (srbijanski) крестьянин, с точки зрения горожанина с другой стороны Савы и Дуная (из Срема и Бачки)»[20]. В словаре Матицы Сербской указано турецкое происхождение лексемы *gedža* и отмечен ее насмешливый характер [Речник 1, 479]. В словаре П. Скока также находим указание на турецкое происхождение прилагательного *gedžav*, однако там не упоминается, что оно может быть использовано как этнофолизм [Skok 1971, 299]. Словарь сербских воеводинских говоров приводит следующее значение «оскорбительное название для крестьянина из Сербии» [РСГВ 3, 131].

Однако справедливости ради следует отметить, что различные прозвища существуют не только по отношению к невоеводинцам, но и для жителей в самом крае. Например, для жителей Бачки

[20] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://hjp.znanje.hr/index.php?show=search (21.01.2016).

и Баната, которые друг от друга оттеделены Тисой. Одну из шуток про жителей Баната рассказал информант из Ады:

[14.4.3.6.] *A bánátiak úgy jöttek át Adára vagy is Bácskába | hogy beleestek a Tiszába és mivel üresfejűek | áthozta őket a sodrás | még ilyen | tehát* ***a bácskaik rengeteg ilyen gúny | bánátiakra*** *nagyon sok ilyet* (Жители Баната перебирались в Аду, или в Бачку, таким образом, что они падали в Тису, а поскольку у них пусто в голове, течение их переносило, и такие, т.е. **у жителей Бачки большое количество таких насмешливых, издевательских [высказываний] о жителях Баната**, очень много таких) (А).

Жители Бачки высмеивают своих соседей, проживающих в Банате, приписывая им глупость, что и отображено в приводимой информантом характеристике.

14.4.4. Противопоставление старожилов переселенцам

Антагонизм между разными по происхождению группами сербского населения проявляется в том, что некоторые жители Воеводины, как сербы, так и венгры, ощущают дистанцию между старожилами Воеводины и переселенцами из других регионов. Показателен пример:

[14.4.4.1.] *Ja sam upoznao ljude koji su čisti Srbi ali autohtoni | Vojvođani |* ***naši*** *| ne izbeglice i ne znam ja šta | autohtoni Vojvođani* (Я познакомился с людьми, которые чистые сербы или автохтонные, воеводинцы, **наши**, не беженцы и не знаю что, автохтонные воеводинцы) (НС).

В данном фрагменте информант, венгр по происхождению, специально подчеркивает, что автохтонные воеводинцы, сербы, «наши» (*naši*), тогда как переселенцы к этому кругу людей не относятся. Здесь четко проявляется оппозиция «мы — они»: «наши», воеводинские сербы противопоставлены другим сербам. Оппозиция «мы — они» прослеживается и в следующем высказывании:

[14.4.4.2.] ***Oni*** *su solidarni | to je takav* ***mentalitet*** *|* ***južnjaci*** *| oni se uvek povežu* (**Они** солидарны, это такой **менталитет**, **южане**, они всегда связаны друг с другом) (НС).

Именно разница в менталитете упоминается чаще всего как черта, которая больше всего отличает автохтонных жителей Воеводины от новых переселенцев.

[14.4.4.3.] *Ratovi si napravili malo gužvu | pomešanost | neke stvari koje su doneli sa drugih podneblja | koji su* ***sasvim drugačijeg mentaliteta*** (Войны спровоцировали толчею, смешение, некоторые вещи, которые принесли из другого климата, которые **совсем другого менталитета**) (НС).

[14.4.4.4.] ***Kolonistáknak a mentalitása különbözik*** *az itteni őslakos szerbek mentalitásától | jó | akik 21-ben kolonizáltak | azok lassan ... de még mindig | de akik még 45 után | azok ...* (**Ментальность колонистов отличается** от ментальности здешних автохтонных сербов, хорошо, кто приехал в качестве колонистов в 21-м году, эти немного ... но все еще, но кто после 45 года, эти ...) (А).

Отмечается, что приезжие, переселенцы, по-другому относятся к венграм, проживающим в Воеводине, чем сербы-старожилы. Так, Д. Павлович пишет о том, что представители автохтонного сербского населения чаще, чем переселенцы, владеют другими языками края [Pavlović 2003–2004, 187]. Это различие проявляется еще и в том, что браки между сербами-автохтонами и представителями других этнических групп Воеводины заключаются гораздо чаще, тогда как браки между переселенцами и несербами редки, так же как и браки между сербами-автохтонами и переселенцами [Гавриловић 2007, 68].

В следующем фрагменте собеседник говорит о большей близости венгров к сербам-автохтонам (по выражению информанта — те, кто здесь родились, здешние сербы (*azok | akik itt születtek*; *az itteni szerbek*)), чем к переселенцам последних лет:

[14.4.4.5.] *Az itteni magyarság elég jó | tűrhetően jobban voltak az* ***itteni szerbekkel*** *| most | akik bevándoroltak |* ***nem úgy néznek ránk*** *| de én úgy vettem észre | az itteni szerbek is úgy néznek őrájuk | mert* ***azok | akik itt születtek*** *| szerbek |* ***már egymást ismerjük*** (Здешние венгры достаточно хорошо, терпимо относятся к здешним сербам, сейчас, кто мигрировал, не так на нас смотрят, но я заметил, здешние сербы на них так же смотрят, потому что те, кто здесь родился, сербы, мы уже друг друга знаем) (А).

Другой информант прямо противопоставляет сербов-старожилов тем, кто приехал в Воеводину в последнее время[21]. Причина

[21] В исследовании А. Драгин информант имплицитно вводит различие между сербскими переселенцами и автохтонным сербским населением [Dragin 2015, 80].

взаимопонимания с сербами-старожилами видится в том, что сербы, живущие рядом с венграми, владеют (владели) венгерским языком:

[14.4.4.6.] *Az **idevalósi szerbek** | azok jobban megszokták az egymás melletti élést* || [полушепотом] *azok | akik most jöttek ebbe az új háborúba | **azok nem olyan toleránsok*** (**Местные сербы**, они больше привыкли к совместной жизни, [полушепотом], эти, кто сейчас приехал при этих войнах, **эти не такие толерантные**) (НС).

[14.4.4.7.] *Mindenki | aki körülöttünk volt | szerbek is voltak | **azok tudtak mindeki magyarul*** (Все, кто был вокруг нас, сербы были, они все знали венгерский) (НС).

Сербы, переселившиеся в Воеводину начиная с 1990-х гг., по мнению информанта [14.4.4.7.], менее толерантны к венграм. Показательно, что фразу о меньшей толерантности информант произносит практически полушепотом, что свидетельствует о некоторой напряженности в восприятии данной темы (беседа с исследователем проходила под запись с согласия информанта).

14.4.5. Противопоставление сербов венграм

Антагонизм между сербами и венграми проявляется в существовании этнофолизмов. Нам встретилось упоминание информанта о слове *rac*:

[14.4.5.1.] *Tako su oni nas zvali **Raci** | zašto Raci | zato što na ovim prostorima nije bilo naseljeno | iz Raške su došli naši | znaš* (Так они нас звали, **рацы**, почему рацы, потому что эта территория не была населена, наши пришли из Рашки, знаешь) (А).

Собеседник использует уже знакомую стратегию: вводя новое слово, он сразу же предлагает его объяснение. Слово *rac* находим в словаре Матицы Сербской: *pogrdan naziv za Srbina* (оскорбительное название для серба) [Речник 5, 458–459]. В лексиконе венгерского языка также встречаем упоминание о пейоративном значении данного слова по отношению к сербам, сформировавшемся в XIX в.[22]. Ранее этим словом обозначали всех православных

[22] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.lexikon.hu/index.php?&PostBack=1&metatype=&searchin=title&word=r%C3%A1c&searchpattern=rightchopped&pageid=359&lexikonAction=entry&wstlexikonentryctrlpage=1&wstLexikonEntry_id=556094044&wstlexikonentryctrlaction=Item (21.04.2016).

выходцев с Балкан (в том числе греков и македонцев). Там же содержится упоминание о том, что с XX в. это название больше не используется, хотя, как показывают наши наблюдения, это не соответствует действительности. Й. Радич пишет о том, что в венгерских и австрийских источниках слово *rac* использовали для обозначения всех сербов, проживающих в Боснии, Славонии и Воеводине [Радић, Милорадовић 2009, 153]. М. Илич отмечает, что в Венгрии до сих пор используется лексема *Vodrac*, обозначающая сербов [Ilić 2014, 200]. Восходит она к словосочетанию *vadráczok* («дикие рацы, сербы»). По всей видимости, в прилагательном «дикий» сказалось общее восприятие выходцев с Балканского полуострова как отсталых примитивных варваров, которое было распространено в Европе [Todorova 2009, 119].

В материалах, записанных М. Балло и Ф. Вассершайдтом в селе Иваново в 2007 г. и хранящихся в архивах Института балканистики САНИ, мы нашли и другое наименование сербов — *törökök* (турки):

> [14.4.5.2.] *Összekeveredtünk a* ***törökökkel*** (Мы перемешались с **турками**).
>
> [14.4.5.3.] *Sokat tévedünk szerbül is magyarul is | nem is mondom szerbül |* ***törökül*** (Мы много ошибаемся по-сербски и по-венгерски, не скажу по-сербски, **по-турецки**).

Здесь, по всей видимости, эта лексема выступает как синоним для сербов-автохтонов, с которыми изначально контактировали переселенцы-секеи. Возможно также, что подобное восприятие сербов является особенностью именно буковинских секеев, переселившихся в Воеводину позже остальных групп венгров — в самом конце XIX в. Поселения буковинских секеев располагаются на самом юге Баната, где протекает Дунай, а в XIX в. по Дунаю еще проходила граница между Австро-Венгрией и Сербией, а ранее — с Османской империей. Также нельзя исключать и возможную контаминацию с лексемой *Turčin*[23] для номинации выходцев из регионов, расположенных на юге от Дуная, о чем шла речь в 1.4.3.

В этом же населенном пункте исследователи зафиксировали лексему с корнем *rác-*: *át-rác-os-od-ott* (пейор. осербился). Слово было

[23] Данной лексемой обычно принято было обозначать славян, принявших ислам (славян-мусульман), например, в Боснии и Герцеговине, Санджаке.

использовано, когда информант рассказывал о влиянии сербского языка на венгерский.

Для номинации воеводинского венгра существует этнофолизм — *gembeš*. В классических словарях эта лексема не зафиксирована, однако в словаре сербского сленга *Vukajlija* в Интернете она присутствует. Там находим следующее значение: «грубое выражение для обозначения венгра в Воеводине, особенно в Бачке»[24].

14.4.6. Языковые особенности переселенцев

Главное отличие переселенцев от сербов-старожилов, которое упоминают все информанты, — языковое. Именно на языковые особенности поведения обращают внимания наши собеседники:

[14.4.6.1.] *Vidi se | oseti se | oni* ***drugačije govore srpski*** (Это видно, чувствуется, они **по-другому говорят по-сербски**) (НС).

Сербы из других регионов принесли с собой иекавский говор, в отличие от экавского, распространенного среди старожилов-сербов в Воеводине [Bjeljac, Lukic 2008, 85].

[14.4.6.2.] *Vannak azok | akik jöttek akár az első világháború után | akár a második világháború után | akár a mostani háborúk után | például | más nyelvjárásuk | ők* ***hozták a jekávszkit*** *| tudod | mi | itt* ***ekavszki*** *beszélnek | eredetileg Vajdaság | ezek hozták a jekávszkit | például | akár az utcán akár ... ez jött valahonnan | a beszédére meg tudunk állapítani* (Есть те, кто приехали либо после Первой мировой войны, либо после Второй мировой войны, да хоть и после нынешних войн, например, у них другой диалект, они **принесли с собой екавский** [диалект], знаешь, что это, здесь говорят **по-экавски**, изначально Воеводина, те принесли иекавский, например, на улице, или ... это пришло откуда-то, по речи мы можем определить) (НС).

Именно екавский говор чаще всего можно услышать на улицах Нови-Сада[25]. Об изменении структуры населения за последнее

[24] *Pogrdni naziv za Mađara u Vojvodini, posebno u Bačkoj* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vukajlija.com/gembes (10.10.2016).

[25] В сербском языке существуют две группы говоров, противопоставленных друг другу по способу произнесения этимологического «ять»: экавские (произношение звука *е* на месте долгого и краткого «ять»: *mesto*, *reka*) и иекавские (екавские) говоры (произношение *је* на месте краткого «ять» — *mjesto* — и произношение *ије* на месте долгого «ять» — *rijeka*). Экавские говоры распространены на большей территории Республики

время мы писали в первой части исследования. В нарративах информантов находят подтверждение статистические данные. Об этом говорит как информант из фрагмента [14.4.6.2.], так и следующий собеседник:

[14.4.6.3.] *Demografski Novi Sad se razlikuje od onoga što je bilo sedamdesetih | čak će biti jako teško uskoro naći u Novom Sadu ljude koji govore srpski a novosadski | novosadski jezik nije jekavica nikako | a* ***u Novom Sadu*** *momentalno | ja mislim |* ***četrdeset ili trideset posto govori jekavicu*** (Демографически Нови-Сад отличается от того, что было в семидесятые годы, скоро будет даже трудно найти в Нови-Саде людей, которые говорят по-сербски с новисадским акцентом, а новисадский язык это не екавица, а **в Нови-Саде сейчас**, я думаю, **сорок или тридцать процентов говорит на екавице**) (НС).

По свидетельствам информантов, среди их знакомых, друзей, потомков переселенцев первой и второй волн миграций многие так и не восприняли воеводинский говор. Здесь могло играть роль то обстоятельство, что переселенцы селились компактно вместе с выходцами из одной местности, не имели контактов с автохтонными сербами, тем более, если их поселяли в иноэтничном окружении:

[14.4.6.4.] *Govor im je drukčiji | nisu čak ni govor primili | znaš | X se ovde rodio |* ***nema vojvođanski govor*** *| znaš | njegovi su došli posle prvog svetskog rata* (Говор у них другой, они даже наш говор не переняли, знаешь, Х родился здесь, **у него не воеводинский говор**, знаешь, его [родители] приехали после Первой мировой войны) (А).

Что касается языкового поведения недавних переселенцев (беженцев), то здесь показателен разговор с преподавателем сербского языка в одной из школ Северной Бачки.

[14.4.6.5.] *N. Ima dosta | da | da | ova deca | koja kod mene dolaze | tu se već ne oseti po govoru ništa | u početku kad sam počela da radim | tu se još osećalo | ta deca | koja su izbegla | bili su mali | kada sam počela da radim ja sam njima počela da predajem | tu se osećalo | ali se više ne oseća |* ***u govoru roditelja se oseća*** *| ali ovaj |* ***kod dece već ne****.*
G. Na primer | koje su to osobine |šta se oseća?

Сербия, в том числе и в Воеводине, тогда как в Черногории, Боснии и Герцеговине и Хорватии распространены иекавские говоры.

N. Kod roditelja ***imate jekavicu*** | *prisutnu* | *ali kod dece nema* | *već ne govore jekavicom* | *da*.

Н. Достаточное количество, да, да, эти дети, которые ко мне приходят, здесь уже не ощущается в речи ничего, вначале, когда я начала работать, здесь еще чувствовалось, эти дети, которые были беженцами, они были маленькие, когда я начала работать, я начала им преподавать, здесь еще чувствовалось, но больше не чувствуется, **в говоре родителей ощущается**, но, **у детей уже нет**.
Г. Например, какие это особенности, что ощущается?
Н. У родителей **екавица** присутствует, но у детей нет, они уже не говорят на екавице, да (А).

Информант отмечает поколенческую разницу между детьми переселенцев третьей волны и их родителями. Родители, выросшие и сформировавшиеся в других условиях, до сих пор сохраняют екавский говор, тогда как их дети уже перенимают манеру говора воеводинцев, хотя вначале у них было сильное екавское влияние.

14.4.7. Особенности ментальности переселенцев

Информанты говорят также о культурных различиях, в частности — в области кулинарных привычек. Приведем свидетельство от информанта из района Телеп в Нови-Саде:

[14.4.7.1.] ***Nem is ismerik például a sárgarépát | a zöldséget*** | *nem ismerték* | *mondjuk rá* | *idővel megtanulta* | *abból kifolyólag* | *hogy az az asszony megtanult úgy főzni* | *nem is ettek ilyenfajta leveseket* | ***csak sütötték a húst*** | *s a többi* | *a gyereknek tetszett nagyon az egyszerű húsleves* | *tésztával* | *nagymama megtanította neki* | *ő nem beszélte* | *már mondtam* | *jó szerbül* | *de tudtak egymással beszélgetni* | *ez érdekes dolog* (**Им не были знакомы, например, морковь, овощи**, они не знали, скажем, со временем она выучила, судя по тому, что эта женщина научилась готовить, они не ели такие супы, **только жарили мясо**, и так далее, ребенку очень понравился простой мясной суп, с лапшой, бабушка научила ее, она не говорила, я уже сказала, хорошо по-сербски, но они могли друг с другом разговаривать, это интересно) (НС).

Здесь рассказана история взаимоотношений бабушки информанта, венгерки, проживавшей в районе Телеп, и женщины, переселившейся в Нови-Сад из другого региона Югославии. На этом примере можно видеть взаимодействие традиций жителей Воеводины — венгров и переселенцев. Что интересно, общение между женщинами

происходило даже при том, что одна из них, бабушка информантки, не владела этим языком хорошо.

Таким образом, миграция населения осмысливается воеводинцами как процесс, приводящий к этническим и культурным контактам. Фиксируется ряд терминов с разной эмоциональной окраской, которые обозначают различные этнические группы населения Воеводины (*gembeš*), *Rac* (венг. *rác*), *török*, *Lala* (венг. *Lálá*), *prečanin* (венг. *prekoi szerb*), *južnjak*, *Turčin*, *Švaba*, *dobrovoljac* (венг. воевод. *dobrovoljác*), *kolonista* (венг. *kolonista*), *dođoš* (венг. воевод. *dogyos*), *gedžovan*, *gedža*, *Bosanac* (венг. воевод. *boszánác*, венг. *bosnyák*), *Makedonac* (венг. воевод. *makedón*)). Их использование зависит от эмоциональной оценки. Для обозначения воеводинских венгров нами зафиксирован только один термин — *gembeš*, все остальные обозначают славянские группы населения либо с точки зрения венгров (*rác*, *török*), либо с точки зрения одной из групп славянского населения. Внутри последней группы выделяется противоставление: воеводинские сербы (и шире — воеводинцы) (*Lala*, *Švaba*, *Prečanin*) vs сербы, проживающие на юг от Дуная (*gedžovan, južnjak*, *Turčin*); а также воеводинские сербы vs переселенцы в Воеводину из других регионов бывшей Югославии (*dođoš, kolonista, dobrovoljac, Bosanac, Makedonac, Crnogorac*). В этой связи показательно наблюдение А. Ф. Журавлева, который пишет, что такие прозвища представляют особый интерес, поскольку «выбор признаков, берущихся в основу прозвища, определен прежде всего сознанием отсутствия таких особенностей “у нас”», т. е. у тех, кто дает эти прозвища [Журавлев 2016, 159].

Иммиграция из Воеводины направлена в сторону государств Западной Европы, тогда как в саму Воеводину переселялись жители других стран бывшей Югославии. При контактах с новыми переселенцами возникают прозвища для «своих» и «чужих», формируются культурные стереотипы. В частности, в качестве героя анекдотов выступает известный персонаж — Лала, автохтонный серб из Воеводины, который по-разному взаимодействует с «новыми» переселенцами: черногорцами, боснийцами и др.

Миграционные процессы всегда были характерны для данного региона. В нарративах фиксируется восприятие сербов-старожилов Воеводины как близкого для венгров народа, в отличие от переселенцев последнего времени. К сожалению, и в начале XXI в. происходят

конфликты между представителями венгерского населения и сербами (например, случай в г. Темерин)[26]. В нарративах информантов находит отражение конфликтная ситуация последнего времени:

[14.4.7.2.] *Mink nézünk | annyira ott* [Temerinben] *már gyűlölik egymást | úgy gondolom | van verekedés is köztük | szerbek s magyarok közt* (Мы смотрим, настолько там [в Темерине] ненавидят друг друга, думаю, и драки случаются среди них, между сербами и венграми) (Ск).

[14.4.7.3.] *Odahaza beszélek magyarul | de már itt az üzletbe || másképp néznek | amikor magyarul beszélek* (Дома я говорю по-венгерски, но уже в магазине, по-другому смотрят, когда я говорю по-венгерски) (НС).

[26] Конфликты между венграми и сербами возникали уже в середине XIX в., во время революции 1848–1849 гг. Сербы в революции выступили на стороне австрийских войск. Кроме того, во время Второй мировой войны и некоторое время после нее отношения между народами также были напряженными.

15. Особенности этнокультурной традиции воеводинских венгров

Во время бесед с информантами мы также интересовались сохранностью традиционной культуры в конкретной местности. Интерес для нас представляли ситуации смешанного проживания двух народов, а также смешанные браки, в которых сохраняются данные традиции. Н. И. Толстой отмечает, что «в сфере функционирования и внешних отношений можно обнаружить факты одновременной причастности носителей культуры к двум (а иногда и более) культурам (ср. двуязычие и многоязычие)» [Толстой 2013, 10]. Действительно, в случаях контаминации и сосуществования нескольких традиций можно говорить о «культурной интерференции» [Плотникова 2016, 112–113]. Представители иноэтничной и иноконфессиональной культурной традиции воспринимают определенные элементы другой культуры, осмысляют их и в некоторых случаях продуцируют — становятся носителями двух типов культурных моделей.

Особое внимание в ходе интервью уделялось календарной обрядности. Проводились беседы о праздновании Рождества, Пасхи, дня св. Люции. Удалось зафиксировать свидетельства собеседников об обходах домов в определенные праздничные дни, рецепты традиционных обрядовых блюд. Отдельной темой для разговоров послужила традиция убоя свиней с ряженьем по этому поводу. Зафиксированные обычаи встречаются и у венгров в Венгрии. Следует сказать, что в наши задачи не входило всестороннее изучение календарной и семейной обрядности воеводинских венгров, были выбраны лишь ключевые моменты, важные для большинства информантов. В ситуации

постоянного языкового и культурного контакта, в которой проживают воеводинские венгры, фиксируются параллели с культурой соседних славянских народов[1]. Исследователи отмечают, что календарная обрядность венгров во многом сходна с обрядностью соседних народов, что объясняется географо-экономическими условиями [Дёмётёр 1978, 164].

15.1. Адвент, св. Люция

Рождественский цикл праздников у венгров Воеводины начинался с католического Адвента (*Advent*), предшествующего Рождеству. От Рождества отсчитывали четыре недели и каждое воскресенье зажигали свечи (*adventi gyertyát meggyűjtik*) (Мол). Таким образом, первое воскресенье приходится на период с 27 ноября до 3 декабря (ближайшее воскресенье ко дню св. Андрея (30.XI), а последнее воскресенье — с 18 декабря по 24 декабря. В воскресенье за 4 недели до Рождества зажигают первую свечу, в следующее воскресенье — вторую и т.д. Последнюю свечу зажигают в последнее воскресенье перед Рождеством. Дети в этот период делают специальный календарь (*naptár*). Похожая традиция с зажиганием четырех свечей (на венке) фиксируется у поляков в районе Мазур [Виноградова, СД 1, 1995, 95–96].

Особые обрядовые действия в предрождественский период были связаны с днем св. Люции (*Luca napja*) (13.XII). Если первой в этот день утром в дом приходила женщина, ее старались не пускать[2]. Гостя следовало усадить в доме подальше от печи. До захода солнца ничего не одалживали из дома (*nem adott le a házból*; Адорьян), чтобы не унесли счастье (*hogy ne vigye el a szerencsét*). В этот день существовал запрет на разного рода работы, в частности, в Аде женщинам запрещалось шить, потому что «мы зашиваем курице зад» (*mert bevarrjuk a tyúkoknak fenét*)[3], и она не будет нестись. И. Н. Гроздова отмечает, что

[1] В данном разделе приводятся высказывания информантов-венгров на венгерском и на сербском языках, а также высказывания информантов на сербском языке из смешанных венгерско-сербских семей.

[2] Этому находим также подтверждение у [Гроздова 1973, 194].

[3] Стоит отметить ироническое отношение информанта, когда он рассказывал о действиях и верованиях, связанных с днем св. Люции. Например, после произнесения этой фразы последовал смех и комментарий, что все это является суеверием: *nagy*

запрет прясть в этот день объяснялся тем, чтобы не спрясть волосы святой [Гроздова 1973, 194].

К этому дню также были приурочены гадания. Девушки собирали в шапку записки, на которых указывали имена парней, и каждый день до Рождества вытаскивали по одной записке. Какое имя окажется последним, так и будут звать мужа (*koje muško ime ostane taj će biti kao muž*; Нови-Сад). Другое гадание было связано с приготовлением обрядового хлеба (*Luca pogácsa*; Ада). По свидетельствам информантов, раньше в него клали бумажки с именем будущего жениха или невесты (*ki lesz a vőlegény, vagy a ményasszony*). Считалось, что этот хлеб приносит удачу (*benne van ez a szerencse*). В настоящее время данный обычай исчез, записки с именем заменили металлические деньги (*most pénzt tesznek bele*): кому достанется монета, у того будет счастье. Обычаи с запекаемой в хлеб монетой повсеместно отмечаются и у воеводинских сербов [Босић 1996, 58, 62; Плотникова 2004: 84–92, 376–385], а также встречаются у других славянских народов Центральной Европы (словаки, словенцы) [Валенцова 2004, 159–160].

Много обрядовых действий было связано с тем, чтобы в будущем домашний скот и птица хорошо размножались. Так, водой поливали скот, чтобы животные не болели (*hogy ne legyen beteg*). Утром хозяйка выходила во двор и кочергой ворошила в курятнике, приговаривая *kotty-kotty-kotty* и *toj-toj-toj*, чтобы куры неслись (*szokták piszkálni tyúkokat, hogy jobban tojjanak*; Адорьян)[4]. Куриные, гусиные яйца переворачивали таким образом (*a tojásokat úgy forgották*), чтобы острие оказалось сверху.

Также в этот день совершались обходы села (*lucázás* ‘луцияши’), о которых, к сожалению, сведений сохранилось мало[5]. Из этнографической литературы мы знаем, что в этих обходах участвовали дети, которые, придя в дом, садились на солому и пели песни: *Luca-Luca kity-kotty, tojjanak a tiktyok, luggyok!*[6]. Эта песня являлась

ilyen babonaságok mentek | *babonáskodtak az emberek jobban* (были большие суеверия, люди верили в суеверия) (А).

[4] Произношение звуков, имитирующих домашнюю птицу, отмечается также у воеводинских сербов (на сербском языке), см. [Босић 1996, 152].

[5] И. Н. Гроздова приводит термин *kotyolás* [Гроздова 1973, 194].

[6] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://tudasbazis.sulinet.hu/hu/muveszetek/muveszettortenet/neprajz-unnepek-es-nepszokasok/nevnapok-es-nepszokasok-1/lucazas (20.04.2016).

благопожеланием, которое способствовало размножению домашней птицы. Затем детей угощали. Ту солому, на которой сидели дети, хозяйка подкладывала домашней птице. Если угощение не предлагали, то дети угрожали. У этого обряда встречаются параллели у других народов Центральной Европы и Балканского полуострова. Подражание пришедшими гостями домашней птице на св. Люцию у славян распространено на словенско-хорватском пограничье, в Словении (в Прекмурье и в Порабье), на территории Венгрии. В Хорватии обрядовая семантика, связанная с разведением домашней птицы, приурочена к Рождеству, тогда как в восточной части южнославянского ареала — ко дню св. Игната (20.XII/2.I) [Плотникова 2004, 260–261]. М. Босич отмечает, что этот день у воеводинских сербов называли *кокошиньи Божић* (куриное Рождество), а гостя, пришедшего в этот день, именовали *кокошиньи полаженик*[7] [Босић 1996, 34].

Другой распространенный обычай, о котором упоминали информанты, — изготовление стульчика Люции (*Luca széke*) (Нови-Сад, Бело Блато, Михайлово). Этот стульчик имел три ножки, его изготавливали из дерева в период со дня св. Люции до Рождества. Придя на рождественскую мессу и встав на стульчик, можно было увидеть ведьму. Затем нужно было бежать, посыпая за собой мак, чтобы ведьма не догнала[8]. С. М. Толстая отмечает, что подобный обычай распознавания ведьмы распространен в словацком, карпатоукраинском и южнопольском ареалах, а также в Словении и хорватской Славонии [Толстая 1998, 146–147]. М. М. Валенцова пишет, что он известен славянам-католикам центральной части Европы (ср. [Валенцова 2004, 158–162]). По материалам полевых записей этот обычай фиксируется также у поляков на Спише [Ясинская 2014, 184–186], в Остурне в Словакии [Валенцова 2014, 205], у задунайских венгров в Шашке [Ващенко 2014, 280], у хорватов Загорья[9].

[7] Сам обряд «полазник» известен славянским народам в карпатской и балканской зонах (подробнее см. [Усачева 2008, 9–83]).

[8] Представления об апотропеических свойствах мака распространены и у воеводинских сербов, напр., на Масленицу нужно было рассыпать мак, чтобы ведьмы его считали [Босић 1996, 208].

[9] Устное сообщение А. А. Плотниковой и М. Н. Толстой.

15.2. Рождество

Беседы на тему празднования Рождества занимают довольно большую часть в собранном нами корпусе. Необходимо отметить, что в социалистическое время празднование религиозных праздников, в том числе и Рождества, не поощрялось. Если сегодня в автономном крае Воеводина приняты в качестве выходных дней Рождество по старому и новому стилю (для православных, греко-католиков, католиков и протестантов), то во времена социалистической Югославии эти дни были рабочими:

[15.2.1.] *A **vallási ünnepeket** abba az időbe | amikor én iskolába jártam | nem tartottuk | megtartottuk mi azt otthon | mindig volt Karácsony | Húsvét | meg volt ünnepelve | **de az iskolába azt nem lehetett érezni** | tanárok abból nem csináltak semmit | **épp hogy köllött menni hétfőn** | a Húsvét hétfőjén iskolába | még Karácsonykor is | de család | mindeki | ünnepelte | az normális volt* (**Религиозные праздники** в то время, когда я ходила в школу, мы не праздновали, мы праздновали дома, всегда было Рождество, Пасха, праздновали, **но в школе этого нельзя было почувствовать**, преподаватели из этого ничего не делали, **как раз нужно было идти в школу в понедельник**, в понедельник после Пасхи в школу, и на Рождество, но семья, все праздновали, это было нормально) (НС)).

[15.2.2.] *A gyermekkoromban sokkal másképp ünnepölték mint most | **akkor nem szabadott** | **a vallást tiltották** | **a komunizmusban*** (В детстве праздновали в значительной мере иначе, чем сейчас, **тогда нельзя было, запрещали религию, при коммунизме**) (А).

Данные запреты повлияли на многие местные традиции. Так, в Скореновце были запрещены рождественские обходы: *nem engedte meg az állam* (не разрешало государство). Эта традиция возобновилась только в конце 80-х гг. XX в.

Приготовления к Рождеству (*karácsony*) начинались заранее. Необходимо было произвести уборку дома, при этом не разрешалось мести по направлению к порогу, а следовало это делать в обратном направлении (*kisöpröttük a szobát, de mindig csak oda*; Адорьян). На входной двери обычно вешали еловый венок (*fenyőkoszorú*; Мол). Обычай наряжать дома елку появился в 30-е гг. XX в., а раньше приносили в дом ветки фруктовых деревьев (*gyümölcsfának az ágát levágták, beleállították egy edénybe*; Ада) и их украшали. Вешали

на ветки яблоки, орехи, завернутые в серебристую бумагу; зубочисткой в бумаге проделывали дырочки, затем продевали нитку. Подарки (фигурки) делали из початков кукурузы (*kukoricacsutkából készített figurák*; Мол).

Прежде чем сесть за праздничный стол, в доме нужно было рассыпать солому в память о том, что Иисус родился в хлеву (*az annak az emlékére volt, hogy az istállóba született*; Скореновац)[10]. Места, куда рассыпалась солома, называются разные. В Нови-Саде соломой устилалась кухня (*slama, kujna je bila u slami*, Нови-Сад), в Скореновце застилали и кухню, и комнаты, в том числе клали солому на кровать и на стол. Предварительно сейчас расстилают газету, а уже затем кладут солому на кровать и на стол. В Скореновце солому расстилала женщина. Солома оставалась в доме на протяжении всех рождественских праздников, в Скореновце — до Трех Королей. Всю неделю до Нового года существовали запреты на определенные действия. Так, нельзя было подметать в доме, а также работать: *nem lehetett kibírni a szemetet egy hétig* (целую неделю нельзя было выносить мусор; Адорьян); *nem volt szabad söprögetni*; *karácsonytól új évig nem volt szabad semmit se dolgozni* (нельзя было подметать; с Рождества до Нового года нельзя было работать; Ада). По окончании праздников солому вместе с крошками выносили в хлев, поскольку считалось, что это оберегает домашний скот.

Вся семья собиралась вместе 24 декабря. На праздничном столе должны были стоять разные блюда, стол должен был выглядеть богато: *puna vrsta hrane se kuva za Božić, kao da bude što bogatija* (много еды готовится на Рождество, чтобы она была как можно более богатая; Нови-Сад). Нам встретилось ограничение, что на Рождество не ели мясо (Скореновац, записано от мадьяризированных болгар-павликиан, Мол). Вместо мяса варили рыбный суп (*halászlé*). Готовили фасолевый суп (*bableves*), холодец (*kocsonya*), голубцы (*szárma*[11], *töltött káposzta*), колбасу (*kolbász*), кровяную колбасу (*hurka*), ветчину (*sonka*), а также изделия из теста (*kalács*), разновидность печенья с добавлением мака — *mákos gurábli* (Мол) и *mákos guba*, рулеты из мака или орехов (*beigli*). На Рождество выпекали особый хлеб (*karácsonyi*

[10] Здесь можно отметить параллели с православным сербским обычаем, когда в дом вносится солома, «потому что Христос родился на соломе» [Босић 1996, 86–87].

[11] Лексема заимствована из сербского языка. В сербском языке является турцизмом — *sarma*.

kalács; Ада), который украшали фигурками голубей (*galambok*). Нами зафиксировано различие в кулинарных рождественских традициях между венграми-католиками и венграми-реформатами. Так, в Нови-Саде венгры-реформаты не ели рыбу, в отличие от католиков, которые обычно готовили карпа (*ponty*)[12].

Зафиксирован обычай, когда глава семьи (в Аде — отец, в Скореновце — дед) ставил под стол хлебницу (*kenyértartó*) и в нее клал сельскохозяйственные орудия, а также злаки: пшеницу, кукурузу, ячмень[13].

Перед началом праздничного ужина необходимо было съесть каждому члену семьи орех, яблоко и чеснок, предварительно обмакнув каждый из них в мед. Последовательность перечисленных продуктов варьируется. В Аде сначала съедали чеснок, затем яблоко и орех. В Адорьяне был следующий порядок: сначала съедали орех, затем чеснок и затем — яблоко. Глава семьи первым раскалывал свой орех (*ő törte meg az első diót*), если орех оказывался неиспорченным, «здоровым» (*egészséges*), то в семье в наступающем году будут все здоровыми. Если же орех оказывался червивым (*férges*), то кто-то в семье будет болеть. Несколько другой тип предсказаний записан в Аде. Там каждый из собравшихся раскалывал свой орех (*mindenki választott egy-egy diót*) и по тому, какой была сердцевина, можно было судить о здоровье конкретного человека в будущем[14]. Следом съедали яблоко. Обычно выбирали красное яблоко (*piros alma*; Адорьян). Его нарезали на столько частей, сколько было в семье человек[15]. Кусочки яблока опускали в мед и ели. В мед опускали также орехи и лук. Этот обычай символизировал единение семьи[16], «чтобы все оставались вместе» (*azt jelképezte, hogy a család összetartozzon*; Ада), «чтобы не уходили из дома, чтобы семья осталась вместе» (*hogy ne menjuk el a háztól, a család egybe maradjon*; Адорьян). Считалось, что зубчик чеснока помогает от болезней горла (*torokfájás ellen*), кроме того, чеснок

[12] О разных блюдах на праздничном столе у католиков и протестантов упоминается также в [Гроздова 1973, 196].

[13] У воеводинских сербов также клали под стол сельскохозяйственные орудия [Босић 1996, 91], этот же обычай есть и у хорватов, а у венгров принято было класть еще и плуг [Там же, 92; Гроздова 1973, 196].

[14] То же самое находим в [Гроздова 1973, 197]. Гадание по ореху на Рождество известно и воеводинским сербам [Босић 1996, 99].

[15] Похожий обычай фиксируется также у воеводинских сербов [Босић 1996, 138].

[16] То же у воеводинских сербов [Босић 1996, 100].

отгонял колдовские силы (*a boszorkányságot űzi el*)[17]. То, что орехи, яблоко и чеснок окунали в мед, символизировало любовь (*ezt mind mézzel együtt, hogy a szeretet, az édes*; Ада).

В Адорьяне оставшиеся от праздничного стола орехи и яблоки сохраняли на протяжении года. Их заваривали в чай, если кто-то заболевал (*főzték a teát belőle*). Больному также давали кусочек оставшегося яблока, чтобы он выздоровел[18]. Во время праздничной трапезы соблюдался запрет подниматься из-за стола, пока все не закончат есть.

Распространен также обычай предсказывать пол родившихся животных в новом году (Адорьян). Если первой в дом входит женщина, то считалось, что родится телка (*üsző*), если мужчина — то бычок (*bika*). Первых гостей обязательно угощали медовой палинкой (*mézes pálinka*), которую готовили за неделю до Рождества: как правило, в палинку из яблок добавляли несколько ложек меда (Мол). Этот напиток пили также сами члены семьи.

В обследованной местности фиксируются обычаи обходов как в Сочельник, так и в последующие дни рождественских праздников. На большей части Воеводины распространены обходы колядников, которые несут «Вифлеем». Рождественские обходы называются *betlehemezés*[19]. Дети одевались в библейских персонажей: Марию, Иосифа, волхвов — трех королей, они несли с собой макет «Вифлеема», ясли[20]. Перед каждым домом они разыгрывали сценки из Евангелия на рождественские темы продолжительностью 10–15 минут, читали стихи (*verselni*; Войловица). Затем они получали угощение от хозяев дома: конфеты, яблоки, колбасы. В Аде отмечают, что в ритуале участвовали только мальчики (*lányok, rá nem volt jellemző, hogy mentek;* девушки, для этого не было характерно, чтобы ходили). Эти обходы происходят со дня св. Люции до самого Рождества.

Ряженые называются термином романского происхождения (*maska*, *maszka* — ср. название ряженых в словенском и хорватском языках: *maskara*, *maškara* [Виноградова, Плотникова, СД 4, 2009,

[17] То же у южных славян [Плотникова 2012, 531].

[18] В том числе и от яблока, которое досталось конкретному человеку при распределении.

[19] Фиксируются они и среди венгров в районе Шашки в Задунавье [Ващенко 2014, 281].

[20] Обходы с вертепом известны в Воеводине с XVIII в. [Босић 1996, 400].

521]), у воеводинских венгров — *maškare*, *mačkare* [Босић 1996, 191]. В Войловице, где проживают реформаты — потомки буковинских секеев, в первый день Рождества по домам ходят дети, на второй день — молодые парни. Группы ряженых в Войловице называют *csuma* [Марјановић 2008, 94]. При обходах выбирают дома, где живут понравившиеся им девушки. Приходят с музыкальными инструментами. Молодые люди переодеваются так, чтобы их не узнали: выворачивают наизнанку шубы (*kifordított bunda*), надевают одежду из гусиных перьев, делают маски (*álarc*), вокруг пояса повязывают цепь (*lánc*), колокольчики (*csengő*), в руки берут длинную палку (*bót*). Во время процессии они подпрыгивают, издают большой шум (*csörömpölnek*). Подойдя к дому девушки, парни танцуют и поют до тех пор, пока девушка не угадает, кто скрывается под маской. Затем приглашают всех в дом, где предлагают угощение. Подобные обходы могут длиться всю ночь.

В другом секейском селе, Скореновце, обходы ряженых проводятся в ночь перед Рождеством, а затем участники идут в церковь на утреннюю службу. В этой процессии также участвуют парни (*legények*), которые собираются у домов девушек и там поют и танцуют. Сама группа называется *banda* (венг. шайка, банда, оркестр (цыганский)), в которой есть гусары (*huszárok*), пастухи (*csobányok*). Все носят маски, одеты соответствующим образом[21]. Ряженые палкой стучат о землю. Ранее основной деталью костюма была сабля (*kard*), ношение которой во времена социалистической Югославии было запрещено, поскольку сабля является холодным оружием. М. Марьянович приводит данные об обходах в банатском селе Торда, где ряжные несли перед собой голову козы [Там же, 95].

Таким образом, в целом рождественская традиция выглядит довольно унифицированной, имеющиеся отличия, по всей видимости, обусловлены разным временем переселения отдельных групп венгров, а также конфессиональными особенностями. Для всей территории характерен одинаковый набор блюд и связанных с ними поверий. Повсеместно присутствует традиция застилать пол в доме соломой. Многие из описанных традиций встречаются у славянских народов:

[21] Характерной чертой в одежде участников рождественских обходов был кожух, вывернутый наизнанку. Маскировались так, чтобы никто не узнал. У ряженых была задача напугать окружающих (по свидетельству информантов из Нови-Сада).

например, застилание пола соломой отмечено у сербов, болгар, словаков, гадание по сердцевине ореха — у сербов, у греко-католиков в Остурне (Восточная Словакия) [Валенцова 2014, 208], что свидетельствует о единстве основных традиционных верований и представлений народов Центральной Европы, несмотря на генетические различия (финно-угорские и индоевропейские корни).

15.3. Пасха

Великому посту предшествовали гуляния (*farsangi mulatság*). В. Марьянович пишет, что у всех народов, населяющих Воеводину, за исключением словаков и русин, было распространено ряжение, маскарады [Марјановић 2008, 132]. Период с Крещения (*vízkereszt*) до Великого поста называется *farsang* (заимствование из немецкого языка *Fasching* — народные гуляния на масленицу, карнавал)[22]. По свидетельствам информантов из Адорьяна, в конце этого периода (*farsang vége*) устраивали обходы, наряжались в разные костюмы (*beöltözünk maszkáknak*). Среди ряженых присутствовали следующие персонажи: цыгане (*cigányok*), медведь (*medve*), жених (*vőlegény*), невеста (*menyasszony*). Играла музыка, дети сжигали куклу (*babát égetnek*). Гуляния устраивались для того, чтобы «прогнать зиму» (*télűző*). Основным угощением в это время были пончики (*fánk* — нем. *Pfannkuchen*)[23]. В период с Рождества до Великого поста обычно играли свадьбы. Парни в Войловице начинали обходы домов в среду, переодевались в вывернутые наизнанку тулупы (*maškara*), несли с собой колокольчики [Там же, 144]. Входили в те дома, где были девушки на выданье.

Празднику Пасхи (*Húsvét*) у католиков предшествовал 40-дневный Великий пост (*nagyböjt*). Мяса не ели только в среду и пятницу. Последняя неделя поста называется «великая неделя» (*nagyhét*). В четверг накануне Пасхи в колокол уже не звонили. Вместо этого

[22] Термины *fašenk, fainščeк, fašnik, fašange* от немецкого *Fasching* распространены на севере Словении и Хорватии [Плотникова 2004, 112]. Т. Дёмётёр приводит также венгерские названия для Масленицы, встречающиеся в обозначении понедельника и вторника заговенья, напр.: *húshagyó hétfö* (*hús* — мясо, *hagyni* — оставлять) [Дёмётёр 1977, 191].

[23] По материалам наших полевых исследований, у словенцев также принято есть пончики: *krofe*. Распространены они и у хорватов: *krofne* [Агапкина, 2004, 195].

использовали колотушку (*kereplő*). Начиная с пятницы уже шли приготовления к празднику. В Великую пятницу (*nagypéntek*) женщины красили яйца: к яйцу прикрепляли предварительно намоченные листья овощей, помещали яйцо в чулок, затем клали в кастрюлю с луковой шелухой. Вечером все шли на пасхальную службу (*mise*). В Адорьяне на мессу носили ветчину, выпечку, вино, чтобы их освятил (*szentelni*) священник. По возвращении домой был ужин (*vacsora*). На столе обязательно должны были быть яйца (*tojás*), колбаса (обычно вареная) (*kolbász*), ветчина (*sonka*), натертый хрен (*reszelt torma*)[24], пекли также большой обрядовый хлеб (*nagy kalács*), который могли называть «поднявшимся», так как его пекли из дрожжевого теста (*kelt kalács*, повсеместно зафиксирована форма *kőtt kalács*). Во время пасхального обеда (*húsvéti ebéd*) на столе обязательно дожно было быть блюдо из птицы: цыпленок (*csirke*), утка (*kacsa*), индюшка (*pulyka*), гусь (*liba*). Информант из Ады отмечает, что чаще всего готовили гуся. Кроме того, были выпечка (*kalácsok*) и пирожные (*sütemények*).

На следующий день совершались обходы домов. Как правило, начинались они рано утром. Название обходов переводится с венгерского языка как «поливание» (*locsolkodás*)[25]. Раньше парни обходили дома девушек и обливали их водой (*vízzel locsolkodtak*) из посуды, из ведра. Начинали обход от дома той девушки, которая больше всех нравилась. Если же парень приходил к девушке после полудня, его могли и не впустить в дом. Парни приезжали на лошадях либо на повозке (*kocsival*). По свидетельствам информантов, в Темерине до сих пор сохраняют подобную традицию: парни в повозке, запряженной лошадьми (*fogatos kocsival*), в сопровождении музыкантов,

[24] Сходный набор праздничных продуктов упоминали информанты-словенцы во время нашей экспедиции в провинцию Триест и в Каринтию в 2014 г.: *hrin je moɣel bit zmeraj | za veliko noč | potica* (хрен мог быть всегда, на Пасху, потица) (Сливия, провинция Триест, июнь 2014 г.).

[25] Обряд «поливания» распространен и в словацкой Остурне (*kupačka*). Цель обряда заключалась в том, чтобы изгнать из девушек зло и «чтобы они не потеряли красу» [Валенцова 2014, 217]. «Обливанный понедельник» характерен практически для всех западных славян, а также для западных украинцев [Агапкина, 2004а, 454]. У воеводинских сербов обычай «поливания» известен под названием «*водени понедељак*» [Босић 1996, 272, 274]. В основном он распространен в Северной Бачке, где проживает большая часть воеводинских венгров. Т. Дёмётёр отмечает, что обряд «поливания» известен у венгров со средневековья [Дёмётёр 1977, 196].

объезжают дома девушек и обливают их водой[26]. В последнее время данная традиция модифицируется. Вместо обычной воды используют воду с добавлением мыла (*szappanyos vízzel*). Сейчас все больше становится популярным опрыскивать из пульверизатора, духами (*parfümmel*), некоторые обливают газированной водой (*szódavízzel*). Парень в доме получал угощение: ему предлагали хлеб, вино, пирожные, дарили красные яйца (*piros tojás*).

Существовали и детские обходы. Они были распространены в Войловице среди венгров-реформатов. Дети из одной семьи вставали рано утром и шли к родственникам. В гостях они читали стихотворения (*verselni*), за что получали красное пасхальное яйцо и деньги (*szokás pénzt adni*). Удалось записать текст стиха:

> [15.3.1.] *Én kis morzsa | gyenge rózsa | gyenge diákocska | én most jöttem hírt mondani | Király Krisztust hirdetni | váltsák meg a leányokat szép piros tojással | hogy Krisztus megváltotta a széles világot | szép piros vérével | ámen* (Я маленькая крошка, слабая роза, слабый ученик, я сейчас пришел сказать новость, возвестить о короле Христе, откупите девушек красивыми красными яйцами, как Христос искупил мир своей красивой красной кровью, аминь) (В).

Таким образом, очевидна трансформация некоторых элементов традиции. Это, в частности, видно на примере обряда «поливания» (в который введены новшества, связанные с реалиями современной жизни). Обходы практиковались среди молодежи и детей. Ряд обрядов и обрядовых терминов распространен также среди католических (и протестантских) народов Центральной Европы (производные от немецкого слова *Fasching*, обряд «поливания», набор обязательных продуктов и блюд на праздничном столе и др.).

15.4. Убой свиней

Целый ряд обрядовых действий, в том числе ряжение, связан с убоем свиней (*disznóvágás*, *disznótor*, *halotti tor* ‘поминки, тризна’)[27]. Б. Сикимич отмечает, что обрядовое оформление обычая убоя свиней

[26] У венгров в Задунавье обычай поливания из ведра сохранялся до 1970–1980-х гг. [Ващенко 2014, 289].

[27] В сербских диалектах Воеводины фиксируются следующие лексемы: *disnotor*, *disnator*, *disnitor* [РСГВ 2, 235].

характерно для паннонского региона, отмечается он у всех жителей Воеводины [Сикимић 2016, 176]. Начинали забивать, «резать» свиней (*disznót vágni*), когда наступали холода — с конца ноября. Раньше диснотор приурочивали ко дню св. Андрея (Szent András napja, 30/XI), поэтому сам праздник называли «Андрей (Андраш), убивающий свиней» (*disznóölő András*). По словам информантов, в Югославии начало убоя приходилось на государственный праздник — День Республики, который отмечали 29 ноября. Этот день был выходным, поэтому была возможность всем собраться:

> [15.4.1.] *November 29-en* | *az* ***valamikor állami ünnep volt*** | *szerbül bírom megmondani* | *dan republike* | *az valamikor Jugoszláviának volt dan republike* | *és mikor* | ***akkor volt a disznótor*** | *november 29.-a* | *a családot összehívták* | *nagyon érdekes volt* | *nagyon szép volt* (29-го ноября, **это когда-то был государственный праздник**, я могу по-сербски сказать, день республики, когда-то это был день республики Югославии, и когда, **тогда был диснотор**, 29-го ноября, приглашали всю семью, было очень интересно) (НС).

> [15.4.2.] *Ezt* ***egy szocialista ünneppel | jugoszláv ünneppel kötötték össze*** | *november 29.-én* | *ami valamikor régi jugoszláv szocialista föderatív köztársaság megallapításának a dátuma* | *és az állami ünnep volt Jugoszláviában* | *és akkor munkaszüneti nap volt* | *akkor értünk rá disznót vágni* | ***november 29.-én minden háznál levágták a disznót*** | *és ez húsvétig kitartott* (**Это связано с социалистическим праздником, с югославским праздником**, 29-го ноября, который когда-то являлся датой образования Югославской социалистической федеративной республики, и был государственный праздник в Югославии, и тогда был нерабочий день, **тогда у нас было время для забоя свиньи**, 29 ноября в каждом доме резали свинью, и до Пасхи сохранялось [мясо]) (А).

Однако раньше устоявшейся даты не было, все зависело от погоды. Забой свиней продолжался всю зиму. На Новый год также закалывали свинью. Ветчина, приготовленная в зимнее время, обязательно была на пасхальном праздничном столе. При этом существовала традиция взаимопомощи: родственники договаривались между собой, у кого будет на следующей неделе диснотор, и приходили помогать. Информанты отмечают, что в прошлом были большие семьи, родственников было много, поэтому почти каждые выходные в зимнее время года у одного из родственников собиралась вся родня, помогала при убое свиней и приготовлении блюд.

Диснотор мог длиться два дня (пример из Ласлово, Хорватия). Собеседница из Нови-Сада признается, что «они жалели свинью», и что в доме «стоял плач», когда свинью резали (*sírás volt, mikor azt levágtuk*). Собиралась вся семья (*család összegyön*; Адорьян). Родственникам полагалась отдельная порция угощения (*kóstoló*), которое они уносили с собой. Семья могла собраться на следующий день. В Адорьяне на диснотор приходили также дальние родственники. Мужчины собирались отдельно, женщины отдельно. Все действия были четко регламентированы.

Для убоя и разделывания свиньи приглашали мясника (*hentes*), либо все делал сам глава семьи. Дети были рядом с отцом, таким образом, происходила передача знаний. Обычая приглашать соседей не было, им относили порцию угощения (*kóstoló*): паприкаш, колбасу, шкварки, солонину. При этом тарелку было принято возвращать немытой, чтобы следующий диснотор был таким же «жирным» (Адорьян).

Рано утром, в пять часов, собирались и пили чай, мужчины пили палинку (*pálinkázni*). Затем приступали к самому процессу: свинью убивали, «прокалывали» (*leszúrták a disznót*), опаливали соломой (*megpörkölik szalmával*), после соскребывали щетину (*megkaparták*). Разделка свиньи происходила следующим образом: отрезали голову, топором разрубали на две части (*kettévágják*), вынимали позвоночник (*gerencét vették ki*). Прежде чем разрезать свинью, на ней делали крест, «чтобы еврей ее не ел» (*hogy zsidó ne egyen belőle*)[28]. Далее следовало приготовление завтрака (*reggeli, früstük*), который начинался в половине девятого. На завтрак жарили солонину, печень, кровь (*süttek szalonnát, máját, vérét*), собирали кровь (*összeszedni a vért*). Ели соленые перец, огурцы, капусту (*savanyú paprika, uborka, káposzta*).

Во всех действиях было четкое распределение гендерных функций. Например, только женщины занимались промывкой внутренностей (*kipucolni a belét*).

Мясо заготавливали разным образом: сначала его солили (*sózni*), некоторые клали в специально приготовленный маринад (*páclé*), затем коптили (*füstre tenni*), после убирали в кладовку (*kamra*).

[28] Приводимое замечание относится к фольклорному портрету еврея, является иллюстрацией этнокультурного стереотипа. О. В. Белова в исследовании о стереотипах о евреях у украинцев и белорусов пишет, что «связь «чужаков» с нечистыми животными также составляет неотъемлемую их характеристику» [Белова 2011, 133].

Засаливание длилось долго, до четырех недель. Для консервации мясо клали в емкость с жиром (*abba a zsírba a nagy fazékba belerakták*).

В течение дня делали колбасы (*kolbász*), кровяную колбасу (*hurka*), жарили жир (*sütötték a zsírt*), шкварки (*töpörtyű*), шваргли (*svargli*), голубцы (*szárma*), пекли хлеб (*pogácsa*). В кишки набивали мясо и делали колбасу.

На обед (*ebéd*) был паприкаш (*disznótoros paprikás*). На ужин (*vacsora*) начинали печь «жирные рогалики» (*hájos kifli*, *háj* — жир). Для них приготавливали дрожжевое тесто. Наполняли «рогалики» маком, орехами, сливовым повидлом (*mákkal, dióval, szilvalekvárral*). «Жирные рогалики» готовили в печи (*kemence*), на противне (венг. *tepsi*, венг. воевод. *tepszi*, серб. *tepsija*). На ужин ели также кровяную колбасу, «кислый» суп (*savanyú leves*). Мужчины после трапезы играли в карты.

Вечером приходили ряженые (*maszkák*), среди них были те, кто пел (*kántáló*)[29]. По свидетельству информанта из Ады, ряжеными были родственники. Переодевались они в разных персонажей: в медведя (*medve*), цыгана (*cigányember*), цыганку (*cigányasszony*)[30], и приходили в тот дом, где происходил забой свиней. Некоторые участники пели по-цыгански[31] (или делали вид, что пели; в научной литературе находим свидетельства того, что непонятное бормотание могло восприниматься как цыганский язык, что отмечалось на Смоленщине [Виноградова, Плотникова 2009, 523]). Медведь разбрасывал солому в комнате. Ряженые рассыпали перья (*tollat szórtak*). Участники процессии пели, танцевали, прыгали. Они приносили на противне расколотые черепки (*összedarabolt cserepet*), которые затем выбрасывали на середину комнаты и на них танцевали. Из музыкальных инструментов были скрипки (*hegedűk*), цитра (*citerák*). Общее веселье с танцами называли балом (*bál*). Случалось, что ряженые воровали кровяную колбасу, ветчину[32] (ср. обязательное воровство домашней птицы

[29] Про обходы на диснотор находим у [Дёмётёр 1978, 171].

[30] О масках «чужих» у славян пишет О. В. Белова. Автор полагает, что распространение масок евреев и цыган было связано не только с этническим соседством, но и «влиянием на обрядовое ряженье текстов вертепной драмы, где эти персонажи являются обязательными» [Белова 2005, 204].

[31] Отмечается, что в народной культуре чужой язык осознается как признак нечеловеческой природы, отсутствия разума и немоты [Белова 2005, 206].

[32] Ряженые у славянских народов при обходах также бесчинствовали: разбрасывали мусор, пачкали хозяев сажей, крали вещи [Виноградова, Плотникова 2009, 522].

ряженными на свадьбе у старообрядцев дельты Дуная [Плотникова 2016, 33, 59]). Среди пришедших гостей в масках действительно могли оказаться воры. Поэтому из-за распространившегося воровства власти стали запрещать такие обходы.

Диснотор был возможностью для всей родни собраться вместе, помочь друг другу в заготовке мяса на зимний сезон. Это также был способ поддержки друг друга, все пришедшие на помощь получали угощение. Для диснотора характерны и обходы ряженых, которые в последнее время, по свидетельствам информантов, не практикуются, а в некоторых местах и вовсе запрещены из-за опасности, что под этим предлогом в дом могут проникнуть посторонние люди и совершить кражу. Этот обряд также был подвержен трансформации в последнее время. Исчезновение диснотора в городах, в частности, в Нови-Саде, является следствием запрета санитарных властей на размещение домашнего скота во дворе частного дома[33].

15.5. Свадебные обычаи

Еще одной темой для общения с информантами, относящейся к разделу традиционной культуры, были свадебные обычаи. Подробное исследование свадебных обычаев не входило в наши задачи, мы лишь хотели зафиксировать некоторые трансформации, которые происходят в этой области традиционной культуры в наши дни.

После Второй мировой войны было распространено заключение брака (*házasságkötés*) в администрации: «гражданская свадьба» (*polgári esküvő*), а на следующий день — в церкви: «церковная свадьба» (*templomi esküvő*). По словам информантов, в социалистической Югославии распространился обычай праздновать свадьбу «в палатке» (*sátorban*).

Свадьбе предшествовало сватовство (*kikérés*, от *kérni* — ‘просить’; Ада, Нови-Сад). Отец невесты с сыном (если был в семье) и дружки (*násznagy*, *vőfély*[34]) отправлялись на сватанье. Знаком расположения девушки к парню было то, что она прикрепляла цветок к его груди (*virágot tűz a mellére*).

[33] Б. Сикимич пишет о том, что в странах ЕС запрещено резать свиней в частных хозяйствах из-за ветеринарных предписаний [Сикимић 2016, 175].

[34] Данные термины также отмечены Д. Ю. Ващенко [Ващенко 2014, 296–297].

По свидетельству информанта, уроженца Ласлово (Хорватия), свадьба раньше длилась три дня. На свадьбе присутствовали самые близкие родственники. Гости засиживались до самого утра. Затем отправлялись спать, «отоспаться от похмелья» (*kipihenni a mámorát*), и на следующий день собирались снова около полудня. В новое время ограничили празднование практически одним днем. Сама свадьба проходит с субботы на воскресенье.

Приготовления начинались заранее. В среду резали кур для супа, в четверг — свинью или барана, быка, в пятницу пекли хлеб (*sütötték a kalácsokat*). Невеста, перед тем как отправиться в церковь, прощалась с родными (*búcsúztatni* — устраивать проводы, провожать), сначала с матерью, затем с отцом, братьями, сестрами.

Если у невесты был неженатый брат (*férfitestvér*), он сопровождал ее в церковь, брат ехал на повозке, рядом с ним сидела сестра. По свидетельству информанта из Нови-Сада, процессия (*lakodalmas menet* — свадебный поезд, досл. процессия) состояла из нескольких повозок (*kocsi*): в первой повозке ехал жених (*vőlegény*), в последней повозке — невеста (*menyasszony*). Самая украшенная повозка (*legkidíszítettebb kocsi*) была у жениха. В нее пересаживалась невеста после церемонии. За невестой следовали девушки с венками (*koszorúslányok*).

Одежда жениха и невесты с течением времени изменилась. Так, белое подвенечное платье вошло в моду только в послевоенный период. Раньше на голове невесты был венок из цветов (*virágkoszorú*), что свидетельствовало о ее статусе. Жених был в пиджаке (*zakó*), без галстука, в белой рубашке (*fehér ing*), в жилете (*mellény*), к его шляпе был прикреплен цветок, что подчеркивало его статус.

На пороге дома молодоженам предстояло преодолеть различные препятствия. Чтобы пройти через них, необходимо было дать выкуп (деньги).

Гости на свадьбу приносили то, что могло пригодиться молодоженам в хозяйстве: например, кастрюлю (*fazék*) или красиво вышитую подушку (*párna*).

Выпекали особый «свадебный хлеб» (*lakodalmas kalács*), который имел разную форму (чаще всего в виде плетенки), его посыпали черным перцем (*bors*). Хлеб вместе с вином несли во время свадебной процессии, ими угощали соседей.

Свадебный стол накрывали к ужину. На столе стояли блюда из мяса, колбаса, кровяная колбаса, суп (*leves*), жаркое (*pecsenye*),

последними подавали голубцы (*töltött káposzta, szárma*). На праздничном столе был торт невесты (*menyasszony torta*), при этом каждый из гостей приносил свой торт.

Приглашали оркестр (*zenekar*), танцевали чардаш. Гости оставались до тех пор, пока было можно. В Ласлово (Славония, Хорватия) на свадьбе играл оркестр тамбурашей (*tamburások*). Из музыкальных инструментов были скрипка, гармонь, саксофон, контрабас. В последнее время появился синтезатор.

Ближе к полночи невеста уходила переодеваться. По свидетельству информанта из Нови-Сада, после переодевания невесту называли *menyecske* (*átöltözik menyecskének* — переодевалась в молодуху). Она возвращалась в красном наряде (*piros ruha*), в красной блузке и белом переднике (*kötő*). Выкрикивали: «Продается невеста!» (*eladó a menyasszony*). Гости танцевали короткий танец с невестой и за этот танец должны были заплатить, оставив деньги в фартуке, на подносе, либо в корзине[35]. Эти деньги предназначались молодым. Когда больше не оставалось претендентов на танец с невестой, жених ее уводил. Раньше после «танца невесты» жених с невестой отправлялись в свою комнату спать. Сейчас жених с невестой возвращаются к гостям и угощают всех.

Таким образом, свадебная традиция в том виде, в котором ее помнят старожилы, уже не сохранилась. Упрощаются обряды, значение многих обрядов уже стирается из памяти. Появляются признаки нового времени: например, используются новые музыкальные инструменты.

15.6. Трансформация традиции

Рассмотренные обычаи не претендуют на полноту описания этнокультурной традиции воеводинских венгров. Нами были выбраны опорные темы для проведения бесед с информантами (Рождество, Пасха, День св. Люции, адвент, карнавал, диснотор, свадьба). При анализе собранного материала прослеживаются параллели с традицией католических народов Южной Славии (хорваты, словенцы), а также с другими славянскими народами Центральной Европы (словаки, поляки). По всей видимости, венгры вместе с соседними народами,

[35] Ср. то же у градищанских хорватов [Плотникова 2016, 138].

которые придерживаются западного христианства, входят в один культурный ареал (поверья о стульчике, изготовляемом на день св. Люции, поливание водой в понедельник после Пасхи, имитация птицы при обходах на св. Люцию и т. д.).

Поскольку венгры проживают в Воеводине совместно с другими народами, прежде всего с сербами, сохранение культурной памяти о своих традициях, возрождение этих традиций[36] являются для них важнейшим этнокультурным маркером, который отличает их от других этносов. Так, традиция «поливания» существует только среди венгров, сербы, по свидетельству информантов из Нови-Сада, часто удивляются, узнавая о существовании этой традиции. Весьма показателен здесь отрывок из нарратива о праздновании Пасхи. Информант из Ады говорит:

> [15.6.1.] *Akkor a magyarok péntektől hétfőig | Nagypéntek | és csak kedden kezdenek | azokon a területeken | ahol túlnyomórészt magyar gyerekek vannak | őnekik szombaton kell bepotólni a pénteket is | még a hétfőt | pénteken elkezdik a* ***magyar Húsvétot*** *| és akkor kedden befejeződik | akkora tavaszi szünet | és akkor kezdődik a* ***pravoszláv Húsvét*** (Тогда венгры с пятницы до понедельника, Великая пятница, и только во вторник начинают [занятия в школах], на той территории, где большей частью венгерские дети, им в субботу нужно возместить пятницу, а также понедельник, в пятницу начинают **венгерскую**

[36] Чему способствует деятельность культурных обществ, в частности, общества *Aranykapu* в Аде, возродившего многие традиции, в том числе — зажигание костров (*tűz*) на Святоивановскую ночь (*Szent Iván ejszakája*), когда все собравшиеся перепрыгивают через костер: *most az Aranykapu művelődési egyesület | most ezt újra fölélesztette | de én is | ha gyerek voltam | ugrá(l)tuk a tüzet* (сейчас культурное общество Aranykapu, сейчас снова возобновило, но я также, когда была ребенком, мы прыгали через костер). Костры на Иванов день характерны для восточных, западных славян и для западной части южнославянского ареала [Виноградова, Толстая, 1999, 366]. У сербов также распространен обычай устраивать костры на Иванов день [Недељковић 2009, 206]. Многие венгерские исследователи полагают, что у венгров обычай зажигать костры на Святоивановскую ночь мог появиться под южнославянским влиянием [Дёмётёр 1978, 165]. Ритуальное разжигание летних костров (*kres, krijes, oganj*) в ночь с 23 на 24 июня характерно и для Словении, хорватского побережья и Западной Хорватии [Плотникова 2004, 118]). Нами оно зафиксировано в ходе экспедиции в районе Триеста среди словенцев. Организация процессий для поливания в понедельник после Пасхи также является событием, которое специально организуют культурные общества в Темерине. Обходы села на Рождество в Скореновце после нескольких десятилетий вновь были возобновлены стараниями членов местного культурного общества.

Пасху, и тогда во вторник заканчивается, вот такие весенние каникулы, и тогда начинается **православная Пасха**) (А).

Пасху, отмечаемую венграми-реформатами и венграми-католиками в один день, информант называет «венгерской Пасхой» в противовес «православной Пасхе». Венгерская, потому что большинство тех, кто празднует Пасху в другой день (кроме случаев совпадения дат), — именно венгры. О. В. Белова по этому поводу пишет: «Этнический компонент является значимым для дефиниции личных конфессий: католичество — польская вера, протестантизм — немецкая)» [Белова 2005, 76].

В нарративах информантов можно часто встретить утверждение, что сегодня многие обычаи отмирают: *kidobálták a valódi szokásokat* (выкинули настоящие обычаи). Говорят об этом с сожалением. Встречалось также снисходительное отношение к обычаям, информанты признавали их заблуждением или предрассудками. Например, о дне св. Люции информант из Ады говорит: *az egy babonás nap* (это день суеверий), т. е. обычаи для него уже не имеют той силы, которую имели для предков, хотя он и является носителем этой традиции: от него было записано много важных сведений. Еще один мотив, который прослеживается при рассказе о традиционной культуре, — отмирание обычаев*: ez régen volt* (это было давно), часто заявляют информанты.

На сохранение традиции оказывает влияние и институциональная среда, разного рода административные ограничения. Так было во времена социалистической Югославии, когда не поощрялось празднование религиозных праздников, а многие праздничные даты были обычными рабочими днями. Власти могли запрещать обходы по разным причинам (например, в Скореновце — по той причине, что участники носили при себе сабли — холодное оружие). Ряженым на диснотор было запрещено приходить в дома, потому что участились случаи воровства, а в последнее время в городе не разрешается держать свиней.

Отмечено, что смысл обрядовых действий размывается, многие информанты не помнят их значения. Кроме того, сами обряды, даже если поддерживаются, сильно редуцированы, некоторые уже не практикуются, что ведет к сильной трансформации традиции. Записанные нарративы о праздниках представляют собой во многом

«идеальное состояние прошлого», которое в этом виде уже не встречается. На изменения влияют многие факторы: социальные, экономические, исторические. Так, рассматривая сербскую общину на территории Венгрии, М. Илич отмечает, что фиксируемые исследователем обрядовые действия сегодня сохраняются только в нарративах [Ilić 2014, 257]. Таким образом, обрядовые действия переходят из сферы акциональной в устную сферу бытования, изменяют свою природу функционирования.

Заключение

В книге представлен взгляд исследователя на общину воеводинских венгров (взгляд «извне»), а также самопрезентация представителей данной общины в интеракции с исследователем, взгляд самих информантов на себя (взгляд «изнутри»). Внутри изучаемой общины существуют конфессиональные, лингвистические, социальные и этнические отличия, которые позволяют говорить о ее неоднородности. Данные отличия находят отражение в нарративах, а также в характеристиках, которые члены одной подгруппы приписывают представителям другой подгруппы (своеобразная «внутренняя» перспектива взгляда «изнутри»).

Была проанализирована речь воеводинских венгров на венгерском и сербском языках, рассмотрены нарративы, посвященные биографии информантов, истории мест их проживания, социально-экономическим явлениям (миграция населения, социоэкономическая ситуация), языковой компетенции самих информантов и языковой компетенции других индивидов, этнической истории местности, а также сохранению и трансформации культурной традиции. Материал, представленный в настоящем исследовании, собран автором во время экспедиций в автономный край Воеводина, проводившихся с 2012 по 2015 г.

Описаны разные языковые стратегии и культурные модели, распространенные в сербско-венгерских смешанных семьях, сфера использования языков, метаязыковая рефлексия информантов. Рассмотрено отношение говорящих к венгерскому и сербскому языкам, а также способ приобретения сербского языка. Стереотипы

в восприятии сербской речи воеводинских венгров находят свое отражение в жанре анекдота. Вербальные и невербальные элементы — повторы, перевод, пауза, переключение кода, смех, улыбка, шепот — являются частью языковой стратегии говорящих, отражающей этническую и культурную специфику региона. Через языковое переключение может происходить включение «чужих» в определенный круг общения (или исключение из него), проявляться идентичность говорящих. В речевых стратегиях говорящих отражается отношение к предмету речи, обстоятельствам речевой ситуации, к собеседнику, а также к собственным высказываниям. Метаязыковые высказывания свидетельствуют о процессах, происходящих на этапе кодирования смыслов, демонстрируют разные аспекты экстралингвистического влияния.

Рассмотрены мотивационные основы географических названий населенных пунктов, частей населенных пунктов, наименования этнических соседей. В основу функционирования этих названий в устной речи положен принцип «свой — чужой». С точки зрения билингвальной языковой ситуации внимание уделено изучению таких социальных практик, как детские игры, походы на рынок, обучение в школе, военная служба во времена СФРЮ.

Воеводинские венгры осознают свое особое положение внутри венгерского этноса. Определенный набор признаков отличает их от венгров в самой Венгрии (разное историческое развитие после окончание Первой мировой войны, распространенный венгерско-сербский билингвизм, заимствованные лингвистические и культурные элементы от соседних народов). Сохранение и возрождение собственных традиций способствует консолидации воеводинских венгров и одновременно противопоставляет их другим народам края. Вместе с тем внутри самой Воеводины отмечаются близость местных венгров к автохтонным сербам и противопоставление мигрантам-славянам из других регионов стран бывшей Югославии. В последнее время в некоторых районах края (в частности, в Темерине) фиксируются этнокультурные конфликты между венграми и сербами.

На уровне языка идентичность воеводинских венгров проявляется во владении как венгерским, так и сербским языком. По этому признаку венгры противопоставлены друг другу: с одной стороны, выделяется группа, которая владеет сербским языком, с другой стороны, существуют венгры, не владеющие сербским либо владеющие

им в редуцированной форме. Чаще всего происходит противопоставление по территориальному признаку: Южная Бачка и Банат противопоставлены Северной Бачке. Помимо географического фактора на усвоение сербского языка влияют внутрисемейные отношения (межнациональные браки), уровень образования, тип образования (язык преподавания), профессиональная деятельность, гендерные характеристики, социальное окружение.

В венгерском языке много локальных диалектизмов, а также калек и заимствований из сербского языка, которые оказываются непонятными венграм из соседней Венгрии. Сербский же язык венгров неоднороден. Как было сказано выше, владение языком зависит от многих факторов. В основном встречаются отклонения от нормы в тех сферах, где отсутствуют параллели с венгерской грамматической системой (согласование по роду, возвратные глаголы). Часто информанты действуют по аналогии с сербским языком (например, все слова на согласный будут отнесены к мужскому роду, а слова на *–а* — к женскому).

Для венгров, проживающих в условиях этнокультурного соседства с сербами, другими народами, в частности в Нови-Саде, характерно разграничение времени на «сейчас» и «тогда», для которого была характерна бóльшая гомогенность венгерского населения, бóльшая сохранность венгерского языка, патриархального устоя жизни и культурных традиций[1]. Проанализированы воспоминания информантов о «прошлой» языковой ситуации. Отмечено, что изменения в урбанистике, демографии воспринимаются воеводинскими венграми как причина трансформации и языковой ситуации. Само пространство меняется с течением времени, однако культурные доминанты, важные для реализации собственной идентичности, сохраняются (культовые сооружения, культурно-образовательные учреждения). Установлено, что информанты создают «ментальные карты» «своего» и «чужого» пространства. Этнодемографический состав районов и населенных пунктов воспринимается ими в «пуристических» терминах, в которых описывается и собственный язык, подверженный влияниям извне (смешанный, нечистый). Ностальгический дискурс отмечается у представителей старшего поколения.

[1] Ср. с выводами о разграничении понятий «тогда» и «сейчас» в работе М. Илич «Discourse and Ethnic Identity» (Дискурс и этническая идентичность) [Ilić 2014, 272].

Рассмотрены также случаи утраты языка и языковые стратегии, реализуемые информантами в нарративах. Речь идет о случаях, когда венгерский язык приобретает редуцированную форму, когда мы можем говорить о намечающейся тенденции смены языка, реализуемой в полной мере если не у самих информантов, то, по всей видимости, у их потомков. Отметим, что смена языка может происходить как в одну, так и в другую сторону, чему есть примеры в собранных нами нарративах.

Венгры противопоставлены окружающим народам по языку (венгерский относится к угорской группе финно-угорской семьи языков). Однако в культурном отношении они тяготеют к центрально-европейскому ареалу (словенцы, хорваты, словаки) и имеют общие культурные черты с соседними славянскими народами, исповедующими христианство западного образца, о чем свидетельствуют данные по календарной обрядности. Вместе с тем прослеживаются отдельные черты влияния сербского окружения в духовной культуре воеводинских венгров.

Таким образом, идентичность воеводинских венгров строится по принципу противопоставления. С точки зрения этничности венгры составляют часть единого венгерского этноса, изолированного в данной части Европы от родственных финно-угорских народов. Если рассматривать культурно-историческую перспективу, то венгры тяготеют к центрально-европейскому ареалу (куда они входят вместе с окружающими их славянскими народами Pax Latina). Однако вследствие культурно-исторических и социально-экономических причин воеводинские венгры выделяются из общего венгерского этноса и противопоставляются остальным группам венгров, проживающим в других странах (например, информанты фиксируют различия в речи венгров, проживающих в Сербии, и венгров, проживающих в Венгрии, и признают за последними бóльшую «чистоту» языка, в чем мы усматриваем особый пуристический дискурс).

Венгры четко противопоставляют себя другим народам Воеводины по своему этническому происхождению. Однако для них характерны и внутригрупповые различия, которые выделяются по нескольким причинам:

а) различия обусловлены разными по времени и месту происхождения волнами миграций (так, венгры-палоцы противопоставлены венграм-секеям из Буковины);

б) различия, обусловленные диалектными особенностями, существующими в той или иной местности (часто упоминаемое информантами и фиксируемое нами явление *ö-zés*);

в) различия, обусловленные конфессиональной принадлежностью (католики и реформаты);

г) кроме того, район проживания и степень межэтнического взаимодействия противопоставляют венгров из районов гомогенного проживания венграм, проживающим в смешанной или доминантно сербской среде. Основным маркером здесь оказывается владение сербским языком и степень языкового «смешения» (представления о «чистом» и «испорченном» венгерском языке обратно пропорциональны представлениям об уровне компетенции в сербском языке).

С другой стороны, венгры противопоставлены мигрантам славянского происхождения из других регионов и стран бывшей Югославии (добровольцы, колонисты, беженцы) и объединяются по этому принципу с сербами-старожилами, что выходит за этнические рамки.

Все перечисленные элементы идентичности отражаются на языковом уровне, что видно при анализе нарративов информантов. Существование этнофолизмов, анекдотов о венграх, пародирование «чужой речи», наличие контактных и диалектных элементов в речи, факты заимствования и переключения кода, другие языковые стратегии, которые реализуются индивидом, свидетельствуют о неоднородности группы воеводинских венгров. Многие из лингвистических характеристик лежат в основе их внутригруппового членения.

Литература

Агапкина 2004 — *Агапкина Т.* А. Масленица // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 194–199.

Агапкина 2004а — *Агапкина Т.* А. «Обливанный» понедельник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 454–455.

Багдасаров 2004 — *Багдасаров А.* Р. Хорватский литературный язык второй половины XX века. М.: ВТИ.

Бахтин 2000 — *Бахтин М.* М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука.

Белл 1980 — *Белл Роджер Т.* Социолингвистика. М.: Международные отношения.

Белова 2005 — *Белова О.* В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: Индрик.

Белова 2011 — *Белова О.* В. Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Витебщины) // Беларускае Падзвінне: Вопыт, методыка, і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследавянняў. Частка 2. Наваполацк ПДУ, 130-136

Бондаренко 2015 — *Бондаренко Е.* Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.

Босић 1996 — *Босић М.* Годишњи обичаји Срба у Војводини. Нови Сад: Прометеј.

Валенцова 2004 — *Валенцова М.* М. Люция // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 158–162.

Валенцова 2014 — *Валенцова М.* М. Календарная обрядность в с. Остурня словацкого Замагурья // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2012–2014. Вып. 3. Сб. статей. М.: Институт славяноведения. 199–222.

Ващенко 2014 — *Ващенко Д.*Ю. Этнолингвистические материалы из села Шашка (западная Венгрия) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2012–2014. Вып. 3. Сб. статей. М., Институт славяноведения. 278–306.

Вепрева 2005 — *Вепрева И.*Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.

Виноградова 1995 — *Виноградова Л.*Н. Адвент // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 94–96.

Виноградова, Плотникова 2009 — *Виноградова Л.Н., Плотникова А.*А. Ряжение // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009, 519–525.

Виноградова, Толстая 1999 — *Виноградова Л.Н., Толстая С.*М. Ивана Купала // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 363–368.

Волков 2016 — *Волков В.В.* Идентичности этнических меньшинств как объект анализа в Латвии в 1991–2014 гг. // Европа меньшинств — меньшинства в Европе: Этнокультурные, религиозные и языковые группы / отв. ред. и сост.: М.Е. Кабицкий, М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 9–42.

Габрић-Молнар 2007 — *Габрић-Молнар И.* Перспектива — Деградација или интеграција (виталне карактеристике и услови образовања војвођанских Мађара) // Положај националних мањина у Србији. Београд. 505–516.

Гавриловић 2007 — *Гавриловић Љ.* Живот у новој средини: балканска избегличка прича // Култура у трансформацији. Зборник Етнографског института САНУ, 23, Београд, 63–92.

Гроздова 1973 — *Гроздова И.*Н. Венгры // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX века. Зимние праздники. М., 190–203.

Гудков 1999 — *Гудков В.П.* О феномене литературного языка в свете истории литературного языка у сербов // Славистика. Сербистика. Сборник статей. М.: Издательство МГУ, 73–84.

Дрљача 2011 — *Дрљача Д.* Истрајавање у завичајном идентитету: Секељи (Секуљци) из Ердеља у Војловици код Београда (1883–2008) // Етнографија Срба у Мађарској. Будимпешта, 225–236.

Ђере 2004 — *Ђере З.* Скица промена етничког састава становништва на тлу данашње Војводине 1526–1910. Године // Истраживања 15, 105–123.

Ђурић-Миловановић 2015 — *Ђурић-Миловановић А.* Двоструке мањине у Србији. О посебностима у религији и етницитету Румуна у Војводини. Балканолошки Институт САНУ. Београд.

Даль 1993 — *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., Т. 1–3.

Дёмётёр 1977 — *Дёмётёр Т.* Венгры // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX века. Весенние праздники. М., 189–201.

Дёмётёр 1978 — *Дёмётёр Т.* Венгры // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX века. Летне-осенние праздники. М., 164–173.

Ермакова 2014 — *Ермакова М.И.* Серболужицкая идентичность: основные этапы развития и современное состояние // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга 1. М., 45–81.

Ермолин 2015 — *Ермолин Д.С.* Приштина как разделенный город // Антропологический форум 25, СПб., 42–68.

Журавлев 2016 — *Журавлев А.Ф.* Эволюции смыслов. М.

Земская 1979 — *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык.

Ивић 1956 – *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод у штокавско наречје. Нови Сад.

Ивић 1971 — *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд.

Йоргенсен, Филлипс 2008 — *Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр.

Костанди 2011 — *Костанди Е.И.* Иноязычные вкрапления в разговорной речи диаспоры // Humaniora: Slavica Tartuensia IX. Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков. К 70-летию проф. А.А. Дуличенко. Тарту, 409–419.

Костанди 2015 — *Костанди Е.И.* Специфика дискурсивных практик в ситуации языковых контактов // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 29–40.

Кукаренко 2016 — *Кукаренко Н.Н.* Билингвизм детей-иммигрантов в Норвегии // Европа меньшинств — меньшинства в Европе: Этнокультурные, религиозные и языковые группы / отв. ред. и сост.: М.Е. Кабицкий, М.Ю. Мартынова. М.: ИЭАРАН, 94–110.

Кулешова 2015 — *Кулешова М.Л.* Пейоративные названия лиц как компонент лексико-семантической категории персональности в словенском и сербском языках: дис. ... канд. филол. наук по спец. 10.02.03, М.

Карасик 2002 — *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена.

Карачківський 1929 — *Карачківський М.* Північно-Східна Балтщина // Історично-географічний збірник. Київ, т. 3.

Крейдлин 2002 — *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. М.

Лотман 2002 — *Лотман Ю.М.* Статьи по русской семиотике культуры и искусства. Спб.

Лотман 2002а — *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.

Марјановић 2008 — *Марјановић В.* Маске, маскирање и ритуали у Србији. Београд.

Надь Абони 2013 — *Надь Абони М.* Взлетают голуби. Перевод на русский язык — Ю.П. Гусев. М.

Недељковић 2009 — *Недељковић М.* Српски обичајни календар за просту 2010. годину. Београд: Чин.

Нещименко 2003 — *Нещименко Г.* П. Языковая ситуация в славянских странах. М.: Наука.

Николаева 2012 — *Николаева Т.* М. О чем рассказывают нам тексты? М.: ЯСК.

Крупа, Ондрейович 2014 — *Крупа В., Ондрейович С.* К проблеме взаимосвязи языка и идентичности (с учетом данных словацкого языка) // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга 1. М., 99–133.

Перотто 2015 — *Перотто М.* Морфосинтаксические и нарративные трудности в речи русскоязычных детей-билингвов в Италии // Вестник Череповецкого государственного университета, 2, 97–101.

Пилипенко 2010 — *Пилипенко Г.* П. Функционирование сербского языка воеводинских венгров (с учетом словенского языка прекмурских венгров и порабских словенцев): автореф. дис. ... канд. филол. наук по спец. 10.02.03. М.

Пилипенко 2011 — *Пилипенко Г.* П. Сербский язык воеводинских венгров (с учетом функционирования словенского языка прекмурских венгров и порабских словенцев). Саарбрюкен.

Пилипенко 2012а — *Пилипенко Г.* П. О диалектных включениях в сербской речи венгров Воеводины // Исследования по славянской диалектологии 15: Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М., 267–275.

Пилипенко 2012б — *Пилипенко Г.* П. Некоторые аспекты изучения словенской речи прекмурских венгров // Slovenica II. Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. М., 251–257.

Пилипенко 2013а — *Пилипенко Г.* П. Венгерский язык в Закарпатье: социолингвистическая ситуация // Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд. Урал, Алтай тіллеріне паза чоннарына пӳкӳле тиңнестірігліг көріс. Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения финно-угроведа и алтаиста М.-А. Кастрена (1813–1852). Абакан, 92–99.

Пилипенко 2013б — *Пилипенко Г.* П. Межкультурный и социолингвистический аспекты миграций в Словении // Славяноведение, 6, 3–20.

Пилипенко 2014а — *Пилипенко Г.* П. Венгры в словенском Прекмурье // Материалы 43 Международной филологической научной конференции 11–16 марта 2014 г. Уралистика / под. ред. доц. Н. Н. Колпаковой. СПб.: Филологический факультет СпбГУ, 57–65.

Пилипенко 2014б — *Пилипенко Г.* П. Второязычная речь закарпатских венгров: социолингвистический и структурный аспект // Українсько-угорські міжновні контакти: минуле і сучасність. Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene. Ужгород, 246–265.

Пилипенко 2014в — *Пилипенко Г.* П. Маркеры идентичности славян-мусульман Санджака // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность / отв. ред. Е. С. Узенева. М.: ИСл РАН, 63–96.

Пилипенко 2015а — *Пилипенко Г.* П. Контактные особенности в языке венгров города Нови-Сад // Материалы 44-й Международной филологической научной конференции 11–16 марта 2014 г. Уралистика / под. ред. доц. Н. Н. Колпаковой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 76–82.

Пилипенко 2015б — *Пилипенко Г.* П. Некоторые особенности билингвальных языковых ситуаций (на примере языковой ситуации воеводинских венгров и прекмурских венгров) // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга 2. М., 337–363.

Пилипенко 2015в — *Пилипенко Г.* П. Русский язык в среде закарпатских венгров // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы 13-го конгресса МАПРЯЛ. СПб., т. 2, 127–132.

Пилипенко 2015г — *Пилипенко Г.* П. Словенцы в провинции Триест: социолингвистическая и этнокультурная ситуация // Славянский альманах. М., 383–401.

Пилипенко 2015д — *Пилипенко Г.* П. Украинский язык у закарпатских венгров // Евразийская толерантность: формы и виды проявления в Казахстане. Астана, 134–139.

Плотникова 2004 — *Плотникова А.* А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик.

Плотникова 2012 — *Плотникова А.* А. Чеснок // // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 5. М., 529–532.

Плотникова 2016 — *Плотникова А.* А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения.

Попис 2013 — Попис становништва, домаћинстава и станова 2011. у Републици Србији. Национална припадност. Подаци по општинама и градовима. Београд, 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/Popis2011/Nacionalna%20pripadnostthnicity.pdf (21.01.2016).

Попова 1986 — *Попова Т.* П. Сербскохорватский язык. М.: Высшая школа.

Поповић 1959 — *Поповић Д.* Срби у Војводини. Нови Сад.

Прелић 1995 — *Прелић М.* Срби у селу Ловри у Мађарској током XX века. Budapest: Српски демократски савез.

Радић, Милорадовић 2009 — *Радић Ј., Милорадовић С.* Српски језик у контексту националних идентитета // Јужнословенски филолог. LXV, 153–179.

Речник 1–6. Речник српскохрватскога књижевног језика. Београд. Књ. 1 А–Е. Нови Сад-Загреб, 1967; Књ. 2 Ж–К (косиште). Нови Сад-Загреб, 1967; Књ. 3 К (косјерић) — О (огранути). Нови Сад-Загреб, 1969; Књ. 4 О (ограшје) — П (претња). Нови Сад, 1971; Књ. 5 П (претовар) — С (стоти). Нови Сад, 1973; Књ. 6 С (стотина) — Ш. Нови Сад, 1976.

Решетов, Бурыкин 2010 — *Решетов А. М., Бурыкин А.* А. Н. Я. Бичурин о китайско-русских языковых контактах и русско-китайском «пиджине» // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 182–186.

РСГВ — Речник српских говора Војводине. 1–10, 2000–2012, Нови Сад.

Седакова 2008 — *Седакова И.* А. Русская речь в балканском окружении // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 203–222.

Сикимић 2004а — *Сикимић Б.* Скривене мањине // Скривене мањине на Балкану. Ур. Биљана Сикимић. Балканолошки Институт САНУ. Београд, 7–10.

Сикимић 2004б — *Сикимић Б.* Тај тешко да гу има по књиге, Лицеум 8. Избегличко Косово (Ур.) Б. Сикимић, Крагујевац, 31-69.

Сикимић 2016 — *Сикимић Б.* Обредна јела у Војводини и Поморишју приликом клања свиња. Савремена теренска истраживања // Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Teil 1. Славянская духовная культура: этнолингвистические и филологические исследования. Часть 1. Frankfurt am Main [u.a.], 2016, 157–180.

Сикимич 2014 — *Сикимич Б.* Запланированные цели и реальные результаты: полевая работа группы сотрудников Института балканистики САНУ // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. 2012–2014. Вып. 3 / отв. ред. А. А. Плотникова. Институт славяноведения М., 31–69.

Сироткин 2000 — *Сироткин В.* М. Общественный быт, 341–367 // Украинцы. М.: Наука.

Соболев 2013 — *Соболев А.* Н. Западные Балканы: пограничные микрорегионы Дебар и Голо Бордо // Голо Бордо, Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / под ред. А. Н. Соболева и А. А. Новика. Наука. Санкт-Петербург, Verlag Otto Sagner München, 17–31.

Тичер, Мейер, Водак, Веттер 2009 — *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр.

Толстая 1998 — *Толстая С.* М. Магические способы распознавания ведьмы // Studia Mythologica Slavica, 1, 141–153.

Толстой 2013 — *Толстой Н.* И. Язык и культура // Толстые Н. И. и С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории М.: Инслав, 7–18.

Ћирковић 2012 — *Ћирковић С.* Стереотип времена у дискурсу расељених лица са Косова и Метохије, Београд: Балканолошки институт САНУ.

Усачева 2008 — *Усачева В.* В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М.: Институт славяноведения.

Хентшель 2015 — *Хентшель Г.* Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): восемь вопросов и ответов // Языковой контакт: сб. науч.статей. Минск, 171–185.

Хинрикус, Паклар (сост.) 2005 — *Хинрикус Р., Паклар В.* Расскажи о своей жизни: жизнеописания эстоноземельцев. Таллинн: Aleksandra.

Цивьян 2008 — *Цивьян Т.* В. Язык: тема и вариации: избранное: в двух книгах. М.: Наука. Книга 1.

Чиркова 1997 — *Чиркова О.* А. Поэтика современного народного анекдота: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М.

Черничко, Фединець 2014 — *Черничко С., Фединець Ч.* Наш місцевий Вавилон. Історія мовної політики на території сучасного Закарпаття у першій половині XX століття (до 1944 року). Ужгород.

Чмейркова 2006 — *Чмейркова С.* Речь и конструирование идентичности носителей языка // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга 1. М., 82–98.

Штайнке 2014 — *Штайнке К.* Конфликт языка и идентичности (на примере славянских меньшинств в Албании, Болгарии, Греции, Польше и Румынии) // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга 1. М., 219–233.

Шушарин 1997 — *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. М.

Якобсон 1996 — *Якобсон Р.* Язык и бессознательное. М.

Ясинская 2014 — *Ясинская М.В.* Современное состояние народной демонологии на польском Спише // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2012–2014. Вып. 3. Сб. статей. М.: Институт славяноведения. 181–199.

Ács 1986 — *Ács Z.* Nemzetiségek a törtenelmi Magyarországon. Budapest.

Andrić 2002 – *Andrić E.* A vajdasági magyar diákok nyelvi hibáiról // Hungarológiai közlemények. Újvidék, 4, 48–59.

Andrić 2004 — *Andrić E.* Iskoláskori kétnyelvűség Vajdaságban // Mi ilyen nyelvben élünk. Szabadka, 249–269.

Andrić 2009 — *Andrić E.* Dvojezičnost mađarskih đaka u Vojvodini // Višejezički svet Melanije Mikeš, P. Vlahović, R. Bugarski, V. Vasić (ur.). Novi Sad: Filozofski fakultet: Društvo za primenjenu lingvistiku Srbije, 37–55.

Arsenijević 2001 — *Arsenijević N.*, Gramatička kategorija roda u mađarsko-srpskom dvojezičju // Dissertationes Slavicae, Sectio linguistica XXV. Szeged. 197–205.

Auer 1999 — *Auer P.* From codeswitching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech // International Journal of Bilingualism. Volume 3. Number 4. December 1999, 309–332.

Backhaus 2007 — *Backhaus P.* Linguistic Landscapes. A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon–Buffalo–Toronto: Multilingual Matters Ltd.

Balaša 2009 — *Balaša V.* Apatinski Nemci: etnička revitalizacija jedne skrivene manjine // Antropologija, 8, 129–144.

Balogh, Fodor, Hegedűs, Juhász, Kiss 2001 — *Balogh L., Fodor K., Hegedűs A., Juhász D., Kiss J.* Magyar dialektológia. Kiss J. (szerk.), Budapest: Osiris Kiadó.
Balla, Buljanović, Ilić 2012 — *Balla M., Buljanović S., Ilić M.* Domains of Hungarian language use in Belgrade // Jezikoslovlje 13.2. Osijek, 565–583.
Bárczi 1975 — *Bárczi G.* A magyar nyelv életrajza. Budapest.
Bašić, Crnjanski 2006 — *Bašić G., Crnjanski K.* Politička participacija i kulturna autonomija nacionalnih manjina u Srbiji. Beograd: Centar za istraživanje etniciteta.
Benkő 1957 — *Benkő L.* Magyar nyelvjárástörténet. Budapest.
Bensa 2011 — *Stanka B.* Od Soče do Mure. Pot istrskih in primorskih beguncev. Pince Marof.
Besnier 2009 — *Besnier N.* Gossip and the everyday production of politics. University of Hawai'i Press, Honolulu.
Bjeljac, Lukic 2008 — *Bjeljac Z., Lukic V.* Migrations on the territory of Vojvodina between 1919 and 1948 // East European Quarterly, XLII, 1 March, 69–94.
Boarov 2006 — *Boarov D.* Ekonomski aspekti autonomije Vojvodine // Biblioteka Helsinške sveske. Br. 24 Vojvođanski identitet. Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji "Zagorac", Beograd, 25–33.
Bozoki 2006 — *Bozoki A.* Demografska kretanja i vojvođanski identitet // Biblioteka Helsinške sveske. Br. 24 Vojvođanski identitet. Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji "Zagorac", Beograd, 102–105.
Bucholtz, Hall 2008 — *Bucholtz M., Hall K.* Finding identity: Theory and data // Multilingua 27, 151–163.
Burzan 1984 — *Burzan M.* Interferencija u predikatu srpskohrvatske rečenice u jeziku učenika mađarske narodnosti. Novi Sad.
Cenoz, Gorter 2006 — *Cenoz J., Gorter D.* Linguistic Landscape and Minority Languages // International Journal of Multilingualism, 3, 1, 67–80.
Chinellato 2013 — *Chinellato A.* Caracas, ¿periferia lingüística? Un estudio de actitudes en la ciudad de Mérida // Lengua y habla, 17, Enero-diciembre, 225–236.
Clyne 2003 — *Clyne M.* Dynamics of Language Contact. Cambridge: Cambridge University Press.
Coluzzi 2009 — *Coluzzi P.* The Italian linguistic landscape: the cases of Milan and Udine // International Journal of Multilingualism, June, 1–15.
Csorba 2011 — *Csorba B.* Alsó-Bácska újratelepitéséről // Bácsország. Vajdasági közismereti szemle, 1, 56, 17-20.
Csuvik 2015 — *Csuvik G.* Morzsák a szerb-magyar vegyes kapcsolatok születéséről és természetéről // Tanulmányok a társadalomról, 1, II, 40–59.
Čudič 2003 — *Čudić M.* Prilog izučavanju mađarsko-srpskih jezičkih interferencija u Severnoj Vojvodini // Филолошки преглед. Број XXX/2. Београд, 187–205.
Demircay, Backus 2014 — *Demircay D., Backus A.* Bilingual constructions // Dutch Journal of Applied Linguistics, 3, 1, 30–44.

Dong, Blommaert 2009 — *Dong J., Blommaert J.* Space, scale and accents: Constructing migrant identity in Beijing // Multilingua 28, 1–24.
Dragin 2012 — *Dragin A.* Medijsko izveštavanje o incidentima u Temerinu (Ankica Dragin) // Vojvođanski učenici o diskriminaciji. Novi Sad, 56–88.
Dragin 2015 — *Dragin A.* Životna priča kao metod beleženja rodnih aspekata istorije žena: Mađarica sa Telepa. Novi Sad: Magyar Szo.
Duranti 1997 — *Duranti A.* Linguistic Anthropology, Cambridge.
Đorđević 2004 — *Đorđević K.* Configuration sociolinguistique**,** nationalisme et politique linguistique**.** Le cas de la Voïvodine**,** hier et aujourd'hui. Paris.
Elizabeth 2015 — *Elizabeth R.* The impact of social factors on the use of Arabic-French code-switching in speech and IM in Morocco Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. The University of Texas at Austin.
Érdujhelyi 2002 — Érdujhelyi M. Újvidék törtenete, 1894, Újvidék: Agapé.
Fuller 2009 — *Fuller J.* M. Research notes 'Sam need gun go war': Performances of non-Standard English in the construction of identity // *Journal of Sociolinguistics* 13/5, 659–669.
Gábrity 2012 — *Gábrity E.* 'But ever since so to say I have taken over the proper words ... so to say I have no problems': Language Ideologies of Vojvodina Hungarian Migrants and Commuters from Serbia to Hungary // Zbornik za jezike i književnosti Filozofskog fakulteta u Novom Sadu. Knjiga II. Novi Sad, 193–206.
Galambos 2008 — *Galambos T.* Szélelykeve (Skorenovac). A falu története. LOPress 2008.
Galasiński, Galasińska 2005 — *Galasiński D., Galasińska A.* Untold stories and the construction of identity in narratives of ethnic conflict on the Polish-German border // Multilingua 24, 101–120.
Garrett, Coupland, Williams 2003 — *Garrett P., Coupland N., Williams A.* Investigating language attitudes: Social meanings of dialect, ethnicity and performance. Cardiff: University of Wales Press.
Göncz 1999 — *Göncz L.* A magyar nyelv Jugoszláviában (Vajdaságban). Budapest — Újvidék.
Göncz 2004 — *Göncz L.* A vajdasági magyarság kétnyelvűsége. Nyelvpszichológiai vonatkozások Szabadka.
Gumperz 1982 — *Gumperz J.* J. Discourse Strategies, Cambridge, Cambridge: University Press.
Hadrovics 1985 — *Hadrovics L.* Ungarishe Elemente im Serbokroatischen. Budapest.
Harner 2001 — *Harner J.* Place identity and copper mining in Sonora, Mexico. Annals of the Association of American Geographers 91, 4, 660–680.
Hegyi 2011 — *Hegyi K.* Török uralom Bácsországban // Bácsország. Vajdasági közismereti szemle, 2, 57, 2–5.

Hymes 1964 — *Hymes D.* (ed.). Language in Culture and Society: A Reader in Linguistics and Anthropology. New York: Harper and Row.

Johnstone 2001 — *Johnstone B.* Discourse analysis and narrative // The Handbook of Discourse Analysis. Schiffrin, Deborah, Deborah Tannen and Heidi E. Hamilton (eds.) Oxford: Blackwell Publishing, 635–649.

Jones, Morris 2009 — *Jones K., Morris D.* Issues of gender and parents' language values in the minority language socialisation of young children in Wales // International Journal of the Sociology of Language. 195, 117–139.

Iannàccaro, Dell'Aquila 2001 — *Iannàccaro G., Dell'Aquila V.* Mapping languages from inside: notes on perceptual dialectology // Social & Cultural Geography, Vol. 2, 3. 265–280.

Ilić 2009 — *Ilić S.* Srbija između multietničnosti i multikulturnosti // Migracijske i etničke teme 25, 4, 363–386.

Ilić 2010 — *Ilić A.* V. Navigating Two Worlds: The Role of Religious Communities in Preserving the Identity of Hungarians in Vojvodina (Serbia) // Politics and Religion, 3, 303–326.

Ilić 2014 — *Ilić M.* Discourse and Ethnic Identity. The Case of the Serbs from Hungary. Berlin-Munich: Otto Sagner Verlag.

Ivanović 2012 — *Ivanović V.* Geburtstag pišeš normalno Jugoslovenski gastarbajteri u Austriji i SR Nemačkoj. Beograd.

Janjetović 2005 — *Janjetović Z.* Deca careva, pastorčad kraljeva: nacionalne manjine u Jugoslaviji 1918–1941. Beograd.

Kakuk 1973 — *Kakuk S.* Recherches sur l'histoire da la langue osmanlie des XVI et XVII siècle. Les elements osmanlis de la langue hongroise. Budapest.

Kálmán 1977 — *Kálmán B.* Nyelvjárásaink. Budapest.

Katona 1996 – *Katona E.* Interferencia-jelenségek mérése a vajdasági magyar nyelvhasználatban // Kétnyelvűség és magyar nyelvhasználat Budapest, 225–233.

Kaučič-Baša 2007 — *Kaučič-Baša M.* Ohranjane slovenščine med Slovenci na Tržaškem // Živeti mejo. Zbornik Slavističnega društva Slovenije 18. Ur Miran Košuta. Slavistično društvo Slovenije, Trst, 193–209.

Kicošev 2006 — *Kicošev S.* Demografski aspekti vojvođanskog identiteta // Biblioteka Helsinške sveske. Br. 24 Vojvođanski identitet. Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji "Zagorac", Beograd, 18–24.

Kincses Nagy 2011 — *Kincses Nagy É.* Cebimde çok küçük elma var — A magyar nyelv török jövevényszavai // Bácsország. Vajdasági közismereti szemle, 2, 57, 53–59.

Kiss 2011 — *Kiss Zs. É.* Language Policy and Language Ideologies in Szekler Land (Rumania): A Promotion of Bilingualism? // Multilingua: Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication, 30, 2, 221–264.

Kosic 2012 — *Kosic M.* Identity Matters: Strategies for coping with ethnic identity threats among Slovene minority adolescents in Italy // Treatises and Docements. Journal of Ethnic Studies. December 2012, 66–88.

Kossa 1978 — *Kossa J.* A mi nyelvünk. Újvidék: Forum.
Koufogiorgou 2008 — *Koufogiorgou A.* When a dying language becomes a *lingua franca* // Multilingua 27, 231–253.
Kovácz Rácz 2011 — *Kovácz Rácz E.* Nyelvi attitűdök a vajdasági magyarság körében. Újvidék: Bölcsészéttudományi Kar, Magyar nyelv és irodalom tanszék.
Kulas 2014 — *Kulas P.* Narracja jako przedmiot badań oraz kategoria teoretyczna w naukach społecznych // Kultura i społeczeństwo, Polska akademia nauk, nr 4. 111–130.
Meyer 2001 — *Meyer J-B.* Network approach versus brain drain: Lessons from the diaspora // International Migration, 39, 91–108.
Muškinja 2012 — *Muškinja O.* Uvod. Rezultati istraživanja // Vojvođanski učenici o diskriminaciji. Novi Sad, 4–55.
Laihonen 2005 — *Laihonen P.* Multilingualism and Language Ideologies in the Rumanian Banat. Hungarian Studies [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://jyx.jyu.fi/dspace/bitstream/handle/123456789/8414/URN_NBN_fi_jyu-2006326.pdf?sequence=1 (21.01.2016).
Laihonen 2008 — *Laihonen P.* Language ideologies in interviews: A conversation analysis approach // Journal of Sociolinguistics 12/5, 668–693.
Lam 2009 — *Lam Y.* The straw that broke the language's back: language shift in the upper Nexaca valley of Mexico // International Journal of the Sociology of Language. 195, 219–233.
Láncz 2004 — *Láncz I.* A lexikai interferencia és a vajdasági magyar nyelv kontaktusváltozata // Tanulmányok. Újvidék, № 37, 101–109.
Lanstyák, Szabómihály 1997 — *Lanstyák I., Szabómihály G.* Magyar nyelvhasználat. Iskola. Kétnyelvűség. Pozsony: Kalligram.
Láphaft, Németh, Reményi 2014 — *Láphaft Á., Németh Á., Reményi P.* Ethnic diversity and polarization in Vojvodina // Hungarian Geographical Bulletin 63 (2), 135–157.
Laundry, Bourhis 1997 — *Laundry R., Bourhis R.Y.* Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // Journal of Language and Social Psychology, 16, 1, 23–49.
Lehocki-Samardžić 2016 — *Lehocki-Samardžić A.* A magyar déli nyelvjárások nyomai a horvátországi magyarok nyelvhasználatában // Értékek és kihívások. A 2015. március 26–28. között Beregszászon a nyelvi és kulturális sokszínűség Kelet-Közép-Európában: érték és kihívások című konferencián elhangzott előadások anyagai. I. kötet. Nyelvtudomány. Ungvár: Autdor-Shark. 122–129.
Le Page, Tabouret-Keller 1985 — *Le Page R.B., Tabouret-Keller A.* Acts of identity: creole-based approaches to language and ethnicity, Cambridge.
Lüdi 2004 — *Lüdi G.* Code-Switching // Sociolinguistics. Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society. Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft. (Ed.) U. Ammon,

N. Dittmar, K. J. Mattheier, P. Trudgill. Volume 1. Walter de Gruyter, Berlin-New York. 341–350.

Lytra 2007 — *Lytra V.* Teasing in contact encounters: Frames, participant positions and responses // Multilingua, 26, 381–408.

Majtanova, Abdul Jabar 2014 — *Majtanova M., Abdul Jabar M.* A. Language and Identity: The Impact of a Multilingual Environment on the Personal Identity among German Mother Tongue Speakers Living in Malaysia // Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities, 22, 1, 233–256.

Meisel 2009 — *Meisel J.* M. Revisiting Child Second Language Acquisition: Rejoinder to Commentaries // Zeitschrift für Sprachwissenschaft 28, 107–120.

Mirnics 1993 — *Mirnics K.* Kisebbségi sors, Fórum Könyvkiadó, Novi Sad.

Mirnics 1994 – *Mirnics K.* Kétnyelvűség a vajdasági vegyesházasságokban // Régió, Budapest № 5/4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://epa.oszk.hu/00000/00036/00020/pdf/08.pdf (21.01.2016).

Molnár Csikós 2003 — *Molnár Csikós L.* A vajdasági magyar nyelv rétegei // Hungarológiai Közlemények, 2, Újvidék, 82-88.

Molnár Csikós 2016 — *Molnár Csikós L.* Vajdasági helységnévrendezés a XXI. században // Értékek és kihívások. A 2015. március 26-28. között Beregszászon a nyelvi és kulturális sokszínűség Kelet-Közép-Európában: érték és kihívások című konferencián elhangzott előadások anyagai. I. kötet. Nyelvtudomány. Ungvár: Autdor-Shark. 145–165.

Morrow 2007 — *Morrow S.* L. Qualitative research in counseling psychology: conceptual foundations // The Counseling psychologist, 35, 209–235.

Myers 2006 — *Myers G.* 'Where are you from?': Identifying place // Journal of Sociolinguistics, 10, 3, 320-343.

Navidinia 2010 — *Navidinia H.* SLA research in mostmethod era: Neglects, misunderstandings, and alternatives // International Journal of Language Studies, Vol. 4(2), 139–152.

Pavlović 2003-2004 — *Pavlović D.* Zastupljenost etničkih manjina u predstavničkim telima // Habitus, 9–10, 139–146.

Penavin — *Penavin O.* Néhány szó a jugoszláviai Bánát magyar nyelvjárási atlaszáról, 521–528 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // https://edit.elte.hu/xmlui/bitstream/handle/10831/9906/Benk%20%20Eml%E9kk%F6nyv%20091.pdf?sequence=1 (21.01.2016).

Penavin 1972 — *Penavin O.* A szerémségi magyar szigetek nyelve. Nyelvtudományi értekezések. Budapest.

Penavin 1988 — *Penavin O.* Bácskai magyar nyelvjárási atlasz. Újvidék: Magyar Nyelv, Irodalom és Hungarológiai Kutatások Intézete.

Penavin 1995 — *Penavin O.* A jugoszláviai Bánát magyar nyelvjárási atlasza. Kanizsa: Cnesa.

Petrović 2009 — *Petrović T.* Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd: Balkanološki Institut.

Petrovic 2010 — *Petrovic T.* Nostagia for the JNA: Remembering the Army in the former Yugoslavia Post-Communist Nostalgia, (ed.) M. Todorova, Zs. Gille. New York — Oxford: Berghahn Books, 61–81.

Petrović 2012 — *Petrović T.* Contested Normality: Negotiating Masculinity in Narratives of Service in the Yugoslav People's Army // Negotiating Normality: Everyday Lives in Socialist Institutions, (ed.) D. Koleva. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 83–102.

Petsinis 2003 — *Petsinis V.* Vojvodina's National Minorities: Current Realities and Future Prospects // Spaces of identity, 3, 3, 7–32.

Petsinis 2008 — *Petsinis V.* Serbs and Ethnic Hungarians in Vojvodina: Ethnic Conflict Placed within a Framework beyond Groupism // Sociológia 40, 3, 258–276.

Pilipenko 2011 — *Pilipenko G.* Interferenčni pojavi v slovenskem jeziku prekmurskih Madžarov v primerjavi s srbskim jezikom vojvodinskih Madžarov // Meddisciplinarnost v slovenistiki. Obdobja 30. Ljubljana, 365–370.

Pilipenko 2014 — *Pilipenko G.* Russian language among Hungarians in Transcarpathian Region (Ukraine): Sociolinguistic Features // Empires and Nations from the Eighteenth to the Twentieth Century, Volume 1. (Ed.) A. Biagini, G. Motta. Cambridge Scholars Publishing, 169–181.

Pilipenko 2015 — *Pilipenko G.* Dvojezičnost v Prekmurju // Prekmurje — podoba panonske pokrajine. Ljubljana, 185–196.

Prelić 2009 — *Prelić M.* Istraživanje etničkih manjina: lična iskustva i dileme // Antropologija, 9, 41–54.

Puzigaća 2006 — *Puzigaća M.* Povezanost stavova Novosađana o nadležnostima Vojvodine sa poreklom i periodima doseljavanja u Vojvodinu // Biblioteka Helsinške sveske. Br. 24 Vojvođanski identitet. Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji "Zagorac", Beograd, 81–87.

Romaine 2004 — *Romaine S.* Language-Contact Studies // Sociolinguistics. Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society. Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft. (Ed.) U. Ammon, N. Dittmar, K.J. Mattheier, P. Trudgill. Volume 1. Walter de Gruyter, Berlin-New York, 49–58.

Samu 1971 — *Samu I.* A mai magyar nyelvjárások rendszere. Budapest.

Saville-Troike 2004 — *Saville-Troike M.* Anthropological Linguistics and the Ethnography of Speaking // Sociolinguistics. Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society. Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft. (Ed.) U. Ammon, N. Dittmar, K.J. Mattheier, P. Trudgill. Volume 1. Walter de Gruyter, Berlin-New York, 109–120.

Sikimić 2012 — *Sikimić B.* Migration and Identity // Historical, Cultural and Linguistic Dimensions of Mobility in the Balkans, (ed.) P. Hristov. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, Paradigma, 232–245.

Sikimić 2013 — *Sikimić B.* Izmedju dijalektologije i antropologije: bunjevačka terenska gradja // Bošnjaković Žarko, Sikimić Biljana. Bunjevci. Etnodijalektološka istraživanja 2009. Subotica — Novi Sad. Matica Srpska, BNS, 13–68.

Skok 1971 — *Skok P.* Etimološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, Knj. 1 A–J.

Skok 1972– *Skok P.* Etimološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, Knj. 2 K-poni.

Skok 1973 — *Skok P.* Etimološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, Knj. 3 poni-Ž.

Somers 1994 — *Somers M.* R. The narrative constitution of identity: a relational and network approach. Theory and Society, 23, 5, 605–649.

Stoianovich 1994 — *Stoianovich T.* Balkan Words, the First and Last Europe. London-New York: Taylor&Francis.

Stroud, Mpendukana 2009 — *Stroud Ch., Mpendukana S.* Towards a material ethnography of linguistic landscape: Multilingualism, mobility and space in a South African township // Journal of Sociolinguistics 13, 3, 363–386.

Szende 2009 — *Szende K.* Integration through Language: The Multilingual Character of Late Medieval Hungarian Towns // Segregation — Integration — Assimilation. Religious and Ethnic Groups in the Medieval Towns of Central and Eastern Europe. (Ed.) D. Keene, B. Nagy, K. Szende. Ashgate, 205–233.

Šimon Vuletić 2002 — *Šimon Vuletić V.* Identitet ljudi u multietničkim porodicama u Subotici // Museion 2. Subotica, 45–101.

Tabouret-Keller 1998 — *Tabouret-Keller A.* Language and Identity // (Ed.) Coulmas F. *The Handbook of Sociolinguistics* Cambridge/ Oxford: Blackwell, 315–326.

Thomas 1982 — *Thomas A.* R. Change and decay in language // Linguistic controversies: Essays in linguistic theory and practice in honour of F. R. Palmer. (Ed.) D. Crystal. London: Edward Arnold, 209–219.

Thomason, Kaufman 1988 — *Thomason S. G., Kaufman T.* Language contact, creolization and genetic linguistics, Berkeley.

Todorova 2009 — *Todorova M.* Imagining the Balkans. Oxford: Oxford University Press.

Tsitsipis 1998 — *Tsitsipis L.* A Linguistic Anthropology of Praxis and Language Shift: Arvanitika (Albanian) and Greek in Contact, Oxford: Oxford University Press.

Úri 2007 — *Úri F.* Telep // Enciklopedija Novog Sada, knjiga 28, Novi Sad.

Vajda 1976 — *Vajda J.* Padežne mesne i vremenske konstrukcije. Kontrastivna gramatika srpskohrvatskog i mađarskog jezika IV. Novi Sad.

Vavti 2012 — *Vavti Š.* Lebenswestliche Rahmenbedingungen und ihr Einflus auf die Selbstpräsentation in biografischen Erzälungen: Fallstudie Katja // Razprave in gradivo, Revija za narodnostna vprašanja, 67, April, Ljubljana, 52–73.

Verschik 2005 — *Verschik A.* Russian-Estonian language contacts, linguistic creativity, and convergence: New rules in the making // Multilingua 24, 413–429.

Vlahović, Bugarski, Vasić (ur.) 2009 — Višejezički svet Melanije Mikeš, P. Vlahović, R. Bugarski, V. Vasić (ur.). Novi Sad: Filozofski fakultet: Društvo za primenjenu lingvistiku Srbije, 37–55.

Wasserscheidt 2010 — *Wasserscheidt Ph.* Mehrsprachigkeit und Sprachwandel bei Ungarischsprechern im serbischen Banat // Christian Voss (ed.): Ottoman and Habsburg Legacies in the Balkans: Language and religion to the North and to the South of the Danube. München/Berlin: Otto Sagner, 197–246.

Wolf-Knuts 2014 — *Wolf-Knuts U.* "Would I Have Been Better Off There?" Comparison, Need and Conduciveness in Finish Emigrant's Account // Journal of Ethnology and Folkloristics, Volume 8, 1, Tartu, 3–22.

Zabrodskaja 2013 — *Zabrodskaja A.* Morphosyntactic contact-induced language change among young speakers of Estonian Russian // The Interplay of Variation and Change in Contact Settings. Ed. By I. Léglise, C. Chamoreau. Amsterdam-Philadelphia: Benjamins, 77–106.

Zentella 1997 — *Zentella A.* C. Growing up bilingual. Oxford: OUP.

Zvekić-Dušanović 2001 — *Zvekić-Dušanović D.* Infinitiv u srpskom i mađarskom jeziku // Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku. Novi Sad, № 1–2, 25–95.

Zvekić-Dušanović 2006 — *Zvekić-Dušanović D.* Prilog proučavanju semantičkih univerzalija na primeru mađarskih "potencijalnih glagola" // Susret kultura. Godišnjak Filozofskog fakulteta. Novi Sad, 427–436.

Научное издание

Глеб Петрович Пилипенко

ЯЗЫКОВАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ
ВОЕВОДИНСКИХ ВЕНГРОВ:
Взгляд «изнутри» и «извне»

Корректор *Е. Г. Закревская*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 01.09.2017. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 31,0
Тираж 500 экз. Заказ № 1037

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86